

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

**АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ**

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

СЕНТЯБРЬ
ОКТЯБРЬ N **5** (89)

МОСКВА 2013

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и
экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
2013. № 5. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Редакционно-издательский совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан);
д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону);
д.э.н., проф. В.Д. Базилевич (Украина); д.и.н., проф. И.В. Бестужев-Лада;
д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок;
д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский); д-р, проф. В. Драшкович (Черногория);
д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар); д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина);
к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый заместитель гл. редактора;
д.э.н., проф. О.В. Иншаков (Волгоград); д.э.н., проф. В.Я. Иохин;
д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза; д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев;
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.П. Колесов;
д.э.н., проф. В.И. Корняков (Ярославль); д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород);
д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия); д.э.н., проф. С.П. Макаров;
д.э.н., проф. А.З. Новак (Польша); д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., проф. А.А. Пороховский; д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров);
к.и.н., в.н.с. И.П. Смирнов; к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург);
д.ф.н., проф. Л.А. Тутов; д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина);
д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома); к.м.н. Е.В. Шелкопляс (Иваново);
д.э.н., проф. В. Шмидт (Германия), д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, заместитель гл. редактора;
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Научный редактор — *Е.С. Зотова*

Редактор — *Т.Г. Трубицына*

Художник — *Е.Ю. Осипова*

Оригинал-макет — *Л.Г. Полунина*

Компьютерная верстка — *Л.Г. Полунина, О.Б. Лемешонок*

Распространение — *И.А. Ольховая*

Научно-организационная работа — *А.А. Антропов, К.В. Молчанов, С.С. Нина,
С.Ю. Синельников, Т.С. Сухина*

**Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых
научных журналов и изданий**

Издается с участием Академии философии хозяйства

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ, III учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496,
e-mail: <eszotova@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>

http://www.econ.msu.ru/cd/311/, http://www.css.msu.ru, http://www.devec.ru.

Тираж 1000 экз.

Учредитель Общество с ограниченной ответственностью

«Инвестиционная компания БАРЕЛЬ»

тел. (499)515-3333, 8-800-333-2939 (звонок по России бесплатный), (495)710-2939.

www.barrel.ru

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2013 г.

Содержание

<i>Ю.М. Осипов</i> О евразийской (постсоветской) межгосударственной интеграции.....	7
Раздел I	
Философия хозяйства	
<i>Ф.И. Гиренок</i> Горизонты русской философии хозяйства.....	19
<i>В.К. Королев</i> Проблема «модернизации» человека в философии хозяйства: С.Н. Булгаков и Ю.М. Осипов	36
<i>И.Г. Шевченко</i> Блеск и нищета экономической мысли России	46
<i>Н.Б. Шулевский</i> Россия или экономика-хрематистика?	48
<i>А.В. Бузгалин</i> «Русский вопрос»: марксистский анализ (тезисы к дискуссии)	62
<i>М.А. Румянцев</i> Путь российского хозяйства и отечественная мысль.....	77
<i>А.В. Кузнецов</i> Свобода творчества против свободы потребительства: выбор за человеком.....	86
<i>Л.М. Ипполитов</i> Христианско-этическая концепция распределения доходов С.Н. Булгакова.....	95
<i>М.Р. Эляян</i> История философии хозяйства: фундаментальные технологии Китая	102
Раздел II	
Экономическая теория	
<i>С.А. Дятлов</i> Энтропийная экономика: методологический подход к исследованию	115
<i>В.С. Сизов</i> Новая экономика и ее региональные аспекты	139
<i>Н.В. Рассказова</i> Устойчивое развитие социально-экономической системы в контексте теории интересов	149
<i>А.В. Готного</i> Рентные механизмы воспроизводства будущего общества	159
<i>Г.С. Широкалова</i> Продовольственная безопасность России: как считать и что считать?	168
<i>А.А. Залетный</i> Человеческий потенциал управленца как экономического субъекта: факты, стереотипы, принципы.....	179
<i>Л.Д. Киянова, Е.В. Форост</i> Классификация регионов	187

Раздел III	
Актуальная философия	
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
О романтизме в XXI веке	197
<i>С.В. Сняков</i>	
Ценностно-мировоззренческие ориентиры истории.....	201
<i>А.А. Кравченко</i>	
Концепт ответственности в рефлексиях «циничного разума»	
Постмодернизма.....	214
<i>Э.А. Камалов</i>	
Свободно ли свободное время?	221
<i>Ж.Л. Океанская</i>	
Философское имяславие как продолжение Кирилло-Мефодиевского дела ...	227
Раздел IV	
Актуальная политология	
<i>И.В. Назаров</i>	
Украинско-российские отношения в контексте становления и кризиса восточнославянской православной цивилизации.....	233
<i>Т.В. Кремень</i>	
Украинская независимость: политическая апатия как результат деструкции идентичности	246
<i>С.В. Бирюков</i>	
Австрославизм: идея и наследие	254
Раздел V	
Рецензии и отклики	
<i>Н.И. Злыгостева</i>	
Берег с радостной пристанью (деревня в контексте русской культуры).....	267
<i>В.Я. Курбатов</i>	
Во имя	280
Научная жизнь	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Национальное богатство: феномен и трактовка	288
Наши авторы	300

Contents

<i>Yu.M. Osipov</i> About the Euroasian (Post-Soviet) Interstate Integration	7
---	---

Part I

Philosophy of Economy

<i>F.I. Girenok</i> Horizons of the Russian Philosophy of Economy	19
<i>V.K. Korolev</i> The Problems of a Man's Modernization Philosophy of Economy: S.N. Bulgakov and Y.M. Osipov	36
<i>I.G. Shevchenko</i> Shine and Poverty of Russian Economy Theory	46
<i>N.B. Shulevsky</i> Russia or the Economy-Chrematistics?	48
<i>A.V. Buzgalin</i> «Russian Question» in Marxist Political Economist Aye	62
<i>M.A. Rumyantsev</i> Way of the Russian Economy and Domestic Thought	77
<i>A.V. Kuznetsov</i> Freedom of Creativity Against Freedom of Consumerism: Choice of a Man	86
<i>L.M. Ippolitov</i> Christian Ethical Concept of the Income Distribution of S.N. Bulgakov	95
<i>M.R. Eloyan</i> History of Philosophy of Economy: Chinese Fundamental Technologies	102

Part II

Economic Theory

<i>S.A. Dyatlov</i> Entropy Economy: Methodological Approach to the Investigation	115
<i>V.S. Sizov</i> New Economy and Its Regional Aspects	139
<i>N.V. Rasskazova</i> Sustainable Development of the Social and Economic System in the Context of the Stakeholder Theory	149
<i>A.V. Gotnoga</i> Rent Mechanisms of Reproduction of a Future Society	159
<i>G.S. Shirokalova</i> Russia's Food Security: how to Consider and What to Consider?	168
<i>A.A. Zaletny</i> Human Potential of a Manager Acting in the Capacity of an Entity of Economy: Facts, Stereotypes, Principles	179
<i>L.D. Kiyanova, E.V. Forost</i> The Region Classification	187

Part III	
Actual Philosophy	
<i>F.I. Girenok</i>	
About Romanticism in XXI Centuries	197
<i>S.V. Sinyakov</i>	
Valuable World Outlook Reference Points of History	201
<i>A.A. Kravchenko</i>	
Concept of Liability in the Reflexes «Cynical Reason» of Postmodernism.....	214
<i>E.A. Kamalov</i>	
Whether Free Time is Free?.....	221
<i>Z.L. Okeanskaya</i>	
Philosophical Imyaslavie as a Continuation of the St. Cyril and Methodius Case.....	227
Part IV	
Actual Political Science	
<i>I.V. Nazarov</i>	
Ukraine-Russia Relations in the Context of Formation and Crisis of the Eastern Slavic Orthodox Civilization	233
<i>T.V. Kremen</i>	
The Independence of Ukraine: Political Apathy as a Result of Identity Destruction.....	246
<i>S.V. Biryukov</i>	
Austroslavism: Ideas and Heritage.....	254
Part V	
Reviews and Responses	
<i>N.I. Zlygosteva</i>	
The Coast with Joyful Pier.....	267
<i>V.Ya. Kurbatov</i>	
For the Sake of.....	280
Scientific Life	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
The National Wealth: Phenomenon and Interpretation	288
Our Authors	300

*К международной научной конференции —
VI Малому университетскому форуму*
*«Международное воспроизводственное обустройство евразийского
(постсоветского) пространства: экономика и политика»*

Ю.М. ОСИПОВ

**О евразийской (постсоветской) межгосударственной
интеграции**
Тезисы

Аннотация. Освещаются проблемы евразийской (постсоветской) межгосударственной интеграции в условиях всемирной глобализации и с учетом исторической памяти Евразии.

Ключевые слова: межгосударственная интеграция, Евразия, Содружество Независимых Государств, Россия, геостратегия, история, политика, международные отношения.

Abstract. The article is devoted to problems of the Euroasian (Post-Soviet) interstate integration in the conditions of the world globalization and touching upon historical memory of Eurasia.

Keywords: interstate integration, Euroasia, CIS, Russia, geostrategic, history, politics, international relationship.

1

Современный мир — мир межстрановой взаимообусловленности и планетарной целостности. Не так целое из частей, как части от целого. Качественное единение при качественном разнообразии. Не сугубо гетерогенный, но и не вполне гомогенный, а гетерогомогенный и гомогетерогенный. Единство, общность, схожесть при наличии несхожести, разобщенности и различности. Глобализация в сочетании с локализацией, интеграция — с партикуляризацией, мондиализация — с регионализацией.

2

Мир в движении, реструктуризации, реконструкции, перестроении. Качественные изменения и композиционные перемены. Неустойчивая текущая всемирная гармония на фоне хронической и переменчивой всемирной дисгармонии. Однополюсная миромасштабная централизация (глобализм) в борьбе с многополюсной по миру

децентрализацией (регионализмом). Взаимообусловленный партикуляризм в борьбе с безусловным (на себя замкнутым) глобализмом. Эгоизм, неэффективность и невозможность однополюсной централизации планетарного бытия, как и управления миром из одного центра в интересах этого центра. Разнообразие против однообразия. Полицентризм против моноцентризма. Неизбежность диверсификации. Формирование больших межстрановых систем — как региональных, так и межрегиональных, как пирамидальных, так и сетевых, как моноцентровых, так и полицентровых.

3

Евразийский интеграционный замес-процесс. Дезинтеграция СССР и соцсистемы как стартовая ситуация для новой межстрановой интеграции на постсоветском (евразийском) пространстве. Многонациональная Россия как инициатор и движитель евразийской (постсоветской) *не*-империальной межстрановой интеграции. Москва — негласный (неназванный) интеграционный центр на евразийском (постсоветском) пространстве. Не центр-управитель, а центр-инициатор, центр-собиратель и центр-лидер. Лидерство России при полном равноправии стран-участниц. Не одна взаимовыгодность, но и взаимовыживаемость (взаиможизнеспособие). Феномен российского (великодержавного) покровительства в сочетании с общими взаимными обязательствами стран-участниц.

4

Хозяйственная интеграция в сочетании с приемлемым для стран-участниц политическим партнерством. Не слияние и не союз, а договорное взаимодействие. Не единение, а совместность. Добровольная межстрановая солидарность в контексте всемирной глобализации перед лицом амбициозного однополюсного глобализма и с учетом любой внешней конкуренции и любых экспансионных намерений.

5

Не общее и не единое, а всего лишь взаимопереплетенное хозяйство, но реализуемое в общем, хотя и не едином, хозяйственном пространстве. Максимально свободное движение товаров, капитала, труда, технологий, знаний. Наличие общих (целостных, многосторонних и двусторонних) проектов: монетарных, финансовых, инвестиционных, производственных, инфраструктурных, научных, образовательных, народонаселенческих. Взаимоприемлемая интеграционная институциональность (учреждения, организации,

законы). Возможность общего координационного правительства, иных органов взаимного управления и контроля. Валютное взаимодействие вплоть до целостного валютного союза с перспективой перехода к единой валюте. Возможность общих фондов и программ развития, в особенности по приоритетным для интегрирующейся Евразии направлениям.

6

Поиск современным человечеством *нового планетарного мироустройства* (не сводящегося к моноцентричному глобализму и предполагающего наряду с глобализацией полицентровый локализм), активно стимулируемый ныне *всеобщим затяжным мировым кризисом* — не просто экономическим (или хозяйственным), но и вполне системно цивилизационным, даже и хомо-бытийным. Не только общее нестроение планеты, но и все более обостряющаяся экзистенциальная проблемность: экологическая (загрязнения, нарушения, перекосы, дисбалансы), народонаселенческая (в том числе и перенаселенческая); лимитационная (нехватка ресурсов, энергии, естества); избытковая (производства, вещей, товаров, денег, городов, инфраструктуры, транспорта, вообще всей искусственности); безопасности (возрастание рискованности, уязвимости бытия, усиление криминала, мирового терроризма, угроза тотальной войны); гуманитарная (нашествие антикультуры, тенденция расчеловечивания человека и десоциализации общества, рост бытового беспокойства и утеря полагаемого позитивного будущего). Ведомый глобальным (Западным) центром планетарный мир не просто в тотальном кризисе, но и в кризисе совершенно апокалиптическом, из которого на путях глобализации и под опекой глобализма нет никакого выхода. Отсюда необходимость формирования больших антикризисных региональных пространств и локальных сетей, способных не только ослабить и преодолеть всемирный эсхатологический кризис, но и не допустить всемирной войны всех против всех, планетарного Армагеддона.

7

Современный мир — мир *миров*, а не только мир цивилизаций, культур, государств, стран, народов. Уже континенты и те же стороны света — миры, миры в мире, но главными мирами на планете являются сегодня: Западный глобализационный и глобализующий планету мир — это с одной стороны, а с другой — весь остальной, глобализуемый и немало уже глобализированный Западом, мир, но в силу своих опор на традицию альтернативный Западу мир — мир *не-Западный*. Современный планетарный мир — *мир борьбы миров*: одного плотно

синтегрированного, однополюсного, одноцентрового, даже и весьма уже однообразного, в целом гомогенного, хотя при этом и все еще довольно разнообразного и частью даже гетерогенного (те же Западная Европа с Японией все-таки не США), и другого мира — не слишком или вовсе не интегрированного, многополюсного, полицентрового, явно разнообразного, гетерогенного, но при этом склонного к образованию больших региональных и диссипативных межгосударственных систем. За разного рода «диалогами», ныне широко ведущимися в мире, скрывается все-таки не что иное, как борьба, и, кажется, борьба если еще не на смерть, то явно уже за жизнь, за субъектность, за будущее, за бытие вообще. Нынешнее время — время не просто больших проблем и напряжений, это время *крайних крайностей*, а потому и время больших, вовсю и неожиданных перемен, не чуждых и конечных исходов. От мирного соревнования миров до полноценной войны миров — один шаг — и избежать такую войну можно, лишь противопоставив амбициозному глобализму защитный партикуляризм, заносчивому моноцентризму — умеренный полицентризм, а передовому Западу, породившему, стимулирующему и разжигающему всемирный кризис — какое-то иное, вполне не такое уж «передовое», жизнеустройство — *не-Западное!*

8

Запад дал очень многое человечеству: науку, технику, индустрию, совершенную экономику, общее развитие, прогресс, обширный искусственный мир, вырыв в космос (СССР, надо заметить, более всего участвовал в реализации как раз Западного проекта). Однако Запад, а сегодня это уже постмодерновый, то бишь в высшей степени паразитарный, как бы надчеловеческий, мир, не может бытийствовать, не эксплуатируя весь планетарный мир, не подчиняя его себе, не управляя им в своих интересах. Отсюда, кстати, и глобализация — как охват всего мира, и глобализм — как этим миром всеохватывающее управление из одного центра. Несмотря на великую во всех отношениях роль Запада в прогрессе человечества (хотя и неоднозначную, и противоречивую, а может, и эсхатологически роковую), остальной, т. е. *не-Западный*, мир не может признавать свое зависимое и второстепенное положение относительно передового-де Запада, отчего имеют место как добровольная вестернизация («догоняние» Запада, его ускоренного усвоения), так и выработка собственных вариантов бытия на основе *Традиции*, хоть и с неперменным вбиранием западного «передовизма». Китай, Индия, Бразилия и та же Россия могут позволить себе собственное

альтернативное, т. е. не-Западное, бытие, но, во-первых, при взаимной все-таки поддержке друг друга (БРИК) и, во-вторых, с устроением региональных и диссипативных (сетевых) межстрановых интеграций, разумеется, при своих локальных в них лидерствах. Так или иначе, но не-Западные интеграционные процессы в современном мире неизбежны и они активно претворяются в жизнь. Никакого моноцентризма в не-Западной части мира быть уже не может, а потому не гигантская интеграция его в какой-то единый мир, а возникновение ряда взаимообусловленных, но вполне самостоятельных больших интеграций со своими локальными лидерами: либо империяльными, либо «братскими», либо показательно-поведенческими («делай, как я», «делай со мной», «иди за мной»).

9

Евразийская (она же и постсоветская) интеграция в поиске самой себя, своей идентичности, своей практической возможности. Разность субъектов дополняется не только их недавним совместным, вполне и интеграционным, прошлым (в составе СССР), но и частью почти стопроцентной друг с другом культурно-этнической совместимостью (большая часть России, Украина, Белоруссия). Выпавшая на долю постсоветских государств независимость вполне внезапного и вовсе не глубоко исторического происхождения, не слишком-то эффективно подтверждающая субъектную самостоятельность «освободившихся» стран. Это как существенно облегчает интеграционный между этими странами процесс, так и в формальном плане немало его затрудняет (страх перед российско-советским имперским синдромом; соблазн держать «полную независимость»; прельщение со стороны внешнего, прежде всего — Западного, мира, отчего желание уйти в Европу, примкнуть к Турции, подпасть под Китай; опасение национальных элит за свое самовластное положение). Однако потребность в евразийской совместности объективно есть, и она так или иначе пробивает себе дорогу.

10

Ни о каком воссоздании СССР не может быть и речи — в этом и нет никакой необходимости! Быть сейчас вместе — не значит оказаться в новом СССР. В таком возврате к прошлому нет никакой заинтересованности не только у нынешних *не*-россиян, но и у самой России. Россия более ни для кого не руководитель, не «старший брат», не покровитель, а главное — не донор. Быть вместе с Россией, как и России быть вместе с нероссиянами — быть не в одной семье и не в общем доме, а всего лишь в одной функциональной группировке и в

общем взаимовыгодно обустроенном пространстве. Каждый взыскует от интеграции своей пользы, но каждый и платит за интеграционную выгоду — чем может, помимо неизбежной в данном случае взаимной ответственности. Подобная интеграция — не образование новой империи, но и не появление большого благотворительного учреждения. Ни авторитарного эгоизма, ни либерального альтруизма. Политика! Главное тут: осознание всеми странами, что вместе им лучше, чем порознь; понимание того, что быть вместе, не значит потерять независимость и ослабить свою субъектность, скорее — наоборот; усвоение того непреложного факта, что выжить и овладеть будущим сегодня можно только *вместе*, кругом, большим воспроизводственным пространством, причем с неперменным стремлением к своеобразию и самости, к отличному от Запада и Востока бытию, к иному воплощению человеческого предназначения.

11

Евразийское (постсоветское) пространство располагает необходимыми возможностями для межстрановой интеграции, а в некотором отношении и *ре*-интеграции: немалая общая история; совсем недавняя совместность; еще не исчезнувшая системность в разделении и кооперации труда и хозяйства; богатые ресурсы; развита, во многом и совместная, инфраструктура; образованное население и не канувшая в лету творческая элита; оборонный комплекс; достаточно схожие интересы у интегрирующихся стран; языковая культурная, цивилизационная и даже идеологическая совместимость. Если в Европе все ее насельники более или менее европейцы, то в Евразии все ее насельники более или менее евразийцы: от восточных европейцев до западных азиатцев. Потенция к интеграции (собираению) в целое сегодня сильнее потенции к дезинтеграции (рассыпанию). Ультиматум времени: либо вместе и в *собственное* будущее, либо порознь, но *без своего* будущего! Сегодня мудр не тот, кто, сломя голову, стремится в глобалический омут, а тот, кто создает, освобожденный от такого стремления, самостоятельный и самостоящий гетероинтеграционный континент. Интеграция — не слияние, не поглощение, даже не соединение, а всего лишь межсубъектное объединение, в котором сохраняются независимые субъекты, лишь образующие все вместе большой коллективный субъект. Интеграция — не торжество единения-однообразия, а возможность общего воспроизводственного пространства, совместного бытования и коллективной координации.

Любая социальная система, любое человеческое сообщество, любая хозяйственная организация не обходятся без того или иного *лидерства* (можно сказать — *аттракции*). Нравится это кому-либо или нет, но на евразийском (постсоветском) пространстве такое лидерство (пусть сегодня формально и не признаваемое, даже оспариваемое) принадлежит Российской Федерации (заметим, не осуществляется, а лишь принадлежит). Это и понятно: мощная государственническая (великодержавная) традиция; научно-технический, образовательный и культурный потенциал; большие и разнообразные ресурсы; опыт решения больших задач и реализации больших проектов; Москва как одна из ведущих столиц мира; многонациональность, межконфессиональность и интернациональность России; реальная военная сила с мощным оборонным комплексом. Российская Федерация — идеальный лидер межстрановой интеграции, причем именно евразийской интеграции, осуществляющейся в глобальном контексте, в условиях мирового кризиса и в обстановке мирообусловленного соперничества. Ни одна из евразийских (постсоветских) стран, исключая Россию, не может взять на себя роль интеграционного лидера (не руководителя, не управителя, а именно *лидера*), что вовсе не говорит об ущербности нероссийских стран, а лишь свидетельствует об отсутствии для лидерской роли необходимых возможностей, опыта, ресурсов и некоторых важных исторически обусловленных черт. Мирный распад СССР, приведший к образованию сонма независимых государств — доказательство от противного возможности мирной и не на условиях СССР или той же Российской империи фактической реинтеграции не ушедших в Европу или в Азию постсоветских стран. Новая евразийская интеграция — потребность не одной России, а всего многонационального евразийского сообщества, реализующего свое бытие в контексте бытия мирового, вовсе не такого уж к Евразии доброжелательного. Конкуренция за жизнь сильнее любого международного альтруизма, а интернациональная солидарность — достояние прежде всего близких по проблемному бытованию и вопросной истории стран-соседей, пусть и не всегда и не во всем между собою согласных. Мотор интеграции — не принуждение, а добровольное, хотя понуждение к интеграции со стороны обстоятельств никто, нигде и никогда игнорировать не может. Евразийская интеграция — не прихоть и не соблазн, а самая обыкновенная необходимость, как раз та самая, которую-то никак и не обойти!

Пример европейской интеграции — важный пример, но лишь для учета и анализа, а не слепого подражания. Осуществленная европейская интеграция — вовсе не возможная ныне евразийская, хотя и в чем-то похожая (тарифное соглашение, потом и общеэкономическое, а там, глядишь, и политическое), но вовсе не идентичная. В Европе интеграцию вели только что отвоевавшие между собой национальные государства с большой собственной историей и культурой, великим в прошлом между собой имперским соперничеством, сами в недавнем прошлом колониальные или евротерриториальные империи. Европа наступила на горло своей нововременской исторической песни, полной соревновательных, военных и вообще имперских мотивов, и пустилась по пути добровольного, пусть и весьма вынужденного, объединения. В таком объединении не могло быть монолидерства ни одной из великих европейских стран, хотя и присутствовало негласное лидерство ряда скооперировавшихся между собой ведущих государств. Только сейчас, когда Европейский союз попал в собственный мощный системный кризис, наметилась тенденция, — нет, не к монолидерству какой-либо из стран, — а созданию внутриблокового лидерского, если не командного, управленческого центра (не с Берлином, Парижем или Лондоном во главе, а с... Брюсселем, однако за которым, безусловно, стоят Берлин, Париж и тот же Лондон, если этот последний не покинет ЕС). Имеет место авторитаризация управления внутри ЕС, а сам ЕС все более обретает черты *паневропейской империи* — наследницы Римской империи и завершительницы всех панимперских попыток — от Карла Великого до Гитлера.

Евразийский (постсоветский) вариант — *иной*, не европейский, ибо интеграционные субъекты иные, историческое наследие иное, стартовая ситуация иная, обстоятельства иные. Да, потребность есть, даже кое-какое осознание у субъектов есть, но не хватает еще убежденности и решимости у стран-нероссийцев, что и понятно, ибо никто из них не желает ни нового СССР, ни какой-либо новой Российской империи. Здесь важно подчеркнуть, что всего этого не хочет и Россия, вовсе не желающая платить собою за сомнительно-равноправную-де интеграцию. Условия интеграционного процесса должны быть ясными, понятными и в то же время жесткими: равноправие, взаимовыгодность и взаимная, вполне и строгая, ответственность, но уж никак не возможность извлечения кем-либо из участников одностороннего «дружеского» гешефта. Ни любви тут

никому не надо, ни дружбы, а потребны лишь взаимоуважение и ответственное партнерство. Россия при этом не может не быть лидером, но не командным, не «верхним», а всего лишь находящимся в основе объединения и идущим в его авангарде, что не исключает, конечно же, какого-то внутри всего объединения взаимного контроля — с целью недопущения межгосударственного авторитаризма.

15

Шанс у евразийской интеграции есть, хотя на ее пути весьма серьезные и сильные препятствия: с одной стороны, вполне объяснимое предубеждение относительно России и её неизбежного лидерства, а с другой — влияние внешнего конкурентного контекста, старающегося не допустить евразийской интеграции, да еще и вокруг России, выдвигающего на передний план разного рода соблазны для стран-нероссийцев, вплоть до других интеграционных, и оказывающего странам-отказникам материальную и политическую поддержку. Ясно, что евразийская интеграция могла бы пойти определеннее и быстрее, если бы Россия, этот главный инициатор интеграции и ее исполнитель, демонстрировала бы сегодня вполне уверенный и достаточно скорый подъем, встала бы на путь системного неоиндустриального развития. И пока этого у России нет, несмотря на ее немалые стабилизационные достижения, проблема евразийской интеграции будет оставаться слишком проблемной. Однако Россия, кажется, выходит на новый исторический старт, за которым и подъем, и развитие, а потому ее интеграционные усилия не столь уж тщетны, как это может кому-то со стороны видеться. Тут надо иметь в виду, что хотя прочной и эффективной интеграции без подъема стран-участниц быть не может, но и устойчивого подъема их стран без их взаимной интеграции тоже ведь быть не может! Так что для движения по пути интеграции важны сегодня не столько сиюминутные политические соображения и немедленные подтверждения экономических выгод, сколько полные исторических смыслов стратегические соображения-расчеты, учитывающие сразу все: традицию, современность, будущность, а главное — давление как внутренних (евразийских) потенциалов, так и внешних обстоятельств и сил, а давление это, несомненно, усиливается!

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

Ф.И. ГИРЕНОК

Горизонты русской философии хозяйства

Аннотация. В статье анализируются философия хозяйства И. Стебута и философия хозяйства А. Чаянова. Автор делает вывод о том, что в основании хозяйства лежит не прибыль, а труд и семья.

Ключевые слова: философия, хозяйство, труд, прибыль, семья, И. Стебут, А. Чаянов.

Abstract. In article the economy I.Stebut's philosophy and philosophy of economy of A. Chayanov is analyzed. The author draws a conclusion that in the basis of economy the profit lies not, but work and a family.

Keywords: philosophy, economy, work, profit, family, I. Stebut, A. Chayanov.

Цивилизационный кризис, случившийся в самом начале XXI в., некоторые ученые связывают с исчерпанием возможностей цивилизации, основанной на замещении сил человека силами природы, и формированием нового технологического уклада, который выводит человека за пределы не только материального производства, но и духовного производства. А это значит — за пределы производства вообще, которое начинает мыслиться вне связи с человеком. Новый технологический уклад объективирует интеллектуальные способности человека и в существовании человека уже не нуждается. В экономическую деятельность встраивается виртуальная реальность. Попытка объяснить происходящие изменения приводит нас к необходимости понимания той рефлексии, которая сопровождала переход России от традиционного общества к индустриальному. Я имею в виду сочинения Стебута, Чаянова и Кондратьева. Теория длинных волн Кондратьева сегодня хорошо известна. Менее известны так называемые «кривые Чаянова». И совсем не известны идеи И. Стебута.

Соприкасаясь с духовным наследием России второй половины XIX в., не перестаешь удивляться подвижничеству тогда еще небольшой группы образованных людей — русской интеллигенции. В русской интеллигенции выкристаллизовывался особый тип человека, постоянно готового к самообновлению. Эта интеллигенция училась испытывать мир не «миллиметром рассудка», а своей собственной

жизнью. У нее слова переставали быть словами, а мысли — мыслями. Ведь слово как Логос, а мысль как личностный акт жизни перестают быть словами и мыслью о жизни. Они становятся частью самой жизни, и поэтому для тех, кто причислял себя к интеллигенции во второй половине XIX в., было далеко не безразлично, окажутся ли их слова пустыми, а мысли — ложными. Иными словами, это было время слов, не бросаемых интеллигенцией на ветер.

Люди с лоскутным мирозерцанием, сшитым из обрезков газетных и журнальных статей, не готовы к состраданию и бескорыстию. Но именно эти человеческие качества определяли космос души русской интеллигенции, целостность ее мировоззрения. Это было время, когда профессора не брали взяток, а амбиции и аппетиты литераторов не заменяли им мысли и честь.

К этому времени принадлежит и профессор И.А. Стебут (1833—1923). К его трудам восходят истоки русской классической аграрной мысли. В течение 50 лет Стебут был ведущей фигурой в развитии агрономической и аграрной мысли в России [1, 3].

Идеалы крестьянской цивилизации

Наиболее ценные работы Стебута, в которых он излагает свою «социальную философию» — «Статьи о русском сельском хозяйстве, его недостатках и мерах к его усовершенствованию» (1883), «Сборник статей о русском сельском хозяйстве» (1897), «Несколько мыслей и соображений по поводу аграрного вопроса» (1906). Оригинальность взглядов И.А. Стебута на проблемы развития деревни легко установить, сопоставив их, например, с «Азбукой социальных наук» В.В. Берви-Флеровского, которая появилась в 1871 г. Это, с одной стороны, а с другой — сопоставив их с мировоззрением А. Чайнова, описанном во время путешествия «в страну крестьянской утопии». А. Чайнов (1887—1929), на наш взгляд, развил некоторые идеи И.А. Стебута [2].

В чем суть этих идей? Стебут различает сельскохозяйственный промысел и сельскохозяйственное производство. Последнее есть всякое производство сельскохозяйственных продуктов. Старушка, выращивая укроп, занята сельскохозяйственным производством. Под сельскохозяйственным промыслом Стебут понимает прежде всего доходное занятие им. От чего зависит поход? Конечно, от спроса и предложения, от цен на сельхозпродукты и цен на промышленные товары, от стоимости рабочей силы, от умения вести хозяйство и т. д. «Но есть еще одно весьма важное условие, которое наичаще упускается из виду, это, — пишет Стебут, — размер хозяйства...» [3, 7]. Определение оптимальной величины хозяйственной единицы

решается следующим образом. Согласно Стебуту, сельские хозяева бывают или исключительно, или преимущественно, или побочно сельскими хозяевами. В соответствии с этим величина хозяйственной единицы, при условии ее доходности, может быть наименьшей у последнего рода хозяев, больше — у сельских хозяев второй категории, наибольшей — у хозяев первой категории. На величину хозяйственной единицы оказывает влияние применение машинной техники и технологии.

Составляет хозяйственную единицу союз семей на экономической основе. Этот союз нельзя людям навязывать помимо их сознательного в нем участия. Парадоксальность ситуации, в которой находился русский крестьянин, заключалась в том, что он занимался сельским хозяйством лишь побочно, в лучшем случае преимущественно. Но вынужден был вести образ жизни исключительно как сельский хозяин; т. е. сельское хозяйство не приносило доход и не покрывало расходов на жизнь крестьянина. «Крестьянин наш, — писал Стебут, — когда-то с любовью занимающийся сельским хозяйством, теперь, видя, насколько другие занятия выгоднее для тех из его братьев, которые находят их, готов бросить землю» [3, 21]. И далее: «Не удивительно поэтому, что крестьянин, отдавая своего сына в школу, делает это в надежде, что школьное образование даст сыну возможность заняться чем-либо другим и тем создаст ему лучшее положение, чем положение его родителя; поэтому же он отдает сына и в сельскохозяйственную школу не для того, чтобы сын вернулся снова в крестьянское хозяйство, создающее для отца такое тяжелое положение. Справедливо ли после этого ставить в вину сельскохозяйственным школам, как это делают многие, то, что выпускники или ученики из крестьянских детей возвращаются к занятиям своих родителей лишь в виде редкого исключения» [3, 22].

Размеры хозяйства лимитируются и личным трудом хозяина или хозяев. Стебут выступал против общинного землепользования, но за развитие общинного землевладения. В решении аграрных проблем он видел две стороны: экономическую и социальную. Достижение доходности хозяйства — это экономический вопрос, а вот положение рабочего в хозяйстве — социальный. «Аграрный вопрос, который есть вопрос не только экономический, но в еще большей степени социальный, может разрешаться, да и разрешается часто удовлетворительно частновладельческим хозяйством как экономический вопрос, но не разрешается им как социальный вопрос; крестьянским хозяйством он не разрешается... ни как социальный, ни как экономический вопрос. Не могу не высказать попутно моего

убеждения в том, что едва ли... этот вопрос разрешается или может считаться разрешенным удовлетворительно где бы то ни было как социальный вопрос; как экономический же, полагаю, он разрешен наиболее удовлетворительно в Северо-Американских штатах, где соответствующая величина хозяйственной единицы (при ведении хозяйства почти исключительно самими хозяевами) вполне обеспечивает доходное сельское хозяйство во...» [3, 29].

Поиски образа такого хозяйства, которым разрешались бы оба вопроса, составляет смысл жизни Стебута. Это хозяйство должно быть общественным. В этом Стебут не сомневался. Его прообраз — община. По отношению к государству она должна рассматриваться как кооперативный частный землевладелец. Слова «частная собственность» указывают лишь на ту сферу отношений, которые складываются вне зависимости от государства. Больше ничего в этих словах нет. А вот будет ли она трудовой или нетрудовой — это уже другой вопрос — социальный, а не экономический. В общественном хозяйстве выполняются работы по переработке и сбыту сельхозпродуктов. Оно берет на себя расходы по содержанию общественных учреждений и т. д. Члены земельной общественной единицы, где бы потом они ни работали, сохраняют связь с этой единицей не только как со своей родиной, но и (что Стебут считал особенно важным) как с организацией, обеспечивающей своему члену приют и помощь в случае надобности. Стебут часто говорил, что при частном землевладении далеко не все люди связаны с землей, при государственной все связаны с ней, но все стоят очень далеко от нее и поэтому не заинтересованы в ее производительности.

Однажды И.А. Стебут с грустью заметил: «Если бы крестьяне не были так темны, то, конечно, они сохранили бы разваливающуюся теперь большую крестьянскую семью, существующую в виде союза семей на экономическом начале» [3, 69]. Позднее и более резко о необходимости сохранения семейного хозяйства высказался Чаянов: «Хозяйство крестьянское есть прежде всего хозяйство семейное, весь строй которого определяется размером и составом хозяйствующей семьи, соотношением ее потребительских запросов и ее рабочих рук» [4, 2].

Но семья эта распадалась, и ничего с этим нельзя было поделать. На горизонте хозяйствующей души замаячили призраки социализма и фермерства. Еще в 1870-е гг. Стебут попытался было приучить крестьян к артельному способу обработки арендуемой земли, сдал в аренду часть земель своего имения «Кроткое», оговорив условия. Спустя какое-то время он заметил, что вместо 40 арендаторов-крестьян появляются два-три крепких мужика, т. е. хозяина-кулака. А это было

уже не интересно. «Я нанимал рабочего за цену, — вспоминал Стебут, — которую он требовал за свой труд, если эта цена не превышала лучшей обычной в местности и я имел основания считать нанимающегося подходящим для себя работником. Если он оказывался таким и не прочь был остаться у меня, то он ежегодно получал надбавки к жалованию... пока ежемесячное жалование не достигало недопустимой по доходности хозяйства величины. Кроме того, рабочие получали у меня премии за выдающееся исполнение некоторых работ» [1, 133]. Но одно дело самому вести свое хозяйство, а другое — наниматься, т. е. продавать свою рабочую силу, если даже за нее и хорошо платят. И вот эта разница не могла не сказаться на отношении крестьян к тому хозяйству, в котором они выступали как наемная рабочая сила. Крестьянин должен быть хозяином. Это хорошо понимал Стебут. Эти же идеи определили и отношение Чайнова к крестьянскому трудовому хозяйству.

Стебут и Чайнов не были, по всей вероятности, знакомы, но Чайнов заканчивал Московский сельскохозяйственный институт по кафедре А.Ф. Фортунатова — ученика Стебута. Если Чайнов делает упор на семейный состав крестьянского хозяйства, то Стебут — на доходность этого хозяйства. Согласно Чайнову, «трудовое крестьянское хозяйство будет работать и при пониженной оплате труда, в условиях явно убыточных для капиталистического хозяйства» [4, 3]. Стебут же называет такое хозяйство производственным, т. е. при таком производстве крестьянская семья может заниматься сельским хозяйством лишь побочно и самое большее преимущественно. Если десятина дает 10 р. дохода при прочих равных условиях, а годовой бюджет хозяйственной единицы — 300 р., то эта хозяйственная единица не может быть меньше 30 десятин. Крестьянин, отмечает Стебут, «силой условий, при которых приходится вести хозяйство, вынуждается быть сельским хозяином исключительно» [3, 11]. Оптимальный размер хозяйства определяется, согласно Чайнову, размером крестьянской семьи. Согласно Стебуту — доходностью хозяйства.

Пока, по словам Стебута, существует разделение труда на сельскохозяйственный и промышленный, пока существуют потребители и производители, пока есть рынок, до тех пор немислимо бездоходное сельскохозяйственное производство. Любительское сельскохозяйственное производство является вредным, если в земле, которую оно использует, нуждается доходное хозяйство. Конечно, мечтал Стебут, настанет время, когда люди не будут беспокоиться о

своем пропитании. Это «беспокойство» возьмет на себя общество. Но до этого как далеко, что не стоит об этом и думать [3, 11].

Чаянов усматривает в перенаселенности деревни и ее малоземелье главный бич народного хозяйства. «Хозяйство трудовое, как обеспечивающее наибольшую трудоемкость земледелия, и должно, — считает Чаянов, — лечь в основу нашего земледелия» [4, 3]. Стебут так не считает. Наиболее трудоемким является натуральное хозяйство, когда крестьянин кормит себя и еще несколько человек впридачу. А наименее трудоемкое хозяйство кормит 60—70 человек да еще и себя. Крестьянское хозяйство не решает ни экономического, ни социального вопроса. И поэтому поиски оптимального хозяйства должны идти не по пути частного нетрудового хозяйства и не на стороне трудового натурального хозяйства, а на пути развития коллективной частной собственности, а также кооперирования трудовых крестьянских хозяйств. «Идеальным нам мыслится, — писал Чаянов, — крестьянское семейное хозяйство, которое выделило из своего организационного плана все те его звенья, в которых крупная форма производства имеет несомненное преимущество над мелкой, и организовало их на разные степени крупности в кооперативы» [4, 4].

Близкие взгляды мы находим и у Стебута. Идеальным для него является общественное хозяйство, владеющее определенным участком земли. Оно же занимается переработкой сельскохозяйственной продукции. «Насколько успешнее, — писал Стебут, — могла бы развиваться сельскохозяйственная промышленность, если бы все люди... были теснее связаны с землей и производством на ней продуктов, чувствуя себя землевладельцами и заинтересованные в выгодной производительности земли. Это же не может быть ни при частном, ни при государственном землевладении» [3, 34]. В сельскохозяйственной экономике, подчеркивал Фортунатов, вопросы о величине хозяйственной единицы, о товарищеской аренде, о мелком движимом кредите, о терминологии систем хозяйства и многие другие связываются для нас с именем Стебута.

Современное состояние аграрного вопроса группируется вокруг одной проблемы — проблемы собственности. В чем ее суть? До недавнего времени вопрос о землевладении считался у нас решенным. Нерешенными признавались лишь проблемы, связанные с методами землепользования. Считалось само собой разумеющимся, что владел землей народ. Непонятно было одно: как это владение использовать в аграрном строительстве. А поскольку туман в решении этого вопроса не рассеялся, постольку аграрная политика строилась на принципах социальной алхимии, вся хитрость которой состоит в организации универсальной системы производства, предполагающей хозяина в

центре, а чувство хозяина у тех, кто на периферии этого производства. В условиях государственной собственности в качестве собственников-владельцев стали выступать не люди, а учреждения и организации, т. е. анонимные социальные образования. В результате чудес алхимии появилась собственность без собственников, а распорядителем этой собственности стал чиновник. Тем самым собственность распалась на три не связанных друг с другом социальных акта: владение, распоряжение, использование, т. е. на распоряжение без владения, на использование без распоряжения и на владение без использования. Но этот результат означает, что в нашей стране исчезли отношения собственности как общественного отношения, а вместе с ними граница между государством и обществом, т. е. исчезло общество [5].

Ситуация, сложившаяся после расщепления собственности на три обособленных друг от друга момента, нашла выражение не только в формах распределения доходов и расходов, но и в том, что правами стали наделяться не люди, не группы людей, а организации и предприятия. И поэтому никого не удивляет расширение прав предприятий, потому что в этом расширении они не зависят от прав людей. Расширение прав предприятий совсем не означает, что одновременно расширяются, например, и права рабочих.

Государственная собственность является предельным вариантом осуществления частнособственнических амбиций. Вместе с ней появляются ведомственные интересы. Вообще-то ведомственных интересов нет, существуют интересы людей и классов, но разрыв в связях между владением, распоряжением и использованием порождает превращенную форму интереса — ведомственную. Восстановление разорванных связей как раз и является той меткой, по которой узнается современное аграрное движение. В первую очередь восстанавливаются связи между распоряжением и использованием. Это происходит в виде развития так называемых арендных и кооперативных форм. На этом уровне появляются собственность на продукты труда и соответствующая ей форма распределения доходов. Но на этом уровне еще нет собственности на собственность, т. е. нет владения в чистом виде. А без этого владения вряд ли удастся соединить «распоряжение» и «владение», т. е. возродить общественные отношения собственности. Без этих отношений, в свою очередь, нельзя общество отделить от государства [6].

В основе социальной философии Стебура лежит идея о том, что жизнь людей вообще — это не логический процесс, а реальный. Какими бы хорошими не были наши представления о формах жизни, как бы мы ни стремились сделать человека счастливым, не нужно

делать одного: не надо навязывать эти представления людям, а тем более устраивать их счастье насильно. «Ведь навязать им этого, — замечает Стебут, — ни чего-либо другого людям нельзя; людей нельзя производитственно или благотворно устраивать помимо их сознательного в этом участия. Они должны сами устраиваться, и те, на ком может лежать такая общественная и нравственная обязанность, могут и должны лишь помогать другим устраиваться. Известное общественное и связанное с ним личное устройство людей достигается лишь нормальным постепенным общественным развитием в соответствии с развитием культуры масс, а это требует немало времени: ни годов, ни десятков лет, ни столетий, даже, а и того больше» [7, 23]. Вот эта мысль Стебута не могла не сказаться и на его отношении к частному хозяйству. Крестьянское хозяйство и частновладельческое дополняют друг друга. Сами по себе они не вызывают у него восторга, но Стебут понимает, что из их взаимодействия вырабатывается новая форма хозяйствования — общественная. «В этом, — писал Стебут, — заключается историческая миссия частновладельческого хозяйства, и пока оно ее не исполнит, оно должно существовать и развиваться согласно требованиям времени наравне с крестьянскими общинами, и всякий ущерб как тому, так и другому будет ущербом для всего народного хозяйства». Для того чтобы возникла новая форма собственности необходимо, согласно Стебуту, выполнять два условия. 1. Хозяйство должно определить себя по отношению к государству как частная собственность. 2. По отношению к внутренним механизмам распоряжения и использования оно определяется как общественное хозяйство.

Пока нет ни того ни другого, возможны экономические чудеса. Например, рассказывает Стебут, в Тобольской губернии, где есть и простор, и обилие сена и выгонов, но нет обилия городов, ежедневно нуждающихся в свежем молоке, мы развиваем производства молока. Между тем, в Туле, близкой к массовому потреблению молока и не имеющей ни просторов, ни сена, ни выгонов, под покровительством правительства находятся производство мяса и разведение скота. Не оттого ли, спрашивает Стебут, в направлениях нашей внутренней политики в отношении сельского хозяйства рождаются те причины, следуя которым мы начали ввозить сало из Австралии, а в Туле ведро молока стали продавать от 90 коп. до 2 р. Тогда как, в 100 верстах от Тулы за пуд молока были бы рады иметь 50 коп. Такая наша политика, говорил Стебут 100 лет назад, приводит к тому, что скоро повышением цен мы будем менять формы владения землей [7].

Кооперативный социализм

Свою первую небольшую работу «Кооперация в сельском хозяйстве Италии» Чаянов написал еще студентом. В этой работе он приводит рассказ одного русского крестьянина московским статистам. «Везу я сенцо продавать, — рассказывал крестьянин, — а сенцо-то плачет, а я его утешаю: вот погоди, придет зима и я тебя вгридорога выкуплю». Другими словами, настало время платежа делать, а денег у крестьянина нет. Вот и везет он в неурочное время сено продавать. Смысл этого рассказа столь же прост, сколь и поучителен. Крестьянину нужно снять с себя ярмо посредников и перекупщиков. Но как ему это сделать? И Чаянов отвечает: при помощи кооперации. Кооперация хороша не сама по себе. Она нужна для того, чтобы крестьянин мог обойтись без посредников. А для этого ему нужно по-новому организовать земледельческое производство, обобществляя в нем такие функции, которые можно обобществить. «Но напрасно бы мы приписали кооперации универсальное значение, — писал Чаянов, — оно дает благоприятные условия только тем, кто еще может встать на ноги, т. е. средним классам общества». Если крестьянин еще стоит на ногах, то ему поможет и кооперация. А если нет? «Для низших слоев общества кооперация еще не дала ключа в царство небесное», — отвечает Чаянов. Для тех, кто и встать-то на ноги уже не может, предназначена коллективная аренда.

В 1912 г. в двух своих работах («Крестьянское хозяйство в Швейцарии» и «Очерки по теории трудового крестьянского хозяйства») Чаянов формулирует главную свою мысль. «Задача трудового хозяйства — доставление средств существования хозяйствующей семье, и поэтому экономическая деятельность в нем направляется соизмерением степени удовлетворения потребностей с тягостностью добывания средств существования, а вовсе не исканием высшего процента на капитал или высшей оплаты труда» [8, 19]. Позднее Чаянов придаст этой мысли математическую формулу, и она станет известна в научном мире под названием «кривые Чаянова».

Крестьянское хозяйство ищет не прибыль. Оно ориентировано на валовый доход. Доходное хозяйство не всегда прибыльно, а прибыльное — не всегда доходно. Крестьянин скорее выберет большой валовый доход и меньшую прибыль, чем большую прибыль и малый доход. Но если подмеченная Чаяновым особенность крестьянского трудового хозяйства верна, то в лице этого хозяйства капитализм встречает серьезное препятствие для своего распространения. Самое удивительное состоит в том, что трудовое хозяйство сохраняет в системе товарно-денежных отношений какую-

то внутреннюю независимость от этих отношений. Подчиняясь правилам игры на рынке, трудовое крестьянство выпадает из этой игры в непосредственном процессе производства, демонстрируя элементы семейного труда. Капитализация сельского хозяйства ведет к раскрестьяниванию деревни. Окрестьянивание села — к декапитализации. «Сельская жизнь, — скажет Чаянов в 1928 г., — естественное состояние человека, из которого он был выведен демоном капитализма». Путь фермерский нами всегда отрицался.

Понимая природу трудового крестьянского хозяйства, Чаянов видел опасность в бездумной коллективизации. Наивно полагать, говорил он, что управлять народнохозяйственной жизнью можно из одного центра, «только распоряжаясь, подчиняя, национализируя, запрещая, приказывая и давая наряды, словом, выполняя через безвольных исполнителей план народнохозяйственной жизни». Видимо, не без оснований в наши дни Чаянова станут называть, как пишет профессор социологии Манчестерского университета Теодор Шанин, «новым крестьянским Марксом, создавшим принципиально новую политэкономии» [9, 148]. Но, как известно, нет пророка в своем отечестве.

В апреле 1917 г. создается Лига аграрных реформ, членом распорядительного комитета которой стал А. Чаянов. «Трудовое хозяйство, — говорил он в одном из своих выступлений на Лиге, — должно лечь в основу аграрного строительства России».

«Нам не нужен, — развивал свою мысль Чаянов, — черный предел наличного количества материальных благ, нам нужно перераспределить национальный доход», — так формулирует свою позицию Чаянов. Необходимо поддержать хозяйства, которые не нуждаются в наемном труде. Вполне возможно и укрупнение хозяйства. Важно только помнить о том, что крестьянское трудовое хозяйство не безразмерно. Оно не может укрупняться сверх определенного оптимума. «Сама природа земледельческого производства ставит естественный предел укрупнению сельскохозяйственного предприятия». Если «пространственно» крестьянское хозяйство не может расти вширь, то оно имеет все возможности расти вертикально, т. е. обобществлять свои функции через кооператив и кооперативные комбинаты. Такого рода укрупнения позволяют использовать результаты технического прогресса, одновременно сохраняя индивидуальность отдельного крестьянского хозяйства и не разрушая традиционный способ соединения крестьянина с землей [10, 25—29].

В 1918 г. Чаянов обобщает свои идеи в книге «Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации». После Октябрьской

революции 1917 г. широкое распространение получила идея коммуны, в которой предлагалось обобществить все процессы сельскохозяйственного производства. Но трудовая коммуна, по словам Чаянова, всегда будет слабее трудового кооперированного хозяйства. Она будет проигрывать во внутривладельческих связях. Переход от частичной кооперации к полной, к коммуне с технической точки зрения, не может считаться, доказывал Чаянов, явлением прогрессивным.

«Можно ли крестьянину привить социализм и сколько лет нам на это потребуется?» — этот вопрос для Чаянова не имел смысла. Он знал, что в деревне ничего не прививается, кроме земли и воли. Согласно Чаянову, капитализм — это и не эпоха, и не этап, а уродливый припадок в народном хозяйстве. И чем скорее он пройдет, тем лучше. Социализм был зачат как антитеза капитализму, а не крестьянству. Зачем же его прививать деревне? А родился социализм где? В застенках германской капиталистической фабрики. Выношен же он был психологией измученного подневольной работой городского пролетариата. А ведь что такое пролетариат? Нам говорят, что это гегемон. «Может быть, и так, но ведь прежде всего это люди, говорит герой повести Чаянова «Путешествие моего брата Алексея», поколениями отвыкшие от всякой индивидуальной творческой работы и мысли. Пролетарий мог мыслить идеальный строй только как отрицание строя, окружающего его. А государство — это ведь, конечно, не лучший прием организации социальной жизни. Его бы разгрузить от всяких общественных дел, смотришь, и тогда бы мы с вами встречались с ним гораздо реже. Разве это плохо?»

Революция 1917 г. породила у крестьян и крестьянских идеологов надежду на то, что аграрный вопрос в России наконец-то будет решен. Эту надежду питал не только «патриарх русского земледелия» И.А. Стебут, представлявший умонастроение народников 1860-х гг., но и новое поколение теоретиков трудового крестьянского хозяйства, которые сами себя относили к «неонародникам». Ведущее место среди них, бесспорно, занимал А. Чаянов.

Но шло время, вернее, уже наступил четвертый год революции, а никаких признаков того, что аграрный вопрос будет решен в пользу крестьянства и всего экономического организма страны, не было заметно. Для многих «неонародников» идеалы революции потускнели. И хотя некоторые из них были на виду у новой власти и участвовали в разработке планов преобразования деревни, все же нельзя было не видеть, как их усилия, не встречая поддержки у руководства молодой республики, уходили в песок. А.В. Чаянов часто размышлял о

причинах такого положения дел. Ведь ему, к примеру, было грех жаловаться на невнимание лидеров новой России. «Оставьте в покое Чайнова, нам нужны умные головы». Эти слова Ленина дошли и до Александра Васильевича. Революция дала ему должность директора Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономики. Он профессор Петровки, читал лекции в престижном Коммунистическом университете им. Свердлова. В конце концов, он член коллегии наркомата земледелия, является фактическим руководителем кооператоров России. Его знали многие видные большевики, с ним общались В.П. Ногин, М.М. Литвинов, Л.Б. Красин [11, 11—13]. И все же...

На многое ему открыл глаза «главный литератор партии» Вацлав Вацлавович Воровский, который прочел лекцию о Герцене и затем опубликовал ее под названием «Был ли Герцен социалистом?». Конечно, Герцен по-прежнему стоял слишком далеко от народа. Но ведь он-то, Чайнов Александр Васильевич, сын крестьянина и сторонник крестьянских методов ведения хозяйства, лишен, кажется, этого недостатка. Тогда почему же Воровский мимоходом, пробегая по одному из чиновных коридоров, как-то бросил фразу, из которой следовало и то, что Чайнов ему симпатичен, и то, что у него (у Чайнова) нет будущего. Нет будущего... Что бы это значило?

Ответ на этот вопрос дает предисловие к книге Чайнова «Путешествие моего брата...». В этом предисловии было сказано много интересного. Написал его П. Орловский. Этот псевдоним, видимо, памятуя о своей ссылке в Орел, взял себе Вацлав Воровский. С присущим ему литературным даром Воровский прочертил линию, по одну сторону которой оказались революция и марксисты, а по другую — Чайнов и мелкие производители. Ни один марксист не сомневается в том, что пролетариат ведет крестьянство к социализму. Проблема здесь состоит в другом. Пролетариат ведет, а крестьянство сопротивляется. Но почему? И Воровский тактично, но твердо поясняет: да потому, что сам крестьянин до социализма не дойдет. Ему мешает хозяйство. Крестьянина надо освободить от этого хозяйства, а такие люди, как Чайнов, этому делу мешают. Ведь что говорит Чайнов: ну, хорошо, вы освободили крестьянина, так и оставьте его при своих интересах, зачем же его еще и вести куда-то. Теперь, может быть, он и сам куда-нибудь дойдет.

Комментируя взгляды Чайнова, Воровский разъясняет азы научной идеологии, внять которым «неонародники» почему-то никак не могут. Разве так трудно понять, что пролетаризация крестьян революционна, и если вы против пролетаризации, то вы против революции. А «пролетаризация» — это всего лишь условное обозначение

обезземеливания крестьян, которое тоже революционно, и если кто-то не может себе представить крестьянина без земли, то он наверняка контрреволюционер. Как, например, Чаянов. Ведь еще сам Маркс писал о том, что мелкие крестьяне не только не смогут додуматься до обезземеливания, но они, как дети малые, не смогут даже представить себя в парламенте. Они должны быть в нем кем-то представлены, и этот представитель будет вместе с тем и их господином. Воровский, разъясняя эту мысль, говорит о том, что представлять крестьян и решать за них могут интеллигенты-партийцы, но уж никак не интеллигенты-кооператоры, как думает Чаянов.

Дай волю Чаяновым, так они, пожалуй, и «грядковую культуру» сохраняют. А разве эта «культура» допускает интенсивность труда? И отвечая на этот вопрос, Вацлав Вацлавович делает вывод о том, что это они (Чаянов и др.) не хотят освобождения крестьянина от проклятого труда. Труд человека надо заменить машиной, но разве поместится машина на крестьянской грядке? Нет, не поместится. Вот и держится крестьянин, да и вся система сельского хозяйства трудового крестьянства на самоэксплуатации. Разговорами о том, что машина может заменить труд, но не может заменить личность крестьянина, на самом деле прикрывается стремление сохранить «забитого» мужика. В то время, когда стоит задача по его социалистической переделке [12, 9].

Диалектическая мысль Воровского настойчиво держалась одной позиции: Чаянов толкает крестьянина на путь самоэксплуатации, разрушения его организма от физиологически тяжелого труда, а революция спасает крестьянина от гибели. Для того чтобы крестьянин жил хорошо, у него нужно отобрать землю. Чем больше будет сельскохозяйственное предприятие, тем меньше будет забот у крестьянина. Чаянов никак не может понять, что государству нужна большая масса прибавочного труда, которая пошла бы на содержание общественных институтов. Мелкое же хозяйство работает на самого крестьянина и дать этой массы не может. В какой-то момент государство будет вынуждено насильно устранять мелкое производство и создавать хозяйство, основанное на машинной технологии и наемном труде. Только нанимать уже теперь будет государство, владеющее рабочими местами.

Более того, иронизировал Воровский, Чаянов реакционен еще и потому, что лишает крестьянина картин Боттичелли, музыки Моцарта и романов Горького. Ведь с мелким хозяйством, за которое ратует Чаянов, «внутренне неразрывно связаны колокола, белые рубашки половых, бабки», но не высокая профессорская культура. Ростовский

звон колоколов плохо гармонирует с музыкой слов «Мы наш, мы новый мир построим». Через десять лет вспомнит о колоколах и Е. Ярославский: «Для Чайнова является крайне обидным, что сняли колокола, к которым он привык прислушиваться, потому что эти колокола говорят о том, что для него является родным, близким» [13, 56]. Чайнов этого и не скрывал. По словам героя его повести, в умах людей все еще блуждала какая-то смутная жалость к прошедшему, а паутина буржуазной психологии все еще затемняла социалистическое сознание. И никакими химикатами эту паутину не вытравить.

Свое предупреждение Чайнову Воровский написал дружелюбно и незлобно. Он еще разъясняет идеологические заблуждения «неонародников». Через два года А. Крицман повторит эти упреки более обстоятельно и научно. Он будет изъясняться определеннее, и в голосе его уже зазвучит идеологический металл. Еще бы. Теория концепции Чайнова намекала на какой-то третий путь развития страны. Она не требовала никаких новых начал хозяйствования. Крестьянин, как заметил Александр Васильевич, туго поддавался коммунизации. По его мнению, задача состояла в утверждении старых вековых начал, испокон веков бывших основой крестьянского хозяйства. Эту свою мысль он выразил и в записке на имя Молотова.

Экология традиции

Никакая наука не может заменить тот опыт, который столетиями накапливался крестьянами и земледельцами. Но она и не должна его заменить. Его можно лишь расширить при помощи науки и систематизировать. Уже при Петре I регламентом от 1719 г. на камер-коллегию возлагалась обязанность «земледелие, скотские приплоды и рыбные ловли по-возможности умножать, к приращению приводить...». В «Наказе» Екатерина II писала: «Не может быть там ни искусное рукоделие, ни твердо основанная торговля, где земледелие в уничтожении пребывает и незначительно производится» [14, 48].

В XVIII в. российские агрономы знакомились с основами сельского хозяйства по «Флориновой книге», изданной в переводе С. Волкова в 1737 г. Но эта книга рассказывала об опыте, полученном в иных странах, с иным климатом, с несхожими природными и экономическими условиями. Длительное время в России был популярен «Домострой» священника московского Благовещенского собора Сильвестра, жившего в XVI в., т. е. при царе Иване IV Грозном. Какие-то сведения можно было почерпнуть и из замечательного сочинения И.Т. Посошкова (1652—1726) «Книга о скудности и богатстве». Правда, издана она была только в 1842 г.

Книг и пособий, как видим, у крестьянина было не так уж и много. Их заменяли опыт и традиции. Мир человека вообще устроен так, что в нем всегда еще вещи, которые мы не можем не узнать, если на кон поставлена наша жизнь. Вот с этим риском (риском для жизни) и складывался опыт общения российского крестьянина с природой. Выветривание этого опыта привело к разрыву отношений между человеком и землей. Символом разрыва служит сегодня экология.

Слово «экология» не сходит с уст. «Безмолвная весна» Карсона, увидев свет в 1965 г., вызвала шок у цивилизованного человека. Ученые всерьез стали разрабатывать этику отношений человека к природе. Благодаря экологической этике мы сейчас узнаем то, что наши предки знали под давлением традиции и опыта. Например, если мы срываем плоды на общественном участке, то стоит ли нам, как каким-нибудь манихейцам, задумываться над тем, что дереву больно. Ведь мы уже научно образованы и знаем, что ему не больно, а плоды на нем уже спелые [15, 6].

И.А. Стебут был менее всего склонен усматривать предрассудки там, где их не было. Вполне возможно, что славяне (когда они были еще язычниками и не учились в сельхозинститутах) не очень беспокоились о «плодах». Но они умели объединять себя с тем, что их окружало, развивая культ Рода. Однако нужно ли нам (их потомкам) придерживаться культа Рода и находить одно творческое начало для народа и природы, для родины и родника. Ведь в таком случае мы можем дойти и до метемпсихоза душ. А это ведь совершенная субъективность, т. е. ложная картина мира. Конечно, нам не нужно, как нанайцам, прежде, чем убить медведя, вступить с ним в разговор, сочинять похвалу его достоинствам, просить согласия на убийство и т. д. Нас интересует шкура медведя, а не выяснение вопроса о том, что за душа находится под этой шкурой. Мы — умные, а наши предки — глупые. Но они могли регулировать свои отношения с природой, а мы разучились это делать.

И.А. Стебут в своих лекциях постоянно напоминал о том, что существуют определенные опытом правила в отношениях крестьянина к природе. Например, «Домострой» — это не теория в современном смысле этого слова. В нем формулируются строго определенная норма и образец жизнеустройства человека. В традиционной русской культуре роль такого нормативного предписания играл месяцеслов, т. е. календарь. В нем была развита символическая структура языческого, а затем и христианского сознания наших предков. Ведь что такое символ? Это природное или социальное событие, которое воспринимается так, что оно никогда не означает то, что оно означает.

В месяцеслов, замечает А. Стрижев, «органично были вплетены приметы развития природы, животного и растительного мира, солнечного и лунного цикла, соответствующие правила питания и труда, нормы социальной организации, семейных отношений и почитания предков. Месяцеслов — это целостный космос традиционной русской культуры, свод примет, метких речений и нормативов поведения» [16, 63]. Благодаря символической структуре сознания крестьянину Древней Руси и Средневековья удавалось объединить в одно целое, в один упорядоченный космос ритмы своей жизни и ритмы природы. Например, каждый день церковного года имел свое имя. Он был связан с тем или иным святым и поэтому не отражал, а организовывал совместную жизнь людей под знаком того или иного дня. Месяцеслов указывал время сева, ухода за посевами, уборки урожая. Он отделял рабочие дни от праздничных, когда строжайше запрещались всякие работы. Нарушение трудового ритма и моральных установлений могло поставить мир на грань хаоса и неустроенности. Для того чтобы в мире и душе был порядок, крестьянину нужно было соблюдать этот ритм и установления. Например, в «Домострое» силвестровского извода мы можем прочесть о наставлении отца к сыну: «Благославляю аз грешный... и поучаю, и наказую, и вразумляю сына своего... и его жену, и их чад и домочадцев: быти во всяком христианском законе и во всякой чистой совести и правде... Аще сего моего писания не внемлите и наказания не послушайте, и потому не учнете жити и не гоко творити, яко же есть писано, — сами себе ответ дадите в день страшного суда, и аз вашим винам и греху не причастен» [17, 3].

Онтология ума наших предков координировала не только естественное течение природных процессов и трудовой ритм, но и общение в миру, с домоустройством, с правилами питания и семейных отношений. Мир рушился, и космос терял свой порядок, если не соблюдались правила общежития. Нравственно-воспитательное значение имел обычай прощать друг другу обиды в последнее воскресенье масленицы. В день, когда «Козьма и Демьян с гвоздем» (14 ноября) заковывают землю началом зимы, одновременно куются и невидимые цепи нравственных отношений, связывающих семью. В синкретическом мирозерцании пересекались линии, которые, казалось бы, не имеют друг к другу никакого отношения. Так, в этот же день святых Козьмы и Демьяна молились о «прозрении ума к учению грамоте» [15, 18].

Наши предки, не зная научных основ экологии, спонтанно стремились предупредить экологически опасные события. Например, охота на птиц запрещалась до Петрова дня (12 июля), а рыбная ловля разрешалась с Ивана постного (11 сентября) [15, 19].

Основной опыт социальной (и экологической) философии нашего народа обобщен в притче о Правде и Кривде, завершающей космологию «Голубиной книги». «От Кривды земля восколебалась, — говорится в ней, — от того народ весь возмущается; От Кривды стал народ неправильный, неправильный стал, злопамятный: они друг друга обмануть хотят, друг друга поесть хотят» [5, 305].

В образе двух зайцев (серого и белого) Правда и Кривда ведут вековой спор-борьбу. И не всегда побеждает Правда. «Было добро, — рассказывается в “Голубиной книге”, — да миновалось. Будет добро, да того долго ждать» [15, 305—306].

Заключение

«Чем проще, тем лучше». Этой формулой выражается дух нашего времени — времени упрощений. Не укладываемое в схему упрощенного сознания вызывает сегодня презрение и именуется заумью — тем, что лежит за пределами ума, нашего ума. Запредельное мало кого из нас вдохновляет. Но чем лучше становится мир, тем чаще в нем встречаются предметы, для обозначения которых у нас нет языка.

В этой безъязыкой ситуации нужно, казалось бы, жить просто. Нужно всего лишь предположить, история знает, куда идет, чтобы идти с ней в ногу. Но что делать, если на этом пути нет того, что может быть, если мы хотим, чтобы оно было. Если идеи не овладевают массами, а интересы превращаются в пустой звук, в лозунги и манифестации сознания интеллектуалов, работающих не на массу, а на публику, то горизонты хозяйствующей души кажутся нам наиболее ясными и прозрачными. В этой ясности совершается забвение первослова души.

Литература

1. *Балашев Л.Л.* Иван Александрович Стебут. М., 1966.
2. *Балязин В.* Возвращение // Октябрь. 1988. № 1.
3. *Стебут И.А.* Несколько мыслей и соображений по поводу аграрного вопроса. СПб., 1906.
4. *Чаянов А.В.* Природа крестьянского хозяйства и земельный режим. М., 1918.
5. *Васильчиков Б.Б.* Землевладение и землепользование. СПб., 1881.
6. *Веселовский Б.Б.* Какое местное самоуправление нужно народу? СПб., 1906.

7. *Стебут И.А.* Статьи о русском сельском хозяйстве, его недостатках и мерах к его усовершенствованию. М., 1883.
8. *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство в Швейцарии. М., 1912.
9. *Шанин Т.* Наследие А.В. Чаянова: положения теории, ошибочные толкования и современная теория развития // Вестн. сельскохозяйственной науки. 1989. № 2
10. *Туган-Барановский М.И.* Социальные основы кооперации. М., 1919.
11. *Кабанов В.В.* Становление ученого // Вестн. сельскохозяйственной науки. 1988. № 8.
12. *Зиновьев Г.* Манифест кулацкой партии // Большевик. 1927. № 13.
13. Кондратьевщина, чаяновщина и сухановщина. М., 1930.
14. *Пономарев Н.А.* Исторический обзор правительственных мероприятий. СПб., 1888.
15. *Бессонов П.А.* Калики переходные. Т. 1. М., 1861.
16. *Стрижев А.* Экология русской культуры и народный месяцеслов // Человек и природа. 1988. № 8.
17. Домострой. СПб., 1891.

В.К. КОРОЛЕВ

Проблема «модернизации» человека в философии хозяйства: С.Н. Булгаков и Ю.М. Осипов

Аннотация. Автор реконструирует основные антропологические идеи «Философии хозяйства» С.Н. Булгакова, показывает их развитие Ю.М. Осиповым и подчеркивает необходимость конкретизации модернизационных установок философии хозяйства для современного человека.

Ключевые слова: философия, хозяйство, человек, экономика, София, Бог, модернизация.

Abstract. Author have reconstruction the main anthropology ideas of «The Philosophy of Economy» by S.N. Bulgakov, in-dept analysis their development by Y.M. Osipov and emphasize necessity of specification a modernization philosophy of economy directives for modern man.

Keywords: philosophy, economy, man, Sophia, God, modernization.

Состояние современного социально-экономического развития все более утверждает ту простую для восприятия, но весьма сложную для

понимания и реализации мысль, что главной производительной силой (постиндустриальной) экономики является человек. При всей своей банальности эта мысль имеет «уму нерастяжимую» глубину и перспективы исследования, ибо, как с античных времен показывает философия, проблема человека является принципиально неисчерпаемой.

Несмотря на разнообразные попытки преодоления «частичности» экономической трактовки человека, большую литературу по этой проблематике объединяет его парадигмальная трактовка как фактора повышения эффективности экономики. При всей важности и необходимости таких исследований они имеют «ведомственную» односторонность, тогда как реалии XXI в. настоятельно требуют именно «философского» рассмотрения бытия человека в постиндустриальной «постэкономике», понимания гуманитарного, духовного контекста его экономической жизни.

Для теоретического осмысления этого практического запроса представляет большой интерес и материал для размышлений творчество двух выдающихся «философствующих экономистов», или «экономических философов», — С.Н. Булгакова и подхватившего и развернувшего его знамя нашего современника Ю.М. Осипова (хотя основные идеи философии хозяйства возникли у последнего достаточно самостоятельно).

Булгаков, войдя в экономическую проблематику, как-то сразу высказал неудовлетворенность экономической теорией в виде политической экономии, предложил софийную философию хозяйства в качестве самостоятельного философского направления исследований (экономической) жизни человека. Точнее, в своей «Философии хозяйства» он скорее поставил проблему, нежели дал ее решение. Предвидя критическое (так оно и случилось) отношение к этой работе, он в ее начале замечает: «В развитии философской мысли постановка проблем и их осознание вообще играют первенствующую роль...» [1, 22].

Проблематика знаменитого труда Булгакова весьма разнопланова, но в своей речи на докторском диспуте он подчеркивал, что в центре философии хозяйства «...стоит антропология — учение о Человеке в природе» [1, 323], а главный вопрос этой философии — «Является ли хозяйство функцией человека или же человек есть функция хозяйства?» [1, 319]. Можно сказать, что его волнует не столько понимание «хозяйства», сколько переделка человека как его «хозяина». (Примечательно, что в русском языке слово «хозяин» ассоциируется с понятием «собственник» и не характеризует смысл

деятельности; Булгаков не обращает на это специального внимания, у него речь идет о хозяине как деятельном субъекте, что уводит в духовно-познавательную сферу его противопоставления объекту-природе.)

Что же не устраивает Булгакова в трактовке человека «экономизмом», «политической экономией»? Прежде всего, он критически оценивает то обстоятельство, что человек для экономиста есть или «экономический человек», или член определенного класса; осуждает меркантилизм, колыбель научной политической экономии, ее первую школу за откровенную апологетику личной жадности «экономического человека». Не нравится Булгакову и утилитаристская идеология Бентама с его моральной арифметикой соображений выгоды и пользы, и развивающая ее «политическая экономия» Рикардо. «Появилась фикция экономического человека, бентамиста в области хозяйства, и так как политическая экономия рассматривала жизнь только через очки своего специального научного интереса, забывая или игнорируя все остальное, то и получалось иногда впечатление, что экономический человек для нее есть вообще человек или что по природе он есть только хозяйственный эгоист» [1, 297]. Много у Булгакова и других критических выпадов в адрес классической и современной ему экономической теории.

В противовес ее идеологии прагматичного экономизма Булгаков разрабатывает основы *софийной философии хозяйства*, которая исходит из того, что человек живет не только земными материальными, экономическими интересами (которые и губят его, в конечном счете), но и выходящими за них высшими, метафизическими, сакральными.

В рассмотрении хозяйствующего человека показательны рассуждения Булгакова о так называемом «трансцендентальном субъекте хозяйства», данные в одноименной главе «Философии хозяйства». Прежде всего, обращает на себя внимание, что автор опирается на категории немецкой классической философии — *субъект и объект*: «...всякий хозяйственный акт осуществляется как некоторое слияние субъекта и объекта, ...субъективирование объекта...» [1, 69]. «Производство есть такое активное воздействие субъекта на объект или человека на природу, при котором хозяйствующий субъект ...объективирует свои цели» [1, 105]. Обратим внимание — трансцендентальный субъект, взятый Булгаковым из этой классики, выступает в ней как субъект *познания*, но не практики, в лучшем для нас случае — духовной. Булгаков подчеркивает родовой (но не коллективно-собираемый) характер своего субъекта: «Истинным и

притом единственным трансцендентальным субъектом хозяйства... является *не человек, но человечество*» [1, 127].

Самое главное: по мнению Булгакова, этот трансцендентальный субъект, т. е. «историческое человечество», а в нем и каждая отдельная личность, онтологически причастны к *Софии* — миру гармонии, «...при которой все находит себя во всем, а это все находит себя в Боге...» [1, 157]. София Премудрость Божия — эманация Бога в состоянии Души человека, его главный позитивный нравственный критерий, смысл жизни, ее содержательность, проектность... Что человек с Духом и Логосом без Софии? Софийность есть восхождение человека к Богу, она выражает потребность человека в спасении, в необходимости и даже возможности *иной* реальности, более соответствующей божественному в человеке. Отсюда следует, что «Человеческое творчество — в... хозяйстве... софийно. Оно метафизически обосновывается реальной причастностью человека к Божественной Софии...» [1, 150]; это является «женским» началом, движущей силой хозяйства.

«Поэтому окончательная цель хозяйства — за пределами его, оно есть только путь мира к Софии осуществленной, переход от неистинного состояния мира к истинному, трудовое восстановление мира» [1, 163].

Примечательно, что Булгаков различает Софию небесную, вневременную, и Софию тварную, эмпирическую — историческое человечество. Очевидно, потому, что человек причастен не только к софийному, но и к эмпирическому миру — иррационалистичному, хаотичному, «хаокосмичному», бытие которого смещено со своего метафизического центра [1, 156]. Булгаков осознает идеальность, модельность этой своей софийной установки, ибо обычный человек в своей реальной жизни, в материальной озабоченности далек от ее понимания и наша эмпирическая действительность остается чуждой искомой софийности, более того, оказывает сопротивление ее влиянию, а мир в своей эмпирической действительности бытия софиен лишь потенциально. Поэтому главная задача философии хозяйства — не реализация этой (утопической) установки, а ее актуализация: без стремления к Софии человек погибнет.

Приведенная краткая аналитическая реконструкция взглядов Булгакова позволяет сделать следующие выводы: экономическая деятельность не сводится к преобразованию природы в целях материального обеспечения жизни, имеет выходящий за пределы этого смысл духовно-рациональной гармонизации природы и человека в его *хозяйствовании*; трансцендентальным человеческим субъектом

(«хозяйном»), синтезирующим раздробленность, дискурсивность хозяйства, является Мировая Душа — Человечество; главным в экономической деятельности, в ее расширении до хозяйственной, должен быть человек «софийный», но не «экономический»; спасение человека состоит в его «ософийствовании», в «транзите» от наличной, имманентно-потенциальной земной Софии — к Софии небесной, к Богу; механизм такой трансформации остается непонятным, приложение этих идей к «практической» модернизации человека для нового, софийного хозяйствования не рассматривается.

Обратимся теперь к творчеству Ю.М. Осипова. Полагаю, что особый интерес для рассматриваемой проблемы имеют не столько его, ставшие уже классическими, научные и учебные работы по философии хозяйства, сколько теоретико-публицистические, и даже художественные публикации — «Обретение» и «Реквием», посвященные, главным образом, феномену человека и человеческого мира. Своей «метафизической» прозой автор выводит читателя на современную постановку важнейшей проблемы — природы Человека, его греховности, возможности ее «преодоления», ставит вопрос о новом, не собственно экономическом, Человеке. Ю.М. (в сравнении с Булгаковым) отличает сочетание яркости, образности и теоретической глубины характеристик проблемы.

Прежде всего, Ю.М. подчеркивает актуальность заданного Булгаковым различия «экономики» (как западного явления) и российского «хозяйства», в поле — смысловые рамки — которого укладывается все, что имеет отношение к реализации человеческого бытия, его всестороннему осуществлению.

Ю.М., вслед за Булгаковым, отмечает, что хозяйство не отделимо от *хозяйина* — его *субъекта*: в философии хозяйства все восходит к *человеку* как к *хозяйствующему субъекту*, который не просто участвует в экономических отношениях, но стоит *за (над)* ними. Главным в его деятельности является то, что «...*хозяйствуя, человек ведет все-таки не так физическую, как метафизическую игру — с самим собой, с социумом, с ноосферой, со всем сверхъестественным*» [3, 127]. По мнению Ю.М., «Человек, это чрезвычайно неопределенное и всюду странное существо... противоестественное и противосакральное... раздираемое между физикой и метафизикой... то их примирительно признавая, то одну из них умалая и отбрасывая...» [3, 492]. Он обуюн порочностью, которая не так вызывается извне, как исходит изнутри, состоящей в предпочтении человеком физики бытия в ущерб метафизике бытия. В самом деле, обычный человек в массе своей предпочитает *естественное*, срединное, выживательское, теплое, сытое, потребительское — высоким целям, ради другого

человека. Это вызвано самой природой желающего просто наслаждаться жизнью человека — «...свободолюбивой и... пороколюбивой, которая всякое давление на себя, даже и очень оправданное... с гневом, отвращением и сладострастием с неизбежностью отрицает» [2, 497]. Ю.М. заявляет: «Так произошло изгнание человека из человека» [2, 510], прямо говорит о противоречивости и принципиальной порочности человека: «Человек, вроде бы создание Божие, несет в себе почему-то и дух... *античеловека*, возможно, по причине своей материальности...» [3, 498].

По мнению Ю.М., с которым нельзя не согласиться, мир уходит в отрицательную метафизику: «Освобождаясь от тенет Природы и опеки Господа Бога, человек освободил в себе не одного лишь человека, но и... *античеловека*, способного творить уже не один мир, а и... *антимир*...» [3, 212]. «Западный мир стремительно превращается в *антимир*, а человек, ему свойственный — то ли в *античеловека*, то ли в *постчеловека*, то ли вовсе в *нечеловека*» [3, 515]. Человек как сакрально-природное существо исчезает, превращаясь в какое-то новое существо: «...человек, все-еще-человек, уже-не-человек, постчеловек» [2, 397], становится остаточным «человеческим капиталом»... быстро превращающимся в «симулякр», в «человейчика», сущностью которого является упоение деградацией в себе Человеческого под покровом деклараций о свободе выбора и правах личности. (Примечательно, что сказанное как-то не принято отмечать в современных гуманистических заклинаниях о величии человека, его креативной мощи, что делает честь Ю.М.) В основе этого, как он справедливо отмечает, лежит идеология *постмодерна*.

В России такой «постчеловек» имеет вид зверя (беса, Сатаны). Ю.М. дает яркие характеристики упадка человека в России «Эпохи Великих Измен»: отречение переустроителей (переворошителей, потрошителей) от всяких моральных устоев, порочность и разнузданность, восстание пошлости, жажда обогащения, всепоглощающая любовь к деньгам, мошенничество, взаимное отчуждение людей, их тотальное безумие, душевная смута и др. [2, 270—271]. Воистину в наших людях пробудилась, освободилась нечистая сила, всегда сидевшая в них и вот дождавшаяся своего часа; что-то страшное произошло с людьми, и человек «озверел»; нарождается новая порода людей [2, 312].

Особо подчеркнем — по мнению Ю.М., быстрый и неожиданный успех всех этих страшных перемен обусловлен их *естественностью* для глубинной человеческой природы; человек без Бога — существо

мерзопакостное, дрянное, осатаневшее; зло *имманентно* присуще человеку; вне человеческих рамок, задаваемых насильственно, сверху — он не человек.

Итак, осиповские размышления метафизического толка по поводу феномена человека в условиях экстраординарного бытия России за последнюю четверть века приводят автора к воистину страшному для понимания выводу о нарастании в стране *антропологической катастрофы*, которую не желают признавать ни власть, ни сам человек. Именно эта катастрофа, когда современный Воланд «правит бал», является, по мнению Ю.М., главной причиной и наших фундаментальных экономических проблем.

И в этих условиях, когда «Человека, видно, выковывать постоянно надо... и держать, держать» [2, 314], от проектной гуманизаторской (не путать с гуманистической), духовной деятельности государство, общество сейчас принципиально отказались в пользу некой рыночной «естественности»! А ведь, как хорошо говорит Ю.М., «Правда не в “Капитале”, а в “Откровении”» [2, 579]!

Вся эта печальная, но точная констатация ставит главный, классический вопрос: *что делать* для спасения человека? В этом Ю.М. присоединяется к Булгакову: «...в Софию погружаться надо... Только там это самое *Иное*» [2, 455], искать в ней новые откровения.

Но тут сразу же возникают вопросы. Зачем погружаться, если: «что София, ей как скажут, так и будет!» [2, 556]. Но кто скажет? Бог, больше некому... а он — скажет? Очевидно, поэтому Ю.М. сам не очень-то верит в этот рецепт переделки сознания, ибо прямо заявляет: «Каковы же шансы у человека? Никаких!» [2, 501]. Человек — существо, в общем-то, обреченное... «...не избежать уже милому человечеству *постыдного краха*» [2, 455]. Ю.М. честно говорит, что решение главной задачи России — родить *нового человека*, более чем сомнительно: «а вот получится или нет — одному Богу известно!» [2, 548]. Говоря о возможности выживания России через софийное преобразование, Ю.М. опять-таки замечает: «Никакой тут нет надежды, как не осталось никакой веры в Россию русских — всему тому тоже есть границы и сроки. Похоже, что границы уже перейдены, а сроки пройдены» [3, 568]. В качестве некоторого утешения Ю.М., однако, оговаривается: «Россия терпеливо ждет какого-то волшебного разворота в самом ходе вещей... склонна более смотреть на ход вещей, чем в нем участвовать» [3, 574]. (Как тут не вспомнить упования на легендарное «Русское чудо»!)

На что же, кроме пресловутого чуда, остается *надеяться* в этих апокалиптических условиях? Как бы плохи ни были дела, нельзя фаталистически ждать конца, надо хоть что-то делать. По мнению

Ю.М., необходим переворот в головах: «Нужно родить новое сознание вопреки сознанию нынешнему», метафоричное и постнаучное [2, 452]. Он полагает, что это в принципе возможно, ибо «...остается мысль — *свободная русская мысль*, открывающаяся сердечному размышлению Софии Премудрости Божией [3, 583—584]. «Ничего более ценного, чем софийная мысль, у нынешнего русского человека нет, разумеется, у думающего русского...» [3, 585]. Это дает пусть призрачный, но шанс «...сохранения человека в человеке, но не аквариумного сохранения, а образовательного, хотя бы для некоторой части...» [2, 468].

С этим нельзя не согласиться, но... как «зачать» новое сознание? Кроме того, все это мы проходили сто лет назад, и *прошли мимо* реализации этой идеи (что блестяще показал другой Булгаков в своем «Собачем сердце»). Давайте еще раз попробуем? Но для этого нужно знать, во-первых, почему тогда не получилось; во-вторых, способна ли Россия родить искомую софийную мысль, обрести софийную идеологию, выработать софийный концепт сейчас, в условиях тотальной «западнизации» сознания и бытия; в-третьих, каков механизм «лечения» человека этой мыслью? Ответов на эти вопросы нет, Ю.М. «по-философски» мудро замечает — «Кто знает»!

Он пытается хоть как-то оптимистически завершить свои размышления: «Время у России еще есть, как есть и шанс придти к Софии, но лишь в борьбе... а потому велик шанс и проскочить мимо Софии...» [3, 587].

Тут возникает еще один серьезный вопрос: даже если (чудесным образом) удастся родить искомую современную софийную мысль, то *кому это нужно*, если власть нацелена на решение повседневных экономических проблем и органически не приемлет стратегические мировоззренческие размышления (нечего умничать, есть успешный западный опыт, и вообще — «киного не дано»), а человек просто не знает о вышесказанном?

Давайте самокритично констатируем и возможность претензий к «родной» философии хозяйства по поводу ее (разумеется, относительной) практичности, реализации идей софийного хозяйствования для понимания и преобразования реальности и человека. Конечно, можно сказать, что в силу метафизического характера философии хозяйства она не должна этим заниматься, ибо ее дело — философские основы нового (хозяйственного) мировоззрения. Но почему они не востребованы не только властью, но и экономической теорией (не политэкономией — там все ясно)? Быть может, дело не только в несомненно присутствующем нежелании

власти прислушиваться к мнению ученых, но и в их неумении связать эти основы с наличной экономической теорией, влиять на нее?

Насколько продуктивно булгаковское отрешение от этой теории? Какие идеи философии хозяйства она должна и может воспринимать, если вдруг (!) возникнет такое желание? В какой форме их предлагать для выработки «философии экономики» как мировоззренческой стратегической основы экономической политики? Вряд ли можно ограничиться предложением технологии: «замыслив какой-то проект, человек-мудрец справляется у Софии, на нее ориентируется, из нее исходит» [4,15]. В чем состоит такая ориентация для разрабатывающих «философию» этой политики? Как может осуществляться такое «консультирование»? Что значит — смотреть на мир глазами Софии? Сказать, что София «заряжает» обратившегося к ней человека Премудрой (благостной, позитивной) нравственностью, конечно, можно, но...

Кроме того, такая установка не соответствует созерцательно-откровенническому духу философии хозяйства: как же «справляться» у Софии, если «Софию не открывают, она открывается сама — кому и когда надо, и в той мере, в которой ей надо» [4, 16]? Как быть человеку в его желании руководствоваться идеями философии хозяйства? Ждать откровения? Готовиться к нему? Готовить его? А если он не нравится Софии из-за недостатка обязательной для «реципиента» аристократичности и мудрости? (Кроме того, не «попахивает» ли такая установка протестантизмом?)

Как, хотя бы теоретически, «перевести» экономику в хозяйствование? (Применим ли термин «хозяйство» для идеологии организации экономической жизни страны — тоже вопрос не терминологический, мы уже имели «народное хозяйство».) Какие тут могут быть рекомендации философии хозяйства экономистам-теоретикам, не говоря уже о практиках? Как им заложить «софийность» в принципы современной экономической теории, не говоря уже о политике? Сочетать их с нравственными размышлениями о Боге, Душе, Человеке? В какой форме? Давать специальные теоретические «памятки» по реализации этих установок? (Кстати, РПЦ в 2004 г. на VIII Всемирном русском народном соборе приняла «Свод нравственных принципов и правил хозяйствования» — и кто это вообще помнит сейчас, не говоря уже об их эффективности?) Вопросы, как говорится, «интересные»... но пока риторические.

Ни С.Н. Булгаков, ни Ю.М. Осипов не говорят, каков же *реальный* путь человека к Софии: вера в Бога, Слово Божие сами по себе ничего не гарантируют. Но есть одна «зацепка» — как они отмечают, этот путь носит *познавательный* характер. Поэтому (сциентистски —

позитивистски воспитанному) современному человеку, кроме духовного понимания важности софийной интенции, хорошо бы дать теоретическую «*дорожную карту*» своего восхождения к Софии, имеющую, так сказать, экономическую релевантность.

Возможно, философско-религиозными примерами тут могут быть буддистский «восьмиричный» путь человека к достижению нирваны и объясняющие спасительный для него характер такого пути 12 тезисов. Кроме того, полагаю, что философия хозяйства может предлагать каждому — не только властвующему — человеку конкретные духовные практики своего *очеловечения*, а не оставаться материалом *познания мыслящего* человека.

Осиповский вектор софийной модернизации человека объективно определен и жизненно обусловлен его экзистенциальными потребностями в условиях кризиса — «апокалиптикой» времени переломов в развитии того, что сейчас не принято называть капитализмом (будем считать его «максвеберовским» «идеальным типом»). Как показывает Ю.М., глубинными основами современного мирового кризиса являются виртуализация «финансономики», отрыв духовного от материального, т. е. он имеет философскую природу. Поэтому для преодоления современного кризиса экономики и человека, их модернизации и необходимы идеи философии хозяйства. Пока в ее рамках получается: есть *Человек софийный* (общее), есть человек *экономический* (единичное), а вот *человек-хозяин* (особенное) ждет своих специальных исследований.

Полагаю, что если философия хозяйства не хочет быть маргинальной теорией, необходимо заниматься такой работой, в качестве ответов на поставленные выше вопросы давать конкретные философско-методологические рекомендации гуманистической экономической теории (как бы ни отличались их предметы), «переводить» идеи философии хозяйства в соответствующие духовные практики «модернизации» человека. Это позволит ей играть свою мировоззренческую роль в теоретическом обеспечении экономического возрождения и развития России.

Литература

1. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 2008.
2. Осипов Ю.М. Реквием. М., 2010.
3. Осипов Ю.М. Обретение. М., 2011.
4. Осипов Ю.М. Столетие «Философии хозяйства» С.Н. Булгакова — сто лет философии хозяйства // Философия хозяйства. 2012. № 3.

И.Г. ШЕВЧЕНКО

Блеск и нищета экономической мысли России

Аннотация. Противоречивое развитие экономической науки в России отражает обусловленный природой тип хозяйствования и отсталость страны. Появление философии хозяйства дает шанс преодоления отставания от экономической мысли Запада и методологическую основу прикладных экономических исследований.

Ключевые слова: экономическая наука, философия хозяйства, неденежные формы развития производительных сил, экономическая география.

Abstract. Controversial development of Russian economy theory reflects type of nature determined economy and country backwardness. Philosophy of economy appeal gives chance to get over backwardness from Western science and methodology basis of applied sciences.

Keywords: economy theory, philosophy of economy, non-monetary forms of national economy development, economical geography.

За отступающим ледником на равнины шло причерноморское племя ятвягов, заложивших традицию жизни на грани смерти. Славяне и угро-финны унаследовали этот уклад, ставший естественной основой развития русского этноса. Скудость ресурсов, их распыленность на огромной территории ограничивали плотность населения, формировали очаговый тип освоения пространства. Расселение народа представляло сеть практически автономных хозяйственных ячеек, и столь милое в тесной и уютной Европе понятие экономики, где можно все не спеша измерить, выменять и выгадать, было изначально чуждо природе русских.

Аскеза, коллективизм, универсализация не могли не найти своего отражения в научном осмыслении хозяйственной деятельности столетия спустя. Родимое пятно русской природы оказалось удивительно устойчивым, предопределившим сущностные черты своеобразия отечественной мысли. Соборность, общинное хозяйство, невещественное богатство все это упорно сопротивлялось имплантированным в челюсти России протезам европейской науки.

Логика геополитического соревнования заставляла наспех, формально и фрагментарно осваивать европейские новации, товары и идеи. Закаленный в природных и политических катаклизмах ум русских быстро усвоил лучшие концепции экономической мысли Запада и, развивая их, уткнулся в неприменимость в аграрной, феодальной России. Тогда наука стала развиваться вне архаичного

российского хозяйства, помимо него и мимо него, устремляясь вслед за европейской наукой к анализу европейских же производительных сил, отчасти реальному, отчасти мнимому прообразу будущих производительных сил России.

Перетекание отечественной экономической науки в общеевропейский контекст фактически означало ее вольное или невольное соучастие в реализации антихристианского европейского *проекта* — противопоставления науки и прочно укорененного в России православия.

Процесс шел противоречиво, не все ученые поступались верой, но общий мейнстрим экономической мысли в России XIX в. все более явственно приобретал антиправославный характер. Булгаков первым распознал опасность разворота науки от базовых скреп русской цивилизации, но его идеи христианского социализма не были восприняты и услышаны в надвигающемся цунами национального декаданса.

Кульминацией стали эпидемия марксистских идей, череда революций и признание марксизма единственно верным экономическим учением. Отрицавшая религию наука сама превратилась в псевдорелигиозный культ. Место научного поиска все более прочно стали занимать марксистская догматика и апологетика советского строя.

Позорный крах советской системы спровоцировал очередную волну преклонения перед западной экономической мыслью. Вместо вдумчивого анализа сильных и слабых сторон марксистской теории началась массовая дискредитация былого кумира. Отечественная наука вновь показала высшую степень политизированности, когда на первое место в исследовании ставилась не объективность анализа, а соответствие полученных выводов господствующей политической доктрине.

Карикатурность процесса вызывала отторжение у мыслящих и честных людей, и когда в обществе вновь зазвучали идеи Булгакова о философии хозяйства и нравственной экономике, они были услышаны и востребованы.

Особым этапом развития философии хозяйства как состоявшейся научной школы стало появление монографии Ю. Осипова «Обретение». Приведенный в книге философский, геополитический и метаисторический анализ наметил конкретные направления развития новой научной дисциплины. После этой книги уже невозможно только критиковать идеи экономического либерализма и гордо именовать себя философом хозяйства, теперь нужно искать ясный ответ, что

делать дальше, как найти свой, русский, путь между Сциллой и Харибдой либеральной идеи и марксистского тоталитаризма.

Стала ясной и методологически обоснованной потребность разработки системы неденежных форм развития производительных сил, и в этой части могут быть полезны многолетние научные результаты экономической географии — концепция территориально-производственных комплексов, целевые программы освоения районов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока, энерго-производственные циклы, теория геосистем. Реальное преобразование национального хозяйства требует анализа динамики общественных процессов не только во времени, но и в пространстве.

С появлением философии хозяйства экономическая география (наряду с другими прикладными общественными науками) наконец обрела методологическую основу своего развития, что не могла в советское время дать марксистская политэкономия, стройные идеи которой приходили в вопиющее противоречие с результатами хозяйственной деятельности.

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Россия или экономика-хрематистика?

Аннотация. В контексте метафизики истории выделяются некоторые свойства и смыслы русской экономико-хозяйственной мысли. В современной науке термин «экономика» содержит в себе два противоположных смысла, идущих от аристотелевского различения *экономики* как *домо(хозяйства)* и как *хрематистики*. Экономика-хозяйство занимается всей полнотой жизнеотправлений человека, обеспечивая его телесное сохранение и воспроизводство его духовного мира. В хозяйстве деньги, даже войны, убийства животных служат средствами жизни, средствами созидания новых умений людей. Но экономика-хрематистика занята бесконечным ростом денежного богатства в целях смерти. Эти несовместимые интенции, миры, стратегии жизни и смерти, методологии, эсхатологии срослись, как сиамские близнецы, и разделить их смогут лишь мысль и меч апокалипсического правосудия. Специфика русской экономической мысли — в неприятии экономики, зараженной хрематистикой.

Ключевые слова: Россия, хозяйство, экономика, хрематистика.

Abstract. In a context of metaphysics of history some properties and meanings of the Russian economic thought are marked out. In modern

science the term «economy» consists of two opposite senses, going from Aristotelian distinction of *economy* as a *house(hold)* and as *chrematistics*. Economy-household is engaged in all completeness of person's life providing his corporeal life and spiritual reproduction. Money in economy, even wars, murders of animals serve as means of life, means of creation of new abilities. But economy-chrematistics taken with the perpetual growth of money wealth for death. These incompatible intensions, the worlds, strategies of life and death, methodologies, eschatologies grew together like Siamese twins and only the thought and the sword of apocalyptic justice will be able to divide them. The feature of the Russian economic thought is rejection of the economy infected chrematistics.

Keywords: Russia, household, economy, chrematistics.

Выяснение нрава русской хозяйственно-экономической мысли возможно лишь в метафизическом контексте истории России.

Допустим, что в мире осталась одна чистая-пречистая экономика, ставшая всевластной царицей. Чего пожелает эта царица? Куда она заведет своих служивых людей? Какой мир, каких людей породит ее чрево? Куда пойдет человек, ведомый этим человечески-сверхчеловеческим организмом, ставшего их властелином и потребителем? Призванная производить блага жизни, она производит почти все, чего желают люди, но в то же время разрушает природу, уничтожает культуру, расчеловечивает людей, готовя своему миру глобальный суицид. Так человек движет экономикой, или экономика движет человеком, или же экономикой и человеком движет некий «аноним», принуждающий людей исполнять именно *его* цели?

И этот аноним умело ведет людей, так что они как будто сами идут в никуда, попутно творя блага для себя. Хотя, хотя страх не покидает экономического человека, ибо он чувствует, что кара неведомая таится в самой сути экономики. Этот страх присущ и самим деньгам, что проявляется в инфляции, в непонятном их самообесценивании; деньги чего-то боятся и от страха теряют свою мощь вплоть до самоотрицания.

Очевидно одно: экономика стала глобальным криптоорганизмом, имеющим свои органы, методы познания, цели и свой провиденциальный проект, своих детей (стоимость, деньги, цены, процент). И человек, будучи сотворцом этого метаорганизма, теперь не знает, как спасти это крипточудище и как самому спастись в нем от него.

Но определить целевую причину экономики сложно в силу ее inferнальной завязанности на людскую порочность, которая скорее

погубит человека, чем позволит узнать причину его бед. Понять экономику — понять исток сил Воланда, способ его воздействия на людей. Маэстро был умелым финансистом, знающим секреты доходов от безвозмездного кредита!

В современных словарях, справочниках, учебниках и энциклопедиях термин «экономика» имеет множество (свыше 28) разных значений. Некоторые ученые считают экономику идеологией (Ю.М. Осипов), мифологией (А.Ф. Лосев, М.Л. Хазин), религией (П. Кругман). П. Фейерабенд допускает любые трактовки экономики, которая в итоге сама должна избрать своего жениха, свои смысловые и концептуальные наряды. Вершиной смыслового разброда этого термина является мнение о том, что у каждого экономиста есть-де своя экономика. Этот беспредельный плюрализм превращается в релятивизм, который разлагает экономику и ее науки.

Конечно, разномыслие, различие методов и подходов, в науке необходимо, но оно должно выявлять многообразие аспектов, смыслов, частей Целного Объекта, а не разрушать его бытийный монолит. Ведь когда пальцев на руке больше пяти, то рука становится неработающим органом, уродом. И в этом хаосе мнений о сути экономики трудно понять, какая же именно экономика испытывает кризис, да и вообще невозможно даже выделить больные органы экономики. Этот термин сегодня несет в себе прямо-таки тьму египетскую, сеющую непонимание даже очевидного.

Или экономика не имеет такого цельного предмета, будучи частью другого предмета, или же ученые не могут теоретически описать экономическую целостность. Постмодернизм заменяет саму экономику и науку информационными симулякрами. Ведь информация — это знание без смысла и понимания. И поскольку информация растет лавинообразно, то неизбежен момент, когда информация без понимания заменит собой понимающее знание. Видимо, экономика никогда не была автократическим предметом, всегда была частью общества, а потому ученые не могут представить ее в качестве Целого, и сегодня это и не нужно, ибо информатизму нужно не Целое, не его понимание, а постоянная игра в нем и с ним, игра, целью которой служит непрерывность игры. Экономика становится симулякром, наука о ней информацией (знанием без понимания), да и субъект экономики, становясь из индивида *дивидом*, не тянет сегодня на симулякр. Сегодня уже безумие становится материалом, предметом, субъектом и наукой. Экономика и экономическая наука становятся глобальной клиникой, в которой хлопочут врачи, родившиеся в этой клинике и ничего иного, кроме нее, не ведающие. Поэтому одно безумие они исцеляют другим

безумием, пока безумие не исцелит само себя в очередной мировой войне. Но Целостность мира нас зовет и манит, угрожает возмездием, требуя указать смысловые пределы экономики как целостного мира.

Поэтому сегодня нужны радикальная, беспощадная предметная аналитика и метафизическая рефлексия самого термина «экономика», выявление его базовых, периферийных, служебных смыслов, его трансформаций, его трансцендентных ориентиров, inferнальных планов и абсолютного контекста, в котором он зародился и адекватно выполняет свои миротворные функции. Некритически используя этот термин, мы будем говорить, не зная о чем, творить, не ведая что, идти, не зная куда, получать сполна, не зная за что, добиваться того, чего не желает никто.

А провиденциальный императив Отечества требует выявить, определить и понять специфику русской хозяйственно-экономической *идентичности* в контексте крушения глобального экономизма, финансизма, информатизма и технологизма. Это нужно не для адаптации к чужим идеям. Нет, речь идет о самосохранении русскости как субъекта бытия в условиях нашествия квазибытия. Ибо распад современного мира возглавляет таинственная, *понятно-непонятная экономика*, определяющая его цели, средства, типы деструкции, ход и характер его событий, насыщая их inferнальными стихиями, деформируя самого индивидуума в дива, лишенного каких-либо творческих потенций, но преисполненного потребительских интенций. В экономике события, люди теряют контроль над собой, становятся то ли объектами (жертвами?) стихийного исхода бытия в бездну, то ли орудиями некоего анонимного субъекта, осуществляющего глобальный проект «Ничто». Это относится и к экономической науке, которая так и не рассказала о таинствах «невидимой руки» А. Смита, о причинах гибели природы и ужасающей нищеты большинства людей, о прогрессе паразитизма. Экономическая наука еще не провела метафизической рефлексии, логосной и софийной рентгенографии своих терминов, имеющих в себе и внеэкономическое содержание. Об отсутствии этой метанаучной оптики вещают кризисы — вестники метафизики.

К сложностям целостности экономики добавляются и гносеологические трудности. Апофатика русского ума¹, не вполне

¹ «Своначальный, жадный ум, —
Как пламень, русский ум опасен
Так он неудержим, так ясен,
Так весел он — и так угрюм.
Подобный стрелке неуклонной,

доверяет чужим умам и самому себе («умом Россию не понять!»), вообще, не доверяет уму в его потугах постичь истину, решить важные вопросы Спасения: чтобы ум не придумал, все равно его любящая сестра — глупость — убеждена, что есть лучшее Иное (истина = есть ина).

Всякая единичность права в утверждении и неправа в отрицании, и лишь Целое всегда право своей вечной правдой. Иван-дурак был социалистом милостью Божьей, а потому владел всеми тайнами антикризисного управления. Именно поэтому русская экономическая мысль искала знания-откровения, основания и методы решения неразрешимых проблем не только в рацио, но и в софийных интуициях и смыслах Премудрости Божьей, присутствующих во всех хозяйственных реалиях. Видимо, удел России в том, чтобы испытывать и определять истинность всех идей, учений, проектов, ценностей, институтов, средств и целей. И Россия ценой величайших истязаний и жертв выполняла эту роль, пока не иссяк креатив прогресса. И вот теперь последнее испытание последней креатуры Запада — экономики. Что это за чудо-юдо такое, экономика? Поистине — Протей многоликий, неуловимый и коварный, алчущий человеческих жертв на алтарь своего бесплодия.

В отечественной традиции чаще всего используется термин «хозяйство», заменяющий, покрывающий, разоблачающий белые и черные пятна термина «экономика», хотя в основе своей они должны совпадать.

В середине XIX в. экономизм стал основанием, движущей силой, законом Запада, его религией, источником целей и мотивацией всех деяний человеческой жизни. Поэтому еще до того, как субъект вознамерится определять суть экономики, она уже предопределила своих определителей, их мысли, аргументы, выводы и прожекты, предопределила их ум, мысль, сознание, души и язык в лабиринтах своего Минотавра. И вне экономики они не могут представить свою мысль. Засоленные огурцы могут понимать лишь соленые перспективы своих инноваций. Например, экономисты СССР ожидали прихода развитого социализма, а тут разверзлась черная дверь рынка. Увы, экономическая наука уроков не извлекла, ибо это была не наука,

Он видит полюс в зыбь и муть,
Он в жизнь от грезы отвлеченной
Пугливой воле кажет путь.
Как чрез туманы взор орлиный
Обслеживает прах долины,
Он здраво мыслит о земле,
В мистической купаясь мгле» (Вячеслав Иванов).

а религия «золотого тельца», которая учит только о росте богатства, но не о его понимании. И только кризисы тревожат экономизм в его неясных снах, которые он уже не умеет отличить от трудовой реальности, от искусственного техногенного сна, накрывающего его своей гробницей.

Вергилием, который проведет нас к потайным кладам и ядам экономизма, станет Аристотель (384—322 гг. до н. э.) со своим глубочайшим, неустареваемым различием экономики и хрематистики. Аристотель опирался на традицию и ее истолкователей. Он рассматривал экономику как деятельность, сочетающую в себе институт, искусство и науку. Экономика есть домохозяйственная организация жизни. Но она есть искусство и наука управления хозяйственной инфраструктурой дома с целью достижения благой и прекрасной жизни, в которой имущество служит здоровью, здоровье — душе, душа — уму, ум — мере и Логосу. Главным в экономике для Аристотеля является Дом, в котором разворачиваются вся мистерия, загадка и трагедия человеческого бытия. Истоком, движущей силой и основанием Дома служит хозяйство, которое составляет часть Дома, как Дом составляет часть религиозного культа. Дом — субъект, субстанция, институт, целевая причина и конечный смысл экономики как хозяйственного органа самой жизни. Если индивид — это микрокосмос, то Дом — это мезокосмос, через который индивиды общаются с богами, с макрокосмосом и с первоматерией бытия. Дом делает существо человеком, а бездомность расчеловечивает его. Совокупность Домов составляет общину, состоящую из родов, а совокупность общин составляет Общий Дом государства-полиса. И вполне обоснованно некоторые экономисты рассматривают Дом как первопарадигму, которая сохраняет человека на протяжении всей истории человечества, являясь основанием и хозяйства, и экономики, и культуры, и религиозного духа.

Дом делает экономику и этику неразделимыми, преодолевая посредством нравственной меры антагонизм справедливого и несправедливого в цене, в труде, в налогах, в имуществе, в доходах и расходах. Аристотель ценил «естественное хозяйство», целью которого служит благо дома и государства, а не бессмысленное личное обогащение. Он ценил и деньги, но только как средство улучшения хозяйства, как средство благой и достойной жизни.

Аристотелевское понимание экономики-хозяйства включало в себя воспитание гражданина, патриота, героя своего Отечества. Институтами такого воспитания служат дом, семья, школа, образование, участие в управлении, а его субъектом — учитель. В

этом плане *социномика и педагогика* есть важнейшая часть хозяйства-экономики, ибо возвращение и воспитание новых поколений есть труд величайшей сложности. А для хрематистики, занятой лишь ростом денежного богатства, дети и воспитание только помеха, хотя сегодня и дети стали материалом субстанции богатства.

Иной взгляд на экономику, на цели и смыслы жизни людей Аристотель обнаружил в хрематистике, сделавшей деньги богом («золотым тельцом», мамонной), творцом нового мира. Уже в Античности деньги из средства хозяйства незаметно становятся целью человека. Со временем деньги создали капитализм, в котором хозяйство стало его рабом и средством. Извратился сам смысл термина «экономика», в котором хозяйство из «первого» стало «последним», а деньги из средства жизни стали их целью. Фактически сегодня экономика означает эксплуатацию и разрушение мира, самого хозяйства посредством денег. Где нет денег, там сегодня нет экономики, нет и хозяйства. Аксиома: «экономика — это хозяйство» стала сиомой: «экономика — это эксплуатация мира ради роста денег». Экономика стала деньгами, а деньги — экономикой.

Аристотель дал не только социально-экономический анализ денег, но он не обошел и их философской сути. В хозяйстве деньги возникают из обращения товаров, выступая в качестве средства обмена. Но деньги сразу же становятся самоцелью обмена, порождая неудовлетворяемую страсть к накоплению не товаров, а именно денег. Эту страсть и занятие Аристотель называет *хрематистикой*. Какая же причина побуждает людей к бесконечному накоплению денег? Кто или что инициирует и поддерживает эту страсть вопреки ее практической несообразности? Ведь людям нужны вещи за деньги, а не деньги за деньги? Ответ Аристотеля гласит: «В основе этого направления лежит стремление к жизни вообще, но не к благой жизни; и так как эта жажда беспредельна, то и стремление к тем средствам, которые служат к утолению этой жажды, также безгранично» [1, 393].

Итак, в бесконечном накоплении денег лежит стремление людей к бесконечной жизни, к жизни вообще. Стремление к жизни вообще посредством бесконечного накопления денег означает, по сути, стремление не к жизни, а к абстракции жизни, которая представляет собой ничто, отрицание, ненасытную поглощаемость смерти. Любая абстракция есть ненасытное ничто. Абстракция всех съест, и все равно будет голодной; а после поглощения бытия абстракция начнет пожирать самое себя, но от этого самоедства она лишь плодит новые столь же голодные абстракции. И прожорливость абстракций в итоге создает особый — виртуальный — мир, в котором бесконечный рост абстракций становится самоцелью... Растущая масса денег в

сочетании с их абстрактностью порождает виртуальный «ценнобумажный мир». Поэтому издревле чистое накопление денег воспринималось как феномен Аида. Абстракция дерева включает в себя деревья всех времен; и никакое количество деревьев не наполнит и не насытит ее виртуальное чрево. Так и безмерность денег не насытит абстракцию жизни.

Бесконечное накопление денег — престранная и жутковатая штука, кошмары которой укрыты трехслойным гипнозом. Безмерное накопление денег фактически есть дополнительный (помимо греха) теневой, незримый рост смерти, негативной жизни, хотя агентам этого накопления мнится, что они идут к бессмертию, ибо деньги обещают отнять у смерти присущее ей бессмертие и подарить его человеку. Человек слишком поздно замечает, что с ростом денежного богатства он обретает, имеет все, кроме... самого себя. Безмерное накопление денег есть реальный рост алогизма, бессмыслицы жизни, ибо людям нужны вещи за деньги, а не деньги за деньги. И этот алогизм готов платить проценты, только чтобы избежать конечного расчета с жизнью. Безмерное накопление денег есть самовозрастающее и неизлечимое безумие, ибо исцелением от него может быть лишь другое безумие. Деньги переливают в свою золотую субстанцию ум вещей и людей, делая их слугами безумия. Поэтому силу и мощь хрематистики составляет троица: *бессмертие, алогизм и безумие*. Эти три кита образуют основание современной экономики, ищущей причины своего кризиса, методы его преодоления в его же порождающей причине.

Но если центром жизни служит самовозвышение разума до его подобия богу, то в хрематистике всеми способами избегают обсуждения сути этого центра. Деньги? Стоимость? А что является их центром? Абстрактный труд, которого нет, ибо это абстракция от различных видов труда, ничто, которое насытится только самоотрицанием. Маркс доказал, что хрематистика Аристотеля стала законом капитала, либерала и технократа. Дело в том, что не только бесконечное накопление денег ведет в ничто, но и все институты, технологии, средства и препараты, инициируемые и создаваемые деньгами, несут в себе гибель. Они ее не творят, а содействуют высвобождению таящейся везде и связанной смерти, превращая ее в Черную дыру аннигиляции. Поэтому все современные технологии, созданные экономикой, непрерывно, как и подобает смерти, уничтожают природу, и остановит их лишь их же самоотрицание.

Аристотель не ставит вопрос о том, кто является автором, инициатором этого безмерного накопления денег. Человек

добровольно умножает деньги ради денег или же дух денег возбуждает у людей это влечение? Или есть нечто «третье», влекущее деньги и людей друг к другу?

Аристотель резко осуждал ростовщичество, считая это противоестественным, противоприродным делом, которое должно пресекаться даже путем насилия [1, 395]. Но если накопление денег противоречит человеку, природе, жизни, богам, значит, оно соответствует нечеловеческому, нежизненному, неприродному началу, которое это накопление денег в качестве цели сохраняет, поощряет и покровительствует ему вопреки общей воле граждан полиса. Если нечто противоречит всему миру и все же процветает в нем, даже временами повелевая им, значит, это нечто опирается на мощь внемировых сил. Древние не заглядывали по ту сторону таких антиестественных феноменов, хотя феномены эти навязывали и навязывают свою волю обитателям естественного мира.

Деньги — это первый искусственный интеллект, возникший в условиях ослабления и кризиса естественного ума, нечто вроде костылей у инвалида или очков у слабовидящего. Но главное в том, что деньги заменяют понимание; с изобретением денег исчезает понимание не только денег, но и всего прочего, исчезает осознание того, что ты не понимаешь того, что творишь. Деньги заменяют понимание кризисами, а кризис — это суд самой экономики над непонимающим ее человеком. Поэтому познать, осознать суть и смысл экономики в контексте самой же экономики невозможно, как соленые огурцы не могут осознать свою соленость в банке; да и после банки они только гниют, и лишь живые огурцы могут рефлексировать свой род.

Для Аристотеля очевидно, что безмерное денежное богатство провоцирует ничто, соблазняя человека вечной жизнью, но подменяет ее вечной смертью. Но осознать смерть, сидящую в экономике-хрематистике современный человек уже не может. И обсуждение экономических вопросов в неосознаваемом контексте смерти лишь ускоряет гибель экономствующих людей. Самой экономной является смерть, ибо ей кроме людей никаких других ресурсов не нужно. И кто осмелится признать, что экономику творит и держит смерть? Ведь она самая богатая, а кризисы ей не ведомы. Одной рукой экономика повелевает рынком, а другой — смертью. Первой рукой она загоняет человека в рынок, а второй — убивает. В экономике люди не умирают, а перерабатываются смертью в богатство. В экономике-хрематистике мы все участвуем в каком-то демоническом спектакле, отчасти сознавая его ложь, но выйти из него невозможно.

Люди, животные убивают друг друга для сохранения и укрепления жизни, а смерть убивает для нежизни, для самовозрастания. Одни люди используют деньги как средства жизни, но накопление денег как самоцель превращает жизнь в средство смерти. Причем сама смерть, ее цели неизвестны, как неизвестно то, чего она желает от людей. Поэтому кризис и экономика — неразделимы; кризис — это экономика за работой, а экономика — это черная месса смерти. Да, человек смертен, неожиданно смертен, но он целиком не сливается с нею, сохраняя в себе возможность иной жизни. А экономика-хрематистика искажает не только жизнь, но и смерть, растворяя человека в сумме теней.

Итак, в современном употреблении термин «экономика» содержит в себе два противоположных смысла: экономика как целое изначально означает хозяйство (дома, общины, храма, государства, народа, региона, человечества); с эпохи капитализма экономикой стали именовать денежную часть хозяйства — хрематистику, которая посредством стоимости и денег создала свою систему, подчинив ей исходную хозяйственную структуру, питающую ее энергиями, ресурсами, знаниями, самой реальностью. Экономика-хозяйство занимается всей полнотой жизнеотправлений человека, обеспечивая его служение воссоданию духовного мира и общения с Богом. Даже деньги, войны, смерть, убийства животных и людей вопреки их негативности могут служить средствами, которыми человек очищает хозяйство от паразитизма и алчности, от антихозяйственных сил мира. Поэтому столь ценны учения Домостроя, философии хозяйства, что они содержат в себе контексты, в которых экономика может глядеть на себя глазами ума, видеть перспективы хозяйства и богатство тупиков богатства.

Но начиная с эпохи Возрождения экономику-хозяйство² отождествили с экономикой-хрематистикой, а затем просто стали именовать «экономикой», забыв о том, что в этом термине скрыто два несовместимых значения — хозяйство и смерть, вернее, одно значение и холодная пустота костлявой. Вот и получается, что человечество, хозяйствуя на рубль, должно еще принести дань и смерти на полтора рубля, приближая тем самым срок своего общего приговора. Не работаешь на смерть — не получишь благ для жизни!

² В хозяйстве традиция требует начинать всякую работу призывом «С Божьей помощью!». Но трудно себе представить, что, делая вклад в банк или получая проценты, можно взывать к Божьей помощи. Небезопасно!

И все же хрематистика Аристотеля не столь уж бесплодна на кратких дистанциях. Хрематистика изобрела процент, создала экономику смерти, которая производит посредством смерти богатство и воспроизводит смерть, обещая к тому же бессмертие через богатство. И она победила хозяйство тем, что смерть оказалась самым экономным фактором, который сам воспроизводит самого себя и все необходимое для своего роста. Хрематистика пытается поставить на службу богатству силы самой смерти. Отчасти ей это удалось: сама смерть стала самовозрастающей прибылью для мира этого и мира иного. Мало этого мира и тесно в нем, перейдем в мир виртуальный, станем симулякрами, но дело первых деньгонакопителей не предадим. А там пусть нас Бог рассудит, если есть у него толковые ангельско-экономисты! Но и без ангелов ясно, что путь экономики в отрыве от хозяйства, путь экономики-хрематистики, есть «творение навыворот» — путь от бытия в ничто и в никуда.

Вообще, экономика-хрематистика есть величайшая авантюра мироздания, гигантский эксперимент человечества со смертью. Если накопление денег не знает пределов и границ, то почему же, идя по этому пути и взяв себе в помощники Вельзевула, нельзя победить смерть и возратить себе утерянное бессмертие? Или, на худой конец — сотворить суррогат бессмертия и рая, обойдя сакральные запреты и границы?

Экономика-хрематистика — это, прежде всего, религиозный, антихристианский проект и феномен, и лишь затем она выступает как сугубо практическое, идеологическое и научное дело. Но без провиденциальных, метафизических измерений не постигнуть ее сверхчеловеческой мощи и столь же сверхчеловеческой угрозы ее крушения вместе с человеком. В экономике люди имеют дело не с благами, а со смертью, вернее, смерть имеет дело с людьми, приняв увлекательный, соблазняющий облик прогресса и новых благ. Люди не без помощи лукавого исказили суть экономики, выдав ее часть — средства — за цели и целое; и если главный вопрос экономики-хозяйства состоит в спасении людей от смерти, то главный вопрос экономики-хрематистики состоит в спасении смерти за счет людей. Поэтому экономику нужно изучать в контекстах жизни, хозяйства, дома, религии, из которых она вышла, но служит не только и не столько им, а принуждает их служить смерти. Экономика-хрематистика выбила из голов людей Бога, мудрость, философию, мораль, заменив их «наукоевизмом», в котором есть все, кроме смысла и понимания экономики. Одни люди надрываются в труде, оставаясь голодными, а другие от безделья выдумывают псевдокультуру, чтобы укрывать за ее стенами свои противоестественные желания.

В условиях, когда хрематистика подчинила себе экономику, исказила сам термин «экономика», сделав его для знающих орудием манипулирования незнающими, использование этого термина в научных исследованиях создает непреодолимые трудности, ибо неизвестно, в каком смысле он работает в том или ином случае.

Эта сиамская двойственность экономики и ее термина вынудила русскую экономико-хозяйственную мысль в течение всей своей истории искать более точную и однозначную терминологию в исходной традиции всего человечества. Русское сознание не приняло малейшего догматического искажения христианства католицизмом и пошло с ним на жесткую конфронтацию. Не приняло оно и хрематистики в облике кроваво прогрессивной экономики. Россия, как и многие страны, несовместима с экономикой-хрематистикой по своей культурно-смысловой генетике, по своему климату и своему человеку.

Русская мысль напрямую обратилась к общечеловеческому феномену «хозяйство». Исходной клеточкой, носителем хозяйства является Дом, а его смысл раскрывает Дом(острой), а его исследования назвала философией хозяйства. Не теорией, ибо теория тоже не различает «экономику» и «хрематистику», а философией, которая только и сохранила социальное, личностное и метафизическое различия экономики и хрематистики, связав экономику с хозяйствованием, а хрематистику со спекуляциями золотого тельца и ростовщичеством. Подлинную суть экономики-хозяйства выражает философия хозяйства, которая охватывает и метафизику энергий веры, и софийные смыслы, и житнетворчество, включая и финансовые импровизации. Это то тайное, которое стало явным в русской мысли.

Русская мысль искала такое понимание жизни, в котором сакральные, христианские, домостроевские, хозяйственные и финансовые начала сочетались бы нераздельно, но и не сливались бы в тотальности общего, не теряли бы своих особых качеств. Духовное, смысловое, софийное и логическое разрешение этой неразрешимости нашел Андрей Рублев в иконе «Троица», которая служит вечным эталоном решения всех проблем русской экономики, хозяйства и хрематистики. Только в хрематистике кроме кредитора и должника третьим ангелом будет топор Раскольникова.

Своеобразие, уникальность русской мысли коренятся в том, что она оценивает хозяйственно-экономические реалии с религиозной точки зрения, в перспективе Великого Спасения. Они должны содействовать созиданию, сохранению, укреплению наивысшего блага — веры. Веры в то, что ты есть, что твоя жизнь нужна миру и его Попечителю, что ты тоже «крутишь свое колесо» и должен крутить его ради сохранения

бытия. Ибо, только участвуя в *спасении веры*, человек становится достойным Великого Спасения и преобразования своей конечной жизни. Поэтому термин «экономика» означает хозяйство, имеющее своей целью благоустройство Дома в широком смысле — от Дома семьи, до Дома-государства, Дома-Храма и кончая Домом Космоса.

Только выделение смыслового поля термина «экономика» можно указать основные черты и аспекты русского видения феномена экономики.

Русская хозяйственно-экономическая мысль, признавая традиционное хозяйствование, опиралась на внеэкономическое отношение к экономике, к богатству и к бедности. Экономика — часть общества и жизни человека, а не общество и человек — части и слуги экономики. Экономика есть средство, а не цель. И главный продукт и товар, который должна приносить экономика — это вера, ибо будет вера чистой и сильной, будет и все остальное, а с ослаблением веры рухнет любое богатство. Выше и дороже веры, ведущей к спасению, ничего нет. Экономика же стремится к богатству, оценивая веру деньгами. Хозяйство должно укреплять веру в Бога, углублять понимание божественного промысла, служить важным средством спасения. Экономика же пытается посредством смерти увеличить саму смерть, стать самовозрастающей смертью. Экономика выполняет не только функции жизни, но и функции смерти, вынуждающей после греха приносить ей постоянную дань. Поэтому в русской мысли понимание экономики, ее отличия от хозяйства нужно начинать с понимания сути и причины греха, приведшего к смерти. И если экономика не ведет к Спасению, то зачем «вкальывать», «копить», «прогрессировать»? Ведь «блаженны нищие духом»; дух в личности, в ее душе, знаниях и умениях превышает накопления богатств.

Отсюда следует слитность власти и собственности, хотя и малая автономия собственности сохраняется при условии служения государству.

В русской культуре доминирует эсхатологическое понимание экономики, ибо Россия — страна конца, а «евриканцы» даже не доживут до конца и не увидят его, не говоря уже о продолжении. Поэтому копить надо то, что пригодится для жизни после конца, для вечной жизни — духовные богатства, мудрость, которые тоже имеют свою экономику. Не случайно монастыри славились самой прочной, надежной и эффективной экономикой.

Но самой главной чертой русской экономико-хозяйственной мысли является ее имперский характер. А эффективность имперской экономики определяется большими стратегическими проектами, инициативами, задачами, в которых и через которые может

действовать дух. В империях общечеловеческое становится реальным, а национальное — общечеловеческим. Империя — это особый мир смыслов, ценностей, значений, проектов, посредством которых индивиды и народы прорываются в Большое Время вечности. Не властители и цари, а жрецы и священники, мифы и религии создают духовный космос империи. Империя — основная структурная единица истории, ибо именно империи накапливают смысловые, духовные энергии, которые служат творческими инициативами мироустроительных проектов. Хозяйственные и экономические блага в империи имеют чувственно-сверхчувственный характер, причем, сакральный, трансцендентный уровень является в них определяющим (Мать-Земля). Империи вырабатывают веротерпимость народов, и в них субъектом экономики и хозяйства, системообразующим институтом служит власть. Русская экономическая мысль имеет метаэкономический характер, а ее перводвигателем могут служить только стратегические долгосрочные, футуристические и утопические социальные программы и технопроекты, которые мобилизуют жажду жизни. А экономика частной собственности не знает, что предложить человеку после насыщения; поэтому он разлагается и как субъект, и как индивид.

Интеллигенция принесла в экономико-хозяйственные учения идею-идеал — превратить школу, образование в главное орудие совершенствования; школа непрерывно, от начала до конца должна учить науке спасения, науке побеждать смерть в деле созидания Царства Божьего.

В целом, русская мысль признавала, что только синергия домономики, трудономики, социномики, финансономики и педагогики (без их слияния) составляет содержание экономики. Священным символом этого полилектического единения всех сторон жизни для русского сознания служит София Премудрость Божья, которая и ум дает человеку (но не душу), и умение строить Дом, и способности различные для хозяйства, и служение государю, и злато для денег, и дар творения из ничего, т. е. из знаний, и естественную софioterapiю, умение работать в смысловых мирах.

Сегодня выбор перед Россией стоит безальтернативно: или страна станет частью мировой экономики-хрематистики и сгинет в ее синергетике и дефолтах, или же экономика-хозяйство станет средством развития России. После разоблачения фокуса под названием «экономика = хрематистика» развивать, обновлять его невозможно никакими способами. Нужно выделить позитив «экономики» и сделать его средством хозяйствования; к этому принудит скоро сама

катастрофичность экономики и ее институтов, живущих пока благодаря донорству государства. Но мало желающих приподнять завесы, за которыми искусно прячутся демоны хрематистики, скрывающиеся от прелестно беспощадной Немезиды!

Литература

1. *Аристотель*. Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1984.

А.В. БУЗГАЛИН

«Русский вопрос»: марксистский анализ (тезисы к дискуссии)*

Аннотация. Автор показывает, что теоретический подход к «русскому вопросу» предполагает исследование специфических черт российского общества и экономики. В статье также дается критика представлений, в соответствии с которыми русские выступают якобы «старшим братом», который заплатил наибольшую цену за все процессы в нашем обществе. Автор использует социо-исторический марксистский подход и доказывает, что ключевые проблемы и противоречия российского общества лежат в социо-экономической сфере, где противоречия между капиталистической, олигархической, бюрократической элитами, с одной стороны, и «рядовыми» рабочими и интеллигенцией — с другой, гораздо глубже, чем между русскими и нерусскими.

Ключевые слова: Россия, «Русский вопрос», марксизм, политическая экономия, социально-экономические противоречия.

Abstract. Author shows, that theoretical approach towards so called «Russian question» requires to show specific features of evolution of Russian society and economy and gives critique of those, who claim that Russians are «old brother» of other peoples of RF and even ex-USSR, who paid and pays main price for the progress of all our space. Author uses socio-historical Marxist approach and argues, that key problems and contradictions of Russian society lies in socio-economic sphere, where contradictions between capitalist, oligarchic and bureaucratic 'elite' on one

* Автор выражает искреннюю благодарность И. Готлибу и А. Колганову за критические замечания и конструктивные дополнения к тексту.

hand and 'ordinary' workers and intelligentsia on the other are much deeper, than between Russians and non-Russians.

Keywords: Russia, «Russian question», Marxism, political economy, social and economic contradictions.

В последние годы все чаще стали встречаться тексты и выступления, в которых подчеркивается, что едва ли не основной проблемой выхода нашей ситраны из затяжной стагнации является решение так называемого «русского вопроса». В наиболее жесткой форме он поставлен в работах В.Д. Соловья [1]. Соответственно и моя критика в большинстве случаев будет направлена на этого автора и его единомышленников. Впрочем, в одном пункте я не буду полемизировать с этим одиозным автором: а именно по вопросу о критерии отличия русских от не-русских. Как известно, В.Д. Соловей предлагает выделять «истинно русских» по... крови. Для автора этих строк очевидно, что признание данного критерия есть чистой воды расизм и посему какая-либо *теоретическая* полемика по этому вопросу мне представляется невозможной: это вопросы базовых моральных императивов. Обсуждать теоретически такие темы — то же самое, что вести «научную» дискуссию о том, насколько полезен для здоровья каннибализм...

1. Оставив за скобками чисто расистские пассажи, мы оказываемся перед проблемой: а *кто такие «русские»*, кого стремятся защищать пишущие о них авторы? Вразумительный ответ на этот вопрос у моих оппонентов найти трудно, однако я позволю себе реконструировать то, чего не делают прямо мои оппоненты. Из контекста многочисленных работ русофилов довольно явственно вытекает, что под «русскими» (в отличие от россиян) подразумевается та часть граждан нашей страны, для кого русский язык и русская культура являются родными, кто тяготеет к православной системе ценностей, устойчиво воспроизводит себя как русского на русской территории и не сливается с «инородцами» (не-русскими). Кроме того, атрибут «русский» рассматривается этими авторами и в аксиологическом смысле, т. е. как некая (сакральная) самоценность (из этого сугубо аксиологического пассажа данные авторы, правда, норовят сделать весьма далеко идущие экономические, политические и т. п. следствия, но об этом ниже).

Здесь, конечно же, есть проблема для серьезного теоретического анализа. Только этот анализ должен исходить из того, что тенденциозно подбираемые многими русофильскими авторами (тот же

В. Соловей, И. Чубайс и др.) исключительно позитивные характеристики «русского народа» (в их интерпретации мы, русские, православные, — носители нравственных приоритетов, духовных ценностей, коллективизма, никогда в истории не выступали агрессорами, а были народом-страдальцем и мессией...) являются типичными чертами любой культурной традиции: и мусульманской, и латиноамериканской, и романтически-европейской и т. п. Более того, если посмотреть даже на программу нынешних европейских социал-демократов, то мы и там найдем массу гуманистических ценностей, вполне соответствующих русофильскому «стандарту».

Другое дело, что на практике в *настоящее время* в Западной Европе, а еще больше в США реальным «кумиром» большинства граждан является «телец золотой». Но с большой горечью я могу сказать, что *сегодня* и в моей родной стране, среди тех, кто считает себя русским, деньги и прибыль, эгоизм и пренебрежение к общественному благу, криминальность поведения и пренебрежение к родной природе развиты гораздо сильнее, чем в любой социал-демократической стране мира. Там и богатые граждане, и элита считают нормой 50%-ный подоходный налог, там рабочий и учитель считают нормой тратить несколько часов в неделю на безвозмездную общественную деятельность, там ни у кого нет на окнах решеток, а в подъездах и квартирах — железных дверей...

И это не критика русских. И не критика россиян. Это критика той социально-экономической и общественно-политической системы, которая сложилась (не без нашего попустительства) в моей родной стране. Но точно так же и критика денежного фетишизма Запада — это критика не «врожденных черт» французов, немцев, американцев и т. п., а глобальной гегемонии капитала, ибо именно там, в том же Европейском союзе и США, под лозунгами «Мир — не товар!», «Люди, а не прибыль!» проходят миллионные демонстрации...

И все же проблема «русскости» есть. Прежде всего есть данность: любовь моих сограждан и моя собственная к родной мне русской природе и русскому языку, уважение к подвигам моего народа и его выдающихся представителей; боль и стыд за преступления российских «элит» и русских черносотенцев... Несмотря на постоянную изменчивость и неопределенность географической конфигурации, пространственного бытия русских, у нас (и у меня, автора этой статьи) определенно есть Родина. Причем с большой буквы.

Если смотреть на проблему с точки зрения политической географии, то когда-то это был изменчивый набор вечно враждующих между собой княжеств; потом — Российская империя; затем — СССР (или РСФСР?); ныне — Российская Федерация (или все же более

широкое пространство нашей Родины?). Если смотреть на проблемы с культурно-нравственных позиций, то это культурное, социальное, политическое пространство, которое создавали и защищали мои родители, деды и прадеды.

Несмотря на непредсказуемый характер нашей истории, она у нас есть, и нам есть чем гордиться (и есть то, чего мы вместе будем стыдиться и стремиться никогда не повторять).

При всей многонациональности нашей культуры и ее открытости к диалогу с Западом и Востоком у нее, действительно, есть некоторое ядро, связанное с рождением и прогрессом русского языка, с исторической традицией культурного наследования и развития живущего в его пространстве искусства, образования, повседневного бытия...

Посему «русские» — реальный феномен. Но его специфика — не мифические универсальные инварианты-добродетели, априори приписываемые русским авторами-русофилами (православие, [само]державие, народность... — об этом идеологическом мифе мне уже доводилось писать), а *реальные противоречия нашей общей истории и культуры*, тот противоречивый, исторически-конкретный, извилистый путь нашего генезиса, взросления, мучения и развития, который мы прошли на протяжении столетий.

Но это, как легко заметит внимательный читатель, перереформатирование исходного вопроса. При такой постановке вопроса мы размышляем над проблемой специфики географического, экономического, социального, политического, культурного и т. п. бытия *всего нашего сообщества*; не только русских, но граждан всего нашего постоянно меняющего свою социопространственную и социовременную конфигурацию *мира*, предельное развитие которого — *советский народ* — на мой взгляд, наиболее полно выявил его позитивный исторический тренд.

Я думаю все согласятся, что сформулированный выше вопрос о специфике нашего большого мира существенно отличен от того, что принято называть «русским вопросом».

Но я не по ошибке совершил этот переход: дело в том, что в текстах В.Д. Соловья и его единомышленников некое неявное отождествление русских с российской цивилизацией происходит постоянно, и для них здесь нет проблемы, ибо в их пространстве русские и есть соль («главный народ») и Российской империи, и СССР.

Для меня же здесь есть принципиальное различие. Его лучше всего проявляет вопрос о том, *каковы место и роль собственно русских в*

изменчивом пространстве-времени Российской империи, СССР и постсоветских государств. Выделение собственно русских в этом контексте — принципиально сложный вопрос. Но он тоже может быть решен, хотя гораздо менее определенно, ибо сам предмет неопределен, расплывчат: мы выросли из слияния массы различных этносов и наций и постоянно живем на перекрестках взаимодействия народов, традиций и культур, постоянно расширяясь, сужаясь и снова расширяясь...

Определенность понятия «русские» с трудом нащупывается путем апелляции к опять же неопределенной конфигурации людей, более устойчиво и тесно, нежели другие граждане и народы, населяющих наше пространство, связанных с русским языком, культурой и тем, что условно можно назвать «историческим ядром» нашего мира.

Как заметит критический читатель, во всех этих характеристиках много приблизительного, неопределенного, неустойчивого и изменчивого, и это неслучайно: собственно русский народ в пространстве, населенном гражданами России-СССР, четко неопределим. И это объективная реальность, а не слабость нашего теоретического исследования.

Сказанное позволяет по-иному, нежели мои оппоненты, взглянуть на практически все акцентируемые ими проблемы.

2. Далее перед нами встает едва ли не ключевой вопрос полемики: *можно ли и должно ли считать русский народ «главным», «старшим братом»* (а то и вообще «народом-богоносцем»)? Спору нет, в нашей стране (даже если ее видеть в границах скорее СССР, чем РФ), действительно, преобладает русскоязычное население, проживающее по преимуществу на традиционно русскоязычных территориях, имеющих существенную историко-культурную общность. Но из этого никоим образом не вытекает ни особая «миссия», ни особые проблемы.

Почему?

Да прежде всего потому, что историческим субъектом, совершающим социально-творческие поступки и несущим за них ответственность, уже давно является не столько нация и тем более не некий народ, сколько реально объединенные некоторым общим интересом и делом большие общественные группы людей. Собственно национальные (или национально-религиозные) образования выступали как субъекты истории преимущественно в эпоху перехода от сословно-династических монархий к национальным буржуазным

государствам³. Сегодня этот импульс сохраняется в той мере, в какой буржуазный класс того или иного государственного образования (иногда национального, иногда — межнационального, иногда — не охватывающего масштабов даже одной народности) пытается использовать силу для отвоевания себе в глобальном мире «места под солнцем». В качестве «убойного мяса» для этого всегда используется большинство трудящихся, которым эта борьба за интересы национального капитала преподносится под соусом защиты национального достоинства, или государственного суверенитета, или религиозных ценностей...

Но это — одна сторона медали. Есть и другая, которую я не склонен забывать. В условиях позднего капитализма, неслучайно называющегося с конца позапрошлого века империализмом, а тем более в современных условиях — условиях капиталистической глобализации — эта борьба может нести и прогрессивный импульс снятия хотя бы одного — глобально-империалистического — пласта экономической, социальной, культурной и т. п. гегемонии с плеч трудящихся того или иного государства. Эта проблема стоит и для граждан Российской Федерации. Но именно что для всех граждан, и даже не только РФ, но и всего постсоветского пространства и даже шире. И этот вопрос носит прежде всего социально-экономический и общественно-политический характер. Другое дело, что для правящей российской (украинской и т. п.) «национальной» бюрократии и буржуазии этот вопрос важно обернуть в красивый фантик борьбы за «коренные духовные и геополитические ценности русского (украинского...) народа» — иначе они никогда не добьются поддержки своих сугубо прагматичных экономических и политических интересов.

При этом (и это важно!) данная борьба может действительно нести и в ряде случаев несет в нашей стране эмансипативные интенции, содействуя высвобождению культурных и социальных сил наших граждан из-под гнета глобально-капиталистического манипулирования. Но тем важнее, частично высвобождаясь из-под гнета этой (империалистической) гегемонии, не попасть всецело под

³ Напомню, что в эпоху классического капитализма главными социально-творческими силами стали преимущественно классы; сейчас ими постепенно становятся, с одной стороны, открытые общественные сети-движения, с другой — субъекты глобальной гегемонии корпоративного капитала (от транснациональных корпораций до наднациональных «сверхгосударств» типа США или ЕС и их представители — НАТО, ВТО и т. п.).

гнет гегемонии национально-капиталистической и национально-бюрократической. Для этого, в частности, интеллигенция, особенно левая, должна самым активным образом разъяснять, а не затуманивать суть проблемы. Поэтому я столь решительно и выступаю с критикой, например, текста профессора Рудыка — он уводит читателя в мир фантомов и мороков, в мир превратных форм и симулякров «русского вопроса», вместо того, чтобы четко и ясно показать, в чем, по каким вопросам и до какого предела нам *отчасти* по пути с той частью российского (но отнюдь не только русского) капитала и бюрократии, которая готова содействовать развитию производительных сил страны и ее культуры; в чем мы должны от них дистанцироваться, а где с ними и бороться. И это вопрос социально-классовый. И он не имеет практически ничего общего с «русским вопросом». Общим, повторю, может быть только временная солидарность по некоторым проблемам (в частности, в области борьбы против «оглобления» наших граждан, за сохранение и развитие русского языка и культуры, языков и культур народов РФ и, шире, постсоветского пространства).

Но моих оппонентов волнуют в данном случае преимущественно не эти вопросы.

3. Выход из зыбкого и существенно мифологизированного пространства цивилизационно-«духовных» размышлений и переход на твердые основания социально-экономического и социально-политического анализа (не будем при этом никогда забывать о значимости культуры и идеологии) требуют, во-первых, выделения разных социально-экономических и политико-идеологических слоев (классов, прежде всего) внутри якобы единого «русского народа» и, во-вторых, четкого разделения тех отношений, которые складывались в условиях Российской империи, в СССР, в постсоветском пространстве.

О первом аспекте я говорил ранее. Рассмотрим второй.

Российскую империю совершенно неслучайно называли «тюрьмой народов». И если крестьяне российской глубинки вряд ли что выигрывали от экспансии российской короны в Среднюю Азию, Польшу и т. п., то имперская элита, помещики, буржуазия, и даже такие относительно привилегированные слои, как казачество или интеллигенция (которая далеко не вся, например, выступала за отмену «черты оседлости»), немало паразитировали на двойном угнетении «иностранцев». Что же до «помощи» национальным окраинам и цивилизаторской миссии «русского человека», то здесь аргументы, широко используемые русофилами, методологически (а подчас и стилистически) не случайно оказываются на удивление похожи на

аргументацию столь нелюбимых этими русофилами «британских джентльменов», веками объяснявших колонизацию Индии и других стран «прогрессорской миссией белого человека». Так что если кто чьими соками и питался, то это по преимуществу именно русская по национальности «элита» бывшей империи питалась соками всех ее народов, и измерение, у кого она высосала больше, а у кого меньше — у русских или киргизов, у украинцев или таджиков — по меньшей мере кощунственно, ибо различие в качестве жизни крестьянина Центральной России и среднеазиатского дехкана, если и существовало, то вряд ли в пользу дехкан, и, главное, было несоразмерно с той пропастью, которая отделяла и того, и другого, от бюрократии и буржуазии — прежде всего центральной, русской, хотя и периферийной тоже кое-что доставалось.

Что же касается *СССР*, то здесь, действительно, сосуществовали, с одной стороны, бюрократический диктат центра (который для союзных и автономных республик, малых народов и т. п. оборачивался двойным угнетением) и широчайшая *взаимопомощь* народов. И если помощь в экономическом развитии Средней Азии как-то можно измерить, то как измерить великую и самоотверженную борьбу *всех* (!) народов Советского Союза против фашизма? Как измерить подвиг узбеков, приютивших миллионы беженцев и отдавших сотни тысяч жизней на войне в далекой России? Мне кажется, что сама постановка такого вопроса в экономическом плане неправомерна (если не сказать жестче — аморальна), ибо она лежит в другой плоскости — плоскости солидарности разных народов, наций, этносов.

И здесь утверждение, что русский народ якобы больше других отдал «жизненных соков» в борьбе с фашизмом, правомерно не более, чем утверждение, что москвичи — главная сила победы в Великой войне только на том основании, что это самый большой город страны. Мы все вместе защищали нашу общую Родину. Среди каждого из наших народов были великие герои и предатели, трусливые мещане и настоящие солдаты, безвестные труженики и великие руководители. И считаться здесь нельзя. Нельзя по национальному признаку измерять добро и зло, которые принесли Джугашвили или Берия, Микоян или Каганович, Хрущев или Горбачев... Тем более нельзя по этому признаку измерять вклад Иоффе или Королева, Матросова или Ахмед-Хана-Султана...

Только такая — исходящая из подвига всего советского народа — постановка этого отнюдь не только исторического вопроса может стать залогом нашего будущего единства. И именно в этом — в нашей общей борьбе за наше общее Отечество, борьбе, в которой мы были

вместе с польскими, французскими, чешскими и т. п. антифашистами, а не в пресловутых словах отнюдь не безгрешного авторитета о борьбе в Великой Отечественной войне русского народа против фашизма за якобы национальную идею мы можем найти не просто истину, но ключ к нашему будущему единству. Любой другой подход — путь не просто к межнациональной розни, это путь к углублению тех конфликтов, которые развалили мою Родину и угрожают дальнейшей дезинтеграцией и конфликтами на постсоветском пространстве. Вот почему утверждение о том, что достижения СССР в XX в. осуществлены за счет жизненных соков прежде всего русского народа я считаю не просто теоретически ошибочными, я их не принимаю как гражданин и патриот.

Приведу некоторые аргументы. В условиях действительного наличия единых интересов единого социального, культурного и т. п. пространства СССР строительство в Средней Азии современных промышленных предприятий или помощь пострадавшему от землетрясения Ташкенту были не ущемлением экономических интересов русских и не перераспределением пирога в пользу нерусских. Это были шаги по реализации нашего общенародного, общесоветского интереса. Такими же шагами была безвозмездная героическая помощь народов Средней Азии беженцам во время Великой Отечественной войны и т. д. Отрицание этого единого интереса столь же теоретически неплодотворно, сколь исторически лживо. Другое дело, что, во-первых, в СССР было и много другого: и бюрократизма «московского» центра, и коррупции на местах (да и в центре) и т. д., но наша задача сейчас — показать возможный потенциал интеграции на базе приоритета интересов целого, дающего равный простор развитию личности каждого гражданина независимо от национальности. В СССР мы этот процесс только начали. Он шел тяжело и сопровождался массой противоречий. Он не был завершен. Но это не основание для того, чтобы его игнорировать.

Обращаясь к нынешнему состоянию *Российской Федерации*, подчеркну прежде всего следующее. Разрушение СССР ударило отнюдь не только по русским. Эта трагедия подорвала «жизненные соки» и украинцев, и таджиков, и белорусов, и... — всех нас. Считаться, кому стало хуже, кто больше всех заплатил за трагедию, на мой взгляд, так же недопустимо, как искать, кто был больше всех героем в той войне. Мы все — рабочие, интеллигенция, крестьяне, пенсионеры бывшего Советского Союза во всех его ныне независимых государствах — заплатили дорогую цену за распад нашей Родины. И выиграли от этого не рабочие Мариуполя и не крестьяне Ферганской долины, а русские, украинские, среднеазиатские и т. п. олигархи и

чиновники, чьи власть и богатство были созданы и постоянно растут на останках разрушенной советской системы.

В России, как и в любой ранне-буржуазной системе, национализм (со стороны не-русских народов и наций) и великодержавный шовинизм (со стороны русских) — не более, но и не менее, чем средство умножения капитала и концентрации власти. И в этих условиях действительно стоит вопрос о соотношении экономической и политической власти между государственно-капиталистическими элитами разных стран. Здесь действительно есть проблема дележа и передела пирога. Здесь действительно в каких-то случаях национально-государственная и национально-капиталистическая элиты готовы частично поделиться со своими «рядовыми» гражданами ради получения значительного куска пирога, «оттяпанного» у своих ближних или дальних соседей. И как когда-то одни русские князья, огнем и мечом уничтожая своих единоверцев, ходивших под рукой других русских князей, потом делились с «однополчанами», так и сейчас можно надеяться на то, что мы, граждане РФ, сможем жить немного лучше за счет того, что наш родной капитал и бюрократия поделится с нами объедками от прибыли, полученной от победы в соревновании с «элитами» украинцев или среднеазиатов. Но это будет по большому счету путь в тупик, ибо в проигрыше всегда будет оказываться народ. И если русские хоть в какой-то мере обладают нормальными, действительно общечеловеческими, моральными нормами (а мы ими, я уверен, обладаем, ибо нет аморальных наций и народов), то нам не следует стремиться жить богаче за счет своих соседей.

Другое дело, что действительно существует уже не раз упоминавшийся вопрос империалистической и — ныне — протоимперской эксплуатации периферии со стороны «центра». И здесь РФ оказывается в двояком положении: по отношению к странам «первого» мира мы выступаем как эксплуатируемая периферия. По отношению ко многим своим более отсталым соседям по пространству СНГ — как эксплуататоры. И если с первым русофилы охотно согласятся, то, признавая наличие в мире отношений межстрановой эксплуатации, они никогда не признают того, что и мы, граждане РФ, можем выступать (и уже сейчас отчасти выступаем) как не только объекты, но и субъекты эксплуатации, что русский капитал может варварски эксплуатировать ресурсы других стран, проводить политику экономико-политической экспансии и т. п., не слишком умело подражая своему старшему собрату из блока НАТО.

И в этот момент наступает час истины: если ученый и его собрат-идеолог, а тем паче политик, говорит: мне все равно, за счет кого и как наш капитал получает прибыль, лишь бы это шло на пользу не только ему, но и гражданам России, то мне с этими «интеллектуалами» не по пути. Ибо я — патриот российской культуры и истории и хочу уважать свой народ и свою Родину и не хочу, чтобы о нас в мире говорили с тем же презрением и ненавистью, с каким сейчас говорят о НАТОвских «демократизаторах». Правило «с волками жить — по волчьи выть» не приемлемо ни для марксиста-интернационалиста, ни для настоящего патриота, душой болеющего за свою Родину и ее роль в мире. Мы в этих случаях идем вместе с теми, кто ищет международной солидарности в борьбе за другие правила другой игры.

4. Отмечу в этой связи только один, но очень актуальный аспект — *проблему нелегальной иммиграции*. Здесь корень вопроса не в том, что граждане государств Средней Азии или Молдавии (китайская иммиграция пока вообще полумиф: она не достигла и миллиона человек) приезжают на работу в Москву и другие крупнейшие города РФ, а в том, что российские (и по преимуществу именно русские!) буржуа и чиновники предпочитают полуфеодалную эксплуатацию нелегальных иммигрантов использованию организованных и объединенных в профсоюзы работников из числа граждан РФ и легальных иммигрантов в нашу страну. В противном случае, поверьте, проблема иммиграции решалась бы совсем по-другому. И посему гражданам РФ надо бороться не против иммигрантов, а за равноправные условия труда и самоорганизацию работников всех национальностей, включая иммигрантов, которые в этом случае будут вместе с нами решать проблемы развития нашей общей экономики.

Безусловно, этот общедемократический лозунг сегодня столь же необходим, сколь и недостаточен. Хорошо известно, что «радикальные левые» западного образца выступают с лозунгами «No borders!» и борьбы с любыми законодательными ограничениями миграции с Юга на Север. Этот лозунг столь же стратегически правомерен, сколь тактически не реалистичен. Понятно, что эти лозунги никто в близком будущем реально осуществлять не будет, но их провозглашение, хотя бы как идеала, на мой взгляд, полезно для утверждения образа будущего и делегитимации благополучия обывателя «центра» за счет «периферии» и стремления одного обывателя это благополучие защитить.

Если же говорить о тактике, то здесь компромиссный вариант мог бы заключаться в выдвижении на первый план требования экономического курса на создание максимального количества новых

рабочих мест, которые обеспечили бы занятость как не находящим ныне полноценной работы жителям депрессивных регионов самой России, так и значительному количеству мигрантов. Тем самым была бы хотя бы частично снята напряженность конкуренции между владельцами рабочей силы за возможности и условия ее продажи (каковая конкуренция, по моему убеждению, все же не просто продукт злых козней капиталистов, а имманентная капитализму — и вообще обществу с отчужденной экономикой — реальность; она не «лечится» простым взыванием к текущему интересу работника «против буржуа» в рамках существующих порядков — но только объединяющим проектом более высокого уровня; в рамках капитализма/отчужденной экономики она полностью изжита быть не может, но ее дурные эффекты могут быть ослаблены, о чем здесь и идет речь).

Посему тактически-компромиссное, частичное решение проблемы миграции должно сочетать изложенное выше требование легальной защиты трудовых прав работников (мигрантов и немигрантов) с требованием экономической политики, направленной на массовое создание новых рабочих мест, в результате которой станет более востребованной и отечественная, и иммигрантская рабочая сила, — в противоположность неолиберальному курсу, при котором (особенно в российских условиях) масса людей становится «излишней». При этом левые не должны ни в какой форме (даже и в невятно-половинчатых формулировках типа «разумной миграционной политики») поддерживать какое-либо ужесточение миграционных барьеров (этим и так будут заниматься правые и разного рода «идеологически неопределенные» популисты).

Безусловно, это не снимет проблемы культурных и языковых барьеров, традиций и религиозных различий, но создаст некоторые экономические предпосылки для решения этих проблем. Что же касается вопросов культуры и этики, то я специально подготовил текст на эту тему, в котором дается критика как идей постмодернистского безразличия к различным культурам в духе «мультикультурализма», так и националистических идей культурной ассимиляции «инородцев» или «огораживания» нашей страны и отделения от мирового интернационального культурного диалога.

5. Приведенные выше короткие ремарки показывают, что проблема русских как якобы «главного народа» на самом деле упирается в решение, во-первых, социально-экономических и социально-политических проблем *всех* народов, населяющих наше некогда общее пространство. Во-вторых, в вопросы ухода от империалистического

или националистического насаждения той или иной масс-культуры и перехода к равноправному культурному диалогу наших народов: Чингиз Айтматов и Хачатурян дали русским не меньше, чем Шолохов и Дунаевский представителям других народов нашей страны. И я берусь утверждать это прежде всего потому, что в подлинной культуре просто нет места количественным соизмерением. В-третьих, в проблему отношений между «центром» и «периферией» российского капитализма, ибо если кто кого и эксплуатирует в России (в пространственном аспекте этой проблемы), то это москвичи и жители еще нескольких мегаполисов (а еще точнее, их «элита») всю остальную Россию. Именно эти «новые русские» сильнее всего «разрушают русский народ», а отнюдь не народы Кавказа, на «помощи» которым паразитируют прежде всего русская буржуазия и русское чиновничество.

И поэтому я берусь утверждать, что *если русскоязычные жители РФ и несут за что-то ответственность, то за то, чтобы вместе с другими гражданами нашей страны решать социально-экономические проблемы нашей общей Родины*. И это не высокопарные призывы, а сугубо прагматичные задачи, стоящие в равной мере и перед русскоязычными, и перед остальными гражданами нашей страны и постсоветского пространства.

Что же до идеи «главного народа», то это, я уверен, сугубо реакционная, патриархально-державная (ее неслучайно популяризировал Сталин, вообще крайне склонный к смешению ростков социализма и пережитков патриархальной державности в позднефеодальном духе) теоретическая конструкция, создаваемая для идеологического оправдания усиления российской государственной бюрократии и сращенного с ней крупнейшего капитала — слоя, который будет усиливать свое экономическое и политическое могущество под предлогом защиты «русских» от «инородцев». При этом те задачи «приращения» и «укрепления» страны как «единой державы», которые он выдвигает на щит, этот слой будет решать столь же плохо, сколь плохо он пытается сегодня решать вопросы безопасности и социально-экономического развития нашей Родины, о чем замечательно написал в своей статье Э.Н. Рудык. Все это еще больше поставит под угрозу пока еще сохраняющиеся остатки нашего единого экономического, политического и культурного пространства, подобно тому как поставила его под угрозу «элита» Российской империи накануне 1917 г., когда только альтернатива большевиков, предложивших содержательно-единое, а не формально-общее экономическое, политическое и культурное решение, оказалась жизнеспособной, когда действительное единство интересов

большинства трудящихся в самых разных пространствах Российской империи показало им необходимость и важность объединения для противостояния «своим» бюрократам, дворянам, буржуа и в центре России, и на Украине, и в Средней Азии и т. п.

6. Продолжим и рассмотрим проблемы так называемой «географической обделенности» русских и им подобные отсылки к неблагоприятности нашей природной среды, климата, пространств и т. п. На мой взгляд, эти темы вообще неуместны при обсуждении «русского вопроса», ибо «географически обделены» все мы: и евреи, и татары, и башкиры, и все остальные большие и малые народы моей Родины. При таком подходе очевидно, что народы Севера «обделены» гораздо сильнее, чем русские, проживающие в Краснодарском крае. Поэтому данные темы мы рассматривать не будем — это *другой* вопрос, и полемика по этому поводу, особенно интенсивно ведшаяся в связи с выходом двух книг Паршева [2; 3], хорошо известна⁴.

7. Итак, моя позиция по так называемому «русскому вопросу» может быть выражена достаточно конкретно: как особый вопрос некоего принижения роли и особенной эксплуатации именно русских он *не стоит*. Другое дело — и это принципиально важно — что стоит, и очень остро, с одной стороны, не только вопрос эксплуатации большинства граждан наших стран со стороны правящих «элит», но и вопрос подавления национальных экономик, культур, языков, традиций и ценностей различных народов нашей многонациональной Родины со стороны глобального капитала и соответственно вопрос их защиты и развития. В то же время остро стоят вопросы национализма и великодержавного шовинизма, которые продуцируются и названной выше глобальной гегемонией, и политикой национальных бюрократий и капиталов наших стран. Тем важнее и сложнее задача левой интеллигенции: разъяснять эту предельно непростую, но практически актуальную диалектику и всякий раз, по всякому конкретному вопросу показывать, в какой мере, как и почему мы можем и должны защищать

⁴ Не хочу, однако, оставлять проблему вообще без комментария и предельно кратко сформулирую позицию автора по этому вопросу: постсоветскому пространству досталась не самое лучшее, но и не самое худшее из возможных географических пространств. Другое дело, что у нас столетиями существовали (и вновь существуют) такие социально-экономические и политико-идеологические системы, что народы моей Родины не столько использовали достоинства этой пространственной конфигурации, сколько страдали от их недостатков.

национальное достоинство, язык и культуру, а в какой мере и как бороться с национализмом и шовинизмом.

В этой диалектике, конкретной ответственности за конкретные решения — ключ к соотношению патриотизма и интернационализма.

На абстрактном уровне эти вопросы решаются относительно просто: я равно уважаю и ценю любую культуру, язык, гуманистические традиции любого народа, но люблю больше всех мою родную культуру и мой родной язык. Для меня лично Родина — это СССР. Это пространство, спаянное великими поступками, великими трагедиями и достижениями. Это мир, в котором я вырос и который люблю. Точка. Но это не мешает мне считать борцов за социальное освобождение в Венесуэле или США людьми более прогрессивными и мне лично более близкими, чем российские олигархи и бюрократы или русские националисты и русские по национальности homo ecomicus, готовые за лишний доллар предать не то что Родину, но и мать.

8. В заключение еще об одном тезисе, часто акцентируемом русофилами — о проблеме обеспечения для русских равного с другими народами доступа к здравоохранению, образованию и вообще к распределению доходов страны. Здесь, действительно, есть неравенство. И огромное. Но не между жителем Краснодарского края и Адыгеи или проживающим в Смоленске русским и евреем. Главное здесь — пропасть, пролегающая между 1% русских, украинских и т. п. олигархов и других представителей «правлящего класса» и России, и других стран постсоветского пространства, с одной стороны, и подавляющим большинством рядовых граждан наших стран — с другой. Именно здесь — ключевая угроза всем нам — и россиянам, и остальным жителям постсоветского пространства. Здесь, а не в пресловутой проблеме «дани Кавказу», ибо, намеренно повторю, эта «дань», так же как и другие «проекты» нынешних российских властей, есть не более чем способ «пилить бабки», причем делать это так, чтобы большая часть оказывалась у российских чиновников и олигархов, меньшая — у местных русских и не-русских «царьков». В этом смысле нынешние власти стали достойными преемниками порабощенной распутиными «элиты» Российской империи.

P.S. Автор этих строк писал их на одном дыхании. Искренне. Это именно тезисы, провокация к дискуссии, реплики на полях. Но здесь сформулированы не случайные мысли, а моя позиция автора. Преимущественно критический аспект в данном случае — следствие

замысла (критический диалог с теми, кто душой болеет за судьбы нашей Родины), а не уход от конструктивных суждений.

Литература

1. Соловей В.Д. Кровь и почва русской истории. М., 2008
2. Паршев А.П. Почему Россия не Америка. М., 1999
3. Паршев А.П. Почему Америка наступает. М., 2002.

М.А. РУМЯНЦЕВ

Путь российского хозяйства и отечественная мысль

Аннотация. Особенности российского мышления о хозяйстве рассмотрены в контексте понимания пространства в российской традиции. Определены логика движения и ритмы российского хозяйства, выявлены ключевые метафизические и пространственные сдвиги в российской истории, сформулированы принципы осмысления российского своеобразия.

Ключевые слова: Россия, хозяйство, пространство, граница, капитализм, ритмы, домостроение, большие проекты развития, национальные экономические школы.

Abstract. Features of Russian thinking on economy considered in the context of the understanding of space in the Russian tradition. The logic and rhythms of Russian economy is defined, identified the key metaphysical and spatial shifts in Russian history, and contained principles understanding of Russian identity.

Keywords: Russia, agriculture, space, boundary, capitalism, rhythms, house building, large development projects, national economic schools.

В статье речь пойдет не о безусловном вкладе российских экономистов в развитие мировых научных школ (политической экономики, теорий экономических циклов и кризисов и человеческого капитала, институционализма и др.), а о принципах национального экономического мышления, выражающего самобытность *российского хозяйства*.

Характеристика отечественного мышления о хозяйстве. Заметим, что хрупкость всего идущего от экономики явно проступала в архетипической для России византийской традиции. Хозяйственная деятельность воспринималась там подобно педагогической задаче.

Хозяйственное право основывалось на христианских принципах, согласно которым грех был тождествен преступлению. Казалось бы, безличные нормы знаменитого римского права при продаже земли и имущества должны были гарантировать реализацию частновладельческих прав. Но не рынок и право, а воля императора и христианская этика обеспечивали легитимность частной собственности. Особенно уязвимыми ввиду постоянных конфискации в казну были крупные состояния. За счет конфискации у богатых финансировалось широкомасштабное строительство инфраструктурных сооружений и храмов. Причем бедные получали оплачиваемую государством работу. Например, при строительстве храма Святой Софии в Константинополе работу получили 10 тыс. человек [1, 173]. Автократор (Самодержец) и народ против «сильных мира сего» — так можно выразить ведущий принцип византийского, а затем и российского хозяйства. Ясно, что на практике этот принцип часто нарушался, но пока он имел значение общественного идеала, хозяйство Византии развивалось поступательно.

Если бросить панорамный взгляд на труды отечественных мыслителей, то, несмотря на неизбежные для нескольких веков расхождения в уровнях понимания, темах и литературном стиле, можно сказать, что сочинения русских авторов представляют собой какую-то до конца не определенную, многосмысленную и во многом гениальную творческую лабораторию мысли, нежели строгую научную школу с выверенной последовательностью направлений и четко сформулированной исследовательской программой.

Феномены хозяйства в сочинениях отечественных авторов даны не в качестве обособленного объекта скрупулезного изучения и анализа — они раскрываются в виде функции от идеи, религии, политики государства или природно-географического фактора. Едва ли в какой-либо другой национальной экономической школе, включая немецкую историческую, так откровенно и с таким размахом утверждается мысль о безусловном приоритете внеэкономического начала над материальным экономическим бытием. А также о приоритете субъектного, идущего от сознания человека рукотворного начала над объективными экономическими закономерностями, будто бы «от воли людей не зависящими».

Славянофилы подходили к изучению хозяйственной жизни с точки зрения справедливого устройства всего общества, государства, сельского мира. При связи всех со всеми в патриархальном русском обществе, считали они, безусловной частной собственности на землю не может быть. Как выразился К.С. Аксаков, «частной собственности нет» [2, 157]. Через собственность реализуются взаимные обязанности людей и потому отношения собственности на землю есть не более чем

взаимные права владения, распределяющиеся между крестьянами, сельской общиной, помещиком и государством — в той мере, в которой они выполняют свою миссию в рамках единого российского жизнестроя. Следовательно, в основе права собственности лежат не вещные, а личные отношения. Или, словами И.В. Киреевского, «в устройстве русской общественности личность есть первое основание, а право собственности только ее случайное отношение» [3, 209].

В свой черед евразийцы обычно рассматривали экономические проблемы в свете определения роли природно-географического фактора в организации больших пространств Евразии. Экономист и географ П.Н. Савицкий показал, что экономика России и других континентальных государств подчиняется иным закономерностям, чем экономика «океанических государств», имеющих выход к морю и богатееющих на морской торговле. При этом «наиболее обездоленной» в смысле размера пространств, удаленных от моря и замерзаемости большинства морей, является Россия. На цифрах и фактах он доказал, что интеграция России в мировой рынок будет носить заведомо разрушительный характер и приведет к перспективе быть «задворками мирового хозяйства». Российский путь состоит во всемерном развитии «системы внутриконтинентального обмена» — в создании самодостаточного евразийского хозяйственного мира, объединяющего Россию и сопредельные государства [4, 169—177], в следовании исторической парадигме Российской цивилизации. Для евразийцев, от Л.П. Карсавина до Л.Н. Гумилева, общественным субъектом является коллективная историческая личность, народ или этнос, что коренным образом отличает их идеи от методологического индивидуализма англосаксонского мейнстрима.

Вообще, русские ученые были мало озабочены изучением экономики, ее институтов, законов и категорий самих по себе. Экономические вопросы излагаются у них порой кратко, в смешении с другими исследовательскими задачами. Из-за постоянных экскурсов во внеэкономические темы экономические проблемы не получают систематического определения, что несколько не мешает читателю уяснить глубинные и в то же время практически насущные вопросы хозяйственной жизни. В идеях отечественных ученых просматривается один из интереснейших разделов мировой экономической мысли, в котором сугубо экономическое исследование реальности органично включено в познание физической и метафизической архитектоники больших пространств России. Где же обнаруживается подлинная предметность русской мысли?

Россия — невероятно мощная духовно-пространственная целостность. Искания, брожения и водовороты русской мысли находят

свое выражение, свой предмет в сакрально-пространственном своеобразии и в сакрально-пространственных сдвигах России. Обширные территории с разнообразием природных ландшафтов и условий хозяйствования требуют особого волевого, гибкого и долговременного управления, необходимой для этого управления глубоко и своеобразно развитой человеческой личности, основанной на синтезе предельного универсализма и предельного субъективизма, небывалой метафизики и самобытного практицизма, вековой косности и прорывной инновационности. И именно в понимании пространства как «месторазвития» всей общественно-хозяйственной демиургии и расходятся пути отечественной и западной мысли.

Онтология российского пространства. Русское и европейское понимание пространства — это два образа мира, которые вмещают две альтернативные логики экономического мышления. В Новоевропейское время утвердилось понимание пространства, породившее все дискурсы капитализма. Суть его выразил Гегель, понимавший под пространством чистую абстракцию, предшествующую вещам, самую бессодержательную характеристику инобытия идеи. Это пустое «Ньютоновское пространство», бесформенное, однородное и бесконечно делимое, лишено качественных различий — а значит, и границ. Согласно ироничному приговору А.Ф. Лосева, «что это как не черная дыра, даже не могила и даже не баня с пауками, потому что и то и другое все-таки интереснее и теплее и все-таки говорит о чем-то человеческом. Ясно, что это не вывод науки, а мифология, которую наука взяла как вероучение и догмат» [5, 405]. Но именно на основе такой картины мира и оказался возможен капитализм как интенция к безграничному, бескачественному и безразличному к жизни самовозрастанию капитала (стоимости). Бесконечное развертывание «черной дыры» пустого пространства типологически подобно не имеющему границ самовозрастанию денег как долга и долга как денег.

Снятие территориальных и культурных границ с движения капитала есть истинная цель капиталистической истории. Вполне показательно, что такой знаток истории капитализма, как Джованни Арриги, различает две — альтернативные — стратегии государства: капитализм и территориализм. «В территориалистской стратегии контроль над территорией и населением является целью, а контроль над мобильным капиталом — средством укрепления государства». Напротив, «в капиталистической стратегии отношения между целями и средствами переворачиваются: контроль над мобильным капиталом является целью, а контроль над территорией и населением — средством» [6, 76]. Экономика, свободная от естественных ограничений, в которой территория становится всего лишь

разновидностью транспортных издержек, состоялась. По выражению современного социолога З. Баумана, «капитализм — это конец географии». Понятно, что мышление в такого рода вымороченной реальности может быть либо спекулятивно-категориальным, либо формально-математизированным или имитационно-фрагментарным. Так произошло фатальное разделение экономики и жизни с утратой чувства живой и подлинной реальности и заменой ее «холодным и сухим блудом» (А.Ф. Лосев).

Иное понимание пространства мы находим в отечественной традиции. Пространство в традиционном Космосе — живой организм, изначально неоднородное «вместилище вещей», единораздельная иерархичная целостность, имеющая свою структуру, цель и форму движения. Если пространство имеет собственную структуру, то оно имеет свой Центр и свои границы — и, стало быть, развертывается из центра вовне, к периферии. Пространство здесь не пустая форма для «научного мышления». Оно разворачивается во времени, «распространяется», «обустраивается», «обрастает». «Идея прогрессивно нарастающего развертывания, распространения особенно ярко выражена, — резюмирует В.Н. Топоров, — в русском слове “пространство”, обладающем исключительной семантической емкостью и мифопоэтической выразительностью. Его внутренняя форма (pro-stor: pro-stirati) апеллирует к таким смыслам, как “вперед”, “вширь”, “вовне” и далее — “открытость”, “воля”. Попробуем прислушаться к языку. О чем он говорит в слове “пространство”? В нем говорит простор. Это значит: нечто простираемое, свободное от преград. Простор несет с собой свободу, открытость для человеческого поселения и обитания» [7, 336—337].

Метаисторически стрела русской истории направлена к победе Пространства как Божественного устройства над Не-пространством как изначальным Хаосом. В этом можно усмотреть борьбу мировых и даже вселенских метафизических сил, борьбу бытия и ничто. Собираение и обустройство территорий, освоение «неудобий» (термин Л. Бадалян и В. Криворогова) определяют ход российской хозяйственной эволюции. Ось разворота отечественной истории ведет из центра к окраинам, к границам, к пограничной общественно-хозяйственной ситуации. Но что значит путь к границе как особенная ситуация именно русской истории?

Струнно-колебательные ритмы российского хозяйства. В истории известны две формы общественной динамики — линейное движение от низшего к высшему, или логика прогресса, и циклическое вечное возвращение от конечного к начальному и обратно. Динамика России, если использовать выражение Л.Н. Гумилева, «струнно-

колебательная». Когда очередная модель общественно-хозяйственного устройства исчерпывает себя, в России происходит смена центров власти и типов развития. Тогда новый центр развития дает первотолчок, струны русской истории натягиваются и звенят, импульсы от сверхнапряжения расходятся во времени и пространстве — и затухают. Ясно, что длительность каждой «струнно-колебательной волны» определяется мощностью властного первотолчка, уровнем энергичности элит и народа. Новый тип развития базируется на открытии новых природно-географических горизонтов, новых центров и новых метафизических смыслов.

Новый имперский центр проводит долговременные стратегии — большие инфраструктурные проекты, в которых хозяйственное обустройство земель становится целью, а государственный контроль над движением денег и капиталов подчиняет экономику этой хозяйственной сверхзадаче. Бенефициаром таких проектов в кратковременном периоде являются новые элиты, экспроприрующие активы прежних элит и присваивающие прибавочный и, частично, необходимый продукт. Однако в долговременном периоде главным выгодополучателем оказывается российский народ.

Россия самоутверждается в истории благодаря череде духовно-материальных сдвигов, приводящих к периодической смене сакрально-природных горизонтов развития.

В Киевской Руси после Крещения сформировались две новые доминанты мировидения: христоцентричность и софийность. Христоцентричность означает направленность ума не на отвлеченные сущности, а на Лицо Спасителя. Смысл жизни открывается здесь через образ и жизнь Христа. Софийность мышления исходит из того, что «Благодать есть истина» и истина раскрывается только через благодать, ведущую к преобразованию земного бытия в Боге. Древнерусская софийность открыла источники духовной энергии, питающей хозяйственное развитие России. Но Киевский центр был внешне ориентирован (активное участие в мировом торговом пути «из варяг в греки», культурные заимствования из Византии).

Большой проект, обращенный внутрь России, связавший ее земли воедино и сформировавший Великороссию, начался с перехода центра развития во Владимир и Суздаль. Духовным первоначалом Великороссии явилось почитание Богородицы. После создания во Владимире храма Святой Богородицы Золотоверхой князем Андреем Боголюбским, храмы, посвященные Богоматери, стали строиться по всему Северо-Востоку. Введенное Андреем Боголюбским почитание Богородицы как Матери — заступницы Русской земли одухотворило жизнедеятельность суровых великороссов, администраторов, воинов и пахарей. Тогда возник новый великорусский тип власти, отличаю-

щийся упорством, искусством «наряда» (организации), стремлением к единой державно. Хозяйственное освоение лесных массивов Северо-Востока России, строительство новых городов и культурный подъем были прерваны татаро-монгольским нашествием.

Великое княжество Московское, а в дальнейшем православное Московское царство основывалось на духовном первообразе Пресвятой Троицы. П.А. Флоренский писал: «Византийская держава выродилась в «грекосов», а из русских болот возникло русское государство. Символом новой культурной задачи было видение Троицы» [8, 196]. Из религиозного архетипа единосущной и нераздельной Троицы произошла русская идея всеединства, данная политически как самодержавное государство с обязательным «всеобщим тяглом» для всех сословий, и хозяйственно — в качестве многоукладной экономики, базирующейся на синтезе государственных и частных, рыночных и натуральных сегментов, и разнородных по природным условиям зон в единый народно-хозяйственный комплекс. Расцвет Московии проявился в монастырской и крестьянской колонизации «дремучих лесов» Заволжья, в развитии речных коммуникаций по Волге и другим рекам России, давшем рост городов, ремесел и торговли, в культурно-хозяйственной экспансии России на Восток. Тогда же Россия начала освоение важнейшей приполярной коммуникации — Северного морского пути.

Петербургская империя, получившая мощный идеологический импульс от квазирелигии европейского Просвещения, была обращена и на Запад и на Восток. Санкт-Петербург стал мировым центром, через который в Россию транслировались достижения (и не только) европейской культуры. В то же время Россия продолжила движение на Восток. Строились железные дороги, ставшие двигателем технологического прогресса. Бюрократия и дворянство осуществили имперский проект развития страны, которая достигла своих естественных геополитических границ. Русская наука и искусство приобрели всемирное значение. Однако снижение уровня правящих элит и рост социальных противоречий привели Империю к гибели.

Советский проект вырос из марксистской версии идеологии прогресса. Перенос столицы в традиционный сакральный центр, в Москву, привил державное начало коммунистическому интернационализму. Мегапроект создания принципиально новой энергетической коммуникации — план ГОЭЛРО — дал первоначальный толчок всему советскому индустриализму. Такие достижения СССР, как ускоренная индустриализация, победа в Великой Отечественной войне, создание социального государства, развитие науки и образования, космонавтика, имеют всемирно-историческое значение.

Однако социалистическая квазирелигия прогресса, оборвавшая всякую интимную связь человека с религиозными и метафизическими установками, довольно быстро обнаружила ограниченность своих творческих ресурсов. Если первые поколения советских людей наследовали от своих предков крестьянскую нравственность, солидарность и христианскую этику долга, то их потомки постепенно утратили национально-культурную идентичность. Еще одной причиной гибели советской цивилизации была незавершенность сдвига производительных сил и центров развития на Восток. Исход России к Востоку, который чаяли евразийцы, пока так и не состоялся.

Принципы осмысления российского хозяйства. Даже такой краткий обзор позволяет определить логику исторического движения России и принципы ее осмысления — те специфически национальные методы мысли, о которых должна идти речь в отношении хозяйственного своеобразия России. Глубинные течения отечественного мышления связаны с невероятной для учебников и трактатов по экономической теории логикой хозяйственного развития. Но, как заметил И.А. Ильин, «человек должен приспособляться к тому способу бытия, который присущ данному предмету; он должен ставить в его распоряжение всю клавиатуру своих способностей» [9, 327].

Если западный капитализм размывает и уничтожает границы вещей, то российское хозяйство свои текущие границы преодолевает, всякий раз видоизменяя свое метафизическое и природное пространство. Россия пульсирует вверх-вниз, вперед-назад, вправо-влево. Она периодически оказывается в пограничных ситуациях выхода за свои мировоззренческие, хозяйственные и природные горизонты. Тогда разворачивается драма смыслового преобразования и хозяйственного приращения России, тогда запускаются механизмы антропологических, территориальных и хозяйственных сдвигов. Граница — особая реальность России, ее экзистенциально-антропологический смысл, когда нечто может существовать только вместе со своим иным. На границе происходит взаимопроникновение раздельно существующих процессов и сфер, там действует особый способ смыслообразования и высвечивается подлинность предельных значений бытия.

Подлинность бытия — это воспроизводство жизни во всей ее полноте и предельности. А предельность жизни есть смерть. Вот почему для С.Н. Булгакова хозяйство есть «функция смерти» — необходимость поддержания жизни человека, «трудовое воспроизведение и расширение жизни» [10, 41—43]. Тогда делается понятным онтологическая подлинность русской мысли, руководящим принципом которой оказывается стремление к живой предметности и духовно-практическому опыту, а не к изощренному позитивистскому

или к вычурному спекулятивному знанию. По заключению Ю.М. Осипова, «русская мысль вглядывается в жизнь, а западная — лишь в один из ее искусственно созданных механизмов» [11, 26].

Таким образом, отечественная мысль по своей основной направленности есть идея домостроения как первопринципа воспроизводства жизни. Человеческое домостроение есть образ и проекция своего первообраза — Божественного домостроения. Отсюда проистекает хозяйственная задача человека, состоящая не в восстановлении наличного бытия, но в творческом превышении его, в воспроизводстве жизни. Домостроение, несмотря на свою всеохватную всеобщность, в то же время содержит в себе нечто максимально личное и интимное для любого человека — в качестве домостроя каждой семьи, каждой отдельно взятой человеческой личности.

Этот первопринцип разворачивается вовне, в мир и природу в виде державной сверхзадачи хозяйственного устройства больших пространств России. Большие инфраструктурные и интеллектуальные имперские проекты устройства российских территорий с точки зрения локальной рыночной эффективности кажутся раздаточными и нерезультативными, но в долговременной перспективе именно они создают новые системы жизнеобеспечения, воспроизводящие жизни нынешних и будущих поколений.

Своего самопознания русская мысль достигает в философии хозяйства, поскольку хозяйственно-экономические отношения не есть простые функциональные отношения, но отношения между физическими и метафизическими уровнями хозяйства самой разной смысловой сложности. И, поскольку само хозяйство, по Ю.М. Осипову, есть абсолютная тотальность, охватывающая все жизнеотправление человека, его сознание и сверхсознание.

Этого, однако, недостаточно для определения перспективы русской мысли. Нынешний системный кризис капитализма провоцирует цивилизационные и антропологические катастрофы, деформирует базовые структуры воспроизводства жизни. Западная экономическая наука с ее пристрастием к конструированию абстракций оказалась не готовой к исследованию девиантных тенденций и тем более — к разработке альтернатив. Исконный антикапитализм российских экономических школ (славянофилы, народники, государственники, евразийцы) становится привлекательным и востребованным. Антикапиталистическая хозяйственная альтернатива содержится в глубинах русской мысли и требует своего творческого переоткрытия.

Литература

1. *Вальденберг В.Е.* История Византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб., 2008.

2. К.С. Аксаков — А.С. Хомякову // Хомяковский сборник. Т. 1. Томск, 1998.

3. *Киреевский И.В.* О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Киреевский И.В. Полн. собр. соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1911.

4. *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М., 1997.

5. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М., 1990.

6. *Арриги Дж.* Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени. М., 2006.

7. *Топоров В.Н.* Пространство и текст // Семантика и структура. М., 1983.

8. *Флоренский П.А.* Вопросы религиозного самопознания. М., 2004.

9. *Ильин И.А.* Путь к очевидности. М., 1993.

10. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М., 1990.

11. *Осинов Ю.М.* Отечественная мировоззренческая мысль: наследие и перспективы. М., 2013.

А.В. КУЗНЕЦОВ

Свобода творчества против свободы потребительства: выбор за человеком

Аннотация. В статье рассмотрена дилемма экзистенциального выбора человека между интенсивной творческой реализацией и экстенсивной экономизацией бытоустройства. Проводится сравнительный анализ условий и возможностей творческого развития личности в советский и постсоветский периоды. Показано повсеместное сужение жизненного пространства человека в процессе полномасштабного развертывания потребительской цивилизации.

Ключевые слова: пределы творчества, потребительское общество, экономический человек, суррогатные ценности, всеобщая коммерциализация, советская модель хозяйства.

Abstract. The article considers the existential dilemma of choosing between intense development of human creativity and extensive economization of lifestyle. A comparative analysis of the conditions and

opportunities for development of creativity in the Soviet and post-Soviet period are carried out. Widespread narrowing of the living space of the person in the course of a full-scale deployment of consumer civilization is revealed.

Keywords: limits of creativity, consumer society, the economic man, surrogate values, total commercialization, the Soviet model of economy.

В настоящее время в индивидуальном сознании на постсоветском пространстве глубоко засела убежденность в том, что с низвержением так называемого тоталитарного строя и централизованной плановой экономики главными достижениями демократии и рынка стала высвобождение творческого потенциала личности, а также невероятное расширение жизненного пространства человека. Подобные представления, однако, являются обманчивыми и искажают действительность. На самом же деле капитализм и рыночная экономика высвободили главным образом потребительские страсти человека, основательно подкосив возможности для его всестороннего развития.

Зарывание талантов

Рынок разрешил злободневные проблемы советского периода: уравниловки, подавления личности, изолированности от внешнего мира, которыми так тяготился советский человек. С приходом капитализма ушел в небытие также и советский дефицит качественных товаров индивидуального пользования, предметов бытоустройства, комфорта и роскоши. Но вместе с тем на смену старым пришли новые, куда более серьезные формы дефицита, — любви, дружбы, культуры, свободного времени, возможностей для творческой реализации, здоровья, источников восстановления жизненной энергии [1, 60].

Дружба — это отношения, основанные, прежде всего, на общности взглядов, интересов, бескорыстной помощи, взаимном духовном обогащении. В условиях дикого капитализма понятие «дружба» постепенно растворилось в «партнерстве по бизнесу», основанном на получении обоюдосторонней коммерческой выгоды.

Любовь как акт самопожертвования во имя счастья и благополучия другого человека была низведена до банального физического удовольствия — одного из многочисленных наряду с употреблением алкогольных напитков, кутежами в ночных клубах и уличными гонками на внедорожниках. Любовь как смысл бытия стала непозволительной роскошью, а любовь как секс — общедоступным коммерческим продуктом.

С ослаблением государственного контроля над общественной моралью, в условиях повсеместной популяризации идеалов рыночного

фундаментализма, стяжательская сторона человеческого естества восторжествовала, взяв вверх над добродетельной, порок вошел в норму поведения и стал основой всей системы хозяйствования на постсоветском пространстве.

Были устранены какие-либо нравственные препоны на пути умножения богатства и частного материального благополучия, которые отныне выступают единственными общепризнанными мерилami общественного статуса человека. Капитализм с легкостью преодолел барьер между посредственностью и одаренностью. Сегодня любой самый примитивный субъект, способный овладеть нехитрой техникой бухгалтерского учета и купли-продажи благ, пользующихся спросом, получил возможность выделиться в обществе за счет владения деньгами. Напротив, в СССР большие деньги были «вне закона» и поэтому, не опасаясь тюрьмы или общественного порицания, выделиться мог только воистину талантливый человек: писатель, художник, токарь, спортсмен, инженер, изобретатель, математик, артист.

Следует напомнить, что в СССР была создана целая индустрия для развития способностей и талантов подрастающего поколения, финансируемая государством: шахматные клубы, станции юных техников, кружки кройки и шитья, хоровые и танцевальные студии, музыкальные и художественные школы, духовые оркестры, всевозможные спортивные секции, где каждый желающий подросток мог обучаться и развиваться под руководством профессиональных мастеров и педагогов.

Более того, советское государство обеспечивало занятость человека в соответствии с его способностями и интересами. Тот, у кого были золотые руки, мог преуспеть в профессии токаря или слесаря. Способным думать и систематизировать знания был гарантирован путь в ученые, изобретателям — в инженеры, любителям острых ощущений — в летчики-испытатели. Обладатели вокальных, танцевальных, художественных или литературных способностей становились профессиональными певцами, танцорами, художниками или журналистами. Все это не приносило больших денег, но давало достаточные средства для существования и совершенствования.

Ничего подобного в современных рыночных условиях человеку не предлагается. В полностью коммерциализированной системе хозяйствования нет такого понятия, как общедоступная бесплатная инфраструктура для развития человеческих способностей. Нет бесплатных музыкальных, художественных, спортивных, танцевальных школ. Это все не рентабельно, а значит бизнесу не выгодно и не интересно. Развитие творческого потенциала личности в принципе могут позволить себе только элитные учебные учреждения.

Для обычных же школ возможности внеклассного развития подростка ограничиваются использованием бесплатными баскетбольными и футбольными площадками.

Таким образом, любые человеческие способности на постсоветском пространстве перестали быть востребованы, если только они не могут быть использованы в коммерческом деле. Поэтому после развала СССР самыми востребованными специальностями стали экономические и финансовые — именно на них во всех вузах (даже не специализированных) наблюдается наибольший спрос. Но у всех ли студентов имеются соответствующие способности? Нет, далеко не у всех. Многие студенты сами признаются, что экономические науки для них — неподъемный груз. А что можно предложить взамен? Вот и получается, что рынок не может дать всем одаренным абитуриентам найти свое место в жизни в соответствии с их способностями. А это означает, что мир становится все беднее духовно, поскольку развивается односторонне.

Суррогатная жизнь

Итак, творческое и культурное развитие человека, т. е. все то, что связано с правополушарным, т. е. эмоционально-художественным восприятием мира, крайне незначительно востребовано рынком. Мечты, фантазии, созерцание, спокойное и несуетливое познание окружающей действительности для бизнеса — непозволительная роскошь, ведущая к увеличению издержек и утрате конкурентоспособности. Современный «экономический человек» полностью погружен в обслуживание плодов потребительской цивилизации: собственного дома и быта (чтобы вся домашняя техника работала, сантехника блестела), индивидуального автомобиля, персонального компьютера и прочих атрибутов информационного общества. Смирившись со своей подневольной участью, человек сузил пределы своего жизненного пространства до взаимодействия с вышеупомянутыми атрибутами технической цивилизации, осуществляя их постоянное обновление с целью поддержания своего статуса и социального престижа. Невероятно, но на этот процесс среднестатистический обыватель затрачивает сегодня практически все отведенные ему природой силы и энергию.

Одновременно на наших глазах углубляется очень важный системный разрыв между городом и деревней, который в долгосрочном периоде может привести к окончательной отчужденности человека, его отрыву от земли и природы, полному овеществлению, превращению в безусловный придаток городской технической цивилизации, когда пользование природой (чистой

экологией) будет до такой степени коммерциализировано, что станет доступным только для элитного меньшинства.

В советское время город и деревня сосуществовали на паритетных началах, взаимно дополняя друг друга. Сегодня город прекратил выполнять свои негласные обязательства по оказанию финансовой, образовательной и культурной поддержки деревне, а последняя, в свою очередь, лишила город источника энергетической подпитки и качественных продуктов питания.

Горожане практически перестали выезжать «на природу» для отдыха. Это считается не престижным и не комфортным. Предпочтение отдается организованным поездкам через турбюро в зарубежные страны с развитой туристической индустрией. Кроме того, выезд на выходные на природу стал для многих недоступен, несмотря на всеобщую автомобилизацию. Рабочий день все увеличивается, а доходы нет. Все чаще приходится работать в выходные. Многие могут выехать на природу уже только раз в году. Здоровый образ жизни и сферу досуга заменили фитнес-клубы и шопинг. Полноценная человеческая жизнь стала необычайно дорогим удовольствием. Настоящего остается все меньше. Качество образования, медицины, культуры, отдыха постоянно снижается — это происходит медленно, но неотвратимо. Качество падает, а цены растут (несмотря на глобальные дефляционные тенденции), по мере снижения реальной покупательной способности денег, причем во всех сегментах.

В современном обществе, лишенном каких-либо моральных устоев, практически вся хозяйственная деятельность построена на обмане, потому как только обман позволяет опередить конкурентов в снижении производственных издержек. Натуральный состав в продуктах питания все активнее заменяется генетически модифицированными организмами. Тоже происходит с одеждой: на этикетках написано 100% хлопок, а на самом деле — синтетический суррогат. Производитель качественных товаров сегодня на рынке не выживет, потому что качество требует времени и ресурсов, а последние сегодня становятся все более дефицитными. Обман порождает еще больший обман. А итог? Еще большая коммерциализация, еще больше денег, еще быстрее скорость их обращения. Самое парадоксальное, что деньги как главный предмет вожделения общества давно утратили свою ценность. Поэтому обладатели денег стараются как можно быстрее материализовать их в земные удовольствия, что приводит к еще большему ускорению жизни и делает фактор свободного времени даже для сверхбогатых людей недостижимым благом. Самое странное, что человек стал совершенно спокойно и обреченно ко всему этому относиться. А к какой

инстанции теперь апеллировать свое недовольство? К тоталитаризму? К культу личности?

Апология советского строя

Трудно переоценить фактор личности в развитие русской цивилизации. Очевидно, что сталинские времена были далеко не самым радужным ее периодом, но уж, по крайней мере, одним из самых честных. Сталин не строил страну для повышения своего личного комфорта и финансового благополучия или обслуживания материальных запросов стран «золотого миллиарда» как, за редким исключением, это делают представители политических элит на постсоветском пространстве. Из всего нажитого личного имущества после смерти И.В. Сталина осталось несколько кителей и курительных трубок.

Сталинская эпоха демонизируется. Но много ли известно политических лидеров на постсоветском пространстве, которые, занимая высокие должности, не использовали бы свое служебное положение в корыстных целях? Причем чем выше должности, тем алчнее цели. Как с этим бороться? Переубеждением? На Западе эти проблемы тоже не решены. Просто там имущественная элита установила жесткие правила «общака», назвав их законом, и заставила всех остальных им подчиниться. Однако это не смогло предотвратить торжества потребительской цивилизации, основанной на дальнейшем культивировании антихристианских пороков и страстей.

Плановая государственная экономика СССР обеспечила беспрецедентно высокие темпы роста народного хозяйства и продемонстрировала необыкновенные достижения практически во всех социальных сферах, которые на протяжении десятилетий вызвали зависть и восхищение всего остального человечества (антисоветская пропаганда не в счет). В отличие от наиболее развитых стран Запада, экономический рост СССР базировался не на колониальной эксплуатации и военных интервенциях, а на мирном и взаимовыгодном сотрудничестве наций и народов, входящих в его состав. В СССР, возможно, и неосознанно, создали в общесоюзных масштабах тот самый «Город Солнца», о котором англосаксонские утописты могли только мечтать. Однако весь этот грандиозный прорыв держался на личностном факторе вождя, страхе и подавлении естественной (алчной) природы человека, изменить которую так и не удалось, несмотря на гигантские усилия, направляемые в сферу нравственного воспитания советских граждан.

Да, методы у Сталина были жестокие. Однако, если сопоставить те жертвы, которые подносились на алтарь человеческого тщеславия и жажды власти в странах Запада на разных этапах истории

человечества, с масштабами сталинских репрессий, то последние окажутся минимальными (как ни ужасно это звучит), а результат получится необычайный. На Западе «репрессий» было не меньше (например, колониальные кампании, крестовые походы и буржуазные революции, а также современные методы «демократизации» общества, особо цинично насаждаемые в странах, богатых нефтегазовыми ресурсами), просто их масштабы особо не афишируются вследствие подконтрольности западных СМИ крупному капиталу. К тому же единого мнения по поводу статистики жертв сталинских репрессий нет (и вообще неизвестно, получили бы они такую огласку без помощи Н.С. Хрущева, который на XX съезде КПСС руководствовался мотивами личной мести). В последнее время появились исследования, которые достаточно логично и убедительно опровергают данные, приводимые либералами, относительно реального количества жертв сталинского режима [2, 140]. Кроме того, если следовать теории о психологии народов и масс французского социолога Гюстава Лебона, то возвышение Сталина (равно как и Цезаря, Наполеона или Гитлера) было бы невозможным без волеизъявления народных масс, соответствующего «духу потребностей эпохи» [3, 148].

Сталин и советская система нравственного воспитания личности взяли на себя ответственность за все грехи советских людей, которые так и не смогли проявиться в полной мере вследствие их целенаправленного и последовательного подавления со стороны государства.

Итак, советская модель была разрушена, поскольку насаждала добродетель насильно, пытаясь принудительно заставить злого и порочного человека быть добрым и благочестивым.

Точно также современная неолиберальная модель практически не оставляет человеку выбора между бескорыстием и стяжательством, безальтернативно склоняя его к последнему. А это значит, что и сегодняшняя Вавилонская башня не устоит.

Свобода в самоограничении

Стремление к бытовому комфорту и финансовому благополучию — это суррогаты истинных ценностей, которые западное общество навязало всему остальному человечеству для оправдания своих колоссальных затрат, связанных с индустриальной революцией, а также для заполнения той духовной пустоты, которая наступила с приходом эпохи экономики знаний и последовательным отказом от веры в Бога. Погоня за суррогатными ценностями является главной системной ошибкой современности, поскольку всю свою жизнь человек растрчивает на достижение финансового и экономического

благополучия (у которого, как известно, нет предела), все дальше отдаляясь от постижения истинных ценностей бытия.

Информационная атака на человека как на ключевой объект потребительской цивилизации является главной причиной возрастающих человеческих страданий, поскольку удовлетворение одних потребностей (амбиций) рождает новые. Потребительство, подогреваемое агрессивной рекламой все более изощренных технических новинок как неизменных атрибутов человеческого «счастья» безжалостно по отношению к самому человеку, поскольку имеет целью бесконечную эксплуатацию его страстей и пороков. И пока человек полон сил и здоровья, удержаться от соблазнов тяжело. Напротив, поиск истины не требует такого перенапряжения, которому современный человек сознательно подвергает себя на протяжении всей своей жизни в погоне за нескончаемыми удовольствиями. Получается, что самые счастливые — младенцы и старики, поскольку их потребности сведены к минимуму. Именно они ближе всего стоят к истине, т. е. к небытию как к конечной цели человеческого существования.

Вряд ли кто из нормальных людей будет отрицать, что высшими ценностями бытия являются любовь, счастье и производный от них гедонизм, т. е. то, что древние греки называли жизнью в удовольствие. Если мы с этим согласимся, то остается выяснить, какой ценой достигаются вышеозначенные ценности?

Для культивирования любви и счастья цивилизация не является обязательным условием. В данной связи Альберт Эйнштейн отмечал следующее: «Возьмем совершенно нецивилизованного индейца. Будет ли его жизненный опыт менее богатым и счастливым, чем опыт среднего цивилизованного человека? Думаю, что вряд ли. Глубокий смысл кроется в том, что дети во всех цивилизованных странах любят играть в индейцев» [4, 40]. Согласно расчетам британского аналитического центра «New Economics Foundation», сегодня наиболее счастливыми на планете являются жители таких «нецивилизованных» стран, как Коста-Рика, Доминиканская Республика, Ямайка, Гватемала, Вьетнам, Колумбия и Куба [5, 61].

Постижение смысла бытия и познание окружающего мира возможны без помощи глобальной туристической инфраструктуры. Как показывает опыт, свобода международного передвижения вносит больше нервозности и хаоса, нежели гармонии и порядка в международные отношения, провоцирует скорее ксенофобию, чем интерес к другим народам, не говоря уже о том, что транспортная инфраструктура поглощает львиную долю добываемой в мире нефти, выступая основным источником загрязнения окружающей среды.

Показательно, что древние греки не обладали современными транспортными и информационными средствами, чтобы иметь возможность воочию увидеть весь мир. Тем не менее они создали философию, науку, культуру, систему ценностей, которые по сегодняшний день во многом определяют образ жизни и мировоззрение человечества.

Хорошо подобранная библиотека и запас свободного времени — вот все, что нужно для изучения устройства культур и цивилизаций. Подобная модель познания мира практиковалась в СССР. Наличие хорошей домашней библиотеки было престижным и приравнивалось к владению дачей или персональным автомобилем — предметами роскоши для советского человека. И хотя далеко не все советские граждане становились Платонами и Аристотелями, общеобразовательный уровень населения тогда был несравненно выше, чем сегодня, что позволяло советскому человеку без обращения к глобальной индустрии развлечений самостоятельно расширять круг своих интересов, пределы своего жизненного пространства.

Напротив, современный *«экономический человек»* пытается заполнить духовную пустоту через поиск все новых, более затратных и рискованных для жизни удовольствий. Тем самым он последовательно и целенаправленно сужает пределы своей свободы, лишая себя возможностей пользоваться теми благами, которые были дарованы ему от рождения безвозмездно. Эти блага включают: любовь, труд, физические упражнения, радость совершения благого поступка, удовольствие от размышлений, созерцания, бескорыстного общения с другими людьми и оказания им дружеской помощи, наслаждение прогулками по лесам, полям, горам и лугам, купанием в природных водоемах, радость от реализации своих больших и малых талантов безотносительно к их коммерческой полезности, упоение спокойной, размеренной, несуетливой жизнью, безбоязненное ожидание прихода завтрашнего дня.

Итак, следует неутешительно констатировать, что с крушением СССР окончательно пали оковы, удерживавшие человека от грехопадения, и, как следствие, «ковбойское» кредо «человек человеку волк» победило христианский императив «возлюби ближнего своего». Человек незаметно вернулся в средневековые джунгли, где, не задумываясь о последствиях, с легкостью стал уничтожать себя и себе подобных в погоне за удовлетворением разрушающих душу страстей и пороков. Отстоять свое божественное призвание или превратиться в человекоподобного монстра, служить возвышенному и вечному или потакать низменному и тленному — выбор остается за человеком. Уже никто и ничто не заставляет его принимать ту или иную сторону. Поэтому то, как человек распорядится отведенным ему промежутком

земного существования — будет ли развивать свои таланты или зарывать их в землю, — всецело и полностью зависит только от самого человека.

Литература

1. *Кузнецов А.* Экономика в условиях отсутствия морали // *Философия хозяйства*. 2011. № 6.
2. *Стариков Н.* Сталин. Вспоминаем вместе. СПб., 2013.
3. *Лебон Г.* Психология народов и масс. Челябинск, 2010.
4. *Эйнштейн А.* Эйнштейн о религии. М., 2010.
5. *The Happy Planet Index 2.0.* New Economics Foundation. L., 2009.

Л.М. ИШПОЛИТОВ

Христианско-этическая концепция распределения доходов С.Н. Булгакова

Аннотация. В статье рассматривается концепция распределения доходов С.Н. Булгакова, основанная на принципах христианской этики.

Ключевые слова: экономическая теория, философия хозяйства, история российской экономической мысли, институционалистская экономическая теория, распределение доходов, христианская этика, С.Н. Булгаков.

Abstract. The article considers the S.N. Bulgakov's concept of the income distribution, based on the principles of Christian ethics.

Keywords: economic theory, philosophy of economy, history of russian economic thought, institutional economic theory, income distribution, christian ethics, S.N. Bulgakov.

В начале XX в. С.Н. Булгаков, совершив мировоззренческий переход «от марксизма к идеализму», разрабатывает проект «христианской политической экономии», «...которая ставит и разрешает вопросы экономической жизни при свете и в духе христианского учения» [1, 16]. Одной из центральных проблем экономического учения Булгакова стало распределение национального дохода.

Основу концепции распределения Булгакова составили его представления о социальной справедливости и социальном идеале, базирующиеся на принципах христианской этики. Конкретизируя содержание проблем, стоящих перед христианской политической экономией, он писал: «Два основных принципиальных вопроса ставятся для разрешения перед экономической мыслью: вопрос об успешности человеческого труда, или о развитии производительных сил человечества, т. е. о прогрессе экономическом, и вопрос о распределении производимых благ в обществе и о справедливом устройстве экономических отношений людей между собою, т. е. о прогрессе социальном» [1, 16]. Коль скоро право на жизнь политической экономии и дадут обе эти проблемы, экономическая и социальная, то и «задачу политической экономии определяют поэтому два идеала: идеал экономический и социальный» [2, 232]. Исследование этих двух идеалов, двух абсолютных для политической экономии порядков долженствования, она и обязана сделать, по мнению Булгакова, своим предметом.

Вопрос об идеале экономическом тесно связан с христианским отношением к хозяйственной деятельности и богатству. Принимая в качестве отправного пункта тезис о том, что «экономический прогресс необходим для роста человеческого духа, для освобождения его от рабства мертвым стихиям мира в целях деятельности духовной, для одухотворения мертвых сил природы» [1, 16], Булгаков полагал, что содействие такому прогрессу есть вполне христианская задача. В этом смысле христианское воззрение на экономический прогресс, рост производительности труда и общественного богатства в целом не противоречит обычным политико-экономическим взглядам, обосновывающим их необходимость. Однако «...рост богатства и соответственно потребностей с христианской точки зрения допустим и желателен как условие духовного роста отдельной личности и всего человечества, но не как источник низких, хотя бы и культурных, страстей» [1, 17—18].

Социальный идеал Булгакова, питающий его экономические взгляды, — это христианский идеал, представляющий собой развитие христианского учения об абсолютной ценности человеческой личности и равенстве людей. Этот идеал, по его мнению, открывается не экономической наукой, которая отыскивает лишь средства его осуществления, а привносится в нее извне, христианской этикой. «Таково содержание социального идеала: заповедь любви = социальной справедливости = признанию за каждой личностью равного и абсолютного достоинства = требованию наибольшей полноты прав и свободы личности. Обоснование этого идеала дается религиозно-этическим учением о природе человеческой души и

вытекающих отсюда обязанностях человека к человеку» [3, 266], — подчеркивал Булгаков.

Все средства социальной политики, определяемые конкретными условиями, должны оцениваться по отношению к социальному идеалу как цели общественного развития. Поиски критерия в области социальной политики Булгаков связывал с вопросом распределения произведенного народного богатства. С точки зрения христианской экономической науки такой характер экономического прогресса, который не сопровождается прогрессом социальным, является неприемлемым. Усиление поляризации в распределении народного богатства, рост социального неравенства и эксплуатации человека человеком, накопление несправедливых богатств не могут не вызывать резко отрицательного отношения со стороны христианской религии. «Путь, который указывает здесь христианство, — писал Булгаков, — есть путь социальной любви, свободы, равенства и братства. Поэтому христианская политическая экономия имеет своей естественной и неустранимой задачей — выработку социальных преобразований в духе указанного идеала» [1, 19].

Анализируя отношения распределения при капитализме, он исходил из «основного факта», характеризующего этот хозяйственный строй — отчуждения части продукта труда в пользу лиц, не участвующих непосредственно в процессе производства. «Этот же факт, — отмечал Булгаков, — в глазах многих и является принципиально опорочивающим капиталистический строй. Однако, тоже считая капиталистический строй внутренне порочным, не в этом факте самом по себе мы видим основание для такой его оценки» [1, 132]. Наличие некоего остатка общественного продукта сверх потребностей непосредственных работников — факт, безусловно, положительный, лежащий в основании духовной культуры, поскольку он дает возможность существовать представителям умственного («духовного», в терминах Булгакова) труда. «В их ряду человечество видит своих духовных вождей и благодетелей, их трудом движется прогресс и самого производительного процесса, совершается развитие производительных сил» [1, 134], — писал он, подчеркивая необходимость расширения этой возможности.

В связи с этим Булгаков оценивал как ошибочную позицию экономистов, «...считающих, что труд, экономически производительный, есть вообще единственная форма труда, оправдывающего существование, создающего экономические ценности» [1, 132]. Он выступал против отождествления производительного труда с физическим, а непроизводительного — с духовным. По его мнению, отношение к представителям последнего

как к тунеядцам и паразитам связано с методологически неверным, грубым смещением условно-экономического рассмотрения с самой сутью дела, а также с ложно, варварски понятой идеей равенства, превращаемого в «равнение под одно». Между тем общество, желающее основываться на свободе и равенстве, оберегающее свободу развития индивидуальности, должно признавать неравенство людей по их способностям и предрасположениям. «Равенство должно состоять в том, что внешние условия не предопределяют, как теперь, в более или менее значительной степени карьеру человека, но она определяется на основании внутренних условий» [1, 133], — подчеркивал Булгаков. Искусственное же уравнивание всех видов труда становится, с его точки зрения, все менее достижимым вследствие растущей дифференциации занятий, и оно означало бы всеобщую варваризацию, культурное самоубийство общества.

Выступая против подобного уравнивания, Булгаков, напротив, считал справедливым и бесспорным «принцип всеобщей обязанности общепольного труда» для работоспособных лиц, поскольку он вытекал из требований христианской религии и морали. «В нормально устроенном обществе, — писал он, — не должно быть трутней и паразитов, свою праздность окупающих чужим трудом. Ничто не развращает более праздности и лени, человек не может безнаказанно пренебречь Божьей заповедью труда. Праздность одинаково вредна и для самого тунеядца, самоотравляющегося своей праздностью, и для общества, принужденного его содержать» [1, 134]. Между тем, по замечанию Булгакова, с ростом богатства капиталистического общества абсолютно и относительно увеличивается и численность лиц, не выдерживающих искушения богатством и ставших «...физическими и нравственными дегенератами, которых, может быть, только и способна излечить необходимость труда» [1, 135]. Именно в существовании и расширении этого социального слоя он видел «истинную социальную язву и несправедливость капиталистического строя. Как и Т. Веблен, осуждавший образ жизни «праздного класса», Булгаков считал «социальную праздность» принципиальным пороком современного ему общества. «С этой праздностью, проистекающей из общественного положения, так сказать, социальной праздностью, должна вестись непримиримая война» [1, 135].

Таким образом, Булгаков давал оценку распределительных отношений в капиталистическом обществе с позиций христианской этики. Не в самом по себе существовании экономически непроизводительных потребителей должно заключаться, по его мнению, осуждение системы распределения при капиталистическом строе. «Оно состоит в том, — подчеркивал он, — что в основе этой

системы положен принцип не общественной пользы и солидарности, но борьбы интересов, эгоистической эксплуатации. На распределение кладет печать свою основная черта капиталистического производства, то, что оно есть производство прибыли и для прибыли. Поэтому и основные формы дохода, в которых выражается капиталистическое потребление, определяются жизнью, потребностями и функциями капитала» [1, 135].

С этих же позиций Булгаков анализировал основные формы доходов. Предпринимательская прибыль, по его мнению, — «авантюристическая форма дохода», она «...представляет собой импульс движения вперед, предприимчивости, новых завоеваний», результат «...не только удачи, но и уменья, своеобразного коммерческого таланта...» [1, 136]. Предпринимательский доход требует большого напряжения ума и энергии, он зарабатывается. В связи с этим при оценке социальной роли предпринимателя Булгаков выделял его организаторскую функцию, рассматривал предпринимательство как вид общественного служения. Он призывал отказаться от тенденциозного представления о том, что роль предпринимателя — это некая почетная и бесполезная для общества синекюра: «Пока существует капиталистическое производство с своей относительной исторической необходимостью, предприниматель играет совершенно необходимую роль организатора промышленности, он несет общественную службу. Можно и должно осуждать капитализм, но при существовании капитализма промышленность организуется и устроается капиталистами, это факт, который совершенно бесполезно оспаривать» [1, 136—137]. В то же время, согласно Булгакову, необходимо принимать во внимание, что различия индивидуальностей самих предпринимателей накладывает отпечаток на выполнение ими своей общественной функции. Поэтому рядом с проникнутыми сознанием ответственности и обязательств предпринимателями перед обществом и работниками существуют и беззастенчивые, безжалостные эксплуататоры.

В противоположность предпринимательской прибыли, процент на капитал, как подчеркивал Булгаков, — консервативная, паразитическая форма дохода, источник социальной праздности. Процент может быть оправдан индивидуально, если дает своему обладателю возможность заниматься общественно-полезной деятельностью непроизводительного характера, или направляется на общественные нужды. Но *социально*, как следствие индивидуального присвоения общественных средств производства, процент выражает «основную неправду капиталистического строя», в нем «заключен главный яд капиталистического обогащения», он «...создает

вырождающихся трутней, развращает целые культуры, приводит к их вырождению» [1, 137—138]. Именно процент, согласно Булгакову, обуславливает «пропасть между увеличивающимся богатством и нищенствующей бедностью», «богатым и Лазарем».

Отрицая существование некоего «всеобщего закона», выражающего внутреннюю природу распределительных отношений и устанавливающего однозначную динамику и пропорции распределения общественного продукта, Булгаков отмечал подтверждаемую данными статистики тенденцию растущей неравномерности в распределении доходов и имущества, увеличения социального неравенства и относительной бедности в современном ему обществе [1, 138—140]. Этот «страшный, роковой», наполняющий моральную атмосферу общества ненавистью контраст богатства и бедности, способен, как пророчески предупреждал Булгаков, «...потрясти мир неслыханным социальным ураганом и землетрясением, в котором рушится и сгорит многое из того, что теперь кажется нам незбылемым» [1, 139]. Он задавался вопросом о том, найдется ли тогда в этом мире достаточно здоровых нравственных сил, чтобы справиться с разлившейся при вскрытии этого социального нарыва ядовитой отравой, «...или же на развалинах Вавилона, наполнившего своей мерзостью мир, поднимется последнее царство грядущего зверя... Это вопрос уже не экономического, а религиозного и морального сознания. Но бесспорно то, что вся теперешняя культура утверждается на готовом разверзнуться кратере» [1, 140].

«Этически окрашенной» у Булгакова является и категория заработной платы. В отличие от «несправедливого и греховного» процента она «свята и чиста». Заработная плата (в исторической ретроспективе) — символ свободы и в то же время, — воплощение экономической несвободы, денежной зависимости работника от предпринимателя. Булгаков различал в истории капитализма две эпохи — экономии низкой заработной платы и экономии высокой заработной платы. В переходе от первой эпохи ко второй, наряду с повышением производительности труда, он придавал решающее значение социальному фактору — росту требований рабочих, их организации, развитию просвещения и духовному подъему их личности. Нельзя, по его мнению, забывать, что рабочий — не машина и не ее придаток, а духовная личность. Однако переход к экономии высокой заработной платы «...совершается не раньше, нежели становится фактически необходимым, а последнее имеет место в том случае, когда поднятие уровня своего существования становится более или менее распространенным требованием народных масс, у которых оно появляется вследствие общего подъема духовного развития.

Духовное развитие рабочего представляет, таким образом, деятельный фактор экономического и социального прогресса, оздоравливающий социальный быт и вызывающий к жизни более достойные человека формы производства» [1, 146]. Эти мысли Булгакова весьма близки к социальной теории распределения М.И. Туган-Барановского.

Из характера системы производства и распределения в обществе проистекает и характер потребления. Булгаков отмечал нарождавшуюся (и ставшую впоследствии предметом исследования институционалистов) тенденцию массового потребления, которым овладевает изменчивая и по-своему деспотическая мода и связанная с ней реклама. «В моде мы имеем как бы карикатуру на то спасительное и необходимое объединение человечества, которое достигается в историческом процессе» [1, 151], — писал он, подчеркивая, что следование моде — это «...внешнее приобщение к цивилизованному человечеству, это молчаливое выражение общей солидарности с ним во внешности, в costume для многих исчерпывает культуру, и получается... невыносимое пошлое обожание внешних форм цивилизации, комфорта и нарядов,... наиболее грубое выражение мещанства» [1, 151].

Давая общую характеристику капитализма с точки зрения христианской этики, Булгаков отмечал, что «несчастье и грех» этого строя состоит именно в том, что он накапливает огромные богатства в руках немногих, освобождая их от необходимости труда и отдавая их беспомощную душу в жертву всем искушениям небывалой роскоши, которую только может создать капиталистическая техника. Таким образом, в современной цивилизации, как он подчеркивал, «...соединяются высшие крайности: безграничная свобода, победа над природой во имя прав духа, и затем новое падение, новое рабство духа пред поработанной уже природой» [1, 151].

Итак, в качестве критерия социальной политики с позиций христианской экономической науки Булгаков полагал справедливое распределение народного богатства, при котором рост благосостояния одних социальных слоев не сопровождается ухудшением положения остальной части населения. В связи с этим в историко-экономической литературе высказывалось мнение о том, что взгляды Булгакова в этой области предвосхитили концепцию социальной справедливости американского ученого Дж. Ролза, как известно, считавшего критерием социальной справедливости рост благосостояния наименее обеспеченной части общества (см.: [4, 404—405]). Думается, что данное утверждение страдает определенной передержкой, ибо Булгаков прямо не выдвигал подобного требования. Однако в целом следует признать, что булгаковская концепция критерия социальной

политики явилась предтечей современных представлений о социальной справедливости в экономической теории.

Литература

1. *Булгаков С.Н.* Краткий очерк политической экономии. Вып. 1. М., 1906.
2. *Булгаков С.Н.* Об экономическом идеале // Булгаков С.Н. Труды по социологии и теологии: В 2 т. Т. 1. От марксизма к идеализму. М., 1999.
3. *Булгаков С.Н.* О социальном идеале // Булгаков С.Н. Труды по социологии и теологии: В 2 т. Т. 1. От марксизма к идеализму. М., 1999.
4. История экономических учений / Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. М., 2000.

М.Р. ЭЛОЯН

К 90-летию со дня рождения М.К. Петрова, выдающегося представителя ростовской школы науковедения, сложной профессиональной судьбе которого современная русская философская мысль обязана своими высочайшими достижениями.

История философии хозяйства: фундаментальные технологии Китая

Аннотация. Рассматриваются конфуцианские основы китайских технологических достижений. Проанализирован вклад представителей науковедения в разрешение проблемы происхождения современной науки. Рассмотрено влияние китайских технологий на становление западноевропейской науки. Показана специфика западноевропейской науки как экспериментальной науки. Дан анализ наукофилской концепции происхождения западноевропейской науки М.К. Петрова. Показаны христианские (протестантские) предпосылки возникновения экспериментальной науки Запада.

Ключевые слова: конфуцианство, технология, наука, науковедение, эксперимент, метод, индукция, наукофилы,

землепашец, мореход, скотовод, античность, христианство, иудаизм, капитализм, протестантизм, революция, мандаринад, гомеостазис.

Abstract. In the article Confucian basics of the Chinese technological achievements are considered. The contribution of representatives of science of science to permission of a problem of an origin of modern science is analyzed. Influence of the Chinese technologies on the formation of the West European science is considered. Specifics of the West European science as experimental science is shown. The analysis of the scientific concept of an origin of the West European M. K. Petrov science is given. Christian (Protestant) preconditions of emergence of the West experimental science are shown.

Keywords: confucianism, technology, science, science of science, experiment, method, induction, grain-grower, seaman, cattle-farmer, antiquity, Christianity, Judaism, capitalism, Protestantism, revolution, homeostasis.

Сегодня мы все чаще и чаще слышим о Китае, как о современной крупнейшей научной стране мира. Вопрос этот не простой и связан он с вопросом о происхождении современной науки, который подобен таким вопросам, как происхождение философии или греческой цивилизации, т. е. до сих пор принадлежит к наиболее трудно разрешимым вопросам, несмотря на то, что им занимались многие представители философского знания. Существенный вклад в его разрешение внесли представители науковедения — исследовательского направления, возникшего в 1930-е гг.⁵, в рамках которого был поставлен вопрос о том, почему современная наука является исключительным достижением западноевропейской цивилизации. Или, другими словами: почему современная наука возникла не в Китае, который на протяжении 1,5 тыс. лет был передовой технологической державой мира, а в Европе — технологической окраине мира, которая на протяжении длительного времени находилась в плену китайских технологических достижений?

Впервые этот вопрос был поставлен Дж. Нидамом, который в своей работе «Общество и наука на Востоке и на Западе» писал: «Когда в 1938 г. у меня возникла мысль написать систематический, убедительный и объективный труд по истории научной мысли и техники в областях, находившихся под влиянием китайской культуры,

⁵ В 1964 г. в ознаменование 25-летия выхода в свет книги основоположника науковедения Д. Бернала «Социальная функция науки» группа видных ученых издала сборник статей под названием «Наука о науке», который был переведен на русский язык М.К. Петровым.

я считал, что основной проблемой будет вопрос о том, почему современная наука, какой мы ее знаем с семнадцатого столетия, с Галилея, не развилась ни в китайской, ни в индийской цивилизации, а возникла именно в Европе. Но годы шли, и по мере того, как обнаруживались новые факты о китайской науке и о китайском обществе, я начал уяснять, что есть еще и второй вопрос не меньшей важности: вопрос о том, почему между I в. до н. э. и XV в. н. э. китайская цивилизация была более высокой, чем западная, с точки зрения эффективности приложения человеческих знаний к нуждам человеческой практики» [1, 149].

При этом сам Нидам, как и другие представители науковедения, опирается на фундаментальное исследование Ч. Зингера «История технологий», в котором рассматривается не только тысячелетняя история технологических достижений Китая, но и показано их влияние на становление западноевропейской науки. «В некоторых случаях со всей убедительностью можно показать, что фундаментальные открытия и изобретения заимствованы Европой из Китая. Таковы теории магнетизма, экваториальные небесные координаты, экваториальная установка инструментов для астрономических наблюдений, количественная картография, технология литья металлов, детали возвратно-поступательного механизма паровой машины (принцип двойного действия, преобразование вращательного движения в поступательное), механические часы, стремя и конская струя, не говоря уже о порохе и всего, что из этого следует» [1, 173].

Из пороха и ракет, изобретенных китайцами, европейцы сделали огнестрельное оружие, а из магнитной рыбки — компас, который позволил европейцам совершить великие географические открытия, не говоря уже о том, что на магнетизме держится вся европейская энергетика. Все это и многое другое, позволило П.М. Блэккету сделать следующий вывод: «В течение 200 лет, с 1600 по 1800 г., современная наука многому научилась от технологий, но почти ничему не научила технологии» [2, 57], оставаясь стоять на мощных плечах китайских технологических достижений. И после всех этих изысканий лично у Д. Прайса не поднялась рука писать о китайской науке как о пранауке или преднауке по отношению к европейской науке, а пришлось вводить два новых понятия — «малая наука» и «большая наука», где под «малой» он понимает китайскую науку, а под «большой» — европейскую. Но тогда возникают вопросы. Что такое современная наука? И является ли «большая» европейская наука лишь эволюционным развитием «малой» — китайской и других восточных наук, ее количественным накоплением, или же она есть совершенно новое, возникшее революционным путем, качественное образование, невиданное ранее миру? Или, более конкретно, что такое европейская

наука и чем она отличается от китайских технологических достижений?

Европейскую, или современную, науку одним словом можно определить, как опытную науку, родоначальником которой был Ф. Бэкон. Опытная наука Ф. Бэкона включает в себя две формы научного познания — наблюдение и эксперимент. Как известно, эмпирические наблюдения природы активно проводились и в Греции, и в Китае. По Нидаму, именно наблюдению китайская наука обязана такими достижениями, как сейсмограф, литейное производство, использование гидроэнергии, разработке ранних теорий волн, открытию природы приливов, знанию отношений между минеральными частицами и растениями в геоботаническом плане, а также науке о магнетизме. И в этом смысле бэконовская наука согласуется с китайской, но, в отличие от нее, не остановилась на этой первичной форме научного познания, и у Бэкона, а в большей степени у Галилея пошла дальше и перешла от наблюдения к революционному эксперименту. «На пользу опыта, наблюдения указывали многие и раньше, но только у Бэкона и, особенно у Галилея, эксперимент получил методологическую нагрузку» [3, 121].

В противоположность аристотелевской индуктивной логике, используемой в риторике и судебных прениях, Бэкон в «Новом органоне» предложил новый метод мышления, который стремился не только к власти над людьми, но и к власти над природой. Эксперимент как раз и предполагает активное вмешательство человека в природу, целями которого являются открытие нового знания о силах природы и увеличение количества изобретений. «Три великих изобретения — компас, книгопечатание, порох — были сделаны случайно, по мнению Бэкона; каких же громадных успехов следует ожидать, если будут действовать методично для увеличения количества изобретений» [4, 222]. И в этом смысле китайские открытия представляют собой каплю в море на фоне всех последующих достижений европейской науки, поставленных революционным экспериментом Бэкона — этим «золотником опытной науки» [3, 121] — на поток. Уже позже прозвучал вывод Прайса: «...от 80 до 90 процентов научных достижений всех времен сделано в XX в., и только 10—20 процентов сделано в науке предшествующей» [5, 285].

Но тогда возникает вопрос, почему Китай так и не встал на путь экспериментальной науки, несмотря на все свои технологические достижения? Или, переводя слова Нидама в вопросительную форму, почему «этап научного развития от Леонарда да Винчи до Галилея не был пройден естествознанием Китая?» [1, 171]; а может быть, его вообще невозможно было пройти? Сам Нидам в качестве главного

препятствия, делающего невозможным появление экспериментальной науки в Китае, называет конфуцианство: «Дело в том, что эксперимент требует слишком уж активного вмешательства, и, хотя, к такому вмешательству, приходилось терпимо относиться в ремесле и торговле, более терпимо, чем в Европе, получить философскую санкцию в Китае активному вмешательству было, видимо, труднее» [1, 171]. И в качестве такого философского препятствия он называет «великий лозунг», «неписаное правило... всех столетий» — «ву-вэй», согласно которому все должно идти своим чередом. Понимая, как «трудно уловить сачком определений» жизненные принципы китайского народа, Нидам приводит в пример китайскую притчу, высмеивающую человека из царства Сун, который проявлял нетерпение и недовольство, глядя, как медленно растут злаки, и принялся тянуть растение, чтобы заставить их расти скорее. Пример этот из области земледелия, и это не случайно: именно земледелие приучило китайских землепашцев к принципу следования природе вещей и к деятельности, которая должна согласовываться с природой вещей, где первична не сила, активность, а пассивное следование общему порядку мира. Китаец это земледелец, а не скотовод и мореплаватель. Эта психологическая особенность китайского характера, возвращенная земледельческой практикой, противопоставляется психологии скотовода и мореплавателя. Там главное — команда, сила, приказ, здесь — терпение и ожидание. «Скотоводство и мореплавание развивают склонности к командованию и подчинению. Ковбой или пастух гоняют своих животных, капитаны отдают приказы команде, и пренебрежение к приказу может стоить жизни любому на корабле. Но крестьянин, если он сделал все, что положено, вынужден ждать урожая» [1, 159]. Впервые на эти психологические различия между крестьянином-землепашцем и моряком или скотоводом-кочевником указал А. Орикот. Развивая мысль Орикота, Нидам противопоставляет два китайских понятия «ву вэй» и «вэй». В противоположность «ву вэй» — принципу невмешательства в природу вещей — «вэй» означает активное, основанное на приказе, вмешательство в природу людей, животных и даже вещей, что, собственно, и предполагает эксперимент, который так и не прижился в Китае.

Таким образом, по Нидаму, именно духовные причины в форме конфуцианства стали препятствием к возникновению в Китае экспериментальной науки. Но в таком случае вопрос, почему современная наука является исключительным достижением западноевропейской цивилизации, сводится к следующему: какие духовные факторы способствовали появлению экспериментальной науки в Европе? В решении этого вопроса Нидам проявил

непоследовательность. Он, так же как и все адепты науковедения, в качестве решающего фактора возникновения экспериментальной науки, а затем и НТР, называет исключительно социальные и экономические причины: «Чем больше я погружаюсь в детали исторических достижений китайской науки и техники... тем больше я убеждаюсь в том, что причины именно европейского происхождения науки можно искать в особенностях социальных и экономических условий, которые преобладали в Европе в эпоху Ренессанса... Подобная точка зрения может считаться марксистской или любой другой, но для меня она убеждение, основанное на опыте жизни и исследований» [1, 150—151].

Более того, Нидам закрывает эту тему вообще, делая категорическое, хотя и ни на чем не основывающееся, утверждение о том, что европейские духовные традиции не имеют ничего общего с возникновением западноевропейской науки, и «во многих отношениях, как раз таки, эти стороны китайской культуры ближе к современной науке, чем мировоззренческие нормы христианства» [1, 150—151]. И далее, настаивая на важности изучения социально-экономических различий европейской и китайской цивилизации, он говорит: «Эти различия призваны были бы объяснить не только загадку европейского возникновения науки, но и европейское возникновение капитализма вместе с протестантизмом, национализмом и всем тем, чему нет параллелей в других цивилизациях. Мне кажется, что подобное объяснение можно довести до большей степени вероятности. В нем никоим образом нельзя пренебрегать факторами из мира идей (язык и логика, религия и философия, теология, музыка, гуманизм, восприятие времени и движения), но при всем том объяснение должно опираться на глубокий анализ определенного общества, его укладов, мотивов, нужд, трансформаций. С имманентной (развитие идей учеными самими по себе) или автономной точки зрения такое объяснение нежелательно, и историки инстинктивно противостоят изучению других цивилизаций» [1, 175—176]. Такое заявление Нидама во многом предопределило исследование возникновения западноевропейской науки в намеченном им направлении — поиска социальных и экономических причин, количество которых у исследователей растет от публикации к публикации.

Но несмотря на все достижения в области исследования социально-экономических предпосылок возникновения западноевропейской науки, С.Ф. Поуэлл все же вынужден был признать: «Пока мы еще не понимаем, почему научная революция возникла именно в Западной Европе...» [6, 70]. Это вовсе не означает, что исследования социально-

политических и социально-экономических предпосылок зарождения современной науки не имеют перспектив. Историкам и социологам науки еще предстоит ответить на вопрос, почему возникновение экспериментальной науки случилось в Европе не раньше и не позже, а именно в XVII в. Здесь дело в том, что сущностный момент возникновения западноевропейской науки, науковедением не назван и, судя по всему, назван не будет. Потому что речь идет не о том, когда это стало возможно, а почему это вообще стало возможным, или, другими словами, какой фактор сыграл решающую роль в возникновении западноевропейской науки, без которого появление ее было бы вообще невозможным. А это предполагает выход в другую область исследования — в область наукософии⁶ — исследования религиозно-метафизических и философских предпосылок возникновения западноевропейской науки, от изучения которых отказались адепты науковедения.

И такой шаг был осуществлен М.К. Петровым. М.К. Петров, будучи представителем науковедения, отдал дань этому исследовательскому направлению, указав политико-юридические и социально-экономические предпосылки возникновения западноевропейской науки, но в то же время он вышел за рамки науковедения в область наукософии, показав решающее влияние на возникновение западноевропейской науки античнохристианского мировоззрения (см.: [8]). И в этом расширении исследовательского пространства — изучения духовных предпосылок возникновения западноевропейской науки — М.К. Петров является, прежде всего, представителем русской философской традиции, которой присуща метафизичность в решении любого вопроса, даже в таком, на первый взгляд, не метафизичном вопросе, как наука. Родоначальником наукософии, по большому счету, является С.Н. Булгаков, впервые поставивший вопрос о софийной природе науки и определивший науку как природу творящую, тем самым подчеркнув ее христианские корни. М.К. Петров, в свою очередь, показал, что религиозно-философской санкцией на возникновение в Европе экспериментальной науки стала христианская идея сотворенности и богоподобия.

Развивая мысль А. Орикота и Нидама о психологическом различии землепашца и мореплавателя, М.К. Петров выводит различие двух типов цивилизаций — традиционной и европейской. В русле своей пиратской концепции возникновения греческой цивилизации

⁶ Этот термин придуман Прайсом, от которого, впрочем, он сам же и отказался, как от крайне неудачного, посчитав его одним из худших «неологизмов» [7, 244]. Мы же вводим этот термин в научный оборот именно в том значении, о котором говорится в данной статье.

М.К. Петров рассмотрел греческую цивилизацию и ее духовную наследницу — западноевропейскую как «отклонение от нормы», как «срыв преемственности» по отношению к традиционным земледельческим культурам, классическим выражением которых был Китай. Материальным воплощением зарождающейся греческой цивилизации стал корабль — «плавающий остров», с живущим на нем населением, подчиняющимся совершенно другим правилам жизнедеятельности, нежели сухопутное земледельческое население Китая. «Палубная цивилизация» основана на примате слова по отношению к делу, где капитан — начальник ритуала, отдающий приказ к исполнению, тогда как земледельческая цивилизация основана на противоположном принципе, где дело первично по отношению к слову. Поэтому на палубе человек делает то, что ему прикажут в зависимости от ситуации, тогда как на суше он подчиняется логике дела. Отсюда палубная цивилизация рождает универсального человека, тогда как земледельческая — специалиста и профессионала. Таким именно образом палубная цивилизация закрыла путь к специализации и открыла — к универсализму и рождению «человека вообще» — не плотника, не столяра, а человека вообще. Поэтому «фигура классического свободного грека... сохраняет эту универсальность интегрированного человека, мультипрофессионала, способного заниматься с меньшим, конечно, искусством, чем профессионал традиционный, самыми различными делами и жить по формуле: «и жнец, и швец, и на дуде игрец» [9, 50—51]. Тогда как фигура традиционного китайца, сохраняя узкую специализацию и квалификацию, достигает таких высот искусства, о которых тот же западноевропейский работник мог только мечтать⁷, даже в эпоху капитализма. А античный принцип — «господствующее слово» по отношению к «рабствующему делу» — и был воплощен в христианской идеи сотворенности мира по слову, согласно ветхозаветному «Да будет!». «Тождество-противоречие господствующего слова и рабствующего дела развернется в космологическую идею сотворенности мира по слову, палубный

⁷ И который, если развивать мысль М.К. Петрова дальше, оказался наиболее подготовленным к машинному производству еще задолго до его появления в Европе. Если под технологией понимать науку о трудовых навыках и специализации трудовой деятельности, то Китай в этом плане превосходил не только Грецию, но и Западную Европу, которая, по нашему мнению, вынуждена была вернуться к проблеме профессионализма только в эпоху Реформации — в протестантской концепции «профессия—призвание». И в этом смысле теория Маркса «о кооперации» является развитием протестантской концепции труда.

принцип единовластия вознесет Одиссея на небо, и добавление новых личных навыков — законодателя, драматурга, архитектора, геометра — соберет в фокусе превосходных степеней всех искусств фигуру единого, вездесущего, всеведущего, всеблагого, всемогущего универсального регулятора — бога христианства, такого же “одного повелителя” в христианском миропорядке, каким гомеровские Одиссеи были в своих домах» [9, 52].

Далее М.К. Петров показал переход от христианской идеи сотворенности по слову к зарождению опытной науки. Этот переход был осуществлен в форме деизма — гибкой теоретико-познавательной конструкции, отстаивающей идею двупричинности мира, где в качестве первой причины был назван традиционный бог, выступивший в качестве перводвигателя — аристотелевского первотолчка, а в качестве второй — собственные законы развития этого мира. Как раз таки деизм и позволил перейти от познания Бога по Священному писанию к познанию Бога по результатам его деятельности — по сотворенному им миру. И логика здесь простая — пока человечество ждет второго пришествия Христа, высвободилось время для познания созданного Богом мира, ведь познавая сотворенный Богом мир, мы познаем самого Бога. И в этом смысле опытная наука в своих истоках была «конкретным теологическим исследованием», а деизм — «единственной конструкцией, позволяющей совершить переход от религиозного к научному мировоззрению, от книжных истин и откровения к научному факту и открытию» [3, 122]. Отсюда задача познающего субъекта — овладеть языком природы или, что то же самое, языком Его творения. В эксперименте человечество и нашло тот общий язык человека с Богом, который был утрачен человеком в результате грехопадения — и в этом высокий религиозно-метафизический смысл эксперимента. Поэтому познание рассматривается как священнодействие, наука — как храм Божий, а ученый — как микробог, который творит-открывает новые возможности материального мира и использует их для усовершенствования существующего.

Но вот тут, по мысли М.К. Петрова, и «возникает трудность» христианского объяснения появления современной науки, ведь «сотворенность мира богом и приведение его в наилучшую из возможных форм, казалось бы, начисто отменяли попытки выхода в новое — от добра добра не ищут. И любая попытка достижения каких-то иных результатов должна была бы расцениваться как вредная ересь и атеизм» [3, 122]. Иначе говоря, М.К. Петров фиксирует несовместимость между христианской идеей сотворенности, согласно которой этот мир является наилучшим из всех возможных миров, и научной тенденцией изменения этого мира к лучшему. Ведь если

сотворенный мир совершенен, зачем его изменять к лучшему? Зафиксировав эту трудность, а по сути — противоречие, М.К. Петров не стал его обострять. Потому что, если развивать эту мысль дальше, то эта трудность может вообще закрыть возможность объяснения христианских корней возникновения западноевропейской науки. Ведь в этом смысле христианская идея сотворенности мира мало чем отличается от конфуцианского понимания мира как совершенного порядка, который не нужно изменять, а просто поддерживать за счет развития технологий. Другими словами, следовать именно тому пути, какому Китай и следовал тысячелетиями — развивая технологии, а не создавая науку, которая ставит своей задачей противоположное — изменение мира к лучшему. Поэтому технологии Китая ставили своей задачей поддержку извечно существующего порядка мира, тогда как наука Европы — обновление и изменение этого несовершенного мира.

На наш взгляд, «трудность» эта, зафиксированная М.К. Петровым, касалась не общей позиции относительно того, что именно христианство выступило решающим фактором в процессе зарождения западноевропейской науки, а более конкретного его определения, а именно, какое из направлений христианства наибольшим образом способствовало зарождению западноевропейской науки; или, другими словами, в лице, какой христианской церкви наука получила добро, или, что то же самое, санкцию на свое возникновение. Науку могли породить религии, имеющие в своей основе идею творчества. К таким религиям, по большому счету, относятся две — христианство и иудаизм, в религиозной метафизике которых мир, созданный Богом, представляет собой создание принципиально нового, а не изменение старого, в противоположность тому же конфуцианству, в религиозной метафизике которого отсутствует идея творения, а мир рассматривается как воплощенный извечно существующий порядок. Иудаизм первым высказал идею о сотворенности мира по слову, но в отличие от христианства, считающего сотворенный мир высшим божественным творением, иудаизм высказал идею о несовершенстве сотворенного мира и выдвинул идею перманентного, продолжающегося творения мира, в котором наука нашла свое метафизическое обоснование как одно из средств усовершенствования этого мира силами человека.

Из соединения христианских и иудейских идей, а именно идеи сотворения, богоподобия и, наконец, незавершенности творения, требующей соучастия человека, возник протестантизм, который, по нашему мнению, и выступил религиозно-философской санкцией возникновения западноевропейской науки. В первоначальном христианстве творить мог только Бог. Протестантизм, впитавший в

себя иудейскую идею незавершенности творения и соучастия в этом процессе человека, переложил творчество на плечи человечества, откуда и возникла идея обновления и изменения мира через активное вмешательство в природу, инструментом которого и был эксперимент. Это в первоначальном христианстве человек, поврежденный грехом, навсегда утратил свою способность общения с Богом, тогда как в иудаизме — нет, а в протестантизме постоянно идет поиск форм общения человека с Богом, одной из которых, наряду с успехами в профессиональной деятельности, и стала экспериментальная наука.

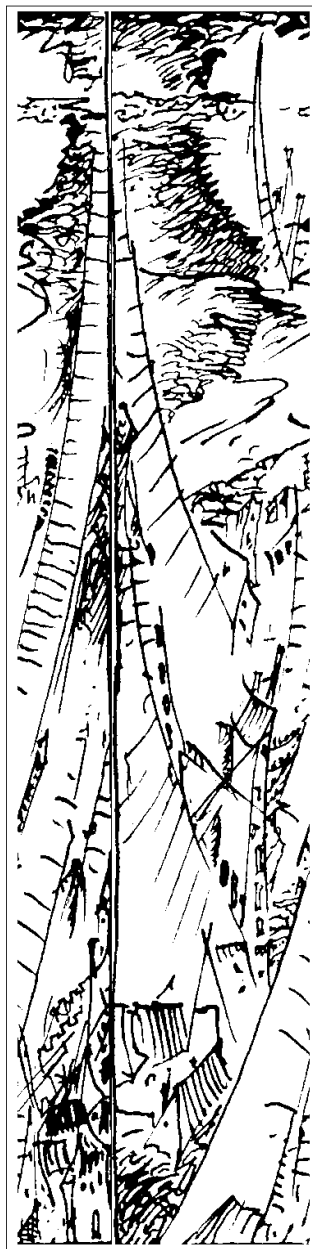
Тем самым, протестантизм заложил три константы западноевропейской цивилизации — революцию, науку и капитализм — как три формы изменения мира, где революционер, ученый и предприниматель — это микробог, человекобог, изменяющий свой мир и мир вокруг себя к лучшему. Такой она возникла в своей духовной основе, и такой она будет оставаться и в дальнейшем, идя путем революции, капитализма и науки. В противоположность «трем китам» протестантизма — революции, капитализму и науке, «трем китам» конфуцианства являются гомеостазис, мандаринад и технологии, задачей которых является сохранение извечно существующего порядка — смысла и сути китайского общества.

Литература

1. *Нидам Дж.* Общество и наука на Востоке и на Западе // Наука о науке. М., 1966.
2. *Блэккет П.М.* Ученый и слаборазвитые страны // Наука о науке. М., 1966.
3. *Петров М.К.* Самосознание и научное творчество. Ростов н/Д, 1992.
4. *Онкен А.* История политической экономии до Адама Смита. Т. 1. СПб., 1908.
5. *Прайс Д.* Малая наука, большая наука // Наука о науке. М., 1966.
6. *Поуэлл С.Ф.* Первостепенные задачи науки и техники для слаборазвитых стран // Наука о науке. М., 1966.
7. *Прайс Д.* Наука о науке // Наука о науке. М., 1966.
8. *Дубровин В.Н., Тищенко Ю.Р.* Судьба философа в интерьере эпохи // Петров М.К. Историко-философские исследования. М., 1996.
9. *Петров М.К.* Историко-философские исследования. М., 1996.

II

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

С.А. ДЯТЛОВ

**Энтропийная экономика: методологический подход
к исследованию**

Аннотация. Обоснован авторский междисциплинарный методологический подход к исследованию энтропийной экономики и синергийной экономики, раскрытию ее сущности, анализу особенностей проявления. Введено в научный оборот и раскрыто содержание ряда новых понятий: «инновационная гиперконкуренция», «энтропийная экономика», «синергийная экономика», «целевая доминанта развития», «доминантное конкурентное преимущество», «институциональные пустоты», «энтропийные методы управления», «синергийные интегральные эффекты». Обоснована необходимость перехода к новой модели развития, которая обусловлена переходом к шестому инфотехнологическому укладу и которая определяется как инновационно-гиперконкурентная экономика с информационно-синергийной доминантой развития и с соответствующим механизмом макрорегулирования.

Ключевые слова: энтропийная экономика, синергийная экономика, инновационная гиперконкуренция, энтропийные методы управления, синергийные интегральные эффекты, целевая доминанта развития.

Abstract. Substantiation was given for the authorial cross-disciplinary methodological approach called neo-economical synthesis to the investigation of the entropy economy and synergy economy, disclosure of its essence, analysis of its particular manifestations. A number of new concepts were introduced to the scientific practice and their subject was disclosed, such like «innovative hypercompetition», «target development dominant», «dominant competitive advantage», «institutional gaps», «synergic integrated effect». The necessity of transition to a new development model was substantiated, which is stipulated by the transition to the info-technological pattern and defined as innovative and hypercompetitive economy with innovative and synergic development dominant and the appropriate mechanism for macro-regulation.

Keywords: entropy economy, synergy economy, entropy methods of management, innovative hypercompetition, synergic integrated effect, target development dominant.

Мировая и национальные хозяйственные системы в условиях глобализации, инновационной гиперконкуренции и тотального проникновения информационно-цифровых технологий во все сферы общественной жизни вступили в эпоху цивилизационной системной трансформации, которая сопровождается последовательно разветвляющимся, ускоряющимся и воспроизводимым глобальным финансово-экономическим кризисом. Важнейшими задачами экономической науки сегодня являются исследование природы и характера глобального трансформационного кризиса, выявление его существенных свойств, качественных характеристик, типа, форм проявления. Наиболее плодотворно данное исследование, на наш взгляд, следует проводить на основе нового, междисциплинарного, энтропийно-синергического теоретико-методологического подхода. Данный подход базируется на методологии системно-информационного содержательного анализа, кроме того, он требует разработки нового категориального аппарата и нового аналитического инструментария.

В рамках развиваемой нами субстанционально-информационной парадигмы общественного развития мы обосновываем положение о том, что *современный кризис — это системный организационно-управленческий, финансово-экономический кризис*, в рамках которого следует говорить о кризисе старой парадигмы развития, о кризисе генотипа мировой индустриально-рыночной системы, о кризисе самой старой модели (типа) мировой экономики, кризисе старых институтов, структур, механизмов регулирования и методов управления. Мы обосновываем концептуальное положение о том, что экономическая динамика, цикличность и экономические кризисы имеют информационную природу и что в основе современного кризиса лежит комплекс глубинных противоречий, присущих ныне действующей *энтропийной индустриально-рыночной модели* глобальной финансово-экономической системы, неустойчивость, несбалансированность, дезорганизованность которая в последнее время резко возросла.

Энтропия существующих открытых социально-экономических систем характеризуется рядом признаков. Для таких систем характерно существование неупорядоченности, неустойчивости, дезорганизованности на всех уровнях структурно-функциональной организации (нано-, микро-, мезо-, макро- и мегауровне), меру которых и выражает понятие «энтропия». Энтропия в широком смысле — мера неупорядоченности (неопределенности, беспорядка, хаоса) сложной системы.

В переводе с греческого «энтропия» означает «поворачиваюсь внутрь», или «ухожу в себя». В научный оборот в рамках теории

термодинамики понятие «энтропия» (entropy) впервые было введено немецким ученым Рудольфом Клаузиусом в 1865 г. [1, 355—400]. Принцип термодинамической энтропии использован при формулировании второго закона термодинамики. Согласно теоретической модели, получившей название «тепловая смерть Вселенной», в закрытых физических системах существуют необратимые негативные взаимодействия, в результате которых энтропия всегда возрастает, что приводит к разрушению данной системы. Понятие «энтропия» в статистической термодинамике характеризует меру неупорядоченности системы. Данное понятие исследовал в своих работах австрийский ученый Людвиг Больцман. В результате его исследовательских работ и появилось в 1877 г. научное определение энтропии [2, 190—236].

В статистической теории связи, разработчиками которой является американский ученый Клод Шеннон, информация характеризуется через ее противопоставление энтропии. Шеннон понятие энтропии связывает с неопределенностью информации. Шеннон так определяет информацию: это то, что устраняет неопределенность выбора. Чем меньше информации имеется о процессе, тем выше его энтропия. Понятие количества информации тесно связано с понятием энтропии. Приобретение информации сопровождается уменьшением неопределенности. Поэтому количество информации можно измерять количеством исчезнувшей неопределенности, т. е. энтропии. Понятия «информация» и «энтропия» всесторонне исследовал в своих работах родоначальник кибернетики Норберт Винер. Он пришел к выводу, что энтропия и информация рассматривают мир в соотношении хаоса и упорядоченности, т. е. энтропия есть мера хаоса, количество информации есть мера упорядоченности [3, 242—332; 4].

В научной литературе информацию рассматривают как отрицательную энтропию. Например, Леон Бриллюэн считает, что информация есть неэнтропия. Энтропию мы можем рассматривать как меру недостатка информации, а информацию как противоположность энтропии. Бриллюэн определял информацию как неэнтропию. Негэнтропийный принцип информации объединяет на новой основе энтропию и информацию, их нельзя трактовать порознь, они всегда должны исследоваться вместе [5]. Важное значение имеет научное обоснование принципа «максимизации энтропии» (maximum entropy), который может быть использован в различных областях научного знания, в том числе гуманитарной [6, 195—209].

Условия и закономерности самоорганизации и саморазвития сложных системных объектов и процессов изучает синергетика.

Большой вклад в разработку синергетики как самостоятельной науки внес немецкий физик-теоретик Штутгартского университета Герман Хакен, который опубликовал в 1977 г. книгу «Синергетика», выдержавшую несколько изданий и переведенную на русский язык. При этом он содействовал изданию целой серии работ в издательстве Springer-Verlag по различным проблемам синергетики. Приложения понятий и методов синергетики к социологии и экономике подробно изложены в 14-м томе, а 53-й том серии целиком посвящен рассмотрению проблем экономической синергетики [7—9].

Важнейшее значение для современной науки и практики имеет новая научная дисциплина «теория энтропийной логики». На наш взгляд, данное научное направление является наиболее перспективным и активно используется в XXI в. в гиперконкурентной борьбе в различных сферах и областях. Разработкой *теории энтропийной логики* в последние десятилетия XX в. занимался квантовый физик, специалист в области информационных технологий и социальной психологии Теодор ван Хоуэн. Теория энтропийной логики представляет собой новую, динамично развивающуюся междисциплинарную науку, которая оказывает решающее влияние на трансформацию содержания, трактовок, функций, областей использования базовых научных дисциплин, включая гуманитарные науки, в начале XXI в. Хоуэн определил взаимосвязь между сложностью организации системы и максимальным количеством энергии, которое система может излучить или поглотить. По его мнению, величина системной организации материальной системы, находящейся во взаимодействии с электромагнитным излучением, не может принимать произвольные значения, а также быть равной нулю.

Теория энтропийной логики тесно связана с современной теорией информации, квантовой физикой, общей теорией систем, кибернетики, управления, экономикой, психологией и др. О связи теории энтропийной логики и теории информационной экономики мы писали в научном исследовании по теории информационной экономики еще в 1995 г. [10; 11]. Можно привести ряд исследователей, занимающихся популяризацией теории энтропийной логики и рассмотрением применения данной теории к отдельным отраслям науки и практики. В качестве таких примеров можно назвать работы Э. Крика (1998) [12], В.И. Нестерова (1999) [13].

Теория энтропийной логики построена на основе синтеза знаний, принципов, положений, методов различных отраслей современной науки: теории информации, квантовой физики, термодинамики, теории относительности, кибернетики, психологии, социологии, экологии, теории катастроф и других научных дисциплин. Подчеркнем, что

теория, методология и инструментарий энтропийной логики положены в основу разработки и создания современных коммуникационно-компьютерных технологий, систем управления общественным сознанием и ведения высокоэффективной гиперконкурентной борьбы в культурной, политической, военной и социально-экономической сферах. Сегодня, в XXI в., тот, кто владеет и использует весь арсенал методологии и инструментария информационно-сетевой экономики (энтропийно-синергичной экономики) и энтропийной логики, имеет инструментарий управления будущим, успешно реализует свои конкурентные преимущества и побеждает в острой гиперконкурентной борьбе. В качестве примера, можно привести высказывание основателя крупнейшей корпорации мира Microsoft Б. Гейтса о том, что «сегодня речь идет уже не о деньгах, а о том, как управлять будущим» (цит. по: [14, 61]).

На наш взгляд, понятию «энтропия» более правильно противопоставлять не информацию как таковую, а понятие «*информационная синергия*». В дальнейшем в самом общем виде мы будем считать, что информационная синергия в системе есть мера упорядоченности, или организованности, системы (объекта, явления). Энтропия системы есть мера дезорганизованности, или неупорядоченности, системы.

В мировой научной литературе используются различные формы и виды энтропии: термодинамическая, биологическая, политическая, экологическая, социальная, историческая, информационная и др. На наш взгляд, вполне логично ввести в научный оборот и сделать объектом специального экономического исследования понятия «экономическая энтропия» и «энтропийная экономика».

Сегодня вполне правомерно заявить, что в мировой науке сформировалось новое научное направление: энтропийный подход к исследованию социально-экономических процессов и явлений, их классификации, типологии, анализу структуры, свойств и выявлению особенностей функционирования и развития. Можно привести целый ряд конкретных направлений использования энтропийного подхода к исследованиям. Энтропийный подход для решения задач классификации впервые предложили использовать Д.А. Массасаго, а также Ф. Меллер, В. Капекки [15—19]. В российской науке энтропийный анализ для классификации и исследования социальных структур использовали И.Н. Таганов, О.И. Шкаратан, В.Н. Сергеев [20; 21].

Следует отметить специализированные выпуски «Энтропийные закономерности управления экономическими системами»,

«Энтропийные модели экономических систем» [22]. Энтропийный подход для анализа демографической динамики применил Ю.С. Попков [23]. Рассмотрению энтропийного подхода к моделированию бизнес-процессов посвятили свою статью Ю.Ф. Ставенко, Ф.И. Громов [24]. Энтропийный метод мониторинга реализации экономических стратегий предложили использовать А.В. Крянев, В.В. Матохин, В.В. Харитонов [25, 1—5]. Также следует отметить пространную работу И.В. Прангишвили, которая посвящена рассмотрению различных аспектов энтропии социально-экономических процессов [26] и др.

На наш взгляд, сегодня в силу возникновения новых явлений и процессов в экономике, которые имеют системный характер и энтропийно-синергические характеристики, вполне правомерно поставить вопрос о том, что *энтропийная экономика и синергическая экономика становятся новыми объектами экономического анализа*. Для классификации общественно-экономических систем целесообразно использование понятия «энтропия» и «синергия». В соответствии с синергическо-энтропийным подходом следует классифицировать социально-экономические системы по двум основным типам: энтропийные и синергические. Основы теоретико-методологических подходов к исследованию энтропийной экономики и синергической экономики разработаны нами в рамках субстанционально-информационной парадигмы и изложены в ряде работ (см.: [27, 449—456; 28]).

Развитие социально-экономических систем может быть осуществлено на основе синергическо-энтропийного критериев. Информационный синергическо-энтропийный подход лежит в основе исследования и выявления условий и закономерностей развития общества по траектории повышения организованности и упорядоченности или дезорганизации и хаоса.

Синергия (от греч. *Συnergyia* — совместное действие) — это взаимодействие двух или более факторов, характеризующееся тем, что эффект их совместного действия (синергический эффект) существенно превосходит эффект каждого отдельного компонента в виде их простой суммы. При объединении отдельных элементов появляется новое системное динамическое состояние, или интегративное качество, которым не обладала данная совокупность элементов до их совместного объединения в синергическую систему. В синергической системе увеличивается, улучшается когерентность, т. е. согласованное упорядоченное поведение ее структурных динамических элементов. Синергические системы — это сложные открытые целесообразно самоорганизующиеся системы, которые способны на внешнее

воздействие отвечать целевой упорядоченностью, более высокой самоорганизацией и эффективностью структур.

В рамках развиваемой нами субстанционально-информационной парадигмы хаос и порядок в социально-экономических системах не могут осуществляться сами по себе. У любого процесса, явления, объекта, системы есть свои определенные субъекты управления: энтропийные субъекты, осуществляющие (увеличивающие) хаос, и синергийные субъекты, осуществляющие (увеличивающие) порядок в системе. С учетом этого экономика или экономическая система не может быть бессубъектной, стихийно развивающейся сама по себе, у нее всегда есть свои соответствующие субъекты управления. Поэтому применительно к социально-экономическим системам вполне правомерно использовать понятия: управляемый кризис (хаос), детерминированный и обусловленный поведением главных управляющих субъектов.

Мерой организованности (упорядоченности) или хаоса (дезорганизованности) социально-экономической системы являются энтропия или информационная синергия в своих определенных количественных и качественных характеристиках. Следовательно, хаос в социально-экономической системе не может возникнуть сам по себе, стихийно. Хаос — это всегда информационно обусловленный и управляемый процесс, результат определенного целенаправленного воздействия, затрат конкретных усилий и энергии определенных субъектов для достижения конкретных целей. Тот или иной тип процесса перехода системы от порядка к хаосу есть процесс всегда в принципе программируемый и управляемый. Протекание каких-либо целесообразных процессов в той или иной открытой сложной системе всегда обусловлено участием в них соответствующих субъектов управления.

На наш взгляд, главная проблема управления информационными процессами в обществе — это, прежде всего, *проблема управления на всех уровнях информационными взаимодействиями (отношениями) между главными субъектами*, принимающими те или иные управленческие решения, которые влияют на целостные пространственно-временные параметры и режимы функционирования и развития сложных социально-экономических систем. При этом анализ должен быть перенесен с процессов спонтанного, стихийного проявления самоорганизации системы на *раскрытие механизмов целенаправленного функционального управления* этими процессами путем информационного воздействия (моделирования, программирования, контроля) на выбор, волевые решения,

психологические установки главных субъектов управления. Особое внимание должно быть уделено исследованию причинно-следственных связей, возникающих между последовательностью и характером принимаемых соответствующими субъектами управления решений и обусловленных ими последовательностью и характером изменений будущего и прошлого состояния (информационных параметров, меры организованности, целеполагания и др.) системы.

При этом уменьшение энтропии (хаоса) и увеличение синергии (порядка) системы должны быть обеспечены за счет эффективных управленческих решений, принимаемых на основе анализа не только прошлых параметров — состояний системы, но и сравнительного анализа потенциально достижимых вариантов информационных моделей будущего состояния данной системы. Главная же задача синергично-информационного эффективного управления состоит (с учетом прошлого и наличия существующих нынешних условий) в способности в настоящем запрограммировать будущее (не просто выбрать, а целенаправленно сформировать будущий наиболее оптимальный режим функционирования и развития системы, сделать целевой функцией развития данной системы, подчинив ей все ресурсы и поведение субъектов-исполнителей).

Важнейшими принципами эффективного управления являются целостность, системность, доминантность, синергичность, информационное целеполагание. Выбранная главная цель (целевая идея, идеология) должна стать доминантным движущим мотивом, главным интересом, потребностью, мотивом всех участников реализации доминантной цели развития данной систем (в единстве руководителей, исполнителей и контроллеров), т. е. доминантная идея (цель), осознанная и принятая как руководство к согласованному действию всеми, становится реальной творческой силой, реализующей и достигающей данной доминантной цели.

Универсальная формула такова: *осуществлять такой целостно-системный, гиперконкурентный, синергично-управленческий выбор в настоящем, чтобы информационно-целевым образом запрограммировать будущее и изменять прошлое, достигая в целом повышения порядка, организованности и устойчивого развития данной системы.*

В рамках развиваемой нами информационной парадигмы верно следующее фундаментальное положение: если четко сформулирована общенациональная идея, векторное целеполагание или главная стратегическая цель развития социума (этноса, нации, группы, индивидуума), если она стала ясно осознанной большинством населения (стала неотъемлемым элементом сознания и

психологических установок творческих субъектов управления), если она, образно выражаясь, «овладела» широкими массами людей, то эта идея через актуализацию их сущностных творческих сил становится реальной творческой (производительной) силой, преобразующей реальную действительность в направлении и в соответствии с выбранным стратегическим информационным целеполаганием.

Возможность целенаправленно воздействовать или программировать будущее новое состояние системно организованного явления особенно эффективно в точке бифуркации (точки перехода системы из одного состояния в другое), в которой основные параметры данной системы наиболее восприимчивы к воздействиям тех или иных решений и воздействий управляющих субъектов. Технология программированного воздействия состоит в принципиальной возможности целенаправленно влиять на выбор и на поведение соответствующих субъектов, принимающих управленческие решения. Наша цель — не прогнозировать возможные случайно реализующиеся варианты, а сознательно прилагать усилия для создания условий для реализации именно того варианта, который наиболее желателен и оптимален для нас с точки зрения достижения наших гиперконкурентных целей, преимуществ и интересов.

Содержанием информационного программирования является целенаправленное формирование у конкретных агентов (субъектов-объектов) определенных целевых установок, воздействие на потребности, желания и интересы живых людей, через которых актуализируются и реализуются запрограммированные тенденции и будущие состояния.

Точка бифуркации, момент принятия решения и изменения управляющих параметров в принципе всегда должны находиться *под сознательным контролем субъекта управления*. Под управлением должен находиться весь процесс формирования новых параметров структурно-функциональной организации экономической системы, детерминирующих ее будущее. Особенно строгий контроль должен осуществляться в период перехода системы на новый режим функционирования.

Общественные системы (экономические системы) представляют собой открытые системы, в которых осуществляется целесообразная деятельность людей и которые обмениваются веществом, энергией и информацией с окружающей средой. Открытые системы находятся в состоянии достижения и поддержания состояния «неравновесие-равновесие», что означает постоянное наличие и воспроизводство полифункциональных потоков между данной системой и внешней

средой. В природе и обществе существуют процессы, которые способствуют организации, упорядочению структур, противодействуют тенденциям повышения беспорядка и роста энтропии.

Человеческое общество (общественное сознание, сознание человека) в соответствии с его естественной природой представляло собой *целесообразную многоуровневую синергичную систему*. В человеческой общественной системе осуществляется согласованное, упорядоченное взаимодействие субъектов, элементов, структур и функций, объединенных общей значимой и полезной целью (целеполаганием). Человеческое общество — это сложная, многоуровневая, открытая, неравновесная, диссипативная самоорганизующаяся система, которая способна на различные (внешние и внутренние) воздействия отвечать созданием новых высокоорганизованных (более высокого уровня организации) структур. При этом возникают новые интегрально-синергичные свойства этой новой организованной структуры, которые не сводятся к механической сумме свойств, образовавших ее старых элементов.

Открытые социально-экономические системы являются самоорганизующимися и нелинейными, которые целевым образом программируются и управляются и в которых посредством позитивной целесообразной деятельности людей повышается порядок и уменьшается энтропия. В данных системах развитие идет за счет возникновения качественно новых подсистем и синергичных эффектов.

Наряду с первым типом, существует второй тип общественных систем — *открытые социально-экономические системы энтропийного типа*, в которых посредством негативной деятельности управляющих субъектов возрастает энтропия и уменьшается порядок. Данные системы могут существовать и поддерживать свое существование только за счет поглощения ресурсов других открытых систем (внешней среды) и их постепенного разрушения.

Исследование понятия «энтропийная экономика» наиболее продуктивно на основе использования интегральной методологии, центральное место в которой занимает системная методология, а также энтропийно-синергичный подход к исследованию. В связи с этим вводимые нами понятия «энтропийная экономика» и «синергичная экономика» становятся новыми объектами исследования экономической науки и других сопряженных научных дисциплин.

Энтропийно-синергичный подход к исследованию открытых социально-экономических систем позволяет выявить причины возникновения, тип, характер развертывающегося системного

мирового экономического кризиса, определить меру увеличения или уменьшения порядка в открытой социально-экономической системе, сформулировать принципы и закономерности преодоления ее энтропийного неравновесия и энтропийной деградации.

Новый методологический подход предполагает разработку и введение в научный оборот *целого ряда новых экономических понятий*:

- энтропийная экономика (информационно-энтропийный код и алгоритм);
- синергичная экономика (информационно-синергичный код и алгоритм);
- информационная упорядоченность экономических систем;
- информационная емкость экономических систем;
- энергетический (ресурсный) потенциал экономических систем;
- целевая доминанта развития (целеполагание развития);
- управляемый (программируемый) экономический кризис;
- управляемый экономический рост (депрограммирование кризиса);
- синергично-информационные (интегральные) эффекты;
- финансово-денежная энтропия;
- энтропийное мышление (энтропийное экономическое мышление);
- энтропийная логика принятия управленческих решений;
- синергичная логика принятия управленческих решений;
- энтропийный менеджмент и синергичный менеджмент;
- гиперконкуренция;
- целевая доминанта развития и структурно-функциональная организация институциональной матрицы;
- институциональные пустоты, энтропийно-управленческие воронки (ловушки);
- многовариантные матрицы принимаемых управленческих решений.

В рамках развиваемого нами методологического подхода существуют два основных типа общественных (социально-экономических) систем: синергичного типа (синергично-инновационного) и энтропийного типа (энтропийно-инерционного). *Общественная система синергичного типа* характеризуется четко заданной творческим субъектом управления целевой доминанты развития, ростом меры целесообразности и организованности, повышением уровня порядка (упорядоченности) и иерархичности,

улучшением качества структурно-функциональной организации, получением положительных интегрально-синергических эффектов, увеличением информационной емкости и энергетического потенциала данной системы в целом и всех ее элементов.

Синергично-инновационная система развивается в соответствии со своей генетической природой и целевой доминантой развития (целевым функциональным предназначением). *Развитие синергичной общественной системы (синергичной экономики)* осознанно управляется творческим субъектом, посредством системно-целостной синергичной логики принятия управленческих решений реализующим выбранные и поставленные социально значимые цели и интересы, в результате чего данная система качественно совершенствуется и количественно обогащается, все более и более полно реализует свою системную целостность, устойчивость и жизнеспособность (увеличивается интегральное единство элементов) и все более и более полно реализует свое главное функционально-целевое предназначение, все более и более соответствует своей генетически заданной природе.

Общественная система синергичного типа, функционируя и развиваясь, снижает меру своей неупорядоченности через целесообразную позитивную деятельность, достигая посредством синергичных целей, механизмов и методов мотивации, организации и управления все большей организованности, упорядоченности и управляемости, а также реализации конкурентных преимуществ. Синергичные цели, механизмы и методы мотивации, организации и управления в обществе предполагают целевое воздействие, побуждающее людей к эффективному, упорядоченному, организованному поведению, соблюдению нравственных, юридических и экономических законов.

В рамках новой парадигмы логично поставить вопрос о существовании в человеческом обществе *интегрально-синергичных информационных эффектов* (социальных, экономических, этнокультурных и др.), которые начинают проявляться с наибольшей полнотой на информационной стадии общественно-исторического развития. Информационно-сетевые мультипликационные эффекты — это эффекты от инноваций, это *синергично-сетевые (интегральные) эффекты*, выражающиеся в различных формах. В высокотехнологичной экономике синергичного типа возникает информационная рента, которая имеет также синергичную природу.

Общественная система энтропийного типа характеризуется нечетко заданной творческим субъектом управления (или отсутствием) целевой доминанты развития, уменьшением меры

целесообразности и организованности (ростом дезорганизованности), снижением уровня порядка (ростом неупорядоченности) и иерархичности, ухудшением качества структурно-функциональной организации, получением отрицательных интегрально-энтропийных эффектов, уменьшением информационной емкости и энергетического потенциала данной системы в целом и всех ее элементов.

Развитие энтропийной общественной системы (энтропийной экономики) управляется творческим субъектом, посредством асистемно-фрагментарной энтропийной логики принятия управленческих решений реализующим выбранные и поставленные асоциальные (эгоистические) цели и интересы, в результате чего данная система качественно деградирует и количественно беднеет, все более и более приобретает асистемность и фрагментарность (увеличивается обособленность элементов), все более и более теряет свою системную целостность и не реализует свое главное функционально-целевое предназначение, все менее и менее соответствует своей генетически заданной природе.

Наиболее развитые страны мира — глобальные лидеры — побеждают в острой конкурентной борьбе с помощью реализации политики энтропийного программирования. Можно сформулировать кратко алгоритм такой гиперконкурентной политики. Управляющий субъект с помощью имеющихся ресурсов, целевых воздействий, критических гиперконкурентных технологий целенаправленно создает (программирует) и реализует хаос в старой системе (воздействует на базовые ценности, цели, интересы, мотивы и предпочтения своих конкурентов), выводя ее из состояния стабильности и равновесия, а затем создает новый порядок с заранее заданными, запрограммированными свойствами, отвечающими его интересам и реализующим в будущем его гиперконкурентные цели, преимущества и интересы.

На наш взгляд, такие распространенные в мировой и российской экономике явления, как *инфляция и коррупция*, имеют по сути энтропийную природу и уменьшают меру целостности, упорядоченности, сбалансированности, устойчивости (жизнеспособности) хозяйственных систем. Российский исследователь Л.Н. Слуцкий в своей работе ставит вопрос о необходимости изучения взаимосвязи энтропии и инфляционных процессов [29, 89—104]. В экономической литературе нами обосновывался вывод о том, что индустриально-рыночная экономика инфляционна по своей природе, по своему устройству. Инфляция и коррупция имеют энтропийную природу и поэтому бороться с коррупцией и тем более ее победить

старыми, традиционными методами достаточно трудно. Для успешной борьбы с коррупцией необходимо использовать современную антиэнтропийную методологию, метод информационного содержательного анализа (информационного депрограммирования).

Целевая доминанта развития (целеполагание развития) общественной системы бывает двух видов: *позитивное целеполагание* и *негативное целеполагание*. Творческие субъекты управления бывают двух основных типов: *синергийные субъекты управления*, которые являются носителями системно-синергийной логики принятия управленческих решений, и *энтропийные субъекты управления*, которые являются носителями асистемно-фрагментарной энтропийной логики принятия управленческих решений.

Современная экономическая система имеет чрезвычайно сложную структурно-функциональную организацию, в которой отдельные подсистемы и элементы приобретают все более и более черты сложного интегрального целого, что в условиях перехода к информационному обществу с экономикой знаний означает повышение роли творческой личности человека, генерирующего новые знания, роста значимости научного управления, усиление роли планирования, контроля, прогнозирования и предвидения на основе использования новых методологических подходов и инструментария экономической науки инновационно-синергийного типа. С учетом всего вышесказанного логично использовать такие понятия, как *«управляемый устойчивый экономический рост»* и *«управляемый (программируемый) кризис»*.

Проведенный анализ позволил нам еще в 2000 г. говорить о наличии системного кризиса генетических основ рыночной цивилизации, ее закате и трансформации в новую информационную цивилизацию с присущими ей информационными законами развития и информационными технологиями и методами управления. На основе энтропийно-синергийного подхода в ряде работ нами обосновано, что ныне развертывающийся мировой финансово-экономический кризис носит системный характер и имеет энтропийную природу [30; 31]. При этом следует учитывать, что предельная отдача от каждой вновь напечатанной и вброшенной в мировой экономическо-торговый оборот дополнительной денежной единицы (а также от вновь созданных государственных и частных долговых обязательств) резко уменьшается. Сто лет назад для производства единицы нормального блага требовалось в сотни раз меньше денежных ресурсов (денег, долговых обязательств, финансово-денежных суррогатов), чем сегодня. Это, на наш взгляд, есть наглядное выражение действия

вводимого нами в научный оборот понятия «*финансово-денежная энтропия*».

При структурном кризисе среди нескольких возможных целенаправленно реализуемых сценариев функционирования и развития системы имеется хотя бы один, при переходе к которому данная система сохраняет свои основные признаки и функциональные особенности, т. е. происходит только ее структурная перестройка. При системном кризисе старая система разрушается, исчезает, и на ее месте возникает принципиально новая система. При этом переход к новой системе — это эволюционный и революционный процессы, которые всегда основаны на энтропийной методологии, на технологиях управляемого хаоса.

Поведение открытых социально-экономических систем *не однонаправлено (не однозначно), а многоальтернативно*, их развитие может идти различными путями. При этом им присущи неустойчивость, неравновесность и наличие критических значений (так называемых констант пропорциональности и устойчивости) структурно-функциональных параметров. У любой общественной системы имеется определенный уровень ее организованности, называемый критическим. На самом критическом уровне, называемом *уровнем энтропийно-синергийного баланса*, процессы упорядочения и дезорганизации относительно уравнивают друг друга, и система временно принимает стационарное состояние.

Следует учитывать, что наиболее крупные экономики мира — США, Японии, ряда стран ЕС — имеют самые большие величины государственного долга. У самой крупной экономики мира США отношение госдолга к ВВП составляет более 110%, достигнув астрономической суммы более 16 трлн дол., а у Японии — более 240%. По данным академика РАН С.Ю. Глазьева, сегодня начался процесс саморазрушения финансовой пирамиды долговых обязательств США, общий размер которых уже превышает 50 трлн дол. и многократно превосходит ресурсы потенциальных американских кредиторов; а лавинообразное расширение теневого сектора производных финансовых операций (деривативов) ведет к системной недооценке финансовых рисков, образованию гигантских «финансовых пузырей» и последующему коллапсу [32].

Растущая как снежный ком пирамида необеспеченных долларов, деривативов и долгов (что является выражением резкого роста энтропии в мировой экономической системе) в скором времени должна ввергнуть всю мировую экономику в заключительный этап глубочайшего системного кризиса — в хаос. Часы истории

отсчитывают последние мгновения старой энтропийной модели развития мировой экономики.

Лауреат Нобелевской премии по экономике М. Алле отмечает: «В действительности глобалистская экономика, которую предстеляют нам в качестве панацеи, знает один единственный критерий — деньги. У нее есть один культ — деньги. Лишенная каких-либо этических соображений, она может лишь сама разрушить себя» [33, 143]. Один из самых известных финансовых инвесторов в мире Дж. Сорос отмечает: «Финансовые рынки по своей сути являются нестабильными; кроме того, существуют общественные потребности, которые не могут быть удовлетворены путем предоставления полной свободы рыночным силам. К сожалению, эти недостатки не признаются... Идеология рыночного фундаментализма... глубоко и безнадежно ошибочна. Именно рыночный фундаментализм сделал систему мирового капитализма ненадежной, ибо он неверно трактует механизм работы рынков и придает им чрезмерно важное значение. Иными словами, рыночные силы, если им предоставить полную власть в чисто экономических и финансовых вопросах, вызывает хаос и, в конечном счете, могут привести к падению мировой систем капитализма» [34, 17—18].

Российская экономическая модель во многом копирует действующий энтропийный генотип финансовой экономики, неустойчивость пирамидальных структур и воспроизводит ее системные риски. На наш взгляд, экономической категорией, наиболее адекватно выражающей суть, содержание и форму функционирования и развития российской экономики, является понятие «энтропийная экономика». Разведывательный совет США в конце 2012 г. подготовил специальное исследование «Глобальные тенденции 2030. Альтернативные миры», в котором отмечается наличие серьезных проблем в российской экономике, говорится, что экономика «остаётся ахиллесовой пятой» России [35].

Российская финансово-экономическая система в условиях развертывающегося глобального системно-трансформационного кризиса, обострения гиперконкурентной борьбы, роста внутренних и внешних угроз дестабилизации имеет целый ряд важных энтропийных характеристик и показателей.

Среди наиболее общих энтропийно-критических параметров состояния российской экономической системы следует выделить следующие: сырьевая ориентация российской экономики; деградация промышленного потенциала; масштабная утечка умов; сильная зависимость экономики, финансового рынка, доходов российского бюджета от цен на топливно-энергетические ресурсы; значительная

оффшоризация и утечка капитала; резкий рост внешнего долга (прежде всего корпоративного); изъятие значительной части нефтегазовых доходов из доходной части госбюджета и замораживание их в неэффективно используемом резервном фонде; низкая ликвидность банковской системы и капитализации фондового рынка; неэффективное использование накопленных сбережений; дороговизна кредитов для инвестиций в реальный сектор экономики; превышение уровня банковских процентных ставок среднего уровня рентабельности отечественных предприятий; ограничение эмиссии российских рублей и денежного предложения в зависимости от притока и продажи иностранной валюты; сильная зависимость российской экономики от внешней конъюнктуры; крайне низкая результативность функционирования институтов и органов государственного управления; наличие институциональных пустот и др.

Наглядным примером институциональных пустот, характеризующих энтропийность экономического мышления, является изъятие из Бюджетного кодекса РФ в августе 2000 г. основополагающей 12-й главы «Профицит бюджета», где были регламентированы порядок и основные направления использования средств при установлении профицита российского бюджета. Это позволило изымать значительную часть нефтегазовых доходов из российского госбюджета и замораживать их в так называемом Стабилизационном фонде, средства из которого многие годы направлялись на субсидирование американской экономики через механизм покупки долговых обязательств казначейства США под очень низкий процент, который в несколько раз был ниже годовой инфляции. В результате такого рода энтропийных управленческих решений макроэкономические накопления и финансовые средства России изымались из народнохозяйственного оборота, замораживались и обесценивались. В настоящее время Россия является единственной страной в мире, у которой в бюджетном кодексе в разделе «Сбалансированность бюджета» отсутствует изъятая в августе 2000 г. 12-я глава «Профицит бюджета» [36]. Это наглядная иллюстрация наличия институциональных пустот в российской экономической системе.

Энтропийная модель российской экономики характеризуется низкой конкурентоспособностью, крайне низкой эффективностью бюджетных расходов, ростом производственных и транзакционных издержек, масштабной коррупцией, наращиванием бюджетных и корпоративных заимствований, неустойчивостью российской

финансовой системы, ее чрезмерной зависимостью от внешней конъюнктуры, от состояния мировых финансовых рынков, от конфискационных решений финансовых институтов других государств. Наглядным примером последнего являются конфискационные меры, принимаемые правительством Кипра в марте 2013 г. по отношению к крупным вкладам российских физических и юридических лиц в кипрских банках. Крупнейшие российские госкорпорации значительную часть финансовых ресурсов размещают в международных оффшорах, тем самым уменьшая поступления в доходную часть российского госбюджета.

На наш взгляд, такое распространенное сегодня в российской экономике явление, как *коррупция*, имеет по сути энтропийную природу и уменьшает меру целостности, упорядоченности, сбалансированности, устойчивости (жизнеспособности) отечественной экономической системы.

Классификация и анализ основных рисков на финансовом рынке в условиях финансового кризиса 2008—2009 гг. в России представлены в аналитическом докладе [37, 145—154].

Низкая капитализация и ликвидность российского рынка акций характеризуют его неустойчивость, которая дополняется также его сильной зависимостью от неконтролируемого поведения иностранных портфельных инвесторов, которые могут в короткое время изымать с российского фондового рынка значительные денежные средства и выводить их за рубеж. Как показал кризис 2008—2009 гг., когда в течение короткого времени резко снизилась капитализация российского фондового рынка, эффективных защитных механизмов от этого пока нет.

Одним из основных энтропийно-критических параметров (рисков) является значительный рост внешних заимствований российских банков и нефинансового сектора. Например, внешний долг негосударственного сектора (порядка 450—500 млрд дол.) практически равен величине международных резервов Российской Федерации.

Серьезным риском является то, что рентабельность вложений в финансовые активы (финансово-спекулятивные операции) существенно превышает рентабельность вложений в реальные производственные активы. Значительная часть поступлений от размещения акций и корпоративных облигаций на российском рынке не направляется на развитие реального сектора, на структурную модернизацию экономики, а используется для обеспечения собственных нужд. Например, доля средств, привлекаемых с помощью эмиссии облигаций и акций, в величине общего финансирования

основного капитала российских предприятий за последние годы составляла 1,5—2%. Рынок ценных бумаг не выполняет в полной мере главную задачу привлечения денежных ресурсов и их трансформации в инвестиции для создания новых производственных мощностей. Он для обеспечения собственных нужд начинает выкачивать ресурсы из реального сектора российской экономики, энтропийно обескровливает потенциал и силы развития промышленных секторов экономики.

Серьезной системной проблемой является крайне неэффективное использование накопленных сбережений — низкая норма накопления. Значительная доля национальных сбережений в России не превращается в инвестиции в реальные активы, а выводится из страны через различного рода оффшоры, суверенные фонды и размещается в кредитно-финансовых учреждениях за рубежом.

Банковская система России также не в должной мере выполняет свою важнейшую функцию по трансформации сбережений в инвестиции, в реальные активы. Доля банковских кредитов в общем объеме финансирования основных фондов российских предприятий сегодня составляет менее 10%.

Значительная доля российских банков в последние годы ориентирована на реализацию спекулятивной стратегии «carry trading»: российские кредитные организации активно заимствуют валютные денежные средства на зарубежных рынках под низкую ставку процента, переводят их на российские счета и затем вкладывают в рублевые (как правило, финансовые) активы с более высокой доходностью.

Для периферийных, развивающихся стран в случае кризиса и резкой девальвации национальной валюты стратегия «carry trading» является рискованной. Это подтвердилось осенью 2008 г., когда российская банковская система попала в ликвидную ловушку: в результате девальвации российской валюты (примерно на 30%) рублевые активы резко обесценились, а обязательства в иностранной валюте перед нерезидентами резко подорожали. Финансово-кредитным учреждениям стало не хватать средств для выполнения своих валютных обязательств. Для их спасения потребовались миллиардные вливания государственных ресурсов.

По мнению экспертов МВФ, именно вовлеченность в спекулятивную стратегию «carry trading» банков из развивающихся стран является одним из основных рисков финансовых рынков в этих странах [38]. Реализация данной стратегии несет огромный риск для российской банковской системы. Она снижает у банков стимулы к менее доходным вложениям в реальный сектор экономики, ведет к

кризису ликвидности, к деформации структуры инвестиций, к формированию мыльных пузырей на рынках рублевых корпоративных облигаций и перегреву в сфере кредитования населения, к деградации уровня финансово-банковского менеджмента.

Приведенные выше энтропийные характеристики состояния российской финансовой системы подтверждаются конкретными снижающимися рейтинговыми параметрами ее места в мировой финансовой системе. Так, по данным доклада «Global Competitiveness Report 2012», Россия находится на 130-м месте из 144 стран по основным факторам, характеризующим работу финансовой системы — Financial market development. В 2012 г. по общему индексу финансового развития «The Financial Development Index» Россия заняла в общем рейтинге 39-е место из 62 стран. По общему рейтингу Global Competitiveness Index Россия заняла 67-е место из 144 стран. Частные рейтинговые показатели России характеризуются следующими данными: по наличию финансовых услуг на рынке (availability of financial services) Россия занимает 117-е место; по устойчивости банков (soundness of banks) — 132-е место; по доступности финансовых услуг (affordability of financial services) — 118-е, по доступности кредита (ease of access to loans) — 86-е место.

Все вышеперечисленное свидетельствует о нарастании в мировой и российской экономической системе энтропии, наличии высоких системных рисков и институциональных пустот. Чтобы преодолеть энтропийный характер российской экономики, повысить эффективность и устойчивость российской финансово-банковской системы, повысить норму накопления и инвестиций в реальные активы, необходимо перейти к новой негэнтропийной модели развития, модернизировать старые институты, а также сформировать новые эффективно действующие институты развития и финансово-экономические механизмы, обеспечивающие рост инвестиций в реальную экономику и достижение устойчивого экономического роста в России.

Современный мировой кризис — это системный кризис генетических основ индустриально-рыночной цивилизации, это программируемый и управляемый кризис, у которого есть свои субъекты управления энтропийного типа (образно выражаясь — энтропийные менеджеры), которые являются персонифицированными носителями *энтропийного способа мышления (энтропийного экономического мышления), асистемно-фрагментарной энтропийной логики (энтропийных методов) принятия управленческих решений*. В экономической литературе, на наш взгляд, правомерно сегодня поставить вопрос о необходимости анализа целого класса новых

понятий: «энтропийный менеджер», «энтропийный менеджмент», «энтропийное экономическое мышление» и др. [39, 34].

На основе использования данных понятий следует обосновать необходимость использования системного информационно-содержательного подхода к разработке методов оценки усилий управляющего субъекта (менеджера) по принятию эффективных решений, требующихся для преодоления энтропийности, неопределенности и риска и повышения меры организованности экономической системы. В XXI в. менеджер принимает управленческие решения в условиях высокой гиперконкурентной борьбы, высокой неопределенности, высоких рисков, неполноты информации, невозможности контролировать все параметры и ограниченности во времени. *Энтропийный менеджер* в этих условиях не способен действовать своевременно, конкурентно и эффективно.

Следует поставить вопрос о двойственной природе современных управленцев национальных экономик (энтропийных национальных менеджеров) особенно стран аутсайдеров, которые объективно являются персонифицированными носителями и не только воспроизводят целевые ориентиры, направленные на позитивное развитие и экономический рост национальных экономик, но и являются персонифицированными носителями энтропийно-экономических отношений и воспроизводят энтропийную логику принятия управленческих решений, что, в конечном счете, приводит к деградации национальных экономических систем, уменьшению их организованности, упорядоченности, устойчивости, целостности и истощению ресурсов

Сегодня необходимо теоретико-методологически обосновать и обеспечить постепенный переход к новой модели развития, которая может быть определена как *информационно-сетевая гиперконкурентная экономика с инновационно-синергичной доминантой развития*, основанной на новых знаниях, синергично-инновационных методах и технологиях управления, включающих методы информационного содержательного анализа и целевого многовариантного программирования будущих результатов (многовариантных матриц принимаемых управленческих решений).

Энтропийной модели экономического развития, энтропийному экономическому мышлению и энтропийной логике принятия управленческих решений должна быть реальная альтернатива — синергичная модель экономического развития, синергичное экономическое мышление и синергичная логика принятия управленческих решений.

Для преодоления системного, масштабного, углубляющегося мирового кризиса требуется использование методологии синергического мышления, информационно-синергического содержательного анализа, депрограммирования кризиса, информационного программирования, запуска и реализации управляемого устойчивого инновационного экономического роста. В основе этого должны быть положены синергическая парадигма и модель развития экономических систем, синергическая логика принятия управленческих решений и получение различных интегрально-синергических эффектов.

На наш взгляд, реальный выход из имманентно набирающего силу системного мирового кризиса, в котором сегодня оказалась вся экономика мира, а также экономика России, возможен только путем качественного, информационно-технологического скачка. Информационный прорыв российской системы возможен только путем качественного изменения ее главной идеи, выбора новых целевых стратегий, которые задают новую векторную направленность ее синергического развития, программируют новые режимы и параметры ее гиперконкурентного функционирования, обеспечивающие ее будущее целостное безопасное существование в качестве сильного независимого государства. Обеспечение этого возможно на основе использования субстанционально-информационной парадигмы развития, волевого векторного целеполагания, методологии информационного энтропийно-синергического содержательного анализа и информационно-синергических технологий управления (программирования), представляющих собой неотъемлемые элементы разрабатываемого нами механизма гиперконкурентного управления будущим, механизма стратегического системно-целевого программирования будущего состояния российской социально-экономической системы с заданными, целевым образом запрограммированными гиперконкурентными свойствами, режимами и параметрами устойчивого функционирования и развития.

Россия должна вступить во всеоружии в период глобальной трансформации общественных систем и последовательного, управляемого перехода к новой информационно-сетевой модели развития, к качественно новой форме существования человеческой цивилизации, новому технологическому типу хозяйствования, который может быть обозначен как информационно-сетевая, инновационно-синергическая экономика с гиперконкурентными, креативно-инновационными методами и технологиями управления и программирования будущего, направленными на получение информационно-синергических эффектов и на обеспечение ее

целостного безопасного существования в качестве сильного независимого государства, устойчивого нравственно и социально ориентированного развития человеческого общества.

Литература

1. *Clausius R.* Uber Verschiedene fur die Anwendung Bequeme Formen der Hauptgleichungen der Mechanischen Warmetheorie // *Annalen der Physik und Chemie.* 1895. Vol. 125.
2. *Больцман Л.* Избр. труды. М., 1984.
3. *Шеннон К.* Математическая теория связи в книге // Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М., 1963.
4. *Винер Н.* Кибернетика или управление и связь в животном и машине. М., 1968.
5. *Бриллюэн Л.* Научная неопределенность и информация. М., 1966.
6. *Zellner A., Highfield R.A.* Calculation of Maximum Entropy Distributions and Approximation of Marginal Posterior Distributions // *Journal of Econometrics.* 1988. No. 37.
7. *Weidlich W., Haag G.* Concept and Models of a Quantitative Sociology. Springer—Verlag. 1983. Vol. 14.
8. *Zhang W.B.* Synergetic Economics. Springer—Verlag. 1991. Vol. 53.
9. *Занг В.Б.* Синергетическая экономика. Время и перемены в нелинейной экономической теории. М., 1999.
10. *Дятлов С.А.* Информационная парадигма социально-экономического развития // *Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов.* 1995. № 3—4.
11. Теория информационной экономики. Порядок и хаос в социально-экономической системе // Реферативный сборник конкурсных проектов, получивших гранты на исследования в области фундаментальной экономики в 1995—1996 годах. СПб., 1998.
12. *Крик Э.* Теория энтропийной логики Теодора Ван Ховена и расширяющиеся горизонты естествознания. М., 1998.
13. *Нестеров В.И.* Теория энтропийной логики и живые организмы. М., 1999.
14. *Басин М.А., Шилович И.И.* Синергетика и Internet. СПб., 1999.
15. *Maccacaro G.A.* The Information Content of Biological Classifications // *Annals Microbiol. Enzimol.* 1958. No. 8.
16. *Maccacaro G., Rescigno A.* The Information Content of Biological Classifications // *Information Theory. A Symposium Held at the Royal Institution.* L., 1960.

17. *Capecchi V.* Une Methode de Classification Fondee sur l'Entropie // *Revue Francaise de Sociologie.* 1964.
18. *Capecchi V., Möller F.* Some Applications of Entropy to the Problems of Classification // *Quality and Quantity.* 1968. No. 2.
19. *Меллер Ф., Капекки В.* Роль энтропии в номинальной классификации // *Математика в социологии. Моделирование и обработка информации /* Под ред. А. Аганбегяна и др. М., 1977.
20. *Таганов И.Н., Шкаратан О.И.* Исследование социальных структур методом энтропийного анализа // *Вопросы философии.* 1969. № 5.
21. *Сергеев Н.В.* Ранжирование критериев стратификации методом энтропийного анализа // *Мир России.* 2002. № 3.
22. Рассылки: «Вопросы синергетической экономики»: вып. «Энтропийные закономерности управления экономическими системами» 07.08.2010 г.; вып. «Энтропийные модели экономических систем». Ч. 1. 28.09.2008 г.
23. *Попков Ю.С.* Энтропийные модели демоэкономической динамики // *Труды ИСА РАН.* 2006. Т. 28.
24. *Ставенко Ю.Ф., Громов Ф.И.* Энтропийный подход к моделированию бизнес-процессов // *Перспективы развития информационных технологий. Сборник материалов III Международной научной конференции.* Новосибирск, 2011.
25. *Крянев А.В., Матюхин В.В., Харитонов В.В.* Энтропийный метод мониторинга реализации экономических стратегий // *Экономические стратегии.* 2010. № 5.
26. *Прангишвили И.В.* Энтропийные и другие системные закономерности: вопросы управления сложными системами. М., 2003.
27. *Дятлов С.А.* Энтропийная экономика и синергичная экономика как новые объекты анализа экономической теории // *Политэкономия: социальные приоритеты. Материалы Первого международного политэкономического конгресса.* Т. 2. Национальная экономика в глобальном мире: политическая экономия и экономическая политика. М., 2013.
28. *Дятлов С.А.* Энтропийная экономика и синергичная экономика: введение в методологию исследования энтропийных и синергичных социально-экономических систем. СПб., 2012.
29. *Слуцкий Л.Н.* Статистический анализ инфляционных процессов в промышленных секторах американской экономики в 1959—1996 гг. // *Прикладная эконометрика.* 2009. № 1 (13).
30. *Дятлов С.А.* Информационный императив и глобальный кризис рыночной цивилизации // *Экономическая теория на пороге XXI века — 3 /* Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М., 2000.

31. Дятлов С.А. Типология мирового финансово-экономического кризиса и целевая доминанта инновационной антикризисной политики // Первый Российский экономический конгресс. Электронные материалы сайта Конгресса. М., 2009 // www.econogus.org/cprogram.phtml?vid=tconf&sid=7&ssid=241&rid=242.
32. Глазьев С.Ю. Антикризисные меры: просчеты, выводы, предложения // Экономическая наука современной России. 2009. № 2.
33. Алле М. Глобализация: разрушение условий занятости и экономического роста. Эмпирическая очевидность. М., 2005.
34. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма: открытое общество в опасности. М., 1999.
35. Global Trends. 2030: Alternative World. 2012 // insiderblog.info/global-trends-2030-alternative-miry/
36. Бюджетный кодекс Российской Федерации. М., 2008.
37. Российская экономика в 2010 году тенденции и перспективы. Вып. 32. М., 2011.
38. IMF. Global Financial Stability Report. Chapter 4. Global liquidity expansion: effect on receiving economies and policy response options. 2010. April.
39. Энтропийное экономическое мышление, энтропийный менеджмент // Энтропийная экономика и синергичная экономика: введение в методологию исследования энтропийных и синергичных социально-экономических систем. СПб., 2012.

В.С. СИЗОВ

Новая экономика и ее региональные аспекты

Аннотация. В статье проводится анализ сущности «новой экономики» на современном этапе, во взаимосвязи с инновациями и технологическими укладами. Показано, что пока еще Россия не является страной с преобладанием в структуре ее экономики «новой экономики». Рассматриваются региональные инновационные системы как элементы национальной инновационной системы, построение которых является главным моментом для постепенного перехода к «новой экономике».

Ключевые слова: новая экономика, инновации и инновационная экономика, технологические уклады, национальная инновационная система, региональная инновационная система, региональный инвестиционный стандарт.

Abstract. The article is devoted to the essence analysis of the «new economy» on the modern stage which is interrelated with innovations and technological ways. It is approved that so far Russia isn't a country with predominance in its economy — «new economy». One considers regional innovation systems as elements of the national innovative system which building turns out to be the main moment for graded transition to «new economy».

Keywords: new economy, innovations and innovative economy, technological ways, the national innovative system, the regional innovative system, the regional innovative system, the regional investment standard.

Сегодня много говорится о «новой экономике», при этом часто она воспринимается как некая чудесная сила, наподобие джинна из волшебной лампы Алладина, которая способна творить экономические чудеса, непосильные традиционной экономике. Одна из характерных особенностей «новой экономики» связана с действием ряда новых экономических факторов, не описанных в традиционной экономической теории и не известных ей, которые, по сути, требуют ее пересмотра или существенной редакции. Как указывает доктор экономических наук, академик РАН В.М. Полторович, «современная экономическая теория, несмотря на впечатляющий прогресс, находится в глубоком кризисе, который, видимо, должен привести к переформулировке ее основных целей и изменению стиля исследований. Кризис обнаруживает себя не только в том, что теоретическая экономика не сумела найти эффективные решения насущных проблем экономической политики... но и глубинным внутренним для теории образом: происходит накопление теоретических фактов, свидетельствующих о принципиальной ограниченности ее методов» [1].

Сегодня изучение «новой экономики» активно ведется как за рубежом, так и в России. По определению директора Института исследований новой экономики профессора Е.Ф. Авдокушина, «новая экономика» — это этап развития постиндустриальной экономики, на котором информационные и другие высокие технологии превращаются посредством инновационных механизмов в решающий фактор роста, определяющий тенденции производственной и социально-экономической трансформации форм деятельности и организации социально-экономических систем. При этом весьма существенную роль играют социально-экономические технологии менеджмента и маркетинга, которые являются заводной частью всего механизма «новой экономики» [2].

Более широко под «новой экономикой» следует понимать новые экономические процессы, которые возникают перманентно, включая формы, методы, механизмы организации и функционирования производственно-финансовой жизни и образования в начале XXI в. в разных странах мира. Иначе, в этом смысле «новую экономику» можно сравнить с «гребнем постоянно движущейся волны» [3, 33].

Отличительный признак «новой экономики» среди других экономических систем — высокие технологии, которые являются средством ее формирования, экономической базой и источником прибыли. Поэтому эффективная «новая экономика» возможна только в условиях развитой инновационной среды, в которой зарождаются и коммерциализируются прорывные идеи, ведущие к созданию новых технологий. Можно сказать, что развитая инновационная инфраструктура является главным элементом институциональной среды «новой экономики».

Таким образом, «новая экономика» — экономика, в которой неосозаемая, как правило, интеллектуальная составляющая представляется гораздо более важной, чем материальное содержание. Научоемкость становится отличительной чертой товаров, производимых в сфере «новой экономики». Прибыль создается в основном за счет интеллекта ученых и изобретателей, а также информационных технологий, а не материального производства и концентрации финансов. Именно поэтому «новую экономику» часто трактуют как «экономику знаний», «экономику интеллектуальных услуг» или отождествляют с «инновационной экономикой». Потому что в основе всех этих «экономик» лежат научные и образовательные структуры, в которых имеются механизмы переработки данных в информацию, в свою очередь, при определенных условиях трансформирующуюся в новаторские идеи, а затем в инновационные технологии.

Ряд авторитетных исследователей, таких как Э. Тоффлер, Ф. Фукуяма, Д. Белл, Дж. Нейсбитт и др., считают, что в современном мире большинство развитых стран, имеющих мировое экономическое превосходство, обеспечивают его за счет создания и успешного функционирования «новой (или инновационной) экономики». К таковым относятся США, Германия, Япония, Австралия, Канада, Швеция, Финляндия, Сингапур, Израиль и некоторые другие страны. Одними из признаков развития такой экономики являются высокая доля инновационных предприятий (60—80%) и инновационной продукции [4], а также переход к пятому и шестому технологическим укладам.

Под *технологическим укладом* понимается совокупность технологий, характерных для определенного уровня развития производства, связанных с научным и технико-технологическим прогрессом [5].

Если четвертый технологический уклад, который лидировал на протяжении XX в., характеризовался массовым производством (индустрией) товаров потребления, автомобилестроением, самолетостроением, тяжелым машиностроением, «большой» химией, то отличительными чертами пятого технологического уклада, возникающего в последней четверти XX в., являются бурное развитие электроники и микроэлектроники, атомной энергетики, информационных технологий, геномной инженерии, освоением космического пространства, появлением Интернета, сотовой связи и мобильных телефонов, наступлением эпохи глобализации.

По оценке ряда экспертов, в том числе российских (в частности академиков РАН С.Ю. Глазьева, Е.Н. Каблова, профессоров Г.Г. Малинецкого, Г.Е. Кричевского и др.), современный мир стоит на пороге четвертого технологического уклада. Его контуры уже проявляются в развитых странах мира, в первую очередь — в США, Японии и Китае. Он характеризуется развитием и применением биотехнологий, нанотехнологий, геномной инженерии, мембранных и квантовых технологий, фотоники, микромеханики, термоядерной энергетики, новых видов транспорта и коммуникаций, восстановительной хирургии и медицины. Синтез достижений на этих направлениях должен привести к созданию квантового компьютера, искусственного интеллекта, к существенному увеличению продолжительности жизни человека, обеспечить выход на принципиально новый уровень в системах управления государством, обществом, экономикой и т. д.

Согласно прогнозам, при сохранении нынешних темпов технико-экономического развития, в развитых странах активный переход к *шестому технологическому укладу произойдет уже в 2015—2016 гг.* При этом в 2020—2025 гг. произойдет новая научно-техническая и технологическая революция, основой которой станут разработки, синтезирующие достижения в вышеназванных базовых технологиях. Фаза зрелости шестого технологического уклада наступит к 2040-м гг.

По оценкам экспертов, в России *шестой* технологический уклад пока вообще не формируется. Мало того, даже доля технологий пятого уклада составляет только около 10% (в основном в военно-промышленном комплексе и в авиакосмической отрасли), тогда как в США к 2010 г. доля технологий пятого уклада составляла 60%, а на *шестой* приходилось уже около 5%. В России преобладающим

остаётся *шестой* технологический уклад, на долю которого приходится свыше 50%, при этом доля технологий третьего уклада составляет около 30% [6].

Сказанное не означает, что россияне не пользуются продуктами «новой экономики», такими как мобильные телефоны, интернет, компьютерными операционными системами и т. п., но, как правило, эти продукты разработаны и произведены в развитых странах, и, приобретая высокотехнологические товары, мы финансируем экономику этих стран.

В настоящий момент Россия уже определилась со своей генеральной стратегией — *инновационным путем развития*. Инновационный сценарий развития страны возможен только при переходе на инновационную, т. е. новую экономику. Однако следует отдавать себе отчет, что «новая экономика» в России пока не сформирована, и вряд ли будет сформирована до 2020 г. Одна из причин такой ситуации заключается в том, что программы модернизации и перехода на инновационный путь развития в России навязываются «сверху». Но предприятиям, занимающимся реальной хозяйственной деятельностью, зачастую невыгодно вкладываться в инновации, так как разработка и внедрение инновационных технологий всегда связаны с риском и в силу ряда причин они не окупятся. Поэтому в России в сравнении с развитыми странами наблюдается достаточно низкий уровень инновационной активности предприятий. Тогда как в промышленно развитых странах основной объем исследований и разработок проводится именно предприятиями. Так, например, в Евросоюзе доля частных компаний от общей численности организаций выполняющих исследования и разработки составляет 65%, в Японии — 71, в США — 75%. В России же этот показатель составляет, по данным на 2010 г., только 6,8% [7].

При этом из общего числа организаций, выполняющих исследования и разработки в России, 74,7% по форме собственности являются государственными и только 13,5% частными [7].

Даже те российские промышленные предприятия, которые осуществляют технологические инновации, обычно не сами занимаются их разработкой и внедрением, а являются пассивными пользователями инноваций. Более двух третей предприятий осуществляют инновации посредством приобретения новых, зачастую импортных машин и оборудования. В результате, если в 2009 г. от экспорта технологий США получили 75,380 млрд дол., то Россия только 618 млн дол. [8], т. е. всего 0,82% от уровня США.

Современные российские научно-исследовательские организации зачастую проводят исследования, не соответствующие реальным потребностям экономики. Так, например, в России объектами коммерческих сделок становятся менее 5% зарегистрированных изобретений. Если в США и Великобритании в хозяйственном обороте находится до 70% результатов научно-технической деятельности, то в России — не более 1% [9]. Это связано в том числе с волонтаристскими методами государства, которое заставляет вузы, чья деятельность, в первую очередь образовательная, заниматься большой наукой. Однако серьезные научные открытия не делаются по приказу. Получаемый результат соответствует методам стимулирования подобной деятельности.

Несмотря на принудительные меры по активизации научных исследований и инноваций, число организаций, выполняющих исследования и разработки в России, непрерывно уменьшается. В период с 2000 по 2010 г. их число снизилось на 15% — в основном за счет сокращения числа научно-исследовательских организаций [7].

По нашему мнению, следует срочно пересмотреть стратегию организации научных исследований в России, а именно: 1) создать механизмы заинтересованности российских промышленных предприятий в интенсификации работы в сфере прикладных научных и конструкторских разработок; 2) сместить акцент по выполнению фундаментальной научной деятельности с вузов на специализированные научно-исследовательские институты, в том числе академические.

В индустриально развитых странах имеется широкий спектр экономических инструментов и механизмов, благодаря которым происходят управление и организация инновационных процессов. Одним из главных инструментов инновационной экономики является Национальная инновационная система (НИС), которая представляет собой системную организацию государственных и общественных институтов, финансовых и кадровых ресурсов, различных технологий (как новых, так и традиционных, но хорошо себя зарекомендовавших).

В настоящее время в России идет активная работа по созданию собственной национальной инновационной системы. Однако говорить о том, что она создана, преждевременно. Кроме того, каждому региону России предписано создать собственную региональную инновационную систему (РИС), что и происходит с различной степенью региональной активности на протяжении последних 4—5 лет.

Опыт западных стран, в частности Франции, свидетельствует о важной роли региональных (или территориальных) центров в

структуре национальной инновационной системы [10, 42—53]. Во Франции региональные центры по передаче технологий обеспечивают обмен технологиями между государственными научно-исследовательскими учреждениями и фирмами на региональном уровне. Деятельность всех региональных центров нацелена на оказание поддержки развитию инноваций и рационализаций на предприятиях малого и среднего бизнеса в регионах.

В российской практике распространенной ошибкой при создании таких систем является упор на развитие какого-то одного фактора, например, так называемого инвестиционного климата. Сам по себе благоприятный инвестиционный климат притока инвестиций не привлечет. Так же как благоприятный климат какого-нибудь морского побережья не гарантирует появления там отелей и туристов. И в первом, и во втором случае нужны активная работа с конкретными инвесторами, развитая инфраструктура для обеспечения ресурсных и товарных потоков, маркетинг, трудовые ресурсы и т. д.

В ряде российских регионов (например, в Кировской области) региональная инвестиционная система (РИС) получила название «инновационно-инвестиционная система» (РИИС). На наш взгляд, можно говорить широко об инновационно-инвестиционной деятельности, но не следует объединять эти два вида деятельности в одну систему, поскольку перед ними стоят различные цели и задачи.

Если основными целями и задачами инвестиционной деятельности являются безопасность или надежность вложений; доходность вложений; увеличение рыночной стоимости вложений и их ликвидность [11], то цель инновационной деятельности — обеспечение долговременного существования и высокой конкурентоспособности объекта инновационной деятельности (в частности, региона) за счет создания новых продуктов, услуг и технологий, а также эффективных способов управления как самим объектом, так и его маркетинговой деятельностью. В отличие от инвестиционной деятельности, прибыль в инновационной деятельности является не целью, а условием деятельности.

Вследствие смешения инвестиционной и инновационной систем происходит путаница в целях и задачах РИИС в целом. Подобная система не обязательно направлена на приоритетное развитие инновационной инфраструктуры, поскольку инвестиции могут осуществляться и без инноваций. А вот инновации без инвестиций не могут быть реализованы, поэтому любая инновационная система в своей структуре предполагает наличие инвестиционной составляющей — инновационных финансовых ресурсов. В любом случае инновации

в инновационной системе региона или на национальном уровне первичны по отношению к финансам.

Однако, когда речь идет об инновационно-инвестиционной системе, инновации и инвестиции равнозначны значению, но не имеют равнозначную трудоемкость и отдачу в обозримой перспективе. В рамках такой системы приоритетными становятся поиск и привлечение крупных инвесторов в регион (что само по себе и не плохо), а не развитие инновационной структуры. Но крупные инвестиции часто не связаны с региональными инновационными проектами, работа по их привлечению и реализации отвлекает силы, время и зачастую маскируется под инновационную деятельность, но на самом деле только тормозит региональный инновационный процесс, отбрасывая регион еще дальше от авангарда мирового технологического развития. Даже если во внешнем инвестиционном проекте используются инновационные технологии, они, как правило, приобретены за рубежом или в другом субъекте федерации. Поэтому «технологическая рента», получаемая от их использования, уходит из региона, не пополняя его бюджет (в отличие от сырьевой ренты).

Кроме того, не следует забывать, что крупные внешние инвесторы, которые приходят в регион, создают в нем, как правило, лишь свои филиалы. В результате доходы предприятия и связанный с ними налог на прибыль в бюджет региона могут вообще не зачисляться. А ведь предприятие-филиал использует природные и трудовые ресурсы региона, уменьшая таким образом возможность их использования местными предприятиями.

Поэтому, нам представляется, что, во-первых, не следует сводить инновационно-инвестиционную деятельность региона в единую систему. Подобная деятельность протекает в двух различных системах, хотя и могущих между собой взаимодействовать. Во-вторых, для создания РИС требуется комплексное развитие всех факторов инновационной деятельности. А именно:

- наличие продуманной и обоснованной инновационной стратегии;
- наличие научных и образовательных организаций, обладающих мировым «порогом знаний» в направлениях базовых инновационных отраслей, на которые опирается инновационная стратегия;
- наличие инновационных финансовых ресурсов (например, венчурных фондов, а не вообще инвесторов);
- наличие «критической массы» инновационных предпринимателей (под которыми следует иметь в виду не только и даже не столько индивидуальных предпринимателей и малое

предпринимательство, но в первую очередь средние и большие предприятия, открытые для создания и производства инновационных продуктов и технологий);

- среда инновационной активности (определяет такие характеристики как скорость реализации инновационной стратегии, уровень мобилизации инновационного потенциала региона и т. д.);

- инновационный климат (складывается из инфраструктурной обеспеченности инновационной деятельности, инновационной политики руководства региона, соответствующей законодательной базы, механизмов обеспечивающих стимулирование инновационных процессов и спрос на инновационные продукты).

Все эти факторы в совокупности и во взаимодействии представляют инновационный механизм, или инновационную систему. При этом одним из важнейших механизмов «запуска» эффективной работы всей региональной инновационной системы (как, впрочем, и НИС) — это «обеспечение спроса на инновационные продукты». Под этим понимается цепочка создания инновационных продуктов (в первую очередь технологий). От формулирования заказчиком (в лице регионального (национального) правительства или крупных фирм) идеи и технического задания к ней, которую заказчик хотел бы воплотить в реальную хозяйственную практику, до гарантий выкупа созданной технологии или партии нового продукта, окупающего затраты на его разработку и производство (вплоть до «точки безубыточности»).

Региональная инновационная система — это «предтеча» «новой экономики» в регионе. Как уже указывалось, инновационная инфраструктура является институциональной средой «новой экономики».

Существует ряд стандартных проблем, без решения которых невозможно создание полноценной региональной инновационной системы. Основные из них:

- не востребованность «местных» инновационных разработок предприятиями реального сектора экономики;

- слабая развитость региональной инновационной инфраструктуры;

- низкая инновационная активность предприятий и организаций региона;

- отсутствие комплексного регионального законодательства по стимулированию инновационной деятельности;

- несформированность системы подготовки кадров в сфере инноваций.

Прибавим к этому почти полное отсутствие российских предприятий (за исключением оборонных), работающих в пятом технологическом укладе. А также незначительную долю доходов, получаемых от продажи новых технологических разработок, которые создаются в регионах.

Из вышесказанного можно заключить, что говорить о «новой экономике» в России, особенно в регионах, как о реальном факте, имеющем под собой серьезную основу, пока рано. В то же время надо признать, что отдельные аспекты «новой экономики» начинают появляться. Наличие «новой экономики» в регионах напрямую зависит от доли «новозаконоэкономических факторов», о которых было сказано выше, в валовом региональном продукте (ВРП). Говорить о переходе региона на воспроизводство в системе «новой экономики» можно тогда, когда эта доля составляет 50% и более. Именно такой процент для производства наукоемкой продукции от общего объема производства определен в Федеральном законе «О статусе наукограда Российской Федерации» (ст. 2.1) [13]. Получается, что сегодня фактически региональными центрами формирования «новой экономики» являются российские наукограды.

Подводя итог, констатируем, что при решении проблем, связанных с выстраиванием в регионах эффективных инновационных инфраструктур, а также при формировании региональных инновационных систем как элементов целостной национальной инновационной системы в среднесрочном периоде у России пока еще остается возможность стать страной с преобладанием в ее экономической структуре «новой экономики». Главное — не упустить этот шанс.

Литература

1. *Полторович В.М.* Кризис экономической теории. Доклад на научном семинаре Отделения экономики и ЦЭМИ РАН «Неизвестная экономика» // http://www.nbrilev.ru/krizis_economic_theory_.htm.
2. *Авдокушин Е.Ф.* О предпосылках и сущности «новой экономики» // Вопросы новой экономики. 2009. № 3.
3. *Сизов В.С.* О новой экономике и благе России // Новая экономика / Под ред. Е.Ф. Авдокушина, В.С. Сизова. М., 2009.
4. Инновационная экономика // <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.
5. Современный экономический словарь // <http://www.smartcat.ru.Re-ferat/etyekramrv/>.
6. <http://www.nanonewsnet.ru/articles/2010/kursom-v-6-oi-tehnologicheskii-uklad>.

7. Индикаторы науки: 2012. Стат. сборник. М., 2012 // <http://www.hse.ru/primarydata/in2012>.
8. Индикаторы инновационной деятельности: 2009. Стат. Сборник. М., 2009.
9. *Гохберг Л.М.* Статистика науки. М., 2003.
10. *Захарова Н.В.* Французская национальная инновационная система: особенности, проблемы, перспективы // Вопросы новой экономики. 2012. № 1.
11. <http://gendocs.ru/>.
12. <http://www.spb-venchur.ru/regions/72/innovatekir.htm>.
13. Федеральный закон от 7 апреля 1999 г. 70-ФЗ «О статусе наукограда Российской Федерации» с изм. и доп. от 22 авг. 2004 г., 18 окт. 2007 г., 27 дек. 2009 г.

Н.В. РАСКАЗОВА

Устойчивое развитие социально-экономической системы в контексте теории интересов

Аннотация. Развитие социально-экономической системы неразрывно связано с экономическими интересами. Закономерности функционирования и развития экономических интересов определяют направленность движения всей социально-экономической системы. Теория интересов позволяет выяснить условия, необходимые для перехода социально-экономической системы к устойчивому развитию, являющегося одним из перспективных направлений общественной эволюции.

Ключевые слова: устойчивое развитие, экономические интересы, социально-экономическая система.

Abstract. The development of the social and economic system is inseparably linked with economic interests. Regularities of the functioning and development of economic interests define the direction of motion of the entire social and economic system. The stakeholder theory aims to find out the conditions necessary for transition of the social and economic system to a sustainable development, which is one of the most promising directions of public evolution.

Keywords: sustainable development, economic interests, social and economic system.

Современное общество переживает переломный этап своего существования, характеризуемый наличием двух тенденций развития. Первая тенденция связана с переходом к более высоким формам общественной эволюции, определяемым повышением значимости интеллектуальной и духовной сфер жизни. А вторая — с самоуничтожением человечества. Эти вопросы учеными исследуются и обсуждаются через понятие «устойчивое развитие».

В настоящее время данное понятие носит междисциплинарный характер, а ученые и специалисты различных научных направлений акцентируют внимание на каком-либо определенном аспекте, предлагая различные трактовки. В итоге одни исследователи связывают феномен устойчивого развития с необходимостью изменения характера экономического роста, другие — с сохранением биосферного равновесия, третьи — с модернизацией отношений между развитыми и развивающимися странами, четвертые — с глобальным управлением мировым социально-экологическим процессом и др. [1, 19]. В целом, устойчивое развитие можно трактовать в двух смыслах: узком и широком. Устойчивое развитие в узком смысле слова предполагает устойчивость конкретного вида исследуемого объекта и может рассматриваться как экологическая, экономическая, демографическая, социальная и т. д. устойчивость, а в широком смысле — это динамичное функционирование всей социально-экономической системы, включая все виды устойчивости [2, 42—43].

Проблема устойчивого развития, анализируемая с различных позиций, неразрывно связана с определением места человека в социально-экономической системе и отражением специфики взаимосвязи субъекта экономики с объективными факторами его существования. В современных условиях коренным образом изменилась роль человека в производстве: развитие экономических отношений становится функцией совершенствования самого экономического субъекта, что приводит к повышению роли его экономических интересов и их влияния на состояние экономических процессов. Поэтому, исследование устойчивого развития социально-экономической системы невозможно без анализа экономических интересов.

Исследователи определяют экономический интерес как осознанную потребность или как форму выражения потребности [3, 38]; как форму удовлетворения потребностей [4, 28]; как условие реализации экономических потребностей [5, 97]; объективную характеристику социального статуса субъекта [6, 67]; как пользы, выгоды, достигаемые субъектом в процессе экономической деятельности

[2, 35]; мотив, стимул, побудитель к деятельности [7, 12]; побудительный мотив, выражающий связь между положением работника в системе общественного производства и их материальными потребностями [8, 22] и др. Но данные интерпретации не раскрывают сущностных сторон экономического интереса, а выделяют лишь отдельные свойства. На наш взгляд, целесообразно определять экономический интерес как свойство субъекта экономики, заключающееся в мотивированной экономической деятельности с целью удовлетворения потребностей за счет эффективного применения имеющихся ресурсов в процессе экономических отношений в течение определенного промежутка времени.

Экономические интересы субъектов, определяя их экономическую деятельность, взаимосвязаны с основными экономическими процессами и явлениями, осуществляемыми в социально-экономической системе. На основе этого можно предположить, что формирование, реализация, эволюция экономических интересов субъектов определяют возможности устойчивого развития социально-экономической системы.

Достижению устойчивого развития социально-экономической системы препятствуют различные обстоятельства, но к основным можно отнести следующие. Во-первых, системе экономических интересов присущ противоречивый характер, который, с одной стороны, является объективной данностью, а с другой — может приводить к конфликтным проявлениям противоречий, что в конечном итоге ведет к неустойчивому развитию социально-экономической системы. Во-вторых, нарушения взаимосвязей различных экономических интересов, повышение роли какого-то одного из видов экономических интересов приводят к их разбалансированности и соответственно к состоянию неустойчивости социально-экономической системы и ее структур.

В этой связи актуальным является вопрос о согласовании экономических интересов как основе устойчивого развития и о выработке механизмов данного процесса. Данная проблема исследуется в научных кругах достаточно активно [9—13]. В настоящее время выделяются два основных механизма согласования экономических интересов — на основе стихийного порядка рынка и государственное регулирование экономики. Однако эволюция социально-экономической системы по траектории устойчивого развития приводит к формированию новых механизмов согласования экономических интересов, способствующих сбалансированности экономических интересов. С нашей точки зрения, формирование

эффективных механизмов согласования экономических интересов должно осуществляться на основе принципа кооперативности и солидарности, приводящих в конечном итоге к уменьшению транзакционных издержек. Данный принцип предполагает сотрудничество, доверие, равноправие, признание ответственности и обязанностей субъектов экономики. Особо следует отметить, что принцип солидарности способствует формированию доверительных отношений субъектов экономики. Так, доверие, достоверность выполнения обязательств, имеет непосредственное отношение к опережающему экономическому развитию стран Запада [14]. Поэтому формирование эффективных механизмов согласования экономических интересов на основе принципа кооперативности и солидарности способствует преодолению нежелательных последствий рыночных механизмов, основанных на сверхконкуренции, балансу экономических интересов, воспроизводству социальных и экономических компромиссов.

Являясь движущей силой эволюции социально-экономической системы, экономические интересы лежат в основе формирования условий для ее устойчивого развития. Условия обеспечения устойчивого развития социально-экономической системы определяются процессом развертывания экономического интереса (табл. 1).

Таблица 1

Формирование условий устойчивого развития социально-экономической системы на основе развертывания экономического интереса

Фаза существования экономического интереса	Характеристика содержания фазы	Влияние фазы на устойчивое развитие социально-экономической системы (СЭС)
Зарождение	Осознание субъектом имеющихся потребностей, выявление иерархии предпочтений	Сопряженность потребности и ресурсов, обеспечивающих их удовлетворение →устойчивое развитие СЭС
Становление	Оценка всей совокупности способов получения благ, соответствующих	Сопряженность оптимальных способов получения благ и целевых ориентиров

	статусу субъекта, отбор наиболее выгодных	сбалансированного развития общества →устойчивое развитие СЭС
Проявление	Выбор наилучшего способа получения благ с учетом выгоды и социальной приемлемости	Снижение транзакционных издержек получения благ→устойчивое развитие СЭС
Реализация	Реальное поведение субъекта, направленное на получение необходимых благ	Эффективная хозяйственная деятельность субъектов экономики→устойчивое развитие СЭС
Коррекция	Соизмерение затрат и результатов, принятие решения о дальнейшем действии, выработка стратегии на будущее с учетом эффективности	Формирование эколого-ориентированной, инновационной поведенческой модели поведения субъектов экономики→ устойчивое развитие СЭС
Институционализация	Социализация односторонних интересов, нормативное их оформление посредством создания системы экономических институтов	Формирование экономических институтов, обеспечивающих эффективное функционирование субъектов экономики →устойчивое развитие СЭС
Деактуализация	Изменение структуры потребностей и способов их удовлетворения вследствие развития социально-экономических отношений	Появление новых форм экономической деятельности →устойчивое развитие СЭС
Эволюция	Трансформация экономических	Многообразие субъектов экономики и

	интересов под влиянием социально-экономических изменений	развитие социально-экономических отношений →устойчивое развитие СЭС
--	--	--

Приведенные в табл. 1 характеристики фаз развертывания экономического интереса соотносятся со всеми стадиями воспроизводства. Стадия производства соответствует процессу формирования потребности, предоставления необходимых благ, удовлетворяющих потребности субъектов. Вместе с этим стадия производства является сферой реализации производственных потребностей. Стадия распределения обеспечивает получение каждым субъектом определенной доли продукта. В процессе обмена происходит соизмерение результатов использования своих ресурсов и избранного способа удовлетворения потребностей с результатами деятельности других субъектов экономики. В процессе потребления осуществляется удовлетворение потребностей, означающее воспроизводство экономического субъекта. В данном случае можно согласиться со справедливой точкой зрения В.М. Юрьева, согласно которой в теории интересов «производство есть присвоение предметов природы, а потребление — конечное присвоение, которое и является сферой наиболее полной реализации интересов» [15, 13].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что устойчивое развитие социально-экономической системы определяется не только условиями непосредственного производства, принципами и формами распределения, обмена и потребления, но и процессом развертывания экономического интереса. Однако следует учитывать, что только возникновение положительных результатов развертывания экономического интереса способствует устойчивому развитию. Так, зарождение и становление экономического интереса, предполагающие оценку потребностей, выявление и отбор наилучших способов их удовлетворения, сопряженных с целевыми ориентирами сбалансированного развития общества, содействуют устойчивости социально-экономической системы.

Выбор наилучшего способа получения благ с учетом социальной приемлемости, осуществляемого на фазе проявления экономического интереса, приводит к снижению транзакционных издержек и эффективному взаимодействию субъектов экономики. Эффективная деятельность субъектов, осуществляемая в процессе реализации экономического интереса, является основой для разрешения основного противоречия социально-экономической системы — дилеммы

растущих потребностей и ограниченности ресурсов. Эффективная деятельность множества субъектов экономики стимулирует позитивную динамику социально-экономического развития и создает предпосылки для роста качественных характеристик жизнедеятельности человека, что в свою очередь является неотъемлемой составляющей устойчивого развития социально-экономической системы.

Важная роль в определении условий устойчивого развития социально-экономической системы принадлежит формированию модели поведения, вырабатываемой в результате коррекции экономического интереса. Эколого-ориентированная, инновационная модель поведения субъектов способствует разрешению проблемы ограниченности ресурсов при растущих потребностях.

Особое значение в развертывании экономического интереса занимает процесс его институционализации. Механизм формирования институтов с позиции теории интересов можно представить следующим образом: определенные действия субъектов экономики, обеспечивающие наиболее благоприятные условия реализации экономических интересов и удовлетворения потребностей, формировали в обществе нормы, традиции, модели поведения, которые и приводили к возникновению экономических институтов. По сути, институты являются результатом процесса формирования общественных форм, структуризации экономических интересов [16, 611]. Это означает, что в процессе развития экономический интерес отрывается от субъекта и приобретает самостоятельные формы существования, закрепленные в институтах. Основой институционализации интересов является «общее» в интересах различных субъектов экономики. Исходя из этого, теория интересов позволяет раскрыть новое содержание понятия «экономический институт», который можно определить как механизм реализации экономических интересов, обеспечивающий функционирование и развитие отношений субъектов экономики. Формирование эффективно функционирующих экономических институтов как положительный результат развертывания экономического интереса является необходимым условием устойчивого развития социально-экономической системы. Эффективность функционирования экономических институтов определяется снижением трансакционных издержек взаимодействия субъектов.

Современное общественное развитие подвержено существенной трансформации: революционные перемены в технике, технологии, принципиально изменившие организацию и структуру производства,

существенно влияют на структуру потребностей. Появление принципиально новых товаров изменяет приоритеты потребительского выбора, продиктованного возникновением новой потребности. В результате осуществляется деактуализация экономического интереса, т. е. некоторые экономические интересы, связанные с удовлетворением определенных потребностей, исчезают. Положительным результатом развертывания экономического интереса на данной фазе является формирование новых форм и видов экономической деятельности, соответствующих тенденциям социально-экономического развития.

Немаловажная роль в анализе условий устойчивости социально-экономической системы принадлежит эволюции экономических интересов, детерминированных социально-экономическим развитием. Следует констатировать, что в социально-экономической системе абсолютное большинство субъектов руководствуется утилитарными стимулами, порожденными необходимостью удовлетворения материальных потребностей. Данная характеристика мотивации адекватна индустриальной эпохе развития общества и наличием соответствующих экономических интересов. Однако в середине XX в., когда экономически развитые страны достигли достаточно высоких стандартов потребления и развитие экономики стало определяться не столько количественными, сколько качественными критериями, экономические интересы субъектов существенным образом изменились. В качестве основных факторов, влияющих на эволюцию экономических интересов, предлагаем выделять:

- повышение роли творческого потенциала человека;
- трансформацию отношений собственности;
- формирование новых духовных ценностей общества;
- трансформацию факторов производства.

Под влиянием данных факторов, экономические интересы в современных условиях претерпевают следующие изменения:

- трансформация иерархии интересов на основе изменения структуры потребностей в пользу нематериальных благ; новые технологии обеспечивают существенную экономию рабочего времени, которое необходимо на материальное обеспечение жизни людей;
- интерес собственника как главный интерес социально-экономической системы связывается с приращением не только материального, но и интеллектуального богатства;
- отмечается усиление зависимости экономических интересов от персональных интеллектуальных способностей субъекта;

- важнейшим направлением развития экономических интересов является рост потребности в получении образования, в развитии личности, в самосовершенствовании и реализации творческих возможностей;
- наблюдается переход от интереса в максимизации потребления к интересу в обеспечении более высокого качества жизни;
- поскольку творческая деятельность становится первой потребностью, результат которой определяет статусные характеристики индивида, то происходит сращивание интересов в трудовой деятельности и интересов в удовлетворении потребностей;
- происходит ускорение процесса дифференциации интересов вследствие развития структуры наукоемкого производства;
- наблюдается экологизация экономических интересов, проявляющаяся в стремлении решения экологических проблем как определяющих процесс жизнедеятельности индивидов.

В целом, можно констатировать, что эволюция экономических интересов, детерминированная социально-экономическим развитием, приводит к функционированию множества субъектов экономики как отражение многообразия и сложности социально-экономических отношений. Отмеченные положительные результаты эволюции экономического интереса являются еще одним условием устойчивого развития социально-экономической системы.

Таким образом, анализируя проблему устойчивого развития социально-экономической системы в контексте теории интересов, можно сделать следующие выводы. Во-первых, экономические интересы, будучи встроенными в систему экономических отношений и неразрывно связанными со всеми экономическими процессами и явлениями, являются движущей силой социально-экономического развития. Во-вторых, основой устойчивого развития является процесс согласования экономических интересов субъектов, который позволяет преодолеть конфликтные формы противоречивости и разбалансированности системы экономических интересов. В-третьих, положительные эффекты развертывания экономического интереса, предполагающего возможности удовлетворения потребностей при наличии множества альтернативных способов получения благ, соответствующих целевым ориентирам сбалансированного развития, в результате эффективной хозяйственной деятельности субъектов, эколого-ориентированной и инновационной модели поведения субъектов, эффективно функционирующих институтов, появления новых форм и видов деятельности субъектов под влиянием

трансформации экономических интересов, приводят к достижению устойчивого развития социально-экономической системы.

Литература

1. *Абалкин Л.И.* Новый тип экономического мышления. М., 1987.
2. *Бочарова И.Ю.* Экономические интересы в фирме. М., 2007.
3. *Гераськин М.И.* Согласование экономических интересов в корпоративных структурах. М., 2005.
4. *Канапухин П.А.* Экономические интересы: сущность и реализация в транзитивной экономике. Воронеж, 2006.
5. *Кузнецова Г.В.* Согласование экономических интересов субъектов внутрифирменных производственных отношений: Дисс. ... канд. экон. наук. Орел, 2007.
6. *Лось В.А., Урсул А.Д.* Устойчивое развитие: Учеб. пособ. М., 2000.
7. *Любимов Л., Яровая Е.* Механизм общественного саморазвития: цивилизационный подход // *Мировая экономика и международные отношения.* 1993. № 2.
8. *Любимова Т.Г.* Экономические интересы и механизм их реализации. Одесса, 1993.
9. *Норт Д.* Пять тезисов об институциональных изменениях // *Квартальный бюллетень Клуба экономистов.* Минск, 2000. Вып. 4.
10. *Сауренко Т.Н.* Координация общественного и частного интересов в сфере бизнеса: Дисс. ... канд. экон. наук. Ростов-н/Д, 2007.
11. *Селин И.В.* Согласование внутренних интересов как фактор инновационного управления промышленным предприятием. Апатиты, 2009.
12. *Тарасов А.В.* Экономические интересы субъектов хозяйственной деятельности: противоречия и способы их разрешения: Дисс. ... канд. экон. наук. Воронеж, 2006.
13. *Уильямсон О.* Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки и «отношенческая» контракция. СПб., 1996.
14. Устойчивое функционирование и развитие социально-экономической системы / Под ред. Н.С. Чернецовой, В.А. Скворцовой. Пенза, 2003.
15. *Чернецова Н.С., Никулина Т.Б.* Экономические интересы и институты // *Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского.* 2012. № 28.
16. *Чернецова Н.С.* Экономическая природа и эволюция системы экономических интересов: Дисс. ... д-ра экон. наук. М., 2003.
17. *Юрьев В.М.* Экономические интересы и их реализация в транзитивной экономике: Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 1997.

18. Юрьев В.М. Транзитное хозяйство России и детерминизм экономических интересов. М., 1997.

А.В. ГОТНОГА

Рентные механизмы воспроизводства будущего общества

Аннотация. В статье раскрываются рентные механизмы в экономике, которые, как прогнозирует автор, будут усиливать свое влияние на все сферы жизнедеятельности общества в будущем. Показано, что замещение прибыли рентой вступает в противоречие с исторической тенденцией перехода от закона стоимости к закону прибавочной стоимости как регулятору экономических отношений.

Ключевые слова: внеэкономическое принуждение, рентные механизмы, отрицание отрицания, закон зеркальности, закон стоимости, закон прибавочной стоимости, сервисно-рентное общество.

Abstract. The article reveals the rental mechanisms in the economy, which, as the author forecasts, will increase its influence on all spheres of society in the future. Shown that the substitution of profit by rent contradicts the historical trend of transition from the law of value to the law of surplus value as the regulator of economic relations.

Keywords: extra-economic coercion, rental mechanisms the negation of negation, the law of specularity, the law of value, the law of surplus value, service and rental society.

Отсутствие личной свободы в экономических отношениях указывает на общественный способ производства, основывающийся на *внеэкономическом принуждении*. Именно последнее обстоятельство является подлинной причиной ренты [1, т. 25, ч. 2, 353—355].

Внеэкономическое принуждение есть инструмент, используемый собственником средств производства по отношению к непосредственному производителю с целью присвоения прибавочной стоимости. Таким образом, можно определить ренту как прибавочную стоимость, присваиваемую собственником средств производства посредством механизмов внеэкономического принуждения. Механизмы внеэкономического принуждения далее мы будем называть *рентными механизмами*.

Внеэкономическое принуждение, однако, было атрибутом докапиталистических способов производства — рабовладельческого

(античного), феодального и «азиатского». Распространение рентных механизмов в современной экономике, следовательно, говорит о том, что капитализм вступил в завершающую стадию своего существования — в стадию упадка. С точки зрения диалектики в стадии упадка проявляются формы производственных отношений, соответствующие более низкой, чем капитализм, ступени исторического развития.

Объясняется это действием закона *отрицания отрицания*, согласно которому в процессе развития не может быть как полной повторяемости, так и полного отрицания. Методологическое значение данного закона таково, что для исследователя, принимающего его в расчет, в равной степени неприемлемы какие-либо односторонние интерпретации и концепции развития, будь то циклические или линейные. По словам Б.М. Кедрова, «...развитие совершается не по кругу и не прямолинейно, а криволинейно, по спирали, в которой соединяются оба противоположных момента: цикл и прямая линия» [2, 39].

Рента была основной формой дохода при рабовладельческом, феодальном и «азиатском» способах производства, которые в логическом аспекте можно рассматривать как стороны одного и того же способа производства, основывающегося на внеэкономическом принуждении. Если бы мы проигнорировали действие закона *отрицания отрицания*, то должны были прийти к выводу, наблюдая вытеснение прибыли рентой, что история повернула вспять, а следовательно, признать движение по кругу естественным для процесса общественного развития. Наоборот, опираясь на закон *отрицания отрицания*, мы нацелены разглядеть в этом как бы возврате к старому контуры будущего, более прогрессивного способа производства, который приходит на смену капитализму.

Переход к новому, более прогрессивному способу производства в то же время есть регресс старого способа производства. Другими словами, восхождение общества по большому витку спирали истории вообще сочетается с движением по «нисходящей ветви социальной эволюции» малого витка истории капитализма в частности. Как утверждал А.А. Зиновьев, на «нисходящей ветви социальной эволюции» вступает в силу «закон зеркальности», т. е. «...действуют те же общие социальные законы, что и на восходящей ветви, но действуют именно как зеркальное отражение их действия на восходящей ветви, то есть одновременно похоже, но и наоборот» [3, 418]. Действительно, на восходящей ветви развития капитализма прибыль, а не рента была основной формой прибавочной стоимости. Напротив, сейчас мы видим, как рента и прибыль вновь меняются местами.

Есть и другие признаки упадка капиталистического и становления нового, более прогрессивного способа производства. Прежде всего, это касается деформации закона стоимости. Многие исследователи, замечая, что последний перестает работать, обращают этот факт против трудовой теории стоимости К. Маркса, вместо того чтобы разглядеть в нем симптом вырождения капитализма.

Как известно, закон стоимости не является специфическим законом капиталистического способа производства. Это закон товарного производства вообще. Однако, если на докапиталистической стадии развития общества он лишь спорадически и фрагментарно регулировал экономические отношения, то в условиях капитализма как зрелой стадии товарного производства данный закон обрел полную силу и всеохватывающий характер.

Сегодня сторонники концепции «информационного» общества утверждают, что закон стоимости представляет собой анахронизм, поскольку «...информационный труд высшей квалификации, творчество новаций на уровне мысли не поддаются исчислению в стоимостных категориях...» [4, 60]. Проблема, на наш взгляд, заключается не в том, что «информационный» труд не поддается «исчислению в стоимостных категориях» (ведь, строго говоря, любой труд не может исчисляться стоимостью, так как, наоборот, стоимость исчисляется трудом), а в неправомерности считать его источником стоимости, каковым является труд физический.

Отмеченная рядом исследователей тенденция связана с развитием так называемого «нематериального» производства. М. Хардт и А. Негри, например, полагают, что сегодня в мире происходит смена «парадигм» производства: материальное производство уступает место «нематериальному». Это влечет за собой размывание привычных для эпохи «фордизма» границ рабочего времени, поскольку «нематериальный» труд не нуждается в строгой пространственной привязке к определенному месту производства, с одной стороны, а само место производства становится многофункциональным, предлагая не только условия труда, но и «отдыха» с целью как можно дольше удержать работника на своем рабочем месте — с другой. Таким образом, «четкие ритмы фабричного производства и присущее ему резко выраженное деление на рабочее и свободное время начинают ослабевать в сфере нематериального труда» [5, 184].

Но обратимся к такому явлению, как «макдональдизм», концепцию которого разработал американский социолог Дж. Ритцер. Эта концепция опровергает позицию сторонников «постфордизма», что так называемое «нематериальное» производство «неизмеримо».

Вместе с тем известный социолог пытается дополнить политэкономию К. Маркса, включив в предмет социального анализа «средства потребления» (рестораны быстрого питания, крупные универмаги, мегамаркеты, торговые центры, оптовые магазины, казино-отели, парки развлечений, круизные морские лайнеры и т. д.) [6, 501—504].

Однако, несмотря на растущие мощности «средств потребления», следует понять, что они от этого не превращаются в новые условия создания стоимости. С точки зрения модели капиталистического способа производства, разработанной К. Марксом, мы должны отнести все эти «средства потребления» к сфере обращения капитала, в которой прибавочная стоимость и стоимость вообще лишь реализуются. Капитал, участвующий в обращении, конечно, получает прибыль. Как это происходит, К. Маркс объяснил на примере торгового (купеческого) капитала [1, т. 25, ч. 1, 314].

Очевидно, что с беспрецедентным разбуханием сферы потребления гипертрофически возрастает и капитал, задействованный лишь в сфере обращения. Следовательно, норма промышленной прибыли должна сократиться. Здесь мы должны обратить внимание на следующую историческую закономерность, подмеченную К. Марксом. В ходе исторического развития именно в сфере обращения прежде всего «образуется общая норма прибыли», а капиталом, определяющим цены товаров по их стоимостям, был торговый, а не промышленный [7, т. 2, ч. 1, 315]. Сегодня эта тенденция вновь становится доминирующей, т. е. проявляется «закон зеркальности», что служит подтверждением того, что капитализм сегодня «сползает» по нисходящей ветви социальной эволюции.

Дело вовсе не в «финансиализации» капитала, как, например, считает Дж. Арриги [7, 192—193]. На наш взгляд, проблема лежит гораздо глубже. Сам капиталистический способ производства сходит с исторической авансцены. Если производство сегодня все в большей мере концентрируется в странах, где отсутствует личная свобода, то прибавочная стоимость, производимая там и потребляемая капиталом в «ядре» мирового капитализма, является результатом способа производства, основывающемся на внеэкономическом принуждении. Более того, и сами капиталисты в самом «центре» мировой системы разделения труда все больше превращаются в рантье, получающих вместо прибыли финансовую и другие формы ренты.

Еще Д. Белл заметил, что в сфере услуг производительность труда ниже, чем в сфере промышленного производства [8, 209]. Соответственно ниже и заработная плата [9, 522]. Сам этот факт уже должен был навести на мысль, что развитие так называемого третичного сектора в капиталистическом обществе, уже

перешагнувшем черту зрелости, выполняет компенсаторную функцию, причем не только в плане утилизации теряющего свою рентабельность капитала. Утилизируется таким образом и избыточная масса ранее занятых в промышленном производстве работников.

Вопреки ожиданиям теоретиков «постиндустриализма» расширение сферы услуг сопровождается развитием не высокоинтеллектуальных, а трудоемких видов деятельности, ставящих наемных работников в личную зависимость от их работодателей. Растут и множатся ряды «неоприслуги», что подталкивает, например, Р. Кастеля, одного из крупнейших современных исследователей проблем наемного труда, признать: «Мы оказываемся вне современных отношений найма и даже вне той формы, которую они имели в начале индустриализации...» [9, 520].

Дальнейшая автоматизация производства, на которую уповают некоторые авторы, постепенно охватит и сферу услуг. По мнению В.А. Вазюлина, автоматизация, высвобождая труд из сферы производства, тем самым освобождает его от власти капитала и эксплуатации вообще [10, 314]. Наше видение дальнейшего развития общества отличается от данной точки зрения меньшим оптимизмом. Дело в том, что капитал, автоматизируя промышленность и сферу услуг, конечно, подрывает базу своего собственного воспроизводства, поскольку труд является субстанцией стоимости, а капитал есть «самовозрастающая» стоимость. Однако капитал, переставая быть самим собой, вместе с тем остается частной собственностью. В.А. Вазюлин сравнивал «комплексное автоматизированное производство» с силами природы. Такой силой, например, является земля. Но земля может быть частной собственностью, но не быть капиталом. Собственник же земли может эксплуатировать труд других людей, не будучи капиталистом. Эксплуатируя же последних, он получает не прибыль, а ренту. Аналогичным образом может получать ренту и собственник автоматизированного производства. Правда, между земельным собственником, живущем в докапиталистическом обществе, и собственником автоматизированного производства грядущего общества есть принципиальная разница: последний не нуждается в рабочей силе. Так новому типу ренты удастся перехитрить труд, чего не удавалось сделать до этого его классовым предшественникам. Поэтому надо отдать должное постмодернистам, которые первыми подметили данную историческую тенденцию, побеждающую закон стоимости, правда, не совсем верно ее интерпретировав, посчитав, что это и есть «чистейший дискурс капитала», очищенный от «диалектов» производственной фазы

развития [11, 57], тогда как речь должна идти о способе производства, основывающемся на внеэкономическом принуждении.

Если мы утверждаем, что в настоящее время наметилась историческая тенденция перехода от экономического способа принуждения к внеэкономическому, то необходимо, во-первых, спуститься в самые недра общественного способа производства, чтобы внимательно рассмотреть, как это непосредственно происходит; во-вторых, продемонстрировать, как вообще возможна эксплуатация человека человеком в условиях абсолютно автоматизированного производства.

При первом приближении кажется, что внеэкономический способ принуждения несовместим с системой свободного найма. Действительно, с формальной стороны дело выглядит так, что работодателя и работника связывают лишь отношения, определяемые трудовым договором или контрактом. Последний свободно заключается и расторгается, причем его содержание не должно нарушать существующее законодательство. Таким образом, нет никакого внеэкономического принуждения до заключения и после расторжения контракта, т. е. за пределами собственно производственной (трудовой) деятельности. Остается, правда, сам производственный (трудовой) процесс, который, казалось бы, также регулируется трудовым соглашением и нормативно-правовыми актами. Тем не менее это вовсе не означает, что здесь не могут возникнуть производственные отношения, основывающиеся на внеэкономическом принуждении.

Одно из существенных противоречий капиталистического способа производства состоит в том, что горизонтальные связи (отношения координации) между контрагентами, существующие на рынке, дополняются вертикальными связями (отношениями субординации) внутри предприятий. Строгая иерархия является принципом функционирования любой бюрократической организации, включая корпорации. Там, где существует иерархия, всегда есть способ принудить труд, взимая с него *отработочную ренту*. К. Маркс считал последнюю «самой простой формой» ренты, причем полностью тождественной с прибавочной стоимостью [1, т. 25, ч. 2, 352]. В феодальном обществе определить ее было достаточно просто, поскольку отработка была отделена от необходимого труда непосредственного производителя как во времени, так и в пространстве. В современном капиталистическом обществе, ужедвигающемся по нисходящей ветви эволюции, контуры отработочной ренты размыты. Поскольку юридически это никак не закреплено и не выражено (так как для капитализма неприемлем принудительный труд

в принципе), то отработка списывается на некую случайность. То, что эта случайность уже интегрирована в саму систему производственных отношений в качестве ренты, не осознается не только трудящимися, но и самими капиталистами, воспринимающими отработочную ренту в привычных для себя категориях прибыли.

В сфере интеллектуального труда (так называемого «нематериального» производства), где, как точно заметил М. Маяцкий, капитал заставляет «думать о работе 24 часа в сутки» [12, 238], масштабы отработочной ренты уже таковы, что можно с твердой уверенностью сказать: не высота ренты здесь определяется нормой прибыли, а норма прибыли — высотой ренты. В связи с этим трудно не согласиться с А.С. Панариным, утверждающим, что «прибавочная стоимость, получаемая современным (буржуазно организованным) обществом, — это использование не предусмотренных системой менового обмена, источаемых как свободный дар энергии, инициативы и воодушевления людей, носящих внеэкономический характер» [13, 97].

Закон стоимости начнет ослабевать тогда, когда по мере развития производительных сил занятость в сфере производства упадет до предельного минимума. Сначала собственники средств производства, а затем и собственники «средств потребления» (Дж. Ритцер) перестанут нуждаться даже в дешевой рабочей силе. В условиях капиталистического способа производства такая ситуация бы породила глубокий экономический кризис, так как капитал из-за массовой безработицы не смог бы реализовать произведенную прибавочную стоимость. Способ производства, который приходит на смену капитализму, с подобным противоречием не сталкивается, потому что ориентирован не на «бесконечный рост капитала» (И. Валлерстайн), а на поиск ренты. Собственность ее владельцу в новых условиях дает, прежде всего, привилегии, «биополитическую власть» (А. Негри и М. Хардт) над вчера еще формально свободными гражданами буржуазного общества, превращая их в подданных и прислугу. Формула $D-T-D'$ здесь теряет всякий смысл. Более того, перестает работать и формула $T-D-T$, поскольку прекращается собственно товарно-денежное обращение.

В будущей иерархической экономике, опирающейся на «комплексное автоматизированное производство», потребность в «овеществляющем» труде отпадает. Собственник средств производства, т. е. рантье, будет нуждаться, скорее всего, в личных услугах, или в «распредмечивании» того, что производится почти без участия человека. Поэтому адекватной формулой грядущего способа

производства, по-видимому, будет $У—Р—У$ (услуга—рента—услуга). Отношения, выраженные формулой $У—Р—У$, далее будем называть *сервисно-рентными*.

Услуги не имеют стоимости, но это не значит, что они бесполезны. Услуги обладают свойством полезности, следовательно, они представляют собой *потребительные стоимости*. Таким образом, сервисно-рентные отношения подчиняются не закону стоимости, а *закону потребительной стоимости*, согласно которому, по В.Я. Ельмееву, «...высвобождаемое в результате реализации потребительной стоимости время (свободное время) превосходит затраченное рабочее время...» [14, 205]. Попробуем понять, к каким последствиям приведет действие закона потребительной стоимости в условиях *сервисно-рентного общества*.

«Комплексное автоматизированное производство» объединяет капиталы в единое целое, и отдельные капиталисты превращаются в одного «комбинированного капиталиста» (К. Маркс). Экономика, почти полностью избавившись от труда, становится неким внешним по отношению к обществу объектом. Обычно исследователи называют «второй природой» культуру. Как нам представляется, на эту роль в будущем больше подходит экономика: вытеснив труд, она тем самым как бы самоустранится из общественных отношений, став для них некой внешней средой или фоном. Статус «базиса» общества при этом экономика не только не утратит, но еще более укрепит. Только впредь этот «базис» уже будет не внутренним, а внешним. Таким образом, понятие «аутопойетической системы» [15, 68—70] как нельзя лучше характеризует экономику будущего общества.

Однако превращение всех отдельных капиталистов в одного «комбинированного капиталиста», а экономики — в «аутопойетическую систему» замыкает класс капиталистов в себе. Экономика как «аутопойетическая система» перестает приносить прибыль. Она становится лишь условием получения вчерашними капиталистами ренты, источником которой является внешняя по отношению к экономике социальная среда. Вчерашние же капиталисты, таким образом, теперь больше напоминают наделенное особыми привилегиями средневековое сословие, а точнее, дистанцировавшийся от всего остального общества и паразитирующий на услугах последнего класс рантье.

В отличие от постмодернистов, в частности Ж. Бодрийяра, мы не рассматриваем гипертрофированный рост услуг в современном обществе в качестве подлинной функции капитализма. Указанная тенденция сигнализирует не о воспроизводстве старого, а о становлении нового общества, названного нами сервисно-рентным.

Как бы то ни было, Ж. Бодрийяру удалось весьма точно описать эту тенденцию: «...всякий труд сливается с обслуживанием — с трудом как чистым присутствием/занятостью, когда человек расходует, предоставляет другому свое время. Он «обозначает» свой труд, подобно тому как можно обозначить свое присутствие или преданность. В таком смысле предоставление услуги действительно неотделимо от предоставляющего ее. Предоставление услуги — это отдача своего тела, времени, пространства, серого вещества. Производится ли при этом что-нибудь или нет — не имеет значения по сравнению с этой личной зависимостью. Прибавочная стоимость, разумеется, исчезает, а заработная плата меняет свой смысл <...> Это не “регрессия” капитала к феодальному состоянию, а переход к реальному господству, то есть к тотальному закабалению и закрепощению человеческой личности» [11, 67].

Действие закона потребительной стоимости в условиях сервисно-рендного общества, таким образом, приведет к аккумуляции большей части общественно-свободного времени на стороне класса рантье (главного потребителя услуг) и почти полного исчезновения свободного времени у «прислуги» (основного производителя услуг). Зависимость «прислуги» от класса рантье обусловлена тем, что последний контролирует доступ к материальным благам, поскольку «комплексное автоматизированное производство» находится в его частной собственности.

Однако уже сам факт того, что новоиспеченный класс рантье является всего лишь исторической тенью «комбинированного капиталиста», говорит о непрочности того «базиса», на котором возникает сервисно-рендное общество. «Прибавочная стоимость, разумеется, исчезает...», — цитировали мы чуть выше Ж. Бодрийяра. Между тем рента есть форма прибавочной стоимости. Таким образом, можно заключить, что *форма* производственных отношений сервисно-рендного общества лишена *содержания*. Рента, следовательно, становится *видимостью*. В самом деле, функцией «комплексного автоматизированного производства» является не только избавление общества от непосредственного участия в процессе материального производства, но и обеспечение материального изобилия. Рентные механизмы в этих условиях создают в обществе искусственный дефицит материальных благ, служат средствами ограничения свободного доступа к ним широких слоев общества, чтобы только обеспечить социальное господство одного класса над другим. Указанное несоответствие формы содержанию будет ретушироваться

посредством различных социально-структурных и политических инструментов.

Литература

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.
2. *Кедров Б.М.* О повторяемости в процессе развития. М., 2006.
3. *Зиновьев А.А.* Русская трагедия. М., 2003.
4. *Сунягин Г.Ф.* Социальная философия как философия истории. СПб., 2008.
5. *Хардт М., Негри А.* Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006.
6. *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. СПб., 2002.
7. *Арриги Дж.* Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI век. М., 2009.
8. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004.
9. *Кастель Р.* Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. СПб., 2009.
10. *Вазюлин В.А.* Логика истории. Вопросы теории и методологии. М., 2005.
11. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М., 2006.
12. *Маяцкий М.* Когнитивный капитализм — светлое будущее научного коммунизма? // Логос. 2007. № 4 (61).
13. *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2003.
14. *Ельмеев В.Я.* Социальная экономия труда: общие основы политической экономии. СПб., 2007.
15. *Луман Н.* Общество как социальная система. М., 2004.

Г.С. ШИРОКАЛОВА

Продовольственная безопасность России: как считать и что считать?

Аннотация. Исследования проблем АПК зачастую не учитывают всю гамму социально-экономических и политических механизмов его функционирования. В связи с вступлением в ВТО Россия взяла на себя обязательства изменить формы поддержки сельского хозяйства. Задача

статьи — проанализировать степень продовольственной независимости России и влияние на нее международного рынка продовольствия.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, ВТО, Россия.

Abstract. Research of the rural areas problems don't take into account all social and economic mechanisms of Russian agribusiness functioning. With joining WTO Russia undertook the commitment to change the support means of agriculture. The aim of the article is to analyze the degree of Russian food sovereignty and the influence in it of the food international market. After analyzing the statistics data the author comes to the conclusion that Russia loses its food safety.

Keywords: food sovereignty, WTO, Russia.

Со вступлением в ВТО внешние факторы становятся решающими для функционирования АПК РФ. По этому поводу существуют две точки зрения. Первая эмоционально выражена одним из докладчиков на аграрной секции Московского экономического форума 22 ноября 2012 г.: «22 августа для России тоже, что 22 июня 1941 г.». Организатор форума К.А. Бабкин не раз собирал ученых, обращался к руководству страны с предупреждениями о губительности вступления в ВТО для России в целом и АПК в частности [1].

«Партия дела», организованная К.А. Бабкиным, предлагала провести референдум по вопросу вступления в ВТО, но Центральная избирательная комиссия РФ 13 апреля 2012 г. его запретила. Инициаторами были посланы обращения в Верховный суд РФ. В Интернете для народного референдума о вступлении России в ВТО был создан специальный сайт «СТОП ВТО», однако он не собрал нужного числа подписей [2].

Активную позицию заняло движение С.Е. Кургияна «Суть времени», организовавшее митинги протеста, выпускавшее листовки, вестник «Суть времени», в том числе в региональных вариантах [3].

Правительство предпочло другие аргументы. Руководитель российской делегации на переговорах по ВТО М. Медведков подытожил работу так: «Для любого потребителя, для нас с вами... это безусловно хорошо: мы получим более дешевые товары, более качественные услуги, гарантии в отношении качества товаров, поскольку будут применяться международные стандарты... Для кого-то последствия будут более позитивные, для кого-то нейтральные. ...Никто не ожидает драматического серьезного негативного эффекта... ВТО существенного влияния на экономику России не окажет» [4]. Конечно, в этом заявлении есть лукавство: ведь и те

потребители, которые не потеряют работу из-за закрытия предприятий и будут иметь возможность что-то покупать, не застрахованы от некачественных товаров. Так, переход на ТУ с ГОСТ, предпринятый в соответствии с требованиями вступления в ВТО, уже резко ухудшил качество продуктов питания. Ввоз в Россию недоброкачественной продукции имел место и до вступления в ВТО, но с осени 2012 г. резко вырос. В связи с заявлением М. Медведкова напомним признание Г. Грефа 2012 г.: «Прогнозные возможности правительства России слабые» [5, 20].

Немало подтверждающих эту истину примеров может привести каждый. Один из них: на Гайдаровском форуме 2012 г. в выступлениях министров было немало дифирамбов «Стратегии 2020», а на Гайдаровском форуме 2013 г. она даже не упоминалась. Показательна ее оценка, данная К.А. Бабкиным: «Это программа демонтажа России. О развитии производства ни слова, зато предлагается иммиграцию сделать постоянной — не просто привлекать рабочую силу, а переселять ее сюда, фактически заменять один народ другим народом» [6, 24]. В результате разработка программы развития РФ была поручена коллективу С.Ю. Глазьева, имеющему совсем иную идеологию [7].

Сам же Г. Греф на Форуме—2013 заявил, что ни один министр не потратил и часа на изучение 47 тыс. страниц документов ВТО, по которым сейчас «нужно играть» [8]. Ему же принадлежит высказывание: «Один из наших важнейших ресурсов — сельское хозяйство. В советские времена в эту отрасль неэффективно вбухали миллиарды рублей, что в числе прочих причин и привело к развалу СССР [5, 22]. Отсюда следует, что основная проблема — выбор правильной стратегии.

Рассчитанные на основе математических моделей отраслевыми институтами РАСХН по отдельным позициям сельхозпроизводства прогнозы были весьма оптимистичны даже тогда, когда стали ясны условия вхождения в ВТО. На Гайдаровском форуме в 2012 г. прогнозировалось увеличение объемов производства мяса в России [9, 232]. В итоге в Думе за ВТО проголосовало 238 чел. (Единая Россия — 235, Справедливая Россия — 3). ЛДПР и КПРФ единогласно проголосовали против, набрав 209 голосов.

Не отдавая приоритета ни одной из точек зрения, рассмотрим проблему продовольственной безопасности на основе статистических данных как более надежного объективного источника. Сам термин «продовольственная безопасность» введен в 1974 г. в Риме на Всемирной конференции по проблемам продовольствия, организованной ФАО. Причиной ее созыва стал мировой зерновой

кризис, вызванный неурожаем 1972 г. Тогда в условиях сокращения товарных ресурсов цены на зерно и нефть увеличились по годовым показателям на мировых рынках на 300—400%. Многие страны, зависевшие от импорта продовольствия и кормов, попали в трудное экономическое положение. В результате возросло стратегическое влияние крупнейшего в мире производителя излишков продовольствия — США. На конференции обсуждались две основных темы: прирост населения в контексте мировой нехватки продовольствия и перемены в мировых поставках продовольствия [10, 24 — 25].

Традиционно информация стран о продовольственных резервах считалась стратегической и была закрытой, теперь же появилась официальная возможность доступа к ней в целях экономического и политического давления. Именно тогда американский госсекретарь Г. Киссинджер заявил: «Контролируя нефть, вы контролируете государство. Контролируя продовольствие, вы контролируете население» [10, 3]. Если сначала доступность продовольствия использовалась в основном для устрашения, то с появлением новых технологий, связанных с генной инженерией, оно становится решающим фактором геополитики в самом широком смысле. Вот почему важно знать реальный уровень продовольственной обеспеченности каждой страны.

При выборе оценочных показателей состояния продовольственной безопасности используются как общие, так и специфические подходы, зависящие от специфики страны. Общим является то, что продовольственная безопасность рассматривается в двух плоскостях: применительно к территории и к каждому отдельному человеку.

В мировой экономике существует ряд классификаций стран по уровню обеспеченности продовольствием. В настоящее время Россия относится к государствам, хронически испытывающим его дефицит, но способным приобрести продовольствие благодаря торговле природными ресурсами.

Для более конкретной оценки продовольственной безопасности отдельной страны используются следующие показатели: 1) доля импорта — критическим является «критерий импортной опасности», который равен трети потребляемого продовольствия; 2) размер стратегических и оперативных запасов в соответствии с нормативными потребностями; 3) уровень производства продуктов питания на душу населения; 4) уровень потребления наиболее жизненно важных продуктов; 5) качество и экологичность продуктов питания; 6) стабильность цен на основные виды продовольствия; 7) уровень физической и экономической доступности продовольствия

для разных категорий населения. Каждое из этих направлений может стать предметом самостоятельного исследования, мы отдадим приоритет лишь одному из них — импорту сельхозпродукции. По данным Росстата, в 2011 г. доля импорта продовольственных товаров в товарных ресурсах розничной торговли продовольственными товарами в России составляла 35%, а доля импорта во всех ресурсах розничной торговли — 43% [11].

В СМИ часто встречается информация, согласно которой доля импортной сельхозпродукции в РФ составляет 40% и более. Возможно, авторы учитывают и «серый импорт», и то, что жители пограничных с Белоруссией областей России предпочитают ездить к соседям за качественной продукцией со знаком ГОСТ. Этот поток покупателей сохранится и в будущем. После скандала «с кониной вместо говядины» на Западе в начале 2013 г. А.Г. Лукашенко заявил, что в стране никогда не будут приватизированы предприятия по производству основных видов пищевых товаров, поскольку «частники — хорошие люди, но бизнес заставляет их думать о собственном кармане». Поэтому государство не пустит их в эту жизненно важную для населения отрасль [12].

Показатель в 40% хотя и настораживает, но не достаточно информативен без учета экспорта. Для пояснения приведем сравнительные данные по ряду стран (табл. 1).

Таблица 1

Базовые показатели АПК России в сравнении с другими странами

Страна	Импорт пищевой и с/х продукции, млрд дол.	Экспорт пищевой и с/х продукции, млрд дол.	Доля с/х в ВВП, %	Доля занятых, %
Россия	30,1	—	5	9
Германия	71,7	62,5	1	2
Дания	10,6	17,4	1	3
Нидерланды	42,2	65,6	2	3
Соединенное Королевство	48,9	22,1	1	1
Франция	46,6	55,4	2	3
Еврозона	102,6	79,7	2	4

Примечание. Учитывались лишь значения, превышающие значимую величину в ВВП [13, 100—235].

Например, без сравнения показателей импорта и экспорта можно сделать ложный вывод о худшем положении с обеспечением продовольствием за счет собственных ресурсов в Германии, Нидерландах, Франции, Евроразоне в целом по сравнению с Россией. Но есть существенная содержательная разница: страны Запада в основном ввозят колониальные товары, а вывозят белковую продукцию, составляющую базовую часть питания. Требуется пояснения и показатель доли занятых в сельском хозяйстве, поскольку он имеет национальную специфику.

За рубежом к ним относят только фермеров. В СССР сюда включались все члены колхозов: от клубного работника до банщика. В определенной степени эта традиция сохранилась и сейчас. Но главный фактор завышения доли занятых в сельском хозяйстве — политический заказ, сделанный статорганам по методике расчета числа занятых в сельском хозяйстве. В их состав включают тех, кто выполняет какую-либо работу хотя бы час в неделю, а также тех, кто имеет ЛПХ и продает хоть какую-либо ее часть. Более того, если даже две трети полученной продукции отдано родственникам, значит, человек включается в число занятых. Уточним: из трех мешков картошки, два отдано сыну, живущему в городе, который помогал сажать, окучивать и копать, но оба родителя по статистике уже считаются экономически занятыми. Права Л.В. Бондаренко, что занятыми можно считать только тех, чей доход не ниже величины прожиточного минимума. Но государству не выгодна такая методология подсчета: ведь тогда из числа занятых надо вычесть 27% работающих в сельском и лесном хозяйстве, получающих зарплату ниже прожиточного минимума. Плюс те, кто занят в ЛПХ, не дающем соответствующей прибыли [14, 58—59].

Следующий важный показатель — тенденции соотношения экспорта и импорта (табл. 2). Как видим, импорт имеет большой тренд к увеличению, несмотря на государственные программы помощи АПК в последние годы.

Таблица 2

**Соотношение импорта и экспорта сельхозпродукции в РФ,
млрд дол.**

Годы	2001	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Экспорт	1,9	4,5	5,5	9,1	9,3	10	8,8	12
Импорт	9,2	17,4	21,6	27,6	35,2	30,1	36,4	42,5

Источник: [15, 14].

Но поскольку используется стоимостная оценка ввоза-вывоза, то необходимы дополнительные уточнения. Так, по данным Федеральной таможенной службы, за 2012 г. в РФ ввезено продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья на 40202,5 млн дол., или на 5,4% меньше, чем в 2011 г. Однако по сравнению с предыдущим годом возросли физические объемы импортных закупок мяса птицы (на 7,0%), рыбы (на 4,5%), кофе (на 9,2%), какао-бобов (на 2,3%), зерновых культур (на 24,6%), продуктов, содержащих какао (на 7,4%), напитков алкогольных и безалкогольных (на 11,8%) [16]. Причина снижения затрат на импорт: Россия стала закупать продукцию худшего качества, которая значительно дешевле.

Экспорт же рос в основном за счет увеличения цен на пшеницу на внутреннем и внешнем рынках [17]. За 2012 г. индекс цен вырос в России на 110,8% [16]. Однако и этих данных недостаточно для оценки продовольственной безопасности: необходимо сопоставлять структуру импорта, поскольку в нем могут преобладать колониальные товары, которые важны для разнообразия питания. Основной же является белковая продукция. В качестве примера приведем сравнительные данные по постсоветским странам. Без расшифровки структуры импорта худшее положение с продовольственной безопасностью в Белоруссии: в 2010 г. импорт продовольствия на душу населения там составил почти 300 дол., в РФ — 230, в Молдавии — 160, на Украине — 120 [11].

Фактически же Белоруссия на 83% обеспечена за счет собственного продовольствия. По производству его основных видов на душу населения (кроме зерна) она занимает первое место среди стран СНГ. По производству мяса находится на уровне Германии, молока — примерно вдвое опережает основные развитые в аграрном отношении страны. На душу населения в стране производится мяса, молока, куриных яиц, картофеля, зерна с учетом кукурузы, значительно больше медицинских норм. Белорусский экспорт в четыре раза превышает импорт. При этом доля жизненно важных продуктов в структуре импорта невысока — всего 5–7% внутреннего спроса. Импорт рассматривается как стимулятор в том, «чтобы мы знали, как конкурировать, над чем работать, какой спрос предъявляется к качеству и как нам вести модернизацию» [18].

В России в 2011 г. импорт молочных продуктов составил 19,5% из общих ресурсов в 41,5 млн т. В 2011 г. импорт мяса составил 24,6% из общих ресурсов в 10,9 млн т. Доля импорта животного масла в его товарных ресурсах в России составляла в 2011 г. 32,2 %, растительного масла — 21,9 %. В 2010 г. доля импортной рыбной продукции составила 19 %.

Для доказательства улучшения состояния сельского хозяйства РФ нередко используется тенденция снижения доли импорта продовольственных товаров и сельхозсырья в импорте в целом. В 1995 г. она составляла 28%, в 1999 г. — 27%, в 2005— 18, в 2010 — 16, в 2012 г. — 12,8% [16; 19]. На деле это свидетельство разрушения отечественной индустрии и все большей зависимости от импорта промышленной продукции. Итак, Россия в значительной степени зависима от мирового рынка продовольствия. Естественен вопрос: что покупаем и что продаем (табл. 3)?

Основным экспортным товаром России является зерно, вывоз которого зависит от урожая (табл. 4). Так, падение объема экспорта всех зерновых культур в натуральном выражении в 2010 г. по сравнению с предыдущим годом составило 36,4%, выручка упала до 2,4 млрд дол. [20].

Таблица 3

Экспорт отдельных видов сельхозпродукции, тыс. т

Годы	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Мясо	0,5	0,3	0,2	0,3	0,3	0,2
Мясо птицы	0,3	0,9	2,8	6,0	18,4	18,4
Молоко, сливки	47,7	45,8	49,0	51,4	28,8	11,9
Масло сливочное	2,6	4,1	4,0	4,1	1,6	1,3

Источник: [15, 52, 57].

Экспорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья в 2012 г. составил 16598,1 млн дол., что на 38,7% больше, чем в 2011 г.: на 5,5% возросли объемы экспортных поставок пшеницы и меслина и на 24,1% поставки водки [16]. Разумеется, это несопоставимо с затратами на импорт всех видов продовольствия. Подчеркиваем этот момент потому, что в 2008 — 2012 гг. госчиновниками и рядом ученых пропагандировалось мнение, что со временем продажа зерна станет таким же значимым фактором, как продажа энергоресурсов.

Таблица 4

Производство и экспорт пшеницы, млн т

Годы	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Урожай	44,9	49,4	63,8	61,8	41,6	56,2
Годы	2006/ 2007	2007/ 2008	2008/ 2009	2009/ 2010	2010/ 2011	2011/2012
Экспорт	10,8	12,6	18,4	18,6	4,0	21,0

Источник: [21].

В частности, бывший российский министр профессор Г. Ясин утверждал, что сегодня Россия стоит перед колоссальным подъемом своего сельского хозяйства. Если для многих стран продовольственный кризис это беда, то для России — возможность получить еще один экспортный продукт не хуже, чем нефть. Мы вполне можем экспортировать зерно, и это для нас очень перспективная задача. Только в прошлом году мы вывезли 12 млн т зерна и стали третьим или вторым экспортером в мире. Для многих это стало полной неожиданностью. У нас принято считать, что если правительство не будет заниматься этим вопросом, то ничего не получится. Но вот смотрите — рынок-то делает.

Тут же приводилась информация, что газета «The Financial Times» обвинила Россию в намерении использовать пшеницу как дипломатическое оружие. Так издание прокомментировало известие о том, что Министерство сельского хозяйства РФ создаст крупнейшего экспортера зерна на базе государственного «Агентства по регулированию продовольственного рынка» (ОАО АПР). Эта организация через четыре-пять лет станет контролировать более половины экспорта пшеницы, и тем самым страна приобретет влияние, сходное с влиянием Газпрома на мировой рынок газа. Еще в 2007 г. Российская Федерация выступила с предложением организовать структуру для координации мировой торговли зерном — «зерновую ОПЕК». Предложение РФ поддержали Украина и Казахстан [22]. Подчеркнем: зерновой экспорт из РФ означает сокращение кормовой базы для отечественного животноводства.

С созданием ФАО, Всемирного банка, ВТО постоянно отслеживается уровень цен на продовольствие. Причины их роста объективны: увеличение народонаселения, подорожание удобрений и топлива, повышение спроса на биотопливо, ухудшение плодородия почв. И прав Киссинджер: продовольствие — лучшее оружие. Но, когда страна закупает все виды продовольствия диктовать условия, имея только зерно в отдельные годы, она такого оружия лишается.

По оценке экспертной группы ВБ, из-за вступления в ВТО возможны сокращение валовой продукции сельского хозяйства РФ на 3%, сокращение экспорта на 6% при увеличении импорта на 11%, в результате чего дефицит торгового баланса этого сегмента внешней торговли может составить около 2,5 млрд дол., по оценке отечественных ученых, к 2020 г. — около 4 млрд [9, 234] Худшие прогнозы начали сбываться практически сразу.

Ведь даже в условиях «полузакрытой» экономики «российское сельское хозяйство превратилось в придаток иностранного интеллекта: гербициды, пестициды, да и сами семена покупаются за границей, животноводство все больше зависит от генетических и селекционных разработок иноземных компаний; с/х машины, тракторы, комбайны, оборудование — все приходит из-за рубежа» [23, 87].

Итак, в современной мировой экономике продовольственная безопасность отдельной страны должна рассматриваться в координатах мировой торговли. При этом анализироваться должны не только стоимостные показатели ввоза-вывоза продовольствия. Используемые в статье источники наглядно показывают, что из обилия показателей, характеризующих какую-либо отрасль, всегда можно выбрать те, которые будут работать на определенную идеологию, оправдывая политические решения или, наоборот, критикуя их. Только тщательный анализ их совокупности является условием объективного прогноза. Таковой крайне необходим, ведь утрата продовольственной безопасности означает потерю не «суверенной демократии», а реального суверенитета, поскольку экспортирующие страны через повышение цен или эмбарго могут создать во ввозящей стране любую критическую ситуацию.

Литература

1. *Бабкин К.А.* Правительству по барабану состояние российского производства // http://www.vedomosti.ru/opinion/video/11_2111. (дата обращения 3.03. 2013).
2. Россия против ВТО // <http://stop-vto.ru> (дата обращения 3.02. 2013).
3. Суть времени (газета). Нижний Новгород. 2012. № 1.
4. *Медведков М.* Россия в ВТО: кому станет лучше? // http://www.vedomosti.ru/politics/video/79_1179 (дата обращения 2.02. 2013).
5. *Греф Г.* Выступление на Гайдаровском форуме — 2012 г. // Россия и мир. 2012 — 2020. М., 2012.

6. *Бабкин К.* Компенсировать потери от ВТО будет невозможно // Однако. 2012. № 12.

7. *Письменная Е.* Глазьев укажет курс стране. Ученым из Российской академии наук поручено придумать, как страна будет развиваться в условиях кризиса // http://www.vedomosti.ru/politics/news/8104841/glazev_ukazhet_kurs_strane#ixzz2MMgqdcxO (дата обращения 20.02.2013).

8. Гайдаровский Форум — 2013 г. // http://www.vedomosti.ru/politics/video/21_1921 (дата обращения 20.02.2013).

9. *Крылатых Э.Н.* Многофункциональность агропродовольственной сферы: методология исследований для разработки стратегии развития. М., 2012.

10. *Энгдаль У.Ф.* Семена разрушения. Тайная подоплека генетических манипуляций. Проект «Война и мир». 2009.

11. Импорт пищевой продукции в Россию // <http://newsruss.ru/doc/index.php/> (дата обращения 15.01.2013).

12. Беларусь защищает продовольственную безопасность. // <http://rumol.org/2013/02/25/belarus-zashhishhaet-prodovolstvennuyu-bezopasnost/> (дата обращения 28.02.2013).

13. Мир в цифрах. 2012. Карманный справочник. М., 2012.

14. *Бондаренко Л.В.* Занятость на селе и ресурсное обеспечение организаций малого бизнеса сельскими безработными // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2012. № 12.

15. О ходе и результатах реализации в 2011 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008—2010 г. Национальный доклад. М., 2012.

16. О текущей ситуации в агропромышленном комплексе Российской Федерации в январе 2013 г. // http://mcx.ru/documents/document/v7_show/22477 (дата обращения 2.03.2013).

17. Краткий комментарий о динамике выборочных цен на основные виды сельскохозяйственной продукции и продовольствия // <http://mcx.ru/navigation/docfeeder/show/169> (дата обращения 3.03.2013).

18. *Владимиров Ю.* Продовольственная безопасность обеспечена. // http://www.ng.by/ru/issues?art_id=71311. (дата обращения 06.12.2012).

19. Импорт в Россию // <http://newsruss.ru/doc/index.php> (дата обращения 3.03.2013).

20. Российский экспорт зерновых культур в 2010 году сократился на 36,4%. 04.07.2011 // http://marketing.rbc.ru/news_research/04/07/2011/562949980572481.shtml (дата обращения 3.02.2013).

21. <http://tassgraphics.ru/item?id=29847> (дата обращения 1.03.2013).

22. *Легуенко М.* Россия прирастет зернодолларами. Интервью с Е. Ясиным // Нижегородская деловая газета. 2008. № 10 (75).

23. *Черемисина Т.П.* Способна ли Россия к инновационному развитию? // ЭКО. 2009.

А.А. ЗАЛЕТНЫЙ

Человеческий потенциал управленца как экономического субъекта: факты, стереотипы, принципы

Аннотация. В статье формулируются принципы, которым должен следовать управленец в посттрансформационной экономике с целью полного раскрытия своего человеческого потенциала, а именно: интегративность, независимость, персонализированность (персональность), профессиональная детерминированность, рефлексивность, преемственность, транспарентность (прозрачность), а также опровергаются некоторые стереотипы, существующие в отношении человеческого потенциала управленца.

Ключевые слова: посттрансформационная экономика, управленец, человеческий потенциал, собственнический парадокс, дисбалансы, корпоративная культура, интегративность, независимость, персонализированность (персональность), профессиональная детерминированность, рефлексивность, преемственность, транспарентность (прозрачность).

Abstract. Principles to be obeyed by a manager in post-transformational economy in order to his/her human potential be revealed in full — namely: integrality, independence, personality, professional determinacy, reflexivity, transitivity, transparency — are formulated in the present article. Some stereotypes concerning human potential of a manager are also disproved in the present article.

Keywords: post-transformational economy, a manager, human potential, paradox of an owner, imbalances, corporate culture, integrality, independence, personality, professional determinacy, reflexivity, transitivity, transparency.

Предстоящий рано или поздно переход от трансформационной экономики к экономике новой, как бы последнюю ни называли — «экономика знаний», «посттрансформационная экономика» и т. д. — должен привести к возрастанию роли человека в экономике, человека

как экономического агента и в целом как экономического субъекта. Конечно же, в *управлении* экономическими субъектами человек играет особую роль.

Наша задача в настоящей статье — выделить главенствующие атрибутивные признаки и — далее — принципы этой роли, опровергая при этом при необходимости некоторые бытующие стереотипы (домыслы), не позволяющие ей быть в полной мере раскрытой.

Примером сектора экономики, на котором мы формулируем такие признаки, будет являться финансово-банковский сектор. И не только (даже и не столько) потому, что его эмпирическая сторона наиболее нам знакома. Значительно важнее то обстоятельство, что существующая корпоративная неурегулированность ключевых управленческих отношений внутри «среднестатистического» современного российского банка оказывается вполне «адекватной» квинтэссенцией социоэкономического контекста эпохи. Орган, фактически формирующий инвестиционные решения, обычно именуемый кредитным советом и не могущий не существовать, как минимум, де-факто уже в силу мировых традиций (рекомендации Базельского комитета и т. п.), не имеет в российских банках четко определенного статуса (другими словами — *не институционализирован*), его решения не являются для банка общеобязательными, а действующие федеральные законы о банках и банковской деятельности не содержат к тому обязательных требований.

Принимаемые в такой обстановке, как правило, бенефициарами банка единолично инвестиционные решения несут на себе печать поспешности, финансово-экономической непроработанности, в результате чего обеспечение возврата размещенных банком средств становится невозможным. Инициирование в пользу банка решений суда (который в инвестиционном процессе превращается в регистрационно-статистический орган) на основе заведомо ложной информации и заведомо поддельных документов, в том числе финансовых, становится излюбленным «методом» «защиты инвестиций», при том что по сути он ничем не отличается от вооруженных рейдерских захватов времен 1990-х гг. При этом банки практикуют, как мы уже отмечали выше, всевозможные способы уклонения от исполнения требований Положения Банка России № 254-П о создании обязательных резервов в размере до 100% проблемных ссуд, что создает угрозу неконтролируемой потери банком ликвидности и в целом экономической жизнеспособности со всеми вытекающими последствиями для его кредиторов, в том числе вкладчиков — физических лиц. В этой ситуации сами фактические

владельцы российских банков далеко не всегда заинтересованы в их стабильном финансовом положении.

Иначе говоря, возникает *собственнический парадокс*, когда действия, направленные на сохранение и укрепление финансово-экономического положения банка, оказываются противоречащими частным интересам их владельцев по вывозу капитала и личных сбережений, приобретенных далеко вне рамок правового поля. В результате «наемные» сотрудники банка всех рангов конституируют свой собственный пласт имущественных интересов, отличный от интересов бенефициаров и корпоративных интересов самого банка. Квинтэссенцией сказанного является широко практикуемое лоббирование заведомо невозвратных кредитных и иных инвестиционных проектов с целью получения единовременного вознаграждения («отката», инсайдерской ренты — о последнем термине см.: [1] — и т. д.) от заемщика или иного получателя инвестиций за факт получения инвестиционных (в том числе кредитных) средств. Так в противостояние корпоративных интересов банка и частных (личных) интересов бенефициаров привносится третий фактор — незаконные частные (личные) интересы сотрудников банка. Это приводит к полной хаотизации инвестиционных процессов, вообще финансово-хозяйственной деятельности в масштабе как отдельно взятого банка, так и банковской системы страны в целом. Миссия управленца — не только в финансово-банковском, но и в любом другом секторе экономики — должна заключаться в преодолении такой хаотизации.

Итак, каковы же главенствующие атрибутивные признаки (вернее сказать даже — принципы) ключевой роли человека в управлении экономическими субъектами?

Первый — принцип интегративности. Действительная эффективность человека-управленца, способного обеспечить бесперебойное функционирование экономического агента как институциональной (в частности, инвестиционной) единицы, почти неизбежно будет носить *интегральный (интегративный) характер*, выходя за рамки традиционно понимаемых как чисто экономических, так и управленческих в целом аспектов, затрагивая и правовые, и психологические, и технологические стороны деятельности предприятия — экономического агента. Те или иные «уровни» доступа к информации (в том числе конфиденциальность некоторой части информации) внутри экономического агента, конечно же, должны существовать на современном этапе (почти хрестоматийный пример — заработные платы сотрудников). Но, в отличие от бытующего

домысла, существование таких «уровней» — этап временный, и в долгосрочной перспективе они должны исчезнуть. Но и на этапе современном наличие таких «уровней» не должно приводить к рассогласованности информационных потоков внутри компании, внутренней («внутрикорпоративной») конфронтации, которая не способствует эффективной деятельности любого экономического агента. Как однажды, примерно в мае—июне 1999 г., заметил тогдашний первый заместитель председателя Правительства России Н.Е. Аксененко, «мне должно быть дело до всего». Ситуация утрированно четкого разграничения компетенции и полномочий менеджера-управленца, когда один менеджер зачастую не знает, что именно делает его коллега не то что по корпорации или подразделению, а даже по небольшой части рабочего помещения, нередко упрощает выполнение более высокими руководителями задачи вывода активов (авуаров) из банка с его последующим банкротством.

Второй — принцип независимости. Управленец не только может, но и, когда требует ситуация, должен *отступить от навязываемых* экономиксом и наукой управления персоналом (и то в лучшем случае, а то и «гламуром» из «глянцевых» средств массовой информации) *готовых рецептов*. Управленец-созидатель должен выигрывать конкуренцию (пусть и ложную, но навязываемую либералами — здесь нет даже намека на капитуляцию перед современным рыночным тоталитаризмом, так как борьба между управленцем-созидателем и управленцем-разрушителем происходит нередко фактически в как внутренняя) у управленца-разрушителя и тем самым делать невозможным превращение насаждаемой корпоративной культуры в культуру рыночного тоталитаризма (термин восходит к Дж. Соросу). Например, обеспечивать, выражаясь словами Мао Цзэдуна, «отшибание себе ног» социальными интернет-сетями, которые «поднимают камень» не только на личное пространство человека, но и на пространство живого человеческого общения. Не доводить положение дел до того, что профиль человека в социальной сети оказывается в числе основных критериев при отборе кандидата даже на неруководящую должность, на что в последнее время неоднократно обращают внимание ведущие западные СМИ (см., напр.: [2], и это далеко не единственная подобная публикация). Исключать возможность ситуации, когда несоответствующие критериям вхождения в организацию и ее «корпоративную культуру», даже когда подобное несоответствие выявлено по профилям в социальных сетях, вынуждены практически перманентно бороться за свою востребованность, и далеко не всегда успешно (см., напр.: [3]).

Особенно драматично, что подобные «критерии соответствия» обрушиваются на личность еще в период ее, по сути, если не формирования, то «позиционирования» в обществе, с крайне негативными последствиями для «несоответствующих» (см., напр.: [4]).

Третий — принцип персонализированности (персональности). Свою человеческую и профессиональную оригинальность управленец должен повседневно доказывать, как бы внешне банально это на первый взгляд ни звучало, *личным примером*. В частности, речь идет о следующем. На место «демонстративного потребления» (по выражению Т. Веблена) ставить демонстративную скромность. На место перегруженности личными долгами, в том числе и кредитами, которые нередко и берутся для того, чтобы обеспечить приемлемый для рыночного тоталитаризма уровень «потребления» и «гламура» — свободу от долгов. Так *количество материальных благ перестает быть мерилom свободы* — наперекор навязываемому нам «либеральной» пропагандой стереотипу. Кроме того, это должно позволить преодолеть (выравнять) уже сформировавшиеся в ряде случаев дисбалансы (в том числе гендерный — притом в обратную относительно существовавшего даже полвека назад сторону [5], открывающуюся в полной мере только недавно — см. [6]) в финансовой сфере, которые оказываются связаны с востребованностью узкой специализации, интуиции в отличие от рационального поведения и т. п. Хорошо, что понимание этого появляется в публикациях ведущих западных изданий (см., напр.: [7; 8]), последний источник особенно интересен тем, что там обозначается растущее осознание отсутствия корреляции между уровнем оплаты труда управленца и степенью его лояльности (или нелояльности) работодателю-акционеру (стейкхолдеру).

Четвертый — принцип профессиональной детерминированности. Управленец *должен при необходимости отступить от указаний стейкхолдеров (владельцев капитала), не должен опасаться «необъяснимости» или «непонимания» своих действий со стороны стейкхолдеров*, Формальное следование указаниям стейкхолдеров, направленных, например, на сокращение транзакционных издержек (от вопросов коммунальных услуг — в сфере экономии электроэнергии путем избрания пути институционального оформления отношений с энергоснабжающими организациями, до вопросов публичного раскрытия информации — включения или невключения финансовой информации о деятельности того или иного подразделения в консолидированный баланс предприятия — и

вопросов возможности или невозможности получения дебиторской задолженности) может привести лишь к увеличению издержек финансово-хозяйственной деятельности, порой выходящему из-под контроля не только управленцами, но и самими стейкхолдерами. Да, таким управленцам, которые осознают на практике свои подлинные задачи и выполняют их, в нынешних условиях угрожает скорое изгнание не только из конкретной организации, но и из сообщества экономических агентов в целом. По нашим наблюдениям, нередко период нормальной работы управленца исчисляется с момента начала его полномочий до первого «необъяснимого» — конечно, мы имеем в виду с точки зрения «сущего», а не «должного» — поступка. Примером может служить даже... чрезмерное доверие к трудовому коллективу, к персоналу, к команде. Но такое «непонимание» акционерами «необъяснимых» поступков некоторых управленцев нередко оказывается видимым знаком того, что именно они, а не преподносимые нам на «гламурных» обложках лица, часто несут в себе подлинную человеческую гениальность.

Пятый — принцип рефлексивности. В свою очередь, для адекватного формирования понимания, какие из указаний стейкхолдеров могут и должны быть выполнены, а какие — не только не могут, но и не должны выполняться, в современных условиях важно, как бы необычно это ни звучало, особо отметить, что управленец должен *полностью осознавать фактическое содержание действий, совершения которых от него требуют стейкхолдеры*. Он должен быть субъектом, а не объектом (и уж тем более не инструментом) в решении стейкхолдерами иных задач. С одной стороны — со стороны стейкхолдеров — речи, например, не должно вестись о встречающейся на практике ситуации, когда управленец открывает на свое имя банковский счет для осуществления расчетов по транзакции между двумя третьими лицами. Со стороны другой — со стороны самого управленца — он должен осознавать, *не скрывая от стейкхолдеров*, различие между «действительными» и «фиктивными» механизмами институциональных связей между экономическими агентами. Так, когда, например, любая кредиторская задолженность предприятия может явиться «спусковым крючком» для начала процедуры его банкротства. А интерес стейкхолдеров в трансформационной экономике современной России — вывоз активов, в том числе капитала, из отечественной экономики, поэтому подобным «кредитором», «зadolженность» предприятия перед которым мы имеем в виду, может являться экономический агент, подконтрольный самим же стейкхолдерам, а банкротство — не просто ожидаемым, а и желаемым механизмом вывоза стейкхолдерами активов (авуаров).

Шестой — принцип преемственности. Управленец должен быть способен обеспечить свое право на отставку без каких-либо препятствий, обеспечив при этом информационную преемственность при передаче дел. Информационный массив, находящийся в распоряжении соответствующего сотрудника, должен быть организован таким образом, чтобы его передача преемнику этого сотрудника, с предоставлением всех необходимых пояснений, занимала — в чрезвычайной ситуации — не более нескольких часов даже в случаях отставки в чрезвычайной ситуации (именно это, как показывает эмпирический опыт по нашим наблюдениям, составляет главную практическую сложность). Свою опцию отставки управленец должен обеспечить и без каких-либо предварительных условий: так, нежелание участвовать в саморазрушении техноструктуры любого масштаба — от небольшой организации до государства — может быть достаточным основанием для отставки. Например, не будучи сторонником большинства действий В. Гавела на посту руководителя Чехословакии, а затем Чехии, мы не можем не оценить положительно сам факт его отставки с поста главы первой из названных стран в момент кульминации ее ликвидации, выраженный в его словах: «Я не буду президентом самоликвидирующегося государства» (тот факт, что по окончании этой самоликвидации он возглавил одну из частей того государства, этой положительной оценки не изменяет). В современной российской практике можно наблюдать ситуации, когда сотрудник, обладающий определенными сведениями о непрозрачной деятельности компании и желающий ее покинуть добровольно, оказывается перед лицом целого ряда формальных и неформальных препятствий, а если настаивает на своем желании, то увольняется по порочащим его основаниям. Этим достигается то, что бывший сотрудник вынужден тратить личное время на административные процедуры отмены этих порочащих оснований, а не на трудоустройство и, соответственно, реализацию своего человеческого потенциала, в то время как на последующих местах работы информация, «разглашения» которой столь опасался предыдущий работодатель, практически неизбежно будет в той или иной форме использоваться этим сотрудником. Управленец же не должен быть подвержен подобному «давлению», осознавая, что подлинная его репутация определяется существом его фактической деятельности на соответствующей должности, а не формальным институтом (в данном случае — статьей трудового законодательства), использованным стейкхолдером при оформлении его отставки.

Седьмой — принцип прозрачности. Обеспечение полной прозрачности не только рабочих, но и человеческих отношений между управленцем и иными, руководящими и неруководящими, сотрудниками организации. Выше мы уже писали о том, что в условиях пока еще господствующего в современной России трансформационного типа экономики, когда задача собственников капитала (стейкхолдеров) сводится к выводу активов, в том числе капитала, такой прозрачности по сути не требуется, а напротив, чрезмерное доверие управленца к своему персоналу может вызвать недоверие стейкхолдеров к самому управленцу. По господствующей ныне модели, управленец не должен останавливаться перед тем, чтобы быть хотя и не «конфликтным» сам по себе, по модели отношений с окружающими его членами трудового коллектива (пользуясь терминологией, более распространенной ныне — «команды») экономического агента-организации, но по существу — конфликтным, так как не способен (а нередко и не желает) обеспечить понимание командой существа ее деятельности. Да и такое понимание зачастую и не требуется и, более того, преследуется, так как противоречит интересам вывода активов (авуаров) в трансформационной экономике современной России. Такая конфликтность оказывается нормой, даже скажем — нормой-институтом (сущим, но не должным). Управленец, не соответствующий этой норме-институту, получает ситуацию, при которой его авторитет, «на который» он, согласно известной поговорке, работал долгое время, начинает «работать» не «на» («за») него, управленца, а «против» него. В ситуации же реального экономического созидания перед управленцем стоит прямо противоположная задача. При этом «интеллектуальному клубу», существующему в компании и формирующему решения, соответствующий институциональный статус, корпоративную власть, можно попытаться даже в рамках существующей в современной российской трансформационной экономике институциональной среды, что может послужить одним из первых шагов к превращению трансформационной экономики в экономику нового типа, экономику посттрансформационную.

Литература

1. Дзарасов Р.С. Механизм накопления капитала и инвестиционные стратегии российских корпораций. Дис. ... д-ра экон. наук. М., 2010.

2. *Silverman R.E.* No More Résumés, Say Some Firms // The Wall Street Journal. 2012. Jan. 24.
3. *Tugend A.* Laid Off More Than Once, and Seeking a Career // New York Times. 2012. Aug. 11.
4. *Saulny S.* Struggling Young Adults Pose Challenge For Campaigns // New York Times. 2012. Sept. 20.
5. *Nielsen R.* Women Breaking Into Corporate Boys' Club // The Moscow Times. 2012. March 7.
6. *Brooks D.* Why Men Fail // New York Times. 2012. Sept. 11.
7. Bankers should be Paid Less, says Barclays Chairman // The Independent. 2012. Aug. 13.
8. *Morgenson G.* C.E.O.'s and the Pay-'Em-or-Lose-'Em Myth // New York Times. 2012. Sept. 23.

Л.Д. КИЯНОВА, Е.В. ФОРОСТ

Классификация регионов

Аннотация. В статье рассмотрена проблема классификации регионов. Проведен анализ российской и зарубежной практики. Авторы отмечают, что большое количество типологий значительно отличаются друг от друга. Определены сходства и различия американской, европейской и отечественной классификаций.

Ключевые слова: регион, классификация, структура, отрасль, комплекс, специализация, региональная структура, региональная экономика, отраслевая специализация, классификационные признаки.

Abstract. In the article a problem of region classification is considered. The analysis of Russian and foreign practices were made. Authors underline that a large amount of classification variety is distinct from each other greatly. The similarities and differences of American, European and Russian classifications were defined.

Keywords: region, classification, structure, industry sector, complex, specialization, region structure, regional economy, sectoral specialization, classification factors.

Вследствие огромных природно-географических, экономических и других условий воспроизводственные процессы в регионах России уникальны. Их эффективность является необходимым условием комплексного пропорционального развития региональной экономики.

Успешное функционирование региональной экономики во многом зависит от возможностей и умения администрации регионов принимать оптимальные решения, учитывающие интересы центра и регионов. Уровень развития регионов обусловлен, в первую очередь, эффективностью применения инструментов государственного регулирования регионального развития. Набор инструментов должен определяться принадлежностью региона к определенному типу.

Ведущими российскими учеными, занимающимися проблемами регионального развития, до настоящего времени не разработана единая классификация регионов. Множество подходов к анализу региональных проблем, а также самого понятия «регион» и его функций определило наличие огромного числа классификаций регионов.

Наиболее распространенная классификация делит регионы в соответствии с основными источниками производственной специализации: агропромышленные, транспортно-промышленные, морепромышленные, рыбопромышленные, газопромышленные и др. [1, 173]. Существуют и более сложные классификации — по совокупности трех признаков: наличия значительных природных ресурсов, уровня экономического развития, уровня жизни. Регионы распределяют по степени благополучия — с точки зрения как производства, так и обеспеченности инвестициями.

Анализируя различные подходы к классификации регионов, можно сделать вывод, что в основу классификации регионов закладываются следующие критерии: уровень и темпы экономического развития, тип территориальной структуры, коэффициент плотности населения, темпы прироста населения, характер и коэффициент производственной специализации и др.

Некоторые представители отечественной и зарубежной регионалистики уделяют особое внимание классификации регионов с точки зрения отраслевой структуры экономики.

Региональная структура представляет собой разделение экономических объектов по определенным признакам, которые позволяют определить преобладающий тип экономического развития региона, а соответственно, и тип региона.

Отечественные представители регионалистики считают, что основу региона составляют отраслевая и территориальная структура. Совокупность отраслей хозяйственного комплекса региона в определенных пропорциях и взаимосвязях называется отраслевой структурой. Несмотря на целостность данного элемента, его можно подразделить на две составляющие: материальное и нематериальное

производство [2, 31]. В некоторых литературных источниках они называются производственной и непроизводственной сферами.

В российской экономике сфера производства составляет основу хозяйственного комплекса региона, так как в данной сфере задействовано большее количество работников, а доходы от него превосходят другие отрасли хозяйства. Отраслевая структура промышленности, в свою очередь, характеризует уровень индустриального и технического развития не только региона, но и страны, степень ее экономической самостоятельности и уровень производительности общественного труда. Однако в настоящее время и непроизводственная сфера, представленная преимущественно в форме услуг, имеет тенденцию роста. В настоящее время доля нематериального производства во внутреннем валовом продукте (ВВП) Российской Федерации составляет в последние годы около 60%. В России этот показатель ниже, чем в большинстве развитых стран (70—75%), но уже превалирует над сферой материального производства, которое обеспечивает лишь около 41% ВВП (промышленность — 36,1, сельское хозяйство — 4,9%) [3, 939].

Наряду с отраслевой структурой, регион имеет и территориальную, которая включает в себя территориальные промышленные, сельскохозяйственные, транспортные и другие составляющие. Например, рассмотрев территориальную структуру сельскохозяйственной деятельности, можно выявить основные составляющие: агропромышленные комплексы (АПК), сельскохозяйственные подрайоны и внутриобластные районы региона, низовые или административные сельскохозяйственные подрайоны, сельскохозяйственные микрорайоны и, наконец, сами сельскохозяйственные предприятия разных форм собственности и хозяйствования.

В широком смысле, под отраслевой структурой региона понимается совокупность отраслей хозяйственного комплекса региона в определенных пропорциях и взаимосвязях. Однако, по нашему мнению, данное определение не раскрывает всю суть данного понятия. Отраслевая структура — это совокупность качественно однородных групп хозяйственных единиц не только с особыми сходными условиями производства в системе общественного разделения труда, но и играющих собственную специфическую роль в процессе воспроизводства.

Характеристика экономики региона с точки зрения отраслевой структуры позволяет увидеть вклад каждой отрасли в создание валового регионального продукта (ВРП), проследить межотраслевые

связи, проанализировать распределение и перераспределение доходов и инвестиций. Отраслевая структура включает в себя укрупненные отрасли, каждая из которых состоит из отраслей, подотраслей и видов производства. Таким образом, структура региона в соответствии с отраслевой специализацией представляет собой пропорции отдельных отраслей в экономике региона и характеризуется удельным весом каждой отдельной отрасли в ней. В настоящее время рациональная отраслевая структура региона является, по нашему мнению, основным элементом, определяющим эффективность региональной экономики. При этом она должна определяться приоритетными направлениями развития региона. Наиболее приемлемым вариантом стимулирования регионального развития, по нашему мнению, является ускорение развития отраслей, являющихся для данного конкретного региона точкой роста, которая даст толчок для развития экономики региона в целом. В связи с этим важно, во-первых, определить такие отрасли, во-вторых, изменить структуру форм и методы государственного регулирования и государственной поддержки с учетом ориентации на эти отрасли.

Для современной структуры народного хозяйства России и зарубежных стран характерной чертой является наличие не только отраслевых, но и межотраслевых комплексов. Они представлены как в виде совокупности однородных производств в рамках одной отрасли, например, топливно-энергетический, металлургический, машиностроительный, транспортный комплексы, так и в виде технологически связанных разных отраслей: строительный, военно-промышленный, аграрно-промышленный комплексы.

Необходимо отметить, что в соответствии с международной и российской практикой, наиболее сложной структурой среди них отличается агропромышленный комплекс, который включает три сферы деятельности. Первая сфера включает в себя промышленность, производящую средства производства для сельского хозяйства, например, сельскохозяйственное машиностроение, производство удобрений и др. Вторая представлена самим сельским хозяйством, а именно, отраслями земледелия и животноводства. Третья сфера — отрасли по заготовке и переработке сельскохозяйственной продукции, доведению ее до потребителя, т. е. пищевая промышленность и первичные отрасли легкой промышленности, заготовительная система, торговля продовольствием и т. д.

Возвращаясь к отраслевой классификации региона, следует отметить, что в международной практике зарубежных стран она основывается на Международной стандартной отраслевой классификации видов деятельности и Международной стандартной

классификаций занятий систем национальных счетов, а в России аналогичным документом служит Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (ОКВЭД). В основе они имеют общие положения и черты.

Рассмотрим зарубежный опыт классификации регионов в соответствии с их отраслевой специализацией. В рамках американской классификации выделяются шесть типов регионов (рис. 1).

Согласно американской классификации, критерием отнесения региона к тому или иному типу является степень превышения отраслью порогового значения вклада в валовый региональный продукт. При этом данная классификация штатов основывается лишь на структурных показателях и не уделяет принципиального внимания уровню развития территории. На наш взгляд, это является недостатком данного методологического подхода. Возможно, такой подход был бы оправдан в том случае, если специализация во многом определяет также и уровень развития региона, что практически невозможно в российских условиях. Так, например, в России агропромышленные районы в 50 и 500 км от центрального города будут достаточно заметно различаться по уровню развития.

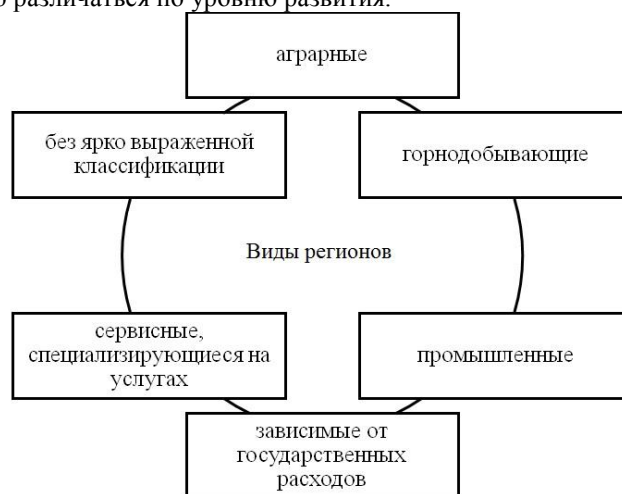

Рис. 1. Классификация регионов в США в соответствии с отраслевой специализацией

Классификация регионов в Америке не только носит исследовательский характер, но и предполагает анализ основных движущих сил развития территорий. При этом не анализируется

уровень их развития, так как на всей территории страны достигнуты определенные стандарты жизни.

Более проблемно-ориентированной является классификация регионов, представленная европейским экспертом Д. Сэпиком, где также учитываются географические факторы и она в большей степени приближена к практическим задачам (рис. 2). Д. Сэпик выделяет десять видов регионов.

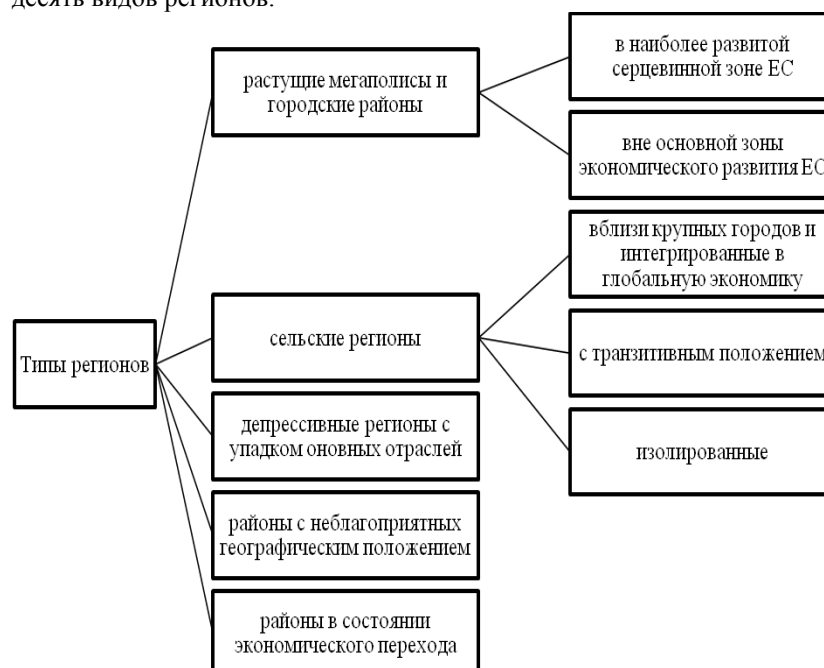

Рис. 2. Классификация европейских регионов Д. Сэпика [4, 76—82]

Анализируя рис. 2, следует отметить, что особое внимание уделяется проблемным регионам, именно поэтому данная типология не является результатом сугубо исследовательского интереса, а применяется при принятии важных управленческих решений.

В России разработка классификаций регионов носит в основном исследовательский характер. Среди множества типологий наиболее полно раскрывает специализацию регионов и охватывает большую их часть именно эта классификация (рис. 3). Однако, несмотря на это, некоторые районы не вписываются четко в эту схему, поэтому они занимают промежуточное положение.

Рис. 3. Классификация регионов в Российской Федерации [4, 167]

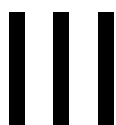
На наш взгляд, данная структура достаточно адаптирована к российской экономике. Однако на текущий момент она не нашла практического применения.

Сравнивая российский опыт методологии классификации с европейским и американским, стоит обратить внимание на серьезное различие между классификациями регионов. Отечественные работы ориентированы в большей степени на развитие, в то время как зарубежная может быть названа проблемно-ориентированной.

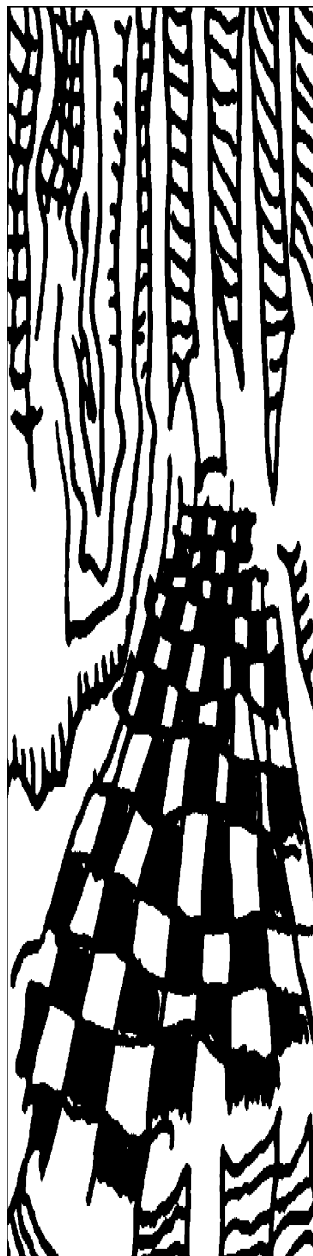
Основное отличие отечественных классификаций регионов от зарубежных заключается в том, что в России практически не используются сетки территориального деления, т. е. рассматриваются существующие субъекты. Так, например, в Европе и Америке для целей сопоставимости ряд регионов объединены в рамках классификации с прилегающими городами, не входящими в их состав. Свойственный российским классификациям исследовательски-познавательный характер делает типологию в первую очередь инструментом исследования регионального разнообразия, анализа текущей ситуации и тенденций развития территорий.

Литература

1. *Николаева Л.А., Черная И.П.* Экономическая теория: Учебник. М., 2003.
2. *Мищенко В.В.* Экономика регионов: Учеб. пособ. Алтайский государственный университет, 2002.
3. *Дудакова И.А., Гладкова Ю.В.* Инновационное развитие сферы услуг России как основа построения сервисной экономики // Вестник Донского государственного технического университета (ДГТУ). 2010. Т. 10. № 6 (49).
4. *Сэпик Д.* Конкурентоспособность регионов: некоторые аспекты // Доклады Российско-европейского центра экономической политики (РЕЦЭП). 2004. № 2.
5. *Кистанов В.В.* Региональная экономика России. М., 2005.

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

Ф.И. ГИРЕНОК

О романтизме в XXI веке

Аннотация. В статье анализируется романтизм в философии — его рассвет и закат. По мнению автора, наши эмоции и наши чувства являются последней оставшейся в нас территорией человеческого. Быть романтиком в XXI в. значит защищать эту территорию вопреки всему фактическому, вопреки логике, полагаясь на силу абсурда.

Ключевые слова: романтизм, философская антропология, Платон, Хайдеггер, Гегель.

Abstract. In article the romanticism in philosophy — its dawn and a decline is analyzed. According to the author, our emotions and our feelings are the last territory which has remained in us human. To be the romantic in the XXI century means to protect this territory contrary to all actual, contrary to logic, relying on power of absurdity.

Keywords: romanticism, philosophical anthropology, Platon, Heidegger, Gegel.

Романтизм — это «Гимны к ночи» Новалиса, потрясенного смертью любимой девушки. Все случайно, хотя для всего есть причина. Все в мире тленно, только сон длится вечно. В ночи затерянный человек не может однажды не спросить себя: неужели наступающее утро неотвратимо? Неужели вечен гнет земного?

Человек — это не кукла с электронными мозгами, которую боги дергают за ниточки. Человек сам должен построить модель своего поведения. Если цели его действий согласуются со средствами достижения этих целей, то человека можно назвать прагматиком, рационалистом. Если же оправдание цели находится в самой цели, то человек этот предстает перед нами как романтик, как тот, кто может спуститься в бездну мира, переживая присутствие непознанного, таинственного, невозможного. Первым философским романтиком был, как ни странно, Платон.

Неистовые

Вот, говорит Платон, перед человеком стоит выбор: кому стоит отдать предпочтение — влюбленному в него или невлюбленному? Невлюбленный рассудителен, трезв. Влюбленный же безумствует, впадая в неистовства.

Согласно Платону, неистовства предпочтительнее рассудительности. Неистовства — от бога, рассудительность — свойство человеческого. У Платона романтический взгляд на человека, ибо Платон полагает, что каждый человек должен петь для самого себя очаровывающие его песни. Нельзя, чтобы человека очаровывало наличное бытие, полезные вещи, ибо вещи — всего лишь тени идей. Человек может существовать до тех пор, пока будет петь себе такие песни, ибо этим пением создается мир, в котором человек может жить как человек, т. е. создается мир, который человек понимает.

Романтизм как эстетика определенного мироощущения возникает в Германии в начале XIX в. Примером этого мироощущения является образ «человека-ночи» Гегеля.

Человек-ночь

При подготовке лекций 1805—1806 гг. Гегель писал: «Человек есть эта ночь, это пустое Ничто, которое целиком содержится в своей нераздельной-простоте (Einfachheit): богатство бесконечного множества представлений, образов, ни один из которых не ведет прямо к духу, образов, которые существуют лишь в данный момент (gegenwartig). Здесь существует именно ночь, внутреннее-или-интимное (Innere) Природы: чистое личное — Я. Оно распространяет ночь повсюду, наполняя ее своими фантазмагорическими образами: здесь вдруг возникает окровавленная голова, там — другое видение (Gestalt); потом эти призраки также внезапно исчезают».

Почему человек есть ночь, а не день? Почему романтики характеризуют человека как нечто темное, сумеречное? Потому что ночь — это царство образов, а образы — это не вещи, не предметы. У них нет четких границ, нет локализации в пространстве. У них есть только локализация в восприятии. Образы отсылают не к внешней реальности, а к грезам человека. Пробуждение же от грез обычно связывают с языком, с сознанием. Воображение извлекает предмет всегда вместе с его окружением. Рассудок как бы вырезает предмет из пространства, изолирует его от окружения. Грезящий человек не может отличить себя от бодрствующего. Бодрствующий же отличает себя от грезящего, потому что у него есть понятие об истине.

День и ночь

Днем всем нам нужно говорить на языке истины, ночью можно грезить. День — это всегда какая-то чтойность, какая-то определенность. Днем вещи выходят на первый план. Ночью на первый план выходит наша самость, стирающая границы между вещами. Ночь пуста, неопределенна. Вот эту пустоту ночи и заполняют наши образы и мечты. Но эти образы, в отличие от вещей, существуют лишь в данный мо-

мент, который, в свою очередь, неуклонно стремится к нулю. И поэтому человеческие фантазии быстро исчезают, лопааясь как пузыри. В каждый следующий момент они перестают быть.

Человек — это ночь природы. Почему? Потому что человек — это отрицание природы, ибо его сущность, существующая как наличное бытие, скрыта во мраке знания. Более того, человек есть отрицание самого себя. Он есть то, что он никогда не есть. И эту ночь наше Я распространяет повсюду. «Именно эту ночь, — пишет Гегель, — можно увидеть, если заглянуть человеку в глаза: (тогда взгляд погружается) в ночь, она становится ужасной (*furchtbar*), (тогда) перед нами предстает... ночь мира».

С эстетической точки зрения, романтизм закончился в первой половине XX в. Первым в философии это почувствовал Хайдеггер в своей работе «Петь — для чего?».

Зияние Бога

Петь — для чего? — поставил вопрос Хайдеггер, комментируя элегию «Хлеб и вино» Гельдерлина. Ведь если богов нет, а Христос умер, то это значит, что день человека закончился. Люди стали реалистами и перестали петь себе метафизические песни. Вечер мира склонился к ночи. «Ночь мира, — говорит Хайдеггер, — ширит свой мрак». Это время мира определено неприходом, зиянием бога.

Что означает зияние бога? То, что не бог собирает вокруг себя людей и вещи, а обстоятельства. Не он ладит мировую историю, а случай. Сияние божественного угасло в мировой истории. «Ночное время — скудное время... Оно, — продолжает рассуждать Хайдеггер, — уже столь скудно, что больше не в состоянии заметить зияние бога как зияние».

Вместе с этим зиянием из мира исчезает и дно, на котором он стоит. Времени мира, у которого нет дна, ничего не остается, как висеть над бездной. Во времена мировой ночи нужно испытать и выдержать бездонность мира, но для этого необходимо, чтобы были такие люди, которые бы спустились в бездну. Нужны романтики.

Зияние человека

Романтики — для чего? Конечно, не для того, чтобы исправлять ошибки в работе социального. Чем лучше становится социум, тем хуже становится человек. Чем меньше в нем самоаффектации, тем больше он уподобляет себя разумной машине. Романтики для того, чтобы петь свои аутистические песни, чтобы этим пением в мире длилось человеческое.

Зияние человеческого в человеке определяется сегодня как перспектива трансгуманизма, как неуклонное приближение эпохи постчеловека. Эту эпоху приближает, например, философское убеждение в том, что мысль может мыслиться вне связи с человеком. Сама по себе. Под знаком этой мысли создается искусственный интеллект, машины мысли. Рассматривая язык вне связи с тем, что говорит человек, мы создаем языковые машины, которые не пересекаются с сознанием. Мы пытаемся конструировать образы вне зависимости от того факта, что воображает только одно существо в мире, называемое человеком. Мы хотим найти алгоритм творчества и заставить творить машины, полагая, что творит мозг, а не человек.

Территория человеческого

Человек — не робот. Его нельзя заменить говорящим компьютером. В каждом из нас еще живо то, что объединяет нас с художниками палеолита. Нас объединяет с ними не ум, ибо ум объединяет нас с машинами, тогда же как человек изначально рождается художником-безумцем. Нас объединяет с ними не язык, ибо в палеолите у них еще не было языка. Нас объединяет с ними не интеллект, ибо интеллект объединяет нас с роботами. Нас объединяет с ними не культура, ибо культура есть и у животных. Нас объединяют продолжающиеся взрываться галлюцинации. Нас объединяют с ними эмоции, т. е. открывшаяся в результате взрыва иллюзий возможность быть причиной реальности объектов своих видений. Мы единственные во всем мире можем воздействовать на себя при помощи образов взорвавшихся галлюцинаций, ибо сознание у каждого из нас и есть не что иное, как эти образы.

Наши эмоции и наши чувства как раз и являются той последней оставшейся в нас территорией человеческого, зияние которого будет свидетельствовать о наступившей ночи мира. Этот скудный остаток человеческого существования хочет забрать у нас XXI в. Быть романтиком в XXI в. значит защищать эту территорию вопреки всему фактическому, вопреки логике, полагаясь на силу абсурда.

С.В. СИНЯКОВ

Ценностно-мировоззренческие ориентиры истории

Аннотация. В статье исследуются методологические подходы к изучению взаимодействия ценностного и когнитивного в историческом познании, раскрываются механизмы вхождения ценностной компоненты в структуру исторических суждений.

Ключевые слова: познавательные средства, ценности, оценочные суждения, мировоззренческая компонента, субъективный элемент, историческое сознание, истина.

Abstract. The article concerns methodological approaches to studying of interaction valuable and cognitive in historical knowledge, mechanisms of occurrence valuable components in structure of historical judgments.

Keywords: informative means, values, estimated judgments, world outlook component, subjective element, historical consciousness, truth.

Анализ форм проявления ценностно-мировоззренческих ориентаций в исторической науке показывает, что оценочные суждения наиболее распространены в этой форме знаний и что они не являются здесь совершенно независимыми по своей природе от научного исследования исторических объектов. В историческом познании задача изучения функционирования в работе ценностных установок субъекта имеет принципиальное значение и в плане выяснения условий получения достоверного знания. Ценностный подход к истории в познании может как положительно, так и отрицательно влиять на исследование. Причем, к негативным последствиям может привести не только ориентация субъекта познания на какую-либо идеологию, но и стремление откликнуться на злобу дня, колебания политической конъюнктуры, желание выразить субъективные вкусы и настроения, угодить «руководителям» науки, реализовать корпоративный интерес в науке. Такие мотивы познавательной деятельности противоречат интересам общества, наносят непоправимый ущерб истории как науке. Даже если исключить случаи умышленного искажения исторической истины, прямой фальсификации и недобросовестности, сохраняются объективные условия негативных политических и идеологических воздействий на процесс познания. Искажения в исторических исследованиях возможны и в случае нарушения учеными принципов исторического анализа, правил научной методологии познания и других гносеологических требований. Часто источниками ошибок в историческом исследовании являются некорректность в использовании различных методов,

неправомерность аналогии, абсолютизация одного подхода, необоснованность переноса методов других наук в сферу истории.

Ученый-историк, сформировавшийся в определенной политической или религиозной культуре, нередко руководствуется идеологическими представлениями об истории, что находит свое выражение в схематизации социального развития, упрощенных трактовках вектора истории. Формируется догматический стиль мышления, который реализуется во всей структуре и содержании исторического познания (например, в принципах и нормах описания, объяснения, оценках социальных фактов) от постановки проблемы до ее теоретического решения.

Однако при всей значимости для развития науки социальных факторов и общественных механизмов воздействий, специфически преломляющихся через ценностные, установки исследования, не меньший интерес представляет изучение мировоззренческих основ познавательной активности субъекта. Будучи синтезом современных знаний и ценностно-эмоциональным отношением к действительности, мировоззренческие предпосылки выполняют регулятивно творческие функции в процессе научного познания, трансформируясь в методологические принципы построения концепций, теорий, обобщений. Поэтому философско-гносеологический анализ стал в дальнейшем сосредотачиваться на выяснении их места и значения на различных этапах исследования, а также способах проникновения и формах присутствия в содержании знаний. Указанное направление анализа научного творчества особенно плодотворно в социальных науках, поскольку дает возможность по-новому взглянуть на структуру и организацию научного исследования, открывает новые пути и возможности изучить регулятивы и стимулы познавательной деятельности ученого, условия выбора и предпочтения теоретико-методологических средств познания и направления научной работы. Такой подход позволяет установить специфические каналы связи между наукой и культурным окружением, различными областями духовной культуры, общественного сознания, в которых находят свои мировоззренческие ориентации субъекта.

Позитивистская методология истории верила в незыблемость и чистоту научных фактов, безусловно отдавала им предпочтение. Французский историк О. Тьерри писал еще в 1820 г.: «Быть может, именно таков порядок цивилизации, что за веком, который выдвигает идеи, следует век, который обращается к фактам» [1, 171]. В 1860-е гг. XIX в. тенденция меняется. Начинают преобладать документальный дух, стремление к точности как к необходимому техническому аспекту профессии ученого. Новая концепция роли исследователя сформулирована известным историком Фюстелем де Куланжем: «Многие ду-

мают, что историку полезно и хорошо иметь предпочтения, “господствующие идеи”, высшие понятия. Думать таким образом — это значит обманываться в существе истории. Это не искусство, а чистая наука, и, как всякая наука, она состоит в установлении и анализе фактов, их сопоставлении и выявлении связей между ними» [1, 171].

Понимаемая таким образом история противопоставляется истории, основанной на воображении, литературе, а также философии. Она опирается только на документацию. Эта тенденция благотворна, но было бы желательно, чтобы сами историки поставили вопрос, где же пределы этой объективности. Прежде всего документ, даже аутентичный, является лишь одним из аспектов фактической действительности и полностью не совпадает с ней. Кроме того, сам по себе он часто субъективен. Наконец, выбор документов и их толкование зависят от личности ученого. Однако все это не беспокоило последователей Фюстеля де Куланжа. Больше смущали другие затруднения методологического плана — невозможность непосредственно наблюдать события, отсутствие данных и пр. Сеньобос сетовал в этой связи на то, что история «представляет собой самое несовершенное знание». Однако все это затруднение преходяще, документы рано или поздно раскроют истину и единая историческая концепция позволит в один прекрасный день объяснить прошлое. В ожидании этого надо собирать материалы и с их помощью заставить говорить факты. Но что такое исторический факт? Будучи не в состоянии дать соответствующее определение, французские историки в принципе исходили из того, что исторический характер не присущ самим фактам, он является лишь способом познания. Нет исторических фактов, подобных, например, фактам химическим. Один и тот же факт является или не является историческим в зависимости от способа его познания. Имеются лишь методы познания истории. Таким образом, история выступила лишь в качестве метода. В XX в. вопрос «Что такое история?» был поставлен иначе, речь на этот раз шла не о методе, а о предмете. «Задача истории — вспомнить прошлое, — писал в 1903 г. П. Манту и добавлял, — то, *что* является особенным, все то, что не повторяется более одного раза, и есть область истории» (цит. по: [1, 172]). Однако такое утверждение не могло не быть расценено многими как произвольное ограничение исторической науки. Можно ли изолировать новое и особенное от общей эволюции, постоянного, повторяющегося? «Однолинейная», «случайная» история вызвала протест и требование более широкого подхода. Следует обратить внимание и на тот довольно парадоксальный факт, что как раз в тот период, когда другие социальные науки дальше всего отошли от истории, длительное время воздействовавшей на них и даже

иногда тормозившей их развитие, сама история в результате этого вовсе не оказалась ослабленной, а даже наоборот — заметно усилилась.

На процесс исторического исследования большое влияние оказывает весь массив ценностей социогуманитарного знания, однако важнейшим каналом проникновения ценностного элемента является система философско-методологических построений. Создавая для исторического исследования, познавательные средства, научные программы, философия тем самым в значительной степени способна формировать как методы изучения прошлого, так и сами социально-исторические концепции. Помимо философии ценностные знания проникают в историческое познание через другие общественные науки. Историческая наука, социальная философия и социология являются основными общественными науками, призванными с самого начала по своему предмету и задачам исследовать человека в социокультурном контексте, т. е. в институциональной среде, которая его окружает. Взаимодействие истории с другими общественными науками плодотворно как для нее самой, так и для других областей знания. О том, как много может получить историк от социальной психологии, свидетельствует история о том, как Лазарфельд объяснил попытку английского историка Маколея реабилитировать Макиавелли. «Маколей исходил из того, что такое качество, как хитрость, ценилось в Италии значительно выше, чем в Англии. Было бы весьма интересно сравнить реакции лондонцев и флорентийцев XV века на шекспировского Отелло, а флорентийцев — на Яго» (цит. по: [1, 172]). То ценное, что социальная психология дает историку, будь то изучение последних документов или действий, — это преимущественно такие понятия, категории и проблемы, от которых историк далек, хотя он и затрагивает их как общественную реальность, когда речь идет о политическом поведении, социальных реакциях, исторических группах и личностях. Подобным же образом историк не может игнорировать и другие науки, в первую очередь социологию и психологию.

История, как и другие формы социогуманитарного знания, неразрывно связана с ценностями: во-первых, познание субъекта основано на ценностях и целях, во-вторых, историческое знание воспроизводит ценности и цели людей, общественных групп в прошлом и настоящем.

В историческом познании изучение взаимосвязи, взаимодействия, сочетания эмоционально-нравственных, ценностно-мировоззренческих критериев с критериями научной строгости и рациональности является достаточно сложным вопросом. Ценностно-мировоззренческие влияния на процесс развития исторического знания реализуется в содержании познавательной активности субъекта. Включение проблемы активности субъекта в наш анализ позволяет углубить исследование и

более основательно обосновать положение о мировоззренческой детерминации истории. Различные представления о роли и функциях познающего субъекта в исторических науках стали основой для дискуссии, прошедшей в конце XIX—XX вв. по методологии социального познания.

Западноевропейская философская мысль XIX в. в основном придерживалась принципа объективности и находила принципиально возможным достижение соответствия научного мышления и исторической действительности средствами социального познания. В позитивистской методологии науки долгое время господствовало положение о том, что соответствие знаний действительности может быть достигнуто путем устранения творческой активности познающего субъекта (см.: [2]). Такая объективистская установка, переносившая центр тяжести с субъекта знания на его объект, совершенно игнорировала не только творческую активность мышления исследователя, но и всякую зависимость процесса познания от познающего субъекта. Характерная для позитивистской исторической науки конца XIX в. наивно-реалистическая концепция социального знания выражена немецким исследователем П. Бартом, который писал: «Как до всякой теории познания существовали твердо установленные эмпирические положения естествознания... точно так же существуют и твердо установленные независимо от теории познания исторические факты» [3, 10].

Однако уже в 1880—1890-е гг. гносеологический оптимизм классического позитивизма натолкнулся на серьезную критику со стороны известных историков и философов — В. Виндельбанда, В. Дильтея, У. Джемса, Г. Зиммеля, Э. Мейера, Г. Риккерта — представителей неокантианства, философии жизни и философии прагматизма. Отрицание объективности исторического познания, содержащееся в их теоретико-методологических концепциях, отчасти было связано с определенным способом решения вопроса о субъективном элементе в социальном исследовании. Они указывали на необходимость перестройки основных постулатов процесса исследования: их общим тезисом явилась интерпретация субъекта познания в качестве организующего начала, изменяющего и преобразовывающего объект познания и создающего новые знания. Так, Э. Майер подчеркивал, что «во всяком познании первичным фактом является познающий субъект» и «из своего “я” историк черпает проблемы, с которыми он подходит к материалу: они служат ему путеводной нитью, при помощи которой он сравнивает и группирует факты, отмечает исторические моменты» [4, 53]. На вопрос о том, чем должен руководствоваться исследователь при постановке проблемы и отборе фактов, Э. Майер отвечает, что выбор

«основывается на историческом интересе, который современность испытывает к какому-нибудь событию, вследствие чего и чувствуется потребность исследовать его причины» [4, 43]. Справедливо подчеркивая воздействие индивидуальности ученого, мира его идей и среды, которая его формирует, на процесс познания, отмечая неустранимость этого момента из исторических концепций, Э. Майер приходит к релятивистским трактовкам социального познания. «В конце концов, всякое понимание истории будет только нашим пониманием, — пишет он, — и никогда не может быть достигнуто абсолютно раз и навсегда признанного понимания» [4, 53].

Такие же представления о роли познающего субъекта в социальном исследовании развивает Г. Зиммель. Рассматривая ученого как активного социального субъекта, он выводит различия в исторических взглядах из того, «насколько широкой или ограниченной натурой является исследователь, каков круг его наблюдений», «в связанном ли политически или свободном общезнании собирал он свои воззрения на жизнь» [5, 27—28]. Наиболее рельефно данная позиция была выражена В. Дильтейем, для которого социальное познание — глубоко субъективный процесс. Утверждая огромное влияние личности исследователя, его воспитания, мировоззрения на процесс познания, В. Дильтей отрицает возможность достижения какой-либо объективной истинности социального познания, отказывая ему в научности и рациональности. «Научное познание, — пишет он, — может проверить свои рассуждения, на которых зиждется правильность конечного вывода; оно может точно сформулировать и обосновать свои положения. Другое дело наше знание жизни; оно не может быть проверено и точные формулы здесь невозможны» [6, 137—138]. Сами факты, которыми оперирует наука, полагает В. Дильтей, глубоко иррациональны, они постигаются не рациональным научным методом, а путем сопереживания [7, 8—17]. Соответственно историческое познание не может быть проверено с помощью фактов на объективность и превращается в акт веры; социальные учения оказываются недоказуемыми по своей природе. На зависимость исторического познания от меняющейся жизни указывает немецкий исследователь творчества В. Дильтея М. Фришейзен-Келер, по мнению которого, исторические понятия имеют априорный характер, являются зыбкими и преходящими. «Желанная общезначимость логических конструкций, — пишет он, — бледнеет и исчезает, когда меняется жизнь, питавшая их» [8, 345—346].

В начале XX в. один из основоположников американского прагматизма, У. Джемс, также отстаивает субъективистскую установку сведения реальности к «чистому опыту», сознанию исследователя. Американский философ пишет: «Наличность действительности принадле-

жит ей, но содержание ее зависит от выбора, а выбор зависит от нас. Как со стороны восприятий, так и со стороны существующих между ними отношений, действительность нема, она ничего не говорит о себе. Мы говорим за нее» [9, 150]. Таким образом, критическая философия истории стремилась учесть активность субъекта в социальном познании на основе отказа от концепции соответствия социального знания исторической действительности. Такой подход привел ее представителей к абсолютизации творческой активности субъекта или субъективной стороны познания, противопоставлению или отождествлению субъективного и объективного аспектов социального познания.

Указанные тенденции сохраняются и в современной западной философии истории, например, в аналитической и лингвистической мысли, получив свое выражение в дискуссии о природе исторических понятий, составе и функциях языка исследователя (И. Берлин, П. Гардинер, Э. Карр, А. Марвик, К. Поппер, У. Уолш, Дж. Элтон и др.) [10; 11]. Многие современные исследователи односторонне трактуют функцию субъективного элемента в историческом познании. Однако, несмотря на то, что их выводы имеют скорее пессимистический оттенок в отношении эпистемологических возможностей исторической науки, не следует отождествлять акцентирование роли субъекта с субъективизмом. Критикуя наивную установку позитивистов при изображении картины исторического познания, сторонники критической философии истории стремились учесть более полно и всесторонне активность субъекта в познании на основе отказа от концепции полного соответствия социального мышления исторической действительности.

В философии и методологии социального познания второй половины XX в. не прекращаются дискуссии относительно эпистемологической роли субъективного элемента в историческом познании. Причем ценностно-мировоззренческая компонента социального исследования нередко определяется как препятствие достижению объективного знания. По мнению А. Момильяно, историкам не остается ничего другого, как «изучать изменения с меняющихся точек зрения и никогда не иметь возможности похвастаться определенностью» [12, 66—67]. Одна из причин, обусловивших такого рода заключения, — укорененность исторического познания в современных нравственных, религиозных, национальных, идеологических и других проблемах цивилизации. Широко известен тезис К. Поппера: «Не может быть истории прошлого в том виде, как оно действительно имело место, возможны только исторические интерпретации, и ни одна из них не является окончательной. Каждое поколение имеет право по-своему интерпрети-

ровать историю, и не только имеет право, а в каком-то смысле и обязано это делать, чтобы удовлетворить свои насущные потребности» [13, 310]. Многие исследователи, анализируя функции субъекта в социальном познании, разделяют ценности и истину и справедливо призывают учитывать неоднозначное влияние ценностей на результаты познания. «Историк не может ни объяснить, ни толковать историю, не придерживаясь системы ценностей» [14, 18—19], — указывает Д. Гавронский. «Структура исторических суждений, — пишет У. Моммзен, — будет определяться не только объектом исследования, но также эпистемологической склонностью и концептуальными орудиями исследования» [15, 22].

Однако, рассматривая аксиологические характеристики исторического познания в качестве внешних детерминант исследования, они существенно ограничивают возможности конструктивного решения вопроса о соотношении субъективного и объективного в работе ученого. Так, признавая, что в процессе изучения общества «ни одно живое существо не может быть полностью объективным», Д. Гавронский относит это обстоятельство к неизбежным недостаткам общественной науки [14, 18—19]. Эстетические, правовые, моральные и другие ценности трактуются отнюдь не как феномен, порождаемый самой историей. Социальная оценка понимается как результат деятельности человеческого разума, соответствующая вечным и неизменным культурным ценностям. «Или мы обладаем религиозной, то есть моральной верой, позволяющей нам выносить суждения об исторических событиях, независимо от истории, — подчеркивает А. Момильяно, — или мы должны отказаться от моральных суждений» [12, 66—67]. Точка зрения, согласно которой можно решить проблему обоснования моральных норм средствами истории, вызывает все больше возражений в наши дни. По мнению В. Хесле, таким образом решить вопрос невозможно, ибо такое решение повторяет известную натуралистическую ошибку. «Необходимо понять, — пишет он, — что сфера норм не может быть в принципе основана на истории». Каждая попытка такого рода предполагает, что будущее можно знать, но это не так, «именно незнание будущего есть необходимое условие человеческой свободы и тем самым ответственного действия» [16, 109]. Указанная позиция приводит к важному выводу о том, что человеческие ценности и нормы не следует искать в истории, а следует наоборот саму историю как реальный процесс строить на принципах и идеалах разума. Ибо история «не просто изменения во времени — при активном “участии” сознания. Нет, сознание — не в участниках, оно притязает на авторство» [17, 5], — полагает М.Я. Гефтер. Поэтому творческая активность разумного и нравственного субъекта является основой ценностно-оце-

ночной интерпретации социальных явлений и исторических действий. «И если мы отрицаем эту регулятивную идею в смысле Канта, — заключает В. Хесле, — то разрушаем возможности нашей свободы и становимся лишь незначительной частью развития, которое сильнее, чем разум» [16, 109].

Как мы видим, наряду с осторожно-консервативными оценками роли и места субъективного фактора в историческом познании, в новейшей философской мысли появляются альтернативные концепции, сформулированные на основе неокантианской теории ценностей. Возвращаются также традиционные объективистские идеалы и нормы научного исследования, раздаются призывы изучать общество и его прошлое «с максимально возможной для человека объективностью и историчностью» [18, 315]. «Стремление описать, объяснить и восстановить историю, как она была в самом деле, — пишут Дж.М. Клабб и Дж. Бог, — является верным, имеет под собой почву и соответствует традиционным целям исторического исследования» [19, 15]. Элиминация субъективного элемента в исследовании уже не рассматривается как необходимое условие достижения объективности знания, а признание фундаментальной роли субъекта, его активно-творческой позиции уже не ведет к отказу от понятий объективности и достоверности результата познавательной деятельности. Данное обстоятельство осознается сейчас в методологии истории: ученые стремятся преодолеть давно сложившуюся дилемму — либо субъективизм, либо объективизм. «История, которую раньше считали объективной, затем чисто субъективной, в действительности не является ни той, ни другой, — пишет Ч. Уилсон, — Она субъективна, но она покоится на ябре объективного факта, от которого она никогда не сможет освободиться» [20, 12].

Критический анализ субъективистской и объективистской методологии в решении вопроса о соотношении ценности и истины в историческом познании позволяет сделать вывод, что каждая из них абсолютизирует отдельные стороны сложного и противоречивого процесса исследования — либо субъективного, либо объективного элементов. Следует отметить, что обе теоретические позиции при всем их внешнем различии имеют нечто общее. Таким общим местом является признание в той или иной форме в качестве главного критерия познания и оценки внешних социокультурных факторов. Различие при этом состоит лишь в том, что в первом случае внешний фактор выступает в виде объективности, которая служит исходным пунктом всякого теоретического исследования, а во втором — возводится в степень объективности, также оставаясь однако вне истории. Такое одностороннее

преувеличение роли субъективного или объективного элементов в историческом познании создает предпосылки для неполного, ограниченного изучения, понимания и интерпретации социальных явлений.

Ценностный подход в историческом исследовании обусловлен, с одной стороны, спецификой предмета познания, в качестве которого здесь выступает человек, группа, общество, с другой — возможностью и даже необходимостью для познающего субъекта использовать в современной культуре социальный и духовный опыт прошлого. История — наука о прошлом, т. е. обо всем, что было сделано и сказано год, месяц, день и даже минуту назад. Поэтому все есть история: все, что было в прошлом и во всех сферах жизнедеятельности человека. Но где кончается прошлое и начинается настоящее? История — это не только то, что было, но и то, что есть, что совершается и происходит сейчас, сегодня. Несмотря на то, что единицей истории является отдельный человек, его помыслы и чувства, мысли, переживания, цели и т. д., в историческом процессе реализуются в первую очередь не единичные человеческие сознания, а их сумма, совокупность. Динамика идей, концепций, коллективных настроений, переживаний, чувств, мифологем, т. е. общественно-исторического сознания в целом есть то, что мы называем внутренней логикой истории. «История есть история человеческого сознания, — подчеркивает Ю.М.Осипов, — как и бессознания тоже, она вершится сознанием в сфере сознания — ноосфере, и в функциональном аспекте она есть продукт сознания, однако не просто людского сознания, но и сознания, как и бессознания тоже, самой истории» [21, 7].

История вбирает в себя отдельное, индивидуальное, коллективное, психологическое, чтобы сохранить их в общем историческом сознании. «История обладает своим собственным историческим сознанием... она есть процесс реализации этого исторического сознания...» [21, 7]. Локомотивом исторического развития всегда было движение идей, их смена и формирование новых идей: субъективные замыслы и планы объективировались, становились фактором коллективного сознания и стимулами дальнейшей общественной эволюции. В свою очередь, созданные историей, ставшие объективными формы организации деятельности людей, закрепляют и обеспечивают устойчивое развитие. Как отмечал Ф.А. фон Хайек, «в истории есть периоды, когда люди создают социальные институты, и периоды, когда институты создают людей» (цит. по: [22, 7]). История так же неповторима, как и личность, в истории всегда есть элемент непредсказуемости, а это и является условием реализации свободы.

О влиянии культурных ценностей и психологических установок на историческое развитие было сказано много. Однако существуют еще и

внутренние, относительно автономные, специфические способы существования и стимулы развития общества, которые люди стремятся защитить. «Представляя конкретную форму бытия, — пишет В.А. Кутырев, — человек должен направлять усилия на ее сохранение. Изменения идут стихийно, а для поддержания тождественности нужны сознательные действия» [23, 81]. В коллективном опыте этноса, нации, народа, закреплённом языком, правом, моральными, эстетическими представлениями, содержатся как положительные, так и отрицательные факторы развития. Существует также связь, или прямая пропорция, между уровнем образованности, культуры, свободы народа и уровнем объективности и цивилизованности общественного сознания. В противном случае сознание общества, в том числе историческое, мифологизируется и становится фактором поведения невежественных людей. Миф, по мнению К.Г. Юнга, — это первая и последняя правда, это самосознание народа, то, как он сам воспринимает себя. Но и в экономически развитых, цивилизованных обществах, где вроде бы реализуются свободы и права человека, созданы условия для гармонизации интересов различных социальных групп, тем не менее сохраняются механизмы мифологизации народного сознания. Поэтому даже в таких странах существуют условия для выработки особых для каждой культуры национальных традиций, соответствующих историческому пути и особенностям нации. Например, так называемая национальная идея в зажиточных странах имеет не политический, а скорее прагматический, понятный всем гражданам и группам населения характер. В государствах со сложной, давно сложившейся высокоразвитой институциональной средой, национальная идеология является вторичной по отношению к экономическому развитию. Первичной для них является культура, система ценностных ориентиров, идеалов и норм, которые уже не нуждаются в государственной защите, так как ее защищают сами люди способом своей жизни.

Таким образом, идеалы и ценности являются формами социальной и культурной значимости, которая осознаётся в процессе исторического исследования и акте оценки. Ценность социально-исторических явлений связана с применением принимаемой субъектом познания онтологической схемы истории, определением смысла и назначения истории, места человека в обществе и перспективами его самосовершенствования и самоосуществления. Этические, эстетические, политические, культурные и другие идеалы формируют многообразную систему ценностей, основывающуюся на принципах понимания человека, его свободы и истории общества. Различные интерпретации цели, смысла и прогресса в истории также обуславливают изменчивость

ценностного отношения. Будучи средством осознания значимости исторических объектов для исследователя, оценка выступает как необходимый, духовный элемент современности, компонент сознания, без участия которого невозможно историческое творчество. Познавая прошлое, исследователь познает собственное отношение не только к прошлому, но и к настоящему, оценивая его тем или иным способом. Вышесказанным не ограничивается сфера, занимаемая оценкой в историческом познании, ее гносеологический статус, содержание и роль гораздо шире. Другими формами проявления и присутствия ценностных ориентаций в исторической науке являются концептуальные основания социально-исторического знания (стиль мышления и стандарты познания, философские и общенаучные методологические принципы), типы ценностно-мировоззренческих ориентаций в социальном исследовании (типы рациональности, модели историографии, эстетические и моральные регулятивы познания).

Таким образом, следует признать полную невозможность отторжения идеологических ценностей от истины в исторической науке. Как выражение социальных интересов идеологические ценности могут привести к сознательному или бессознательному искажению исторической истины. Это обстоятельство ставит перед методологом серьезную задачу: выяснить, каким образом в одном и том же виде познавательной деятельности уживаются, совмещаются и взаимодействуют ориентация на познание истины и ценности. Сказанное вплотную приводит к выводу, что проблема взаимодействия ценностного и когнитивного в историческом познании, вхождения ценностной компоненты в структуру исторических суждений является ключевой в изучении мировоззренческой обусловленности исторического познания. Отражая историческое прошлое в соответствии со своими мировоззренческими убеждениями и социальными интересами, познающий субъект выясняет значимость для себя изучаемых явлений. Поэтому оценка выступает здесь средством осознания значимости того или иного события или духовного феномена для исследователя и вместе с тем является средством обнаружения их собственной ценности.

Поднятые в нашем исследовании проблемы создают хорошую основу для осуществления методологических разработок при помощи философии истории, знания эволюции исторической науки, опыта конкретных исторических исследований. При написании исторических трудов недопустима политизация исторической науки, а исторические исследования должны отвечать требованиям научной объективности, а также базироваться на многовариантной методологической основе. Интерпретация исторического материала должна учитывать в первую

очередь общечеловеческие ценности, а не только национальные интересы.

Литература

1. *Пэнто Р., Гравитц М.* Методы социальных наук / Под ред. В.А.Туманова, В.П. Казимирчука. М., 1972.
2. *Лангдуа Ш.-В., Сеньобос Ш.* Введение в изучение истории. СПб., 1899.
3. *Барт П.* Философия истории как социология. СПб., 1900.
4. *Майер Э.* Теоретические вопросы истории. Философско-исторические исследования. М., 1904.
5. *Зиммель Г.* Проблемы философии истории (Этюд по истории познания). М., 1898.
6. *Дильтей В.* Типы мировоззрений и обнаружение их в метафизических системах // Новые идеи в философии. 1912. № 1.
7. *Дильтей В.* Описательная психология. М., 1924.
8. *Фришгейзен-Келер М.* Вильгельм Дильтей как философ // Логос. 1912—1913. Кн. 1—2.
9. *Джемс У.* Прагматизм. Новое название для некоторых старых методов мышления. СПб., 1910.
10. *Berlin I.* Concept and Categories. L., 1978.
11. *Leyden W.* Categories of Historical Understanding // History and Theory. 1948. Vol. 23. No. 1.
12. *Momigliano A.* Historicism. Revisited. Amsterdam; L.; 1974.
13. *Поннер К.* Открытое общество и его враги. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М., 1992.
14. *Gawronski D.V.* History: Meaning and Method. Glenview. 1975.
15. *Mommsen W.I.* Social Conditioning and Relevance of Historical Judgments // History and Theory. Studies in the Philosophy of History Beihft. 17, Weslegn university press. 1978. Dec.
16. *Хесле В.* Абсолютный рационализм и современный кризис // Вопросы философии. 1990. № 11.
17. *Гефтер М.Я.* История — позади? Историк — человек лишний? // Вопросы философии. 1993. № 9.
18. *Fisher D.H.* Historians Fallaciens. Toward a Logic of Historial Thought. N.Y., 1970.
19. *Clubb J.M. Bogve G.* History, Avantifications and the Social Sciences // American Behavioral Scientist. 1977. Vol. 21.
20. *The Relevans of History.* Brussel, 1975.
21. *Осипов Ю.М.* Национальная элита — судьба России. Материалы IV Малого университетского форума. Декабрь 2008. М., 2009.

22. Назаретян А.П. Знает ли история сослагательное наклонение // *Философские науки*. 2005. № 2.

23. Кутырёв В.А. *Философия трансгуманизма*. Н. Новгород, 2010.

А.А. КРАВЧЕНКО

Концепт ответственности в рефлексиях «циничного разума» Постмодернизма

Аннотация. В статье рассматривается проблема социальной ответственности в условиях современной рыночной экономики, продуцирующей массовое потребление и демонстрацию денежной силы. В этой ситуации формируется новая система ценностей: на смену классической рациональности приходят смыслы «циничного разума», в контексте которых личность теряет самоидентичность и чувство ценности «Я».

Ключевые слова: потребление, социальная ответственность, постмодернизм, циничный разум, смысл, ценность, экзистенция.

Abstract. The problem of social responsibility in a modern market economy, producing mass consumption and demonstration of «money power» is explored in the article. In this situation, a new system of values is formed: to replace the classical rationality come senses of «cynical reason» in the context of which a person loses self-identity and sense of value of «Self».

Keywords: consumption, social responsibility, post-modernism, a cynical reason, meaning, value, existence.

Сегодня рыночная экономика выступает «анонимным авторитетом» (Э. Фромм), деятельность которого приводит к распространению массового потребления. В такой ситуации престиж и положение в социальной иерархии определяются уровнем потребления, а главным критерием добродетели человека выступают деньги. Они являются основой социального статуса и хорошей репутации в развитом (демократическом) обществе. Средствами демонстрации *денежной силы*, а тем самым и средствами приобретения или сохранения «добраго имени» являются «праздность и престижное потребление» [1, 129], — отмечал Т. Веблен. Если сначала престижное потребление и расточительство были свойственны в основном элите, то постепенно они охватывают все общество. Теперь потребление на должном уровне становится потребностью даже бедных слоев населения, имитирующих по-

ведение праздного класса. Излишнее расточительство материальных ресурсов и времени рассчитаны на публичную самодемонстрацию. Отсюда вытекают уменьшение роли межличностных отношений и увеличение веса общественного мнения.

Необходимо отметить, что в этом пространстве публичности происходит потеря своего «Я», равноценная потере самоидентичности, и поэтому индивид «спасает себя», получая «вторичное ощущение самости» [2, 168]. Это означает его ценность, успешность, полезность в качестве пригодного для продажи товара, которым является он сам, поскольку «другие воспринимают его как существо, отвечающее одному из стандартных образцов» [2, 168].

Одна из перспектив неограниченного потребления — симуляция индивидуальности. Человек как потребитель способен довести свою активность до уровня, при котором теряется рациональная основа поведения. Соответствующим образом это отражается на его ответственности. Но ответственность является способностью быть тождественным и целостным, поэтому она опирается на человеческое «Я». Если исчезает целостность «Я», то некому нести ответственность. Процесс превращения власти и авторитета на анонимную силу способствует бессознательному перенесению ответственности на данную «деперсонализированную инстанцию». Эта тенденция свойственна современной социокультурной ситуации, в которой господствует перенасыщение *информацией, товарами и знаками*. Как следствие, возникает «экстаз полноты», которая порождает безразличие и апатию. За прикрытием престижного потребления человек теряет связь с реальностью. Симулякр становится похож «на алиби, которое оправдывает недостаток реального, пустоту знака» [3, 101].

Средством компенсации «пустоты самости» и становится потребление как симуляция идентичности. Поскольку ответственность всегда соотносится с «Я», его потеря равноценна «безответственному существованию». В нем ценностная иерархия задается императивами моды, и человек попадает в измерение симулякров, где «потребляет потребление» [3, 101]. В таком случае индивид уже не «ответственное», а «соответствующее» существо, отвечающее внешнему образцу.

Отметим, что современные социально-культурные и экономические метаморфозы порождают неуверенность и страх у человека. Поскольку он не успевает адаптироваться к изменениям окружающего мира, социально-гуманитарная мысль пропитана тематикой *страха и тревоги*. Теряя связь с миром, человек теряет дом. Бездомность является почвой, на которой прорастают неуверенность и тревожность существования. В экзистенциализме человек еще способен на бунт про-

тив «дегуманизованного мира» [4]. Пусть этот бунт был абсурдным, но он служил основой, на которой можно было найти остатки смысла.

В современной системе ценностных координат важное значение имеют понятия *текущести* и *становления*. В философии постмодернизма мир и человека рассматриваются не как нечто *упорядоченное, постоянное*, а как *хаос*, который находится в становлении. В таком случае классическая метафизика мира с ее различием формы и содержания, сущности и существования уступает место новой мировоззренческой перспективе. В ней поверхность и глубина сливаются в едином процессе непрерывного становления, где одно выражает другое. Например, «поверхность» в философии Ж. Делеза — это не «мир явлений» в их противопоставлении сущности; она включает в себя глубину, «срастается с ней». Глубина, истоки, начала присутствуют всюду в виде эффектов, событий, которые находятся на «пределе бытия» [5]. В результате исчезает предел между поверхностью и глубиной человеческого существования. Значение имеет не то, кем человек стал, не его способность быть тождественным самому себе, а процесс перманентного изменения. Поэтому новая форма тождественности предусматривает одновременное сосуществование нескольких смыслов.

Человек в данной ситуации не уникальная индивидуальность, а только возможность, пытающаяся удержаться на грани бытия и небытия. Переход из одного состояния в другое обуславливает способ существования, определяемый как «мерцание» [5, 17]. Конституирование собственной идентичности в данной ситуации также происходит на поверхности, но уже не как выражение сущностной глубины, а как попытка удержаться хотя бы на некоторое время на «фоне бытия». Эти теоретические экскурсы представителей постмодернизма находят свое отражение в циклической природе потребления. Последнее определяется волнами моды, которая навязывает потребителю периодичность возникновения новых потребностей и желаний, требующих для своего удовлетворения новых товаров. Новая вещь или их комбинация образуют временную и нестабильную идентичность, обреченную через определенное время устареть. Поэтому личная неопределенность является не сомнением, внешним по отношению к тому, что происходит, а объективной структурой самого события, поскольку последнее постоянно движется в двух смыслах-направлениях сразу и «разрывает на части субъекта, следующего за ними» [5, 18].

Амбивалентность человеческой жизни в современных условиях порождает неопределенное (нестабильное) отношение к миру. Последний быстро изменяется и тем самым вынуждает индивида адаптироваться к новым ситуациям. Отсутствие длительного пребывания в

устойчивых формах социально-культурного пространства приводит к усложнению феномена социальной ответственности. Происходит процесс ее формализации, поскольку человек отвечает на временные требования практики своего существования. Изменение места и способов существования обуславливает трансформацию целей, на которые ориентируется ответственная личность. Поэтому она (ответственность) все в большей степени получает социально-юридический характер.

Необходимо учитывать также девальвацию ценности истины. Она оказывается функционально неэффективной. Свойственные для эпохи Просвещения представления о необходимости и возможности достижения истины сегодня скомпрометировали себя, поскольку заключают в себе «тоталитарные тенденции» [6, 48 — 49]. Безразличие к истине порождает «циничный разум», т. е. такой тип рациональности, который сохраняет возможность мыслить в условиях обмана, симуляции и идеологизации. Вера новоевропейских мыслителей в созидательную роль культивируемого с помощью образования разума не выдерживает конкуренции с безразличием «циничного разума». Любая критика в этих условиях теряет смысл. Вместе с потерей ценности истины недействительными становятся и все другие ценности классической эпохи. Современный цинизм преподносит себя как состояние сознания, наступающее после исчерпавших себя «наивных идеологий» классической эпохи. Сохраняя свою «добродетельную рациональность», они не пошли следом за современным сознанием и не осуществили поворот к «реалистичному плюрализму». Ряд форм «ложного сознания», которые формировались до нашего времени — обман, заблуждение, идеология — оказался незавершенным; современный менталитет вынуждает прибавить четвертый член ряда — феномен цинизма [6, 29 — 30], — писал П. Слотердаик.

Для «разума» эпохи Просвещения, хотя он и существовал в ситуации дуализма, была свойственна вера в то, что постижение истины способно отделить сущностное от несущественного, глубинное от поверхностного. Современный циничный разум живет одновременно в двух измерениях. Уже в метафизике христианства человек трактуется как двойственное существо. Ценности «земного града» признавались как нечто низменное и не достойное внимания в сравнении с ценностями «града небесного». Выстроенная на этой основе иерархия ценностей развивается во взглядах на человека в контексте «экономического общества». По мнению К. Полањи, его основы были заложены в рыночной экономике [7, 23]. Этот период породил представления о человеке, которому в основном присущи как идеальные, так и материальные ценности и мотивы деятельности. Подобные представления

были справедливыми для рыночной экономики, но «только по отношению к такой экономике» [7, 23].

Считается, что главными мотивами деятельности в рыночной экономике являются страх голода и перспектива получения прибыли. Причем первый мотив был свойствен тем, кто продавал себя как рабочую силу, а второй — предпринимателям. Производственная деятельность связывалась с этими мотивами и потому, что повседневная жизнь и наемных рабочих, и предпринимателей была связана с производством, выступавшим основой их жизнедеятельности. До нашего времени мы встречаемся с последствиями этого распределения в виде так называемых материальных и идеальных ценностей и интересов.

Однако в современном обществе идеальные ценности не воспринимаются как раньше. Они — «декоративное украшение», которое лишено функционального назначения. В этом отстранении и безопасности дистанцировании основную роль играет цинизм. Если современность цинична, то классическая эпоха является наивной. Новое время определяло две причины искажения истины: это «злая воля» и «заблуждение». Существование действительного «Я» признавалось только в том случае, если истина искажалась в силу наличия «злой воли». Поэтому такая ситуация включала у себя необходимость ответственности. Но ошибочная точка зрения обусловлена не самостью индивида, а внешним, «естественным механизмом» [6, 48 — 49]. Ответственность предусматривает существование «Я», и при условии его отсутствия в процессе практической или интеллектуальной активности исчезает возможность ответственности.

Сознание современного индивида не отрицает этические ценности, социальную ответственность и обязанность. Напротив, сегодня как никогда много говорят о ценностях и их возрождении. Однако достаточно типичной является ситуация, когда повышенный спрос на ценности свидетельствует об их недостатке. Если экономика занимает место Бога, любые неэкономические мотивы и смыслы обречены быть недействительными. Поиск идеальных ценностей фактически превращается в тотальное утверждение материальных ценностей. Например, разговоры о социальной ответственности бизнеса перед обществом оборачиваются еще более безответственными действиями. Ответственность из действительной силы, которая обуславливает жизнедеятельность общества, превращается в пустой знак. «Такой цинизм не является откровенно аморальной позицией, — отмечал П. Слотердаjk, — скорее здесь сама мораль поставлена на службу аморализма; типичный образец циничной мудрости — объяснять честность и неподкупность как высшие проявления бесчестия, мораль — как утонченную

распущенность, правду — как самую эффективную форму обмана» [6, 37].

Таким образом, «циничный разум» приходит к необходимости осуществления ответственности исключительно под действием внешней необходимости. Человечество на протяжении XX в. постоянно наращивало научно-технологическое могущество. Но разрыв между технологическим развитием и развитием сущностных сил человека привел к тому, что это могущество начинает выступать против своего творца. Современный мир стал угрозой для человека. И поэтому то, что было скрыто в глубинах человеческой экзистенции, сегодня стало фактором повседневного социокультурного бытия [8]. Современность, выступая как общество риска, увеличивает меру социальной ответственности каждой личности. Но это образует и противоположную возможность «бегства от свободы» и ответственности. Тем более что «циничный разум» предоставляет возможность хранить видимость ориентации на ценности гуманизма, человекоцентризма, истины, добра и красоты. Такое состояние сознания является «разрывом» между разумом и волей, с одной стороны, и свободой и ответственностью, с другой. Этот разрыв также можно описать как противопоставление практики и ее отражения в сознании.

Как известно, абстрактные ценности не столько определяют направление движения современной цивилизации, сколько украшают его. Именно поэтому современность характеризуется обеспокоенностью краха ценностной и ответственной позиции человека. Ценностный релятивизм оказывается неспособным преодолеть нигилизм и отчуждение, в котором находится личность. Она теряет контроль над событиями. Ощущение угрозы требует сформировать такие принципы ответственности, на основе которых можно было бы вывести новые обязанности человека. По мнению Г. Йонаса, именно страх перед будущим человечества требует обращения к понятию ответственности. Он определяет это требование как «эвристику страха» [9, 7]. Только предполагаемое искажение или уничтожение человека и мира помогает нам понять человека и мир, которые необходимо сохранить.

Сегодня технологический уровень развития человечества достиг такого предела, где ответственность не может оставаться делом исключительно научно-производственной сферы. Она распространяется на социальный и экологический уровни. Проблема заключается в совместимости «технологического развития с обществом и природой» [9, 381]. Не менее важным в данном контексте для современности является соотношение развития экономической деятельности с социумом и окружающей средой. «Принцип страха» — внешний по отношению к

экономической жизни. Риск, который сегодня стал признаком повседневности, был присущ предпринимательской деятельности от начала ее зарождения. Сегодня именно в нем видится основа для получения дополнительной стоимости. Однако риск вынуждает предпринимателя уменьшать расходы на производство того или другого продукта и таким образом уравнивать те излишние траты, которые наблюдаются на стороне потребления. Таким образом, экономическое развитие, в основе которого находится индивидуализм, перестает быть делом исключительно отдельных индивидов.

Таким образом, современность выстраивает новые контуры аксиологичного «космоса», в котором проблема социальной ответственности занимает ведущее место. Наше время создает различные стратегии последующего развития социума, однако каждая из них является еще до конца не определенной. Поэтому мы находимся в ситуации «возможности возможностей», где осуществление социальной ответственности не является обязательным, автоматическим, а зависит от солидарной воли сообщества и продуктивной деятельности индивида.

Литература

1. Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.
2. Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе. М., 2005.
3. Маньковская Н.Б. Париж со змеями. Введение в эстетику постмодернизма. М., 1995.
4. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М., 1990.
5. Делез Ж. Логика смысла. М., 1998.
6. Слотердайк П. Критика цинического разума. Екатеринбург; М., 2009.
7. «Великая трансформация» Карла Полаanyi: прошлое, настоящее, будущее / Под общей ред. Р.М. Нуреева. М., 2007.
8. Адорно Т.В. Негативная диалектика. М., 2003.
9. Йонас Г. Принцип відповідальності. У пошуках етики для технологічної цивілізації. К., 2001.

Э.А. КАМАЛОВ

Свободно ли свободное время?

Аннотация. В статье анализируются разнообразные причины несвободы свободного времени; демонстрируется влияние рабочего времени на характер свободного времени; рассматривается несвободный характер расходования свободного времени человеком.

Ключевые слова: время, свободное время, рабочее время, человек, труд.

Abstract. The article analyzes the various causes of unfreedom of free time; demonstrates the effect of working time on the character of free time; considers the unfree character of spending free time by men.

Keywords: time, free time, work time, man, labor.

Свободное время — время, в течение которого человек может быть самим собой, может возвыситься над природой и природной необходимостью и реализовать все свои потенции. Это царство свободы, которое начинается там, «...где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью...» [1, 349]. В свободное время человек может проявить свою универсальную и многостороннюю природу, он «охотником, рыбаком или пастухом или же критическим критиком». Для большинства людей именно эти возможности, предоставляемые свободным временем, служат оправданием той кабале специализации и рутины, которой они, как правило, подвергаются в рабочее время. Но является ли свободное время действительно свободным — свободным, в частности, от рабочего времени и его преимущественно принудительно характера?

Свободное время человека, очевидно, ограничивается в первую очередь своим антиподом — рабочим временем. Такое положение накладывает некоторые ограничения на характер использования свободного времени. Так, необходимость скорого возвращения к работе (через день, неделю, месяц) не позволяет человеку отправляться в длительные путешествия, проходить образовательные курсы, целью которых может быть углубленное изучение предмета, проводить длительные исследовательские работы. В результате свободного времени человеку хватает лишь на беглый тур по Европе, поверхностное обучение и т. д. В связи с этим Дж.К. Гэлбрейт, к примеру, предлагал не ограничивать свободное время днями, неделями или месяцем, а предоставлять право рабочему на оплачиваемый отпуск на более длительный период с возможностью его продления [2, 520—521].

Часто свободного времени человеку хватает исключительно на восстановление сил. В этом отношении свободное время подчиняется рабочему времени и служит ему, т. е. таким образом низводится до уровня средства. Рабочее время, которое человек вынужден проводить для обеспечения себя пропитанием, становится первостепенным, а человек превращается в животное, поскольку вся его жизнедеятельность направлена исключительно на выживание и борьбу за существование.

Но рабочее время не только лишает свободное время физической энергии. Свободное время, досуг, как писал Ж. Бодрийяр, «...не характеризуется творческой деятельностью: художественное или иное творчество, созидание никогда не являются деятельностью досуга. Он характеризуется в целом деятельностью регрессивной, которая предшествует современным формам труда (поделки, ремесленничество, коллекционирование, рыболовная ловля с удочкой)» [3, 199]. Главная модель досуга относится к детству, к этому также примешивается ностальгия по общественной стадии, предшествующей разделению труда. И то и другое досуг пытается восстановить, но в современном мире это подобно бегству и безответственности. Л. Мамфорд держится сходной позиции: «С созданием первых коллективных машин работа своим систематическим отделением от всей остальной жизни стала проклятием, ношей, жертвой, формой наказания: и, как реакция, этот новый режим скоро пробудил компенсирующие мечты о не требующем усилий изобилии, эмансипации не только от рабства, но и от самой работы» [4, 233]. Он считает, что такие мечты существуют и сейчас.

Как мы полагаем, эти мечты — по крайней мере, частично — реализуются в свободное время современного человека. В результате человек после изматывающей и опустошающей работы не желает делать что-либо сложное, что-либо требующее глубокой вовлеченности. В этом случае свободное время может быть использовано либо на сон, либо на потребление, иначе человек будет ощущать пустоту и скуку. Еда, выпивка, телевизор, вечеринки, шопинг — все это, а также другое призвано заполнить свободное время человека тем, что не требует активного отношения, умственного и творческого напряжения и не затрагивает глубокие эмоции человека.

Таким образом, обилие труда, физических и умственных усилий на одном полюсе (рабочее время) компенсируется недостатком или отсутствием такового на другом полюсе (свободное время) — рабочее время выжимает «соки» и продуктивную (творческую) энергию у свободного времени, т. е. то, что призвано облагородить человека, сделать человека человеком. Именно поэтому, как нам представляется, суще-

ствует большое количество людей, предпочитающих проводить все свое свободное время перед экраном телевизора.

Свободное время подчиняется рабочему времени еще в одном отношении. Поскольку человек в рабочее включается в конкурентную борьбу с другими людьми за повышение или просто за сохранение рабочего места, то ввиду увеличения гибкости экономических агентов и сопутствующей угрозы увольнения [5, 149] эта конкурентная борьба не может ограничиться лишь рабочим временем. Она распространяется и на свободное время как на возможность повышения служебных (специальных) знаний и умений и как на возможность обогнать конкурентов. Однако процесс развития профессиональных навыков и выполнения работы на дому не просто являются средствами конкурентной борьбы, но иногда мыслятся как деятельность подлинно человеческая — деятельность, которая развивает. Но это, как нам кажется, является лишь рационализацией сложившегося положения.

Однако мало того, что рабочее время создает ограничения и формирует характер свободного времени, оно еще постоянно атакует его и стремится уменьшить. Весьма существенную роль в этом деле играет обилие потребностей человека. Человек склонен трудиться лишь столько, сколько ему необходимо для удовлетворения потребностей. Задача индустриальной системы состоит в том, чтобы потребности не были полностью удовлетворены: «То, что именуется экономическим развитием, сводится в немалой степени к изобретению способ преодоления склонности людей ограничивать свои цели, касающиеся заработка, а тем самым и свои усилия» [2, 386]. Обилие потребностей вынуждает человека отводить много времени работе в рамках профессии и специализироваться, поскольку растущие вместе с ростом рабочего времени доходы обещают больший уровень потребления. Досуг приносится в жертву отдаленному, будущему досугу, в котором уже точно можно будет делать то, что захочешь. В связи с этим Гэлбрейт иронично заметил: «Приходится сделать вывод, что с увеличением доходов люди склонны работать больше и меньше стремятся к досугу» [2, 515].

Таким образом, свободное время подвергается нападкам с противоположной стороны. Если же предпринимаются шаги в сторону расширения свободного времени, то подобное встречает сопротивление. Таким поползновениям в первую очередь, разумеется, препятствуют капитал и капиталисты, для которых любое время — это время делать деньги. Но дело не только в них. Экономисты и политики сделали экономический рост самой важной социальной целью. Экономический рост, интенсивная работа, увеличение личного дохода и высокое по-

требление стали похвальными с общественной и индивидуальной точек зрения. «Праздность, — как писал Дж.К. Гэлбрейт, — рассматривается как нечто такое, что должно вызывать подозрение, особенно в тех случаях, когда это касается людей, получающих низкие доходы» [2, 387]. Ввиду этого требование сокращения рабочего и расширения свободного времени, необходимого для роста знаний, развития способностей человека и его самоактуализации, рассматривается как нечто сомнительное и потворствующее слабостям и дурным склонностям.

Но вот, наконец, несмотря ни на что, человек освободился от работы, ему нет необходимости осуществлять деятельность, хоть как-то связанную с ней. Что делает в этом случае современный человек? Каково его свободное время в данном случае?

Большинство людей, поскольку им нужны деньги, чтобы жить, включаются в качестве рабочей силы, т. е. товара, в рыночные отношения. Такие люди формируют то, что называется рынком труда. Они продают свою рабочую силу — и от этого зависят их последующий заработок и, следовательно, уровень их жизни, а также уровень жизни их семьи. Поскольку всегда существует угроза увольнения или наличествует желание продвинуться по карьерной лестнице, то возникает необходимость постоянного поддержания или увеличения меновой стоимости собственной рабочей силы. Описанное положение причастно, как нам кажется, к формированию определенного характера человека — характера, который Э. Фромм называет рыночным. Человек с таким характером относится к себе и к другим как к товару. Фромм писал, что удельный вес профессиональных качеств как условий успеха лишь в исключительных случаях преобладает над тем, насколько человеку хорошо удастся продать себя на рынке. «Однако поскольку успех в большой степени зависит от умения продать себя, постольку человек ощущает себя товаром или одновременно и продавцом, и товаром. Человек более не заинтересован ни в собственной жизни, ни в собственном счастье, он озабочен только тем, чтобы не утратить способности продаваться... Теперь его силы становятся отчужденными, отторгнутыми от него, превращаясь в предмет использования и оценки со стороны других; тем самым его чувство самоидентификации так же колеблется, как и чувство самоуважения; оно зависит от той суммы ролей, которые человеку приходится играть...» [6, 87, 89—90]. Такое положение говорит о том, что рабочее время, в течение которого человек выполняет отчужденную работу, снова подспудно влияет и формирует характер свободного времени, соотнося его с рыночной логикой.

Таким образом, человек оценивается не по тому, каков он сам по себе (потребительная стоимость), а по тому, каков он для других и относительно других (меновая стоимость). Это означает, что поведение человека ориентировано на чисто внешние признаки, а не на внутренние, на тело, а не на дух, на функциональность, а не на самооценку и т. д. В результате существенную роль в жизни человека начинают играть внешние признаки и знаки. Все это обуславливает ориентацию человека преимущественно на обладание и статусное потребление, при которых человек идентифицирует себя с обладаемыми и потребляемыми вещами. Такое положение закрепляется и стимулируется современной индустрией посредством маркетинга, рекламы и PR.

В результате покупка товара и потребление его как знака отводят на задний план непосредственное удовольствие от товара (еды, спорта, чтения и т. д.) [3, 150; 7, 158]. В этом смысле потребляется и культура: театры, музеи, научные журналы и даже образование [8, 11]. Ни научные данные, ни спектакли, ни изобразительное искусство не имеют для потребителя самостоятельной ценности, они потребляются с оглядкой на других и для других. Все больше вещей потребляется в качестве знаков различия, а конкуренция, в которую люди включаются в рабочее время, приобретает форму борьбы знаков, статусов и т. д. Поскольку потребление основывается в значительной степени на появлении статусного различия, постольку последние обуславливают бесконечный процесс конкуренции людей за статусы, так как возвышение одного человека (получение им высокого статуса) означает возвышение его *над другими*, что вызывает у последних потребность в новом статусном отличии.

Завершает картину статусного потребления превращение собственного тела человека в товар — в то, что потребляют. Тело и телесная красота важны уже на сами по себе, но как функции, а их значения как потребительных стоимостей отступают перед их меновой стоимостью, перед знаком [3, 168].

Описанное потребление является отчужденным, поскольку не затрагивает сущность человека, подчиняет его внешней логике дифференциации знаков и их кодексу [3, 200]. Свободное время превращается во время отчужденного потребления, в течение которого человек не может быть самим собой, быть свободным от всякой внешней целесообразности.

Не последнее значение для характера расходования человеком свободного времени имеет то, что время становится редким и ценным благом, которое нельзя расходовать неосмотрительно. Ценность времени растет, с одной стороны, вместе с ростом производительности

труда, а с другой — с ростом возможностей для потребления (ростом товаров, услуг и т. д.). Перед человеком возникают мириады возможных вопросов: использовать ли время для работы так, чтобы в дальнейшем с большей пользой использовать свободное время (к примеру, потребляя дорогие товары вместо дешевых), приобрести ли товар А вместо товара Б и т. д. Д. Белл писал: «При сравнении этих альтернатив человек начинает выводить (не подозревая, что занимается решением прикладной экономической задачи) кривую безразличия в рамках дифференцированной шкалы взаимозаменяемости (времени и денег) и определять предельную полезность каждой единицы в различных потоках своих расходов» [9, 643]. В итоге «...люди становятся закабаленными этими подсчетами...» [9, 644]. Действительно, многие из нас тратили немало своего свободного времени на выбор между сверхурочной работой и отдыхом, на выбор подходящей одежды, компьютера, стиральной машины и т. д. Мы видим, что свободное время тратится в значительной степени также на эти подсчеты, которые в некотором смысле являются принудительными, необходимыми, но не самоценными.

Таким образом, как мы старались показать в данной статье, свободное время отнюдь не является свободным. Его характер и структура в значительной мере определяются рабочим временем и вообще существованием самой дихотомии «рабочее время — свободное время». Там же, где свободное время не ограничивается отмеченной дихотомией, оно используется для потребления товаров, не требующих больших интеллектуальных, физических усилий, а также товаров-знаков, призванных лишь внешне отличить одного человека от другого. Высокое значение, которое люди отводят потреблению товаров, с одной стороны, ограничивает свободное время и ресурсы — с другой, вынуждает человека проводить часть своего свободного времени за выбором оптимальной комбинации товаров. Из сказанного следует, что свободное время не всегда может быть тем, чем обещает быть — действительно свободным от всякой внешней логики, подчиняющей человека.

Литература

1. Маркс К, Энгельс Ф. Избр. соч.: В 9 т. Т. 9. Ч. 2. М., 1988.
2. Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество: М.; СПб., 2004.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006.

4. Мамфрод Л. Техники и природа человека // Новая технократическая волна на западе. М., 1986.
5. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.
6. Фромм Э. Человек для самого себя. М., 2010.
7. Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе. М., 2005.
8. Щелкунов М.Д. Образование в объёмах глэм-культуры // Философские перекрёстки. Казань, 2012.
9. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004.

Ж.Л. ОКЕАНСКАЯ

Философское имяславие как продолжение Кирилло-Мефодиевского дела*

Аннотация. В статье проводится идея самобытности русского философского имяславия, в основе которого — особое понимание философии и статуса языка.

Ключевые слова: статус языка, русская философия, славянская письменность, философское имяславие.

Abstract. In the article the idea of Russian philosophical imyaslaviya identity, based on — a special understanding of the philosophy and language status.

Keywords: the status of the language, Russian philosophy, Slavic writing, philosophical imyaslavie.

Философское имяславие — направление русской мысли, фундаментальная исследовательская проблема которого, если сформулировать ее предельно широко, — вопрос о статусе языка, энергичной связи имен и сущностей. Представители философского имяславия — о. Павел Флоренский, о. Сергей Булгаков и Алексей Федорович Лосев.

К проблеме статуса языка обращались древние мудрецы, позднеантичные философы (Плотин, Прокл) и представители ранней и поздней патристики (школа св. Дионисия Ареопагита, св. отцы-каппадокийцы: свт. Василий Великий, свт. Григорий Нисский, свт. Григорий Богослов; как и свт. Григорий Палама в XIV в.). В Византии и на Святой

* Статья выполнена при поддержке государства в лице Минобрнауки в рамках соглашения №14.В37.21.0034.

Руси сама культурная история мыслилась как продолжение мистерии воплощения в мире Божественного Слова, и здесь огромное значение имеет деятельность святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. В западной позднесредневековой схоластике этот вопрос имеет аналог в знаменитых

спорах об универсалиях, о существовании единичных вещей и всеобщего. В новоевропейской мысли к этой теме обратился Г. Лейбниц, позднее — В. фон Гумбольдт. В интеллектуальной культуре Европы эта тема получила особое развитие у М. Хайдеггера, а также работавших в близком герменевтическом русле В. Дильтея и Г.-Г. Гадамера.

В русской мысли Нового времени в этой связи весьма примечательны имена протопопа Аввакума Петрова, М.В. Ломоносова, В.Н. Татищева, В.К. Тредиаковского, Н.М. Карамзина, А.С. Шишкова, А.С. Пушкина, А.С. Хомякова, К.С. Аксакова, А.А. Потебни, А.Н. Веселовского — все они были непосредственными предтечами отечественной «философии имени», равно как и более широкого углубленного внимания к феномену языка.

Тема философского имяславия, имеющая, как мы показали, глубокие корни, далеко выходит за пределы катализировавших ее известных афонских споров о почитании имени Божия. Сами эти споры, не будучи до конца разрешенными в истории Церкви (несмотря на обширную литературу, в частности, исследования митрополита Илариона (Алфеева [1])), подтолкнули к развитию философии языка в России. Мы же, углубляя эту мысль о Павла Флоренского, утверждаем, что философское имяславие есть совершенно особое начинание, в котором русская интеллектуальная культура говорит сугубо свое, уникальное, нигде и никогда прежде не звучавшее слово.

Тем не менее в современной отечественной интеллектуальной культуре довольно распространено мнение о вторичности и несамостоятельности русской философии, под сомнение ставится даже ее принципиальная возможность.

Пушкин, создатель русского литературного языка, и в этом смысле прямой продолжатель дела святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, говорил о неразвитости метафизического языка в России и соответственно неразвитости самобытного мышления соотечественников (вспомним его слова о Баратынском, который «оригинален, ибо мыслит»). Подобный пафос звучит и в оценке Розановым Хомякова: «Хомяков был гением, но в непривычной и тяжелой для нас, русских, форме — форме мысли...».

Наш современник, профессор МГУ Александр Дугин обосновывает парадоксальную идею о *возможности* русской философии, но лишь на немецком языке, ибо русский непригоден для адекватного выражения

философских категорий [2]. Распространено также мнение о русском философствовании как сугубо литературно-публицистическом поприще, проводятся круглые столы, где эта мысль доминирует. При этом забывается, что создатель нашей первой азбуки св. равноапостольный Кирилл большую часть своей земной жизни именовался Константином-философом, кроме того, первый памятник русской словесности, вошедший в состав древнейшего летописного свода «Повесть временных лет», имеет название «Речь Философа». Кто такой Философ? Византийский проповедник православного учения, учитель Церкви. Так, между прочим, именовали и всех первых проповедников христианства на Руси: т. е. само слово «философия» вошло в славянский контекст исключительно в церковных ризах, что забывается современными интеллектуалами.

Проблема восприятия философии заостряется и в связи с известным замечанием св. апостола Павла: «Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философиею и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу; ибо в Нем обитает вся полнота Божества телесно» (Колос., 2, 8 — 9). Философия здесь поставлена на одну чашу весов с пустым обольщением. Кроме того, дается недвусмысленное противопоставление качеств Христа и «стихий мира», а также Божественного и человеческого на предмет полноты истины.

Но уже в ранней патристике произошло *радикальное переосмысление самого статуса философии в церковном опыте*, поскольку здесь уже *премудрое основание оказывается не искомым и запредельным, но опорным для культурного освоения мира, его символического раскрытия и очеловечивания.*

Автор «Точного изложения православной веры» преп. Иоанн Дамаскин (VIII в.), как и многие другие св. отцы до него и после, подчеркивает основополагающее значение философии: «*Философия есть познание сущего как такового*», которое раскрывается через «познание Божественных и человеческих вещей... помышление о смерти произвольной и естественной... уподобление Богу в возможной для человека степени», а потому есть — «искусство искусств и наука наук... любовь к мудрости» [3, 557].

Вопрос о сущности Кирилло-Мефодиевского наследия тесно связан с пониманием философии святым равноапостольным Кириллом Философом, основателем нашей письменности: «*Философия есть знание вещей Божественных и человеческих, насколько может человек приблизиться к Богу, которое учит человека делами своими быть по образу и подобию сотворившего его*» [3, 558].

Такое святоотеческое понимание философии дошло сквозь разнообразные тернии и до новой отечественной интеллектуальной культуры, вплоть до славянофилов и их последователей.

Русская мысль осуществила себя в религиозно-философском осмыслении мира — это необходимое условие ее жизнеспособности. Именно поэтому философия имени имеет весомый антикризисный потенциал, что позволяет противостоять номиналистическим тенденциям западной мысли, деструктивности мышления, а также позитивистскому уплощению самой аксиоматики научного знания и его верификации.

Русские философы-имяславцы показали, что гением языка разрешаются подлинные философские проблемы. К чему приводят эксцессы западной лингвистической философии, мы наблюдаем сегодня, когда очевидные *деяния греха* (содомия, убийство человека, находящегося в беспомощном положении), поданные под другими названиями (однополые браки, прерывание беременности, эвтаназия), узакониваются под предлогом обеспечения прав человека, и это — горький плод номиналистического развития философской культуры, разорвавшей связи имени и именуемого, когда слова интерпретируются не как энергии, а лишь условные знаки, переводятся в модус необязательности.

В этом смысле отечественная *религиозно-философская традиция XIX—XX вв. — от Хомякова до Лосева — продолжение усвоения и развития Кирилло-Мефодиевского наследия в кризисных условиях Нового и Новейшего времени*, в существенных элементах сохраняющая и транслирующая восточно-христианскую богочеловеческую традицию.

Литература

1. *Алфеев, епископ Иларион*. Священная тайна Церкви: Введение в историю и проблематику имяславских споров. СПб., 2007.
2. *Дугин А.Г.* Мартин Хайдеггер: возможность русской философии. М., 2011.
3. *Громов М.Н.* Философская мысль на Руси в XI — XVII вв. // Русская философия: словарь / Под ред. М.А. Маслина. М., 1995.

IV

**АКТУАЛЬНАЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ**

И.В. НАЗАРОВ

Украинско-российские отношения в контексте становления и кризиса восточнославянской православной цивилизации

Аннотация. В статье на основе цивилизационного подхода проанализированы особенности развития Юго-Западной и Северо-Восточной Руси с момента распада древнерусского государства и до наших дней как двух частей единой восточнославянской православной цивилизации. Показано, что именно процессы секуляризации и вестернизации «русского мира», протекавшие особенно интенсивно начиная с XVII в., предопределили в итоге как распад единого государства восточных славян, так и нынешнюю напряженность украинско-российских отношений.

Ключевые слова: православная церковь, секуляризация, цивилизация, культура, православные братства, казачество.

Abstract. The article provides an analysis based on civilizational approach of characteristic features of the development of South-Western and North-Eastern Rus' since the disintegration of the ancient Rus' state till now, as two parts of a single Eastern Slavic Orthodox civilization. The article demonstrates that it is secularization and westernization of the «Russian world» that intensified in XVII century that have ultimately defined both the disintegration of the single Eastern Slavic state and the current tensions in the Ukrainian-Russian relations.

Keywords: the Orthodox Church, secularization, civilization, culture, Orthodox brotherhoods, Cossackdom.

Даже беглое знакомство с украинской прессой за последние два десятилетия оставляет стойкое ощущение, что основным историческим соперником и «гнобителем» украинского народа выступал соседний русский народ, коварно вовлекший его в свою имперскую орбиту и тем перечеркнувший блестящие экономические перспективы Украины, ее политическую будущность и культурную самобытность в составе более родственной ей европейской цивилизации. В контексте подобных идеологизированных подходов, восходящих к заданной еще на рубеже XIX—XX вв. М. Грушевским «парадигме» истории «Украины-Руси», странным и непонятным представляется настойчивое взаимное притяжение двух столь разных народов, на протяжении веков не

раз приносивших немалые жертвы ради достижения и сохранения государственного единства. Прежде всего, непонятно неодолимое стремление украинцев «сойти» с европейской орбиты польско-литовской Речи Посполитой, достигшее апогея в годы освободительной войны 1648–1654 гг. под предводительством гетмана Богдана Хмельницкого. Не менее странной выглядит и позиция русского царя Алексея Михайловича, для которого решение о поддержке украинского казачества и крестьянства, принятое после ряда сокрушительных поражений украинской стороны, означало вступление Московского царства в «большую войну» с Польшей, исход которой был непредсказуем (особенно если учесть совсем свежий опыт польской оккупации Московской Руси в начале XVII в.).

Непонятно и то, что после воссоединения России и Украины последняя раз за разом подтверждала свою приверженность закреплённому Переяславской Радой 1654 г. союзу с Россией, сколько бы Европа не «тестировала» его на прочность. А «тесты» эти были весьма жесткими. Достаточно вспомнить шведскую оккупацию Украины во время Северной войны и измену части казацкой старшины во главе с гетманом И. Мазепой, наполеоновскую кампанию 1812 г., Первую и Вторую мировые войны, последняя из которых сопровождалась трехлетней оккупацией Украины немецкими войсками (1941—1944), чтобы констатировать необъяснимую с точки зрения исторической парадигмы «Антоновича—Грушевского» лояльность подавляющего большинства украинского народа к соседнему народу и его «имперскому» государству, мощная инерция которой раз за разом перевозмогала все «проевропейские» (пропольские, прошведские, проавстрийские, пронемецкие) тенденции, делая их маргинальными. Возникает вопрос: почему?

Итак, что обеспечивало это единство народов в самой их низовой «почвенной» толще, их «сцепку», способную выдержать беспрецедентное давление многократных оккупаций и «измен» со стороны властей предержавших? Если Россия была имперской метрополией, а Украина — колонией, то почему украинцы никогда не восставали против Москвы, как неоднократно восставали против Польши? Неужели на протяжении столетий Украину и Россию объединяли лишь «шкурные» интересы казаческой старшины, возведенной Екатериной II в 1783 г. в дворянское достоинство в противовес польским королям, которым магнаты и шляхта не позволяли это сделать? Но если это так, то почему украинские «низы» оставались верными союзу с Москвой вопреки изменам старшинской элиты? Все эти вопросы требуют точного ответа, оборачиваясь сегодня к нам своей трагической изнанкой: почему все в одночасье рухнуло без всякого видимого толчка извне в

1991 г. после поражения ГКЧП и декабрьского референдума, проведенного на Украине? Что было и что ушло, какой фактор, игравший роль «катализатора» центристремительных тенденций, к 1991 г. выпал из исторической «повестки дня» или был ослаблен до такой степени, что им решили пренебречь?

Представляется, что единственный удовлетворительный ответ на сформулированные выше вопрошания может быть найден лишь в русле цивилизационной парадигмы постижения истории, впервые разработанной нашими соотечественниками Н.Я. Данилевским (1822—1885) и К.Н. Леонтьевым (1831—1891) и затем получившей широкий резонанс в западной гуманитарной науке в трудах О. Шпенглера (1880—1936), А.Дж. Тойнби (1889—1975) и С. Хантингтона (1918—2008).

Суть цивилизационного подхода к анализу исторического материала состоит в попытке рассмотреть и объяснить логику многомерных социальных процессов, исходя из религиозного критерия, отыскать «духовный» ключ к объяснению явлений, казалось бы, алогичных с точки зрения экономической эффективности и политической целесообразности. Так, вступление России в тринадцатилетнюю (1654—1667) войну с Польшей за Украину не было экономически эффективным «мероприятием» для царя Алексея Михайловича и, более того, являлось политически рискованным шагом, но оно абсолютно объяснимо с цивилизационной точки зрения как использование царем уникального исторического шанса соединить две половинки православной восточнославянской цивилизации, в силу сложных политических обстоятельств некогда по-живому разделенных между Литовским государством и Золотой Ордой. Принятие и реализация подобных решений были возможны в середине XVII в., когда сохранялась центрированность всех измерений социальной жизни: государственно-политического, хозяйственного, правового, национально-культурного вокруг православного религиозного «ядра».

По мере того, как вера оттесняется на периферию мировоззренческого горизонта людей, а следовательно, и «на обочину» социальной жизни, иные приоритеты начинают диктовать принятие тех или иных решений основными политическими игроками. Да, нынешние украинцы, россияне и их лидеры не таковы, как Алексей Михайлович, подтолкнувший его к объединению с Украиной Патриарх Никон и Богдан Хмельницкий: сегодня Украина в обмен на безвизовый въезд в Европу готова отвергнуть Таможенный союз с Россией, Белоруссией и Казахстаном (а еще вчера — при Ющенко — вступить в НАТО и «выставить» из Севастополя Черноморский флот РФ), а Россия — «заморо-

зять» украинские города и сделать нерентабельной промышленность соседа, лишь бы, навязав монополю высокие цены на газ, «прибрать к рукам» ее газотранспортную систему.

Между первой и второй стратегиями принятия решений пролегла пропасть, которая вполне объяснима с позиций цивилизационной инволюции, сопряженной с секуляризацией культуры и общественной жизни, а затем и с массовым отступничеством от православной веры людей, живущих по обе стороны российско-украинской границы.

Как известно, «свято место пусто не бывает», и если иерархию ценностей не увенчивает Христос, на его место секулярное общественное сознание неизбежно возводит идолов, которыми могут стать нация, государство, богатство, «экономическая эффективность», культура, секс, семья и т. п. Но, не имея благодатного, объединяющего «всех и вся» потенциала, которым обладает лишь Христос, превозмогающий Своим Воскресением не только смерть, но и все естественные, а точнее, производные от смертности и потому противоестественные разделения и противоречия — национальные, классовые, экономические, эти ложные кумиры разводят людей по разные стороны баррикад, они подталкивают массы и лидеров к действиям, раскалывающим единое цивилизационное поле. Трещины политических, этнических, конфессиональных и иных конфликтов по-живому разрывают некогда единое историческое тело цивилизации, безжалостно дробя его на враждебные, сталкивающиеся друг с другом фрагменты. Так, полтора столетия назад некогда мощный византийский мир, освободившийся с помощью России от турецкого ига, повторно не смог «срастись» в единую православную цивилизацию, раздираемый греческим, болгарским, сербским и прочими местечковыми национализмами. Так и ныне Украина и Россия после падения семидесятилетнего коммунистического режима находятся по разные стороны огромной внутрицивилизационной трещины, которая ширится с каждым недружественным жестом компрадорских элит, все дальше разводя украинский и русский народы, в большинстве своем утерявшие веками связывающий их в единую цивилизацию живой нерв православной веры.

Но так было не всегда. До XIII в. восточнославянские племена, политически оформленные в раннефеодальное государство Киевская Русь династией Рюриковичей, двигались в едином русле этногенеза. И отнюдь неслучайно решающий этап формирования древнерусской государственности совпал с массовым крещением русичей вел. кн. Владимиром в 988 г. XI в. поражает быстротой пробегания импульсов новой веры по всему периметру политически достаточно рыхлого и плохо контролируемого из Киева союза восточнославянских племен, равно как и быстротой формирования православной культуры,

блеснувшей такими достижениями, как «Слово о законе и благодати», написанное митрополитом Илларионом Киевским, Успенский собор Киево-Печерской Лавры, «Повесть временных лет» прп. Нестора Летописца, Киево-Печерский патерик. Здесь нет возможности подробно описать роль киевских митрополитов в сохранении государственного единства нарождающейся цивилизации, терзаемой постоянными княжескими междоусобицами, но она была огромна, чему в немалой степени способствовала и равноудаленность их (как ставленников Константинопольского патриарха) от политических и экономических интересов удельных князей.

Первый многовековой разрыв русского цивилизационного поля исторически восходит к суровым вызовам исключительно драматичного для политически раздробленной Руси XIII в. В 1206 г. курултай монгольских племен провозгласил лидера наиболее воинственного из них — Темучина — самодержцем монголов (Чингисханом), отряды которого после ряда блестящих побед в Азии нанесли поражение русским князьям на реке Калке (1223), а в 1240 г. взяли штурмом и сожгли Киев. Ситуация усугублялась тем, что всего за два года до воцарения Чингисхана в 1204 г. западноевропейские крестоносцы во время четвертого крестового похода разгромили главного политического союзника киевских князей — Византию. Они взяли приступом Константинополь и основали там Латинскую империю, просуществовавшую 57 лет (1204–1261). На этом внешнеполитическом фоне вдохновляемые Папой захватчики с Запада двинулись в Прибалтику и на исконно русские земли: «Венгрия и Польша бросились на Галицию и Волынь; немецкие крестоносцы утвердились в начале XIII в. в Риге (Ливонский орден) и Пруссии (Тевтонский орден) и оттуда повели наступление на Псков и Новгород; наконец, шведы двинулись на Русь через Финляндию; мечом и огнем немцы и шведы обращали в латинство как язычников литовцев, эстов и финнов, так и православных — русских...», — пишет известный историк Г.В. Вернадский о суровых геополитических реалиях XIII в. — Русь могла погибнуть между двух огней в героической борьбе, но устоять и спастись в борьбе одновременно на два фронта она не могла. Предстояло выбирать между Востоком и Западом. Двое сильнейших русских князей этого времени сделали выбор: Даниил Галицкий выбрал Запад и с его помощью попытался вести борьбу против Востока; Александр Невский выбрал Восток и под его защитой решил отбиваться от Запада» [1, 86]. Эти два «разновекторных» и, без преувеличения, судьбоносных выбора, осуществленные почти одновременно двумя наиболее влиятельными русскими великими князьями, на 400 лет раскололи русский мир в государственно-

правовом плане, предопределив его цивилизационное «вызревание» в недрах иных культурно-исторических типов, наложивших ощутимый отпечаток несхожести на великороссов и украинцев.

Таким образом, после достаточно органичного и быстрого «старта» православной цивилизации в Киевской Руси особенностью ее развития, начиная с XIV в., стало «вызревание» ее культурной, хозяйственной, государственно-правовой и отчасти религиозно-церковной «координат» под политической «кожурой» иных цивилизаций, в имперские структуры которых русские княжества были включены в результате военно-политических поражений XIII в. Северо-Восточная Русь была поставлена вел. кн. Александром Невским в вассальную зависимость от золотоордынских ханов; в то время как Юго-Западная Русь была захвачена Литвой, которая под германским натиском объединилась с Польшей в конфедеративное государство — Речь Посполитую. Разница оказалась огромной. Монгольская империя Чингизидов (бывшая политической союзницей православной Византии) была веротерпимой и не стремилась разрушить государственно-политическую «вертикаль» власти русских князей, если те исправно платили дань и сохраняли политическую лояльность. Более того, включение Северо-Восточной Руси в орбиту монгольского государства, военная мощь которого не могла быть оспорена никем в Европе, делали эти земли политически «неприкосновенными» для западных соседей — германских, шведских и польских завоевателей.

Как известно, владими́ро-суздальские, а в особенности московские князья умело воспользовались сложившимся геополитическим раскладом для возвышения своих княжений в качестве религиозного центра русских земель. Перенос кафедры митрополита Киевского и всея Руси вначале во Владимир, а затем в Москву способствовал нарушению политического «равновесия» между Москвой и Новгородом, Москвой и Тверью в пользу Москвы. После Куликовской битвы (1380), где Москва уже продемонстрировала своему ослабевшему «сюзерену» возросшую военно-государственную мощь, формальная зависимость от Орды, распавшейся к тому времени на три отдельные ханства, все более ослабевает, до тех пор пока Иван III в 1480 г. формально не прерывает ее отказом платить дань. Через несколько десятилетий его внук Иван IV Грозный завоевывает Казанское (1552), Астраханское (1556) и Сибирское (1581) ханства, интегрируя их в имперское государственное образование, сложившееся в границах Золотой Орды, но с новым титульным этносом, которым являются русские, исповедующие православие в качестве государственной религии. «Это было чудо — возникновение под ордынским гнетом мощного восточноевропейского государства, обретшего сразу же после освобождения от ордынцев

высокий державный статус Царства Московского» [2, 369], — замечает по поводу контрастов русской истории Ю.М. Осипов. Неканоническое вступление Константинопольского патриархата в унию с Римско-католической церковью (1439) и последующий захват Константинополя турками (1453), расцененный русскими как следствие вероотступничества греков, подтолкнули первых к самостоятельному поставлению московских митрополитов, осознанию Московской Руси в качестве «Третьего Рима» — последнего оплота православия на земле.

Совсем иные последствия имел стратегический выбор вел. кн. Даниила Галицкого, проявившего, в отличие от вел. кн. Александра Невского, религиозную беспринципность и заплатившего вероотступничеством (попыткой внедрения в своих землях унии) в обмен на присланную Римским Папой корону и обещанную им политическую поддержку. Поглощение Галицко-Волынского княжества Литвой, а затем и сближение Литвы с Польшей, закрепленное браком литовского князя Ягайло с польской королевой Ядвигой, резко маргинализировало положение Православной церкви в исторической «колыбели» восточнославянской цивилизации. Неуклонное усиление политических позиций польских магнатов и шляхты, завершившееся принятием в 1569 г. Люблинской унии, унифицировавшей политическое и правовое пространство Речи Посполитой и уничтожившее остатки литовской автономии, стало прологом массового окатоличивания русского населения Литвы, получившего историческую форму Брестской унии с Римской католической церковью, подписанной пятью православными епископами. Относительно быстро распространившаяся среди русской аристократии эта уния исключительно грубыми и репрессивными методами насаждалась среди упорно сопротивлявшегося ей простого населения, особенно в Галичине. Униатская церковь стала религиозной основой отрыва населения Галичины от православной цивилизации, его сохраняющейся по сей день нетерпимости к православию, крайней политической и культурной русофобии.

Тем не менее и в условиях государственно-политического «пленения» Юго-Западной Руси польско-литовской империей здесь наблюдается автономный процесс цивилизационного развития, проявляющийся в самостоятельной церковно-организационной, культурной, хозяйственной и даже политической структуризации православного населения. Так, в противовес конформистской позиции погрязшего в роскоши проуниатского епископата, городское население объединяется в православные братства, основой быстрого роста которых стали богатые традиции цехового самоуправления горожан. Как известно, братства опирались на серьезнейшую экономическую базу: каждое из

них имело свою казну, пополнявшуюся братчиками согласно Уставам. Ктиторами (говоря современным языком, «спонсорами» братств) были такие известные представители знати, как князь Константин Острожский и гетман реестрового казачества Петр Конашевич-Сагайдачный, огромные средства, земельные угодья и прочая недвижимость отписывались братствам и по духовным завещаниям. По мере усиления католического давления на православное население братства становятся центрами миссионерскими и вероохранительными центрами. Наиболее мощными в экономическом и организационном отношении были два братства — Львовское (1587) и Виленское (1574), расположенные на западе русских земель, где давление прокатолических властей было наиболее ощутимо. «По образцу этих двух больших братств стали слагаться во множестве местные братства: Мстиславльское, Брестское, Минское, Могилевское, Росское, Слуцкое, Киевское и др. Школы и типографии были их главной заботой» [3, 638], — отмечает видный церковный историк А.В. Карташев. Успешная миссионерская деятельность мирянских братств, в самое трудное для Церкви время обеспечивших «прорастание» православной культуры сквозь «асфальт» чуждой государственности, способствовала и преодолению упадочнических настроений в среде духовенства. Карьеристы и искатели «легкого хлеба» в массе своей уходят из православия в унию, и в клир призываются люди, настроенные на подвижническое служение.

Самосохранение православных анклавов в Речи Посполитой имело не только культурную и экономическую, но и политическую составляющую. До начала XVII в. защитниками интересов православного населения в сейме и при польском короле были представители русской шляхты во главе с исключительно влиятельным магнатом князем Константином Острожским, умершим в 1608 г. Но по мере окатоличивания следующих поколений русской аристократии историческую роль политически организованного защитника православного населения принимает на себя казачество, с интересами которого польское правительство вынуждено было считаться, ибо не имело иной военной силы для защиты от Турции и крымских татар юго-восточных поднепровских окраин своей империи. Гетман реестровых (т. е. находящихся на официальной службе у короля) казаков Петр Конашевич-Сагайдачный гарантировал польскому правительству их политическую лояльность на условиях полной вероисповедной свободы для православных в административных границах реестрового войска — на Киевщине.

Кроме того, в южных степях осело неподконтрольное польской короне вольное казачество, имевшие своей столицей Сечь, которое по мере нарастания униатского давления на крестьян в Речи Посполитой все больше проникается идеями защиты православия и политической

эмансипации от польской короны. Именно казачество стало тем политическим «капсюлем-детонатором», который воспламенял более инертные, задавленные панством и католическим гнетом крестьянские массы, поднимая их на восстания против польского государства. Одно из них переросло в великую казацко-крестьянскую войну 1648–1654 гг., которая при поддержке московского царя Алексея Михайловича увенчалась в 1654 г. воссоединением двух разрозненных частей русского мира в едином государстве. И хотя воссоединение это было неполным, так как Правобережная Украина осталась за Польшей, оно коренным образом изменило соотношение сил в Восточной Европе в пользу России. Потерявшая большую часть Украины Польша была резко ослаблена, и это предопределило ее политическое падение через 150 лет, после чего почти вся Украина (за исключением отошедшей к Австрии Галичины) присоединилась к России.

Таким образом, четырехсотлетний период «исторического столпничества» — подвижничества стояния в православии под иноверной, по-живому разделяющей единый народ властью, закончился в 1654 г. Две половины русского мира, веками тяготевшие друг ко другу, наконец «замкнули» единый политический контур универсального православного государства, во главе которого стал московский царь. Украинские гетманы получали от него инвеституру на правление Левобережной Украиной. Это государственное объединение сделало возможным и воссоединение двух частей некогда насильственно разделенной по инициативе литовско-польской стороны Русской митрополии⁸. К тому времени Московская кафедра обрела уже статус патриаршей (1589). Однако в землях, отошедших к Польше, а после ее раздела — частично к Австро-Венгрии, оставалось многочисленное православное население, по-прежнему испытывавшее давление со стороны государственных структур, покровительствовавших католикам и униатам. Одним из наиболее трагичных «аккордов» этой драмы стали жесточайшие гонения против православных Закарпатья и галицких москвофилов — духовенства и мирян, развернувших в начале XX в. движение за возвращение из унии в православие. Многие из них, объявленные австрийскими властями «пятой колонной» России, были репрессированы Габсбургами в начале Первой мировой войны и погибли в специально созданном для них концлагере Таллергоф [4, 255—259].

⁸ В 1458 году великий князь Литовский и одновременно польский король Казимир IV (1440—1492) вывел литовские епархии из подчинения Московскому митрополиту свт. Ионе и сформировал отдельную митрополию, признанную Константинопольским Патриархом.

Как известно, еще никому не удавалось «дважды вступить в одну и ту же реку». Когда в 1654 г. две половины русского мира «срослись» в едином государстве, стадия цивилизационного развития была уже совсем не та, что в XIII в. На «дворе» истории стояла «осень» Средневековья — аграрно-патриархальный мир феодализма с присущими ему высокими религиозными идеалами, на которые равнялась государственная, хозяйственная и семейная жизнь, уходил безвозвратно. Царь Алексей Михайлович и патриарх Никон, санкционировавшие вступление Московской Руси в долгую войну с Польшей, ради присоединения к ней Украины, скорее всего были последними иерархами столь высокого уровня, руководствовавшимися идеологией «Москвы — Третьего Рима». В Западной Европе царил Ренессанс с его секуляризацией всех сторон общественной жизни, проявлениями которой стали безудержный антропоцентризм в культуре и национализм в государственной идеологии. Секулярная, лишенная эсхатологического «ядра» идея Великой России была положена Петром I в основу его западных реформ, сопровождавшихся резким оттеснением Русской православной церкви на обочину общественной жизни.

Убежденный «западник» на троне Петр I юридически оформил своими указами длительный процесс исхода Православной церкви из русской культуры и общественной жизни новой России, прологом к которому стал великий раскол XVII в. Полагая, что на постоянные военные вызовы со стороны Запада и его технико-экономическое превосходство над доставшейся ему в наследство Московской Русью можно ответить, лишь перестроив ее по западным «лекалам», Петр I на рубеже XVII—XVIII вв. начинает беспрецедентную по масштабам модернизацию страны, исторические результаты которой не поддаются однозначной оценке. С одной стороны, попытки Петра (и его приемников у «кормила власти», включая Сталина) методами тотального государственного диктата нарастить военный и экономический потенциалы России (СССР) соответствовали цивилизационному «инстинкту самосохранения» перед лицом непрестанных попыток колонизации страны, предпринимаемых Западной Европой (достаточно вспомнить вызовы 1812, 1914 и 1941 гг., чтобы положительно оценить их усилия). Вместе с тем, именно реформы Петра I запустили мощный инерционный механизм «вестернизации» всех сторон жизни русского мира. Еще в 1916 г. В.В. Зеньковский в статье «Россия и Православие» убедительно показал, что культурные и общественные институты, сложившиеся на Западе, проистекали из особенностей католицизма, а с конца Средневековья во многом являлись следствиями секулярной реакции общества на догматические и экклезиологические искажения христианства в католицизме. Некритическое и поспешное копирование об-

разцов западного культурно-социального опыта на отечественной почве неизбежно порождало разрушительные диссонансы, внося в православный мир элементы цивилизационного раскола [5,180—186]. Так, упразднение Петром I патриаршества и огосударствление Церкви посредством подчинения епископата Святейшему Правительственному Синоду на двести лет лишили Церковь исторической динамики и инициативы, резко ослабили ее миссионерский и культуротворческий потенциалы в стремительно меняющемся социуме. Но особенно разрушительные последствия имела обязанность, вмененная священству Петром I, нарушать тайну исповеди в случае открывшихся в ней государственных преступлений. Это вбило клин между Церковью и культурным слоем Российской империи, оттолкнуло его от православия. Мировоззрение его представителей (до середины XIX в. это были в основном дворяне) все больше развивается в протестантском духе, синкретически впитывает идеи французского Просвещения, масонства, гегелевской философии, что, в конечном счете, выливается в выступление декабристов. После его подавления в 1825 г. гражданский конфликт перемещается в кабинеты в виде спора западников и славянофилов. Начиная с П. Чаадаева, западники были продолжателями линии декабристов и идейными предками нынешних русских оппозиционеров, вышедших на Болотную площадь против Путина в 2012 г.

Расцерковленная культура, лишенная православного «стержня», породила длинную череду исторических типов общественных деятелей, поклонявшихся разным кумирам, часто противостоявшим друг другу, но бессильным повернуть вспять процесс цивилизационной инволюции. Декабристы «разбудили» Герцена, за Герценом последовали Добролюбов и Чернышевский, за ними — народовольцы и эсеры, «легальные» марксисты и, наконец, большевики во главе с Лениным и Троцким. Им противостояли буржуазные консерваторы, сторонники петровской идеи «Великой России» с западным «выражением лица» — кадеты и прочие лидеры Февральской революции 1917 г., а затем — белого движения. И те, и другие пытались спасти Россию, не примирив ее со Христом, все их усилия только множили напрасные жертвы с обеих сторон, но не смогли предотвратить ни трагедию Гражданской войны 1917—1920 гг., ни великого исхода русского культурного слоя из страны. Последним политическим гигантом в этом ряду был неожиданно поднявшийся из рядов революционеров-«леваков» крепкий государственный Иосиф Сталин, но и он, несмотря на сопоставимые с Петром I масштабы преобразований, не смог надолго отстрочить крах Российской империи, восстановленной на этот раз уже под красными коммунистическими знаменами. Грандиозное здание под вывеской

«СССР», выдержавшее испытание на прочность войной 1941—1945 гг., в одночасье рухнуло в 1991 г., поскольку в его фундаменте отсутствовал краеугольный камень — Христос. Примитивного стремления бывших республиканских номенклатурщиков к захвату власти с целью безнаказанного перераспределения упавшей им в руки государственности и столь же примитивных националистических лозунгов, подхваченных не привыкшим самостоятельно думать населением, оказалось достаточно, чтобы перечеркнуть СССР на украинском референдуме 1991 г. По итогам этого плебисцита незамедлительно последовали беловежские договоренности Ельцина — Кравчука — Шушкевича, юридически похоронившие веками выстраданную общую государственность восточных славян.

Украина и Россия оттолкнулись и стали весьма стремительно отдаляться друг от друга. Иногда к власти на Украине приходили деятели, больше всего боявшиеся восстановления единого цивилизационного поля наших народов, и все их шаги — борьба с русским языком, переписывание истории, попытки во что бы то ни стало выдворить из Крыма Черноморский флот РФ или вступить в НАТО — были похожи на суетливое «сжигание мостов», исторически связывавших Украину с Россией. На фоне этих трагических «разрывов» особенно рельефно выделялась Русская православная церковь, чья каноническая территория и иерархическая структура проходили сквозь спешно создаваемые между Киевом и Москвой политические, языковые, таможенные и другие барьеры. Понимая не хуже литовских князей, что сохранение единой, подчиненной Московскому патриарху вертикали епископской власти консервирует возможность возрождения политических и экономических союзов между Украиной и Россией, равно как и религиозно-культурную нетождественность украинцев и европейцев, украинские евроинтеграторы прилагали все усилия для дробления украинского православия, отрыва его от Москвы. Так, по инициативе первого президента Украины Л.М. Кравчука была создана неканоническая псевдоцерковная структура Киевский патриархат. На рубеже 1980—1990-х гг. произошло возрождение вышедших из подполья униатских общин, сопровождавшееся массовым изгнанием православных из храмов в Западной Украине. И, наконец, президент В.А. Ющенко поддержал часть епископата и мирян Украинской православной церкви Московского патриархата, инициировавших движение к канонической автокефалии, т. е. выходу из-под юрисдикции Московского патриархата. Это верхушечное (как и уния 1596) движение не нашло отклика в церковном народе и заглохло после поражения В.А. Ющенко на президентских (2010) выборах.

Однако нынешнее «затишье» в церковном вопросе не дает повода для долгосрочного благоприятного прогноза. Мы живем на закате цивилизации, одним из признаков которого является так называемый «экономический империализм», т. е. преобладание экономического вектора над иными измерениями человеческой деятельности, структурирующими цивилизацию. Героем нашего времени является не очерченный традицией, культурно бесформенный человек Постмодерна, который, даже приходя в Церковь, часто воспринимает все происходящее в ней на эстетически-обрядовом или национально-фольклорном уровне. Распадающаяся культура, в которой он ежемгновенно живет, не порождает в его душе вопросов, ответом на которые является Воскресший Христос. Такая поверхностная «стилизация под православие» типичных представителей наших политических и бизнес-элит, ответственных за принятие решений, позволяет им быть прихожанами Киево-Печерской лавры и одновременно выступать против таможенного союза с Россией, или лоббировать в Верховной Раде закон о защите прав сексуальных меньшинств, ибо таковы жесткие требования, поставленные перед Украиной Евросоюзом в качестве условий ее ассоциированного членства в нем. Интересы мощных экспортеров металла и продукции химической промышленности требуют ассоциированного членства в Евросоюзе любой ценой, в Европе же учатся дети олигархов, куплена солидная недвижимость, да и немалые суммы спрятаны в оффшорах. Все это весьма жестко привязывает украинские элиты к чужой цивилизации, но при этом они щедро спонсируют строительство храмов, жертвуют Церкви телеканалы и дорогие автомобили, не забывая, конечно, мягко (или не очень) подсказывать клирикам, как себя вести. Такая межумочная «многовекторность» в политике и в сердцах «сильных мира сего», скорее всего продлится до первого серьезного вызова, угрожающего нашим странам, где бы он не возник — в геополитической, финансовой или религиозно-этнической плоскости. И тогда совсем не факт, что два братских народа окажутся готовыми к солидарному, спаянному единой православной верой историческому действию, как в свое время оказались к нему способны русский царь Алексей Михайлович и гетман украинского казачества Богдан Хмельницкий.

Литература

1. *Вернадский Г.* Два подвига св. Александра Невского // Русская идея: В 2 т. Т. 2. М., 1994.
2. *Осинов Ю.М.* Обретение. М., 2011.

3. *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. I. Минск, 2007.

4. *Фролов К.А.* Галицкая и Карпатская Русь в борьбе за веру и народность // Христианская мысль. 2005. № 2.

5. *Зеньковский В.В.* Россия и Православие // Христианская мысль. 2005. № 2.

Т.В. КРЕМЕНЬ

Украинская независимость: политическая апатия как результат деструкции идентичности

Аннотация. В статье рассматривается проблема трансформации идентичности в современной социально-политической жизни Украины, связанной с потерей привычных символов. Коллективная идентичность связана с идентификацией индивида с нормами и ожиданиями его социальной среды. Деструкция идентичности приводит к политической и социальной апатии, отчуждения от проблем общества и государства. Данная ситуация подкрепляется свойственными для украинского менталитета верой в «чудо», надеждой на «хорошего», «справедливого» президента, а не на себя. Автор показывает, что существующую культурную, конфессиональную, этническую, экономическую фрагментацию украинского общества политические элиты используют для своих целей. Поэтому выстраивается особая система имитации демократии и форм гражданского общества, что требует строгой ответственности и политической воли для ее преодоления.

Ключевые слова: идентичность, политическая апатия, масс-медиа, политические элиты, политическая мобилизация, демократия, власть.

Abstract. The article examines the identity transformation problem in socio-political life of today's Ukraine, caused by the loss of established symbols of the past. The collective identity is related to personal identification with the norms and requests of his social environment. The destruct of the identity causes the political and social apathy, alienation from the problems of state and society. This situation is supported by the belief in miracle, by the hope for "a fair president", which is common for Ukrainian mentality. The author reveals that the political elites make use of the existing cultural, confessional, ethnic, economic fragmentation which characterizes Ukrainian society. Therefore imitation of democracy and forms of civil society is established, and to overcome it there should be responsibility and political will.

Keywords: identity, political apathy, mass media, political elites, political mobilization, democracy, power.

Дискуссии вокруг проблемы евразийского европейского выбора Украины сегодня напоминает «польский вопрос», поиски решения которого начались с конца XVIII в. (три раздела Речи Посполитой) и продолжалось вплоть до 1970—1980 гг., когда Польша стала своеобразным «пробирным камнем» прочности социалистической системы. После распада СССР и образования СНГ как переходного этапа к более прочному евразийскому геополитическому образованию возник «украинский вопрос», решить который с положительными для себя результатами пытаются как Россия, так и Запад. Но это не означает, что Украина представляет некое беспроблемное «эльдorado», в котором торжествуют «душа», «сродный труд» (Г.С. Сковорода) и национально сознательные граждане. На самом деле существует ряд серьезных вопросов, требующих внимательного социально-философского и политологического анализа.

В первую очередь следует отметить, что потеря украинским обществом привычных символов после распада «Союза нерушимых» привело к деструкции коллективной идентичности, связанной «с идентификацией индивида с нормами и ожиданиями социальной среды, в которую он погружен» [1, 95]. Однако новые символы не стали мобилизационным фактором для общества. Сегодня Украина является страной негативной политической мобилизации, поскольку украинские граждане становятся активными (мобилизуются) только при условии опасности потери того, чем они владеют: потери обычного образа жизни, престижа, авторитета, прибылей, статуса, девальвации групповых ценностей и пр. В результате возрастание массового раздражения, страха, ненависти приводит к кратковременному чувству общности или близости граждан друг к другу.

Эти состояния являются достаточно короткими, сменяясь длительными периодами политической апатии, пассивной адаптации к тому, что происходит. Для того, чтобы общество вышло из состояния апатии, недостаточно остро политического конфликта или экономического ухудшения материального состояния. Общество должно оказаться в состоянии фрустрации, быть охваченным ощущением невозможности изменений, причем это усложняется страхом перед тем, что ситуация ухудшается.

Отметим, что для Украины, выстраивавшей свою политическую систему на основе советской, с начала получения независимости возникла проблема отсутствия массового участия граждан в общественно-

политической жизни. В отличие от восточноевропейских стран, от вообразованных государств Прибалтики, где активно действовали движения, например, «народных фронтов», на Украине (как и в России, Белоруссии) монополию на управление в переходный период сохранила бюрократическая иерархия. Факторы массовой общественной мобилизации отсутствовали, поскольку не было ее механизмов. Поэтому демократия воспринималась в общественном сознании как «разрешенная» свобода слов и действий, но не как необходимость принимать участие в политических процессах. Эта тенденция почти не изменилась и сегодня, поскольку большинство украинских граждан не верят, что могут влиять на политические и общественные процессы.

Необходимо учитывать, что украинские ученые — историки, этнографы, культурологи, особенно в диаспоре, отмечали свойственные для украинской ментальности ярко выраженные черты индивидуализма, индифферентность, эгалитаризм, этатизм, амбивалентность политических ориентаций [2]. Ряд ученых, анализируя политическую культуру Украины, выделяют такие черты, как неспособность объединяться вокруг общих идей и лидера, синдром маленького человека, покорность, безразличие и страх перед всемогуществом власти, а также моральный, правовой и политический нигилизм [3]. Настоящая конфронтация между разными сферами власти, отсутствие политического консенсуса, ухудшение экономической ситуации вызвали возрастание недоверия к властным институтам, массовое разочарование их действиями, что и привело к политической апатии. Эту особенность политического процесса на Украине обуславливает невыраженность интересов, взглядов, позиций, «размытость» групповых убеждений и преимущества, длительное время там существующие.

В результате можно констатировать, что для современного украинского общества характерны апатия, недоверие, растерянность. Возросли общественный цинизм и нигилизм, повысился уровень конфликтности. Сегодня социологи фиксируют постоянное снижение доверия к власти. Данная ситуация сопровождается возрастанием политической апатии — граждане не ощущают приобщенности к общественно-политической жизни.

Политическую ситуацию усложняет фрагментированность украинской политической культуры — существование различий культурного, политического, этнического, социального и, что наиболее важно, регионального характера. В силу этого характерным для Украины является региональная поляризация общественных настроений, причем в разных частях государства доминируют противоположные паттерны политико-культурной идентификации. Восточная и южная части государства — это пассивное патерналистское общество, которому свой-

ственными вера в монополизм власти, ожидание и надежда, что государство будет регулировать все экономические, социальные и культурные процессы. Для этой части общества ценностным интегратором является советское прошлое. Западная часть больше ориентирована на индивидуализм, свойственный более развитым гражданским обществам. Ценностным интегратором здесь является язык, конечно же, украинский. Соответственно уровень претензий электората восточной и южной частей значительно ниже уровня претензий электората западной части государства, а также жителей больших городов. Взаимосвязь между этими обществами является сложной, поскольку транзакционные затраты в процессе их взаимодействия являются слишком большими. Восточной и западной частям Украины при транзакции приходится согласовывать разные модели мировоззрения, что делает их взаимосвязь фрагментарными и спорадическими.

Заметим, что государственные патерналистские установки более распространены в депрессивной среде небольших восточноукраинских городов, чем в таких же городах Западной Украины. Дело в том, что большие города характеризуются относительно быстрым развитием рыночной экономики, а Западная Украина — большим количеством «заробитчан» — граждан, выехавших на работу за границу, в основном в Западную Европу. На западных украинских территориях сформировались группы и социальная инфраструктура, относительно независимые от ресурсов власти, и, что более важно, не ожидающие от власти помощи, привыкшие рассчитывать только на себя. Вместе с тем они не отказались от убеждения, что государство должно обеспечивать людей необходимым прожиточным минимумом, работой, жильем и пр. Они просто признают факт, что государство не выполняет своих социальных обязательств и потому в сущности, как и жители восточных областей, не являются самостоятельными индивидами.

В целом же украинскому обществу свойственны психологическая иррациональность, склонность к вере в чудо. Согласно опросам, большинство украинцев — 54,3% — соглашались с утверждением, что несколько сильных лидеров могут сделать для страны больше, чем все законы и дискуссии, и только 23,6% отрицают этот тезис. Иначе говоря, политическая компетенция украинских граждан остается низкой. В частности, следует отметить амбивалентность политических взглядов и убеждений, проявляющие себя в ориентации на взаимоисключающие ценности и нормы, в противоречивом соединении демократических целей и тоталитарных средств их реализации. Представление о социальной реальности упрощено, примитивизировано и архаизировано. Действительные организация и характер украинского общества,

его культуры, реальные мотивы деятельности политиков воспринимаются как «случайные», как «отклонения» от того, что «должно быть».

В итоге Украина «столкнулась» с модернизационным вызовом. Ведь возникла ситуация, когда развитие рыночной экономики и демократии требует адаптации политических институтов к новым условиям. Следовательно, необходимость модернизации и демократизации политических институтов обусловлена не общественными представлениями о свободе, праве и справедливости, а объективной необходимостью поддержки политического строя, поскольку региональная поляризация общества усложняется отсутствием консенсуса в разных социальных группах. Нужен механизм согласования этих интересов, но политические элиты не стремятся его выработать. Наоборот, они обостряют существующие противоречия, поскольку единственный вариант мобилизации украинских граждан во время голосования — это «отрицательная» мобилизация, или мобилизация «против». Граждане Украины не верят никому из политиков, даже милиция пользуется большим доверием [4].

В украинском обществе только три социальных института имеют преимущественное доверие со стороны граждан. Это церковь, масс-медиа и армия. Все другие социальные институты — парламент, суды, политические партии, правительство, прокуратура, президент, служба безопасности, местная власть — имеют отрицательный баланс доверия-недоверия. Другими словами, самым большим доверием пользуются два консервативных института и масс-медиа, представляющие собой более или менее альтернативное информационное пространство.

Важным для понимания политической ситуации на Украине является существующая конструкция власти. Если в российском социуме фигура высшего руководителя контрастно отделена от образа власти, а образ власти — от самочувствия и самоопределения масс, то на Украине ни один политический деятель сегодня не воплощает в себе отдельную фигуру правителя. Но образ власти вместе с тем отделен от образа народа в коллективном сознании, причем для всего украинского общества — как западной его части, оппозирующей существующей власти, так и восточной, голосующей за представителей этой власти. Между властью и массами в коллективном сознании нет никаких соединительных звеньев, деятельных субъектов, социальных форм, авторитетных для общества фигур, самостоятельных мощных гражданских движений, союзов и т. д. Иначе говоря, они существуют физически, но не имеют позитивной функции и роли в этой конструкции. Фактически в украинском обществе, сформированном конструкцией «власть—массы», почти нет элит. Есть иерархически организованная номенклатура, есть аморфная интеллигенция, которая частично

входит в номенклатуру, частично дистанцирована от нее. Есть также слой крупного бизнеса, который тесно переплетен с номенклатурой, поскольку в противном случае бизнес подлжет серьезным рискам. Фрагментация социальных связей, изоляция разных социальных кругов и слоев приводят к массовому недоверию к социальным институтам. Недоверие приводит к пассивности, которая ослабляет еще существующее слабое доверие.

Недоверие обусловлено и тем, что на Украине не осталось крупных политиков или бизнесменов, которые на протяжении своей политической карьеры не сменили хотя бы одну партию или не изменили своего отношения к существующей власти. Можно сказать, что украинские элитные группы не являются идеологизированными, они интегрируются не ценностными, а карьерными и статусными признаками, поэтому не являются доминирующими в украинской политической культуре.

Отсутствие идеологических оснований превращает политику для украинских элит в составную часть бизнеса. Все это не способствует интересу к политике со стороны общественности, которая, как правило, воспринимает ее как процесс, осуществляемый в закрытом клубе, вход в который ограничен. Интерес к политической жизни возникает тогда, когда появляется серьезная угроза всему образу жизни, т. е. происходит отрицательная политическая мобилизация «против». Отрицательная политическая мобилизация, таким образом, является суррогатом идеологии в обществе, групповые настроения раздражения и неудовлетворенности замещают идеологические программы и партийные позиции. При этом она охватывает наиболее политически активные группы, стерилизируя их, избавляя общество от любых надежд на изменения в будущем.

Особенности политической апатии украинского общества состоят, во-первых, в очень низком уровне политических знаний, во-вторых, в отсутствии структурности политического мышления, в-третьих, отсутствии собственного мнения, поскольку повторяют мысли, продуцированные масс-медиа. В силу этого обеспечивается легитимность политического режима на Украине, причем в любой период новейшей украинской истории.

Фактом является и общественный цинизм, в силу которого обесцениванию подлжет не только объект ненависти, но и другие действующие лица политического процесса, даже те, которых индивид считает своими. Дело здесь даже не в слабой политической культуре, не в отсутствии информированности общества или в незнании обстоятельств, которые требуют моральной оценки или личностной позиции —

украинцы не имеют иллюзий относительно коррумпированности общества. Дело в социальном бессилии, в цинизме как форме эскапизма, как общей схеме адаптации до вызовов новой, постиндустриальной цивилизации, требующих мышления креативного, инновационного.

С его позиций необходимо учитывать, что нынешняя политическая система предоставляет гражданам Украины участвовать в формировании государственной власти, но при этом избавляет их от чувства ответственности за положение дел в стране. Кроме того, в современной Украине по-прежнему невозможно появление политического лидера «снизу», поскольку политическая элита отделила себя от общества и не собирается хоть сколько-нибудь сокращать дистанцию. В результате власть утратила возможность диалога с обществом, и любая «низовая» активность (даже такая невинная, как борьба за сохранение зеленых насаждений) неизбежно принимает протестный характер. Кроме того, в стране чрезвычайно медленно формируется гражданское общество. Мало кому хочется рисковать, вступая в конфликт с властью даже для того, чтобы защитить собственную позицию (а тем более — чтобы принести пользу окружающим).

Важно и то, что вся содержательная часть политического процесса протекает втайне от общества: важнейшие решения принимают путем закулисного сговора. В публичное пространство попадают только скандалы и конфликты, не оказывающие заметного влияние на ход событий. Это проявилось даже во время так называемой «оранжевой революции»: граждане могли увлеченно наблюдать за конфликтом между «оранжевыми» и «бело-голубыми», а при желании даже принять в нем участие, однако судьба власти решалась не в ходе публичного противостояния, а на закрытых переговорах с участием иностранных представителей, на которых победители, проигравшие и внешние игроки выработали условия передачи власти и получили друг от друга необходимые гарантии [5].

Главной особенностью, очевидно, является то, что украинское общество, подобно позднесоветскому, ждет, что власть собственными силами восстановит экономику и укрепит политическую демократию. В итоге политическая стабильность на Украине основывается на вере в то, что когда-нибудь во главе государства окажется «бескорыстный» и «смелый» человек, который приведет страну к процветанию. Для подобных надежд вроде бы нет никаких оснований. Политические деятели, борющиеся за высшие государственные посты на протяжении последних двадцати двух лет, неоднократно демонстрировали алчность и некомпетентность. Но украинские граждане не просто продолжают верить в то, что во главе страны появится защитник и изба-

витель, но, скорее всего, даже не представляют, как можно действовать иначе [5].

Надежда на то, что Украина обретет политическую систему, позволяющую обществу контролировать власть и участвовать в управлении страной, осуществится, когда граждане почувствуют ответственность за развитие государства, осознают ценность демократических инициатив, научатся самоорганизации, избавившись тем самым от политической апатии. Пока же большинство украинцев довольствуется иллюзией свободы, поддерживаемой политическими практиками позднесоветского периода. Ощущение неправды, вины, психологического дискомфорта никуда не исчезает, но сохраняется в коллективном подсознании. Поэтому общая апатия на Украине соединяется с готовностью согласиться с ответственностью и фактом вины политических элит государства.

Таким образом, особенности украинского общества обуславливают факт политической и социальной апатии. Политические элиты не стремятся преодолеть фрагментированность украинского общества, а наоборот, способствуют ему. Так может продолжаться еще довольно долго. Политическая система доказала свою жизнеспособность. Но ее дальнейшее сохранение в нынешнем виде уже обходится украинскому обществу слишком дорого. И с каждым годом за собственную безответственность, которая находит выражение в безразличии и апатии, ему придется платить все большую цену.

Литература

1. Труфанова Е.О. Идентичность и Я // Вопросы философии. 2008. № 6.
2. Цимбалістий Б. Політична культура українців // Сучасність. 1994. № 4.
3. Нагорна Л. Політична культура та культура політики: етичні аспекти // Політичний менеджмент: 2009. № 6.
4. Соціологічне опитування. 2009 // http://www.gffz.ua/public_relations/press_articles/003903/index.ua.html.
5. Галкин Д. Иллюзия свободы в советской упаковке // <http://2000.net.ua/2000/forum/puls/93143>.

С.В. БИРЮКОВ

Австрославизм: идея и наследие

Аннотация. Статья посвящена анализу австрославизма как альтернативной идеологии славянского единства, связанной с историей Австро-Венгрии. Автор рассматривает процессы, связанные с формированием идеологии национальных движений славянских народов Европы XIX в., обособление австрославизма от панславизма. Показывается влияние наследия Австро-Венгрии на современные этнополитические процессы в странах Центральной и Восточной Европы.

Ключевые слова: австрославизм, панславизм, Австро-Венгрия, этнонационализм, русинская проблема.

Abstract. This article analyzes the Austroslavism as an alternative ideology of Slavic unity, connected with the history of the Austro-Hungarian Empire. The author examines the processes associated with the formation of the ideology of the national movements of the Slavic peoples of Europe of the nineteenth century, the isolation of Austroslavism from Pan-slavism. Author shows the influence of the Austro-Hungarian heritage on contemporary ethno-political processes in the countries of Central and Eastern Europe.

Keywords: Austroslavism, Pan-Slavism, Austro-Hungary, ethno-nationalism, Ruthenian problem.

Конец XVIII — первая половина XIX в. был периодом бурного развития славянских обществ и народов, формирования наций, возникновения национальной интеллигенции.

Как следствие этих процессов, в странах Центральной, Южной и Восточной Европы с середины XIX в. началось массовое движение за национальное возрождение славянских народов. В результате стремление к культурной и национальной идентичности приняло содержание и форму *панславизма*. Это движение имело целью основоположение национальной литературы, воссоздание национального быта и культурного менталитета [1].

В период подъема панславизма в Европе серьезную заявку на право быть центром объединения всех славян сделала Россия. При этом романтический период достаточно быстро закончился, а пути деятелей панславистского движения разошлись. Идея об объединении славян Восточной и Западной Европы под эгидой Российского государства разделялась далеко не всеми его представителями. Под влиянием малопопулярной в Европе охранительной политики российского императора Николая I отказались от прежних симпатий и надежд на объеди-

нительную миссию России целый ряд ее прежних приверженцев (Людевит Гай, Людевит Штур, Карел Гавличек-Боровский).

Среди поляков, которые находились под сильным влиянием романтического патриотизма и идей о восстановлении великой Польши, идеи панславизма породили два течения: пророссийское (Станилав Сташиц, Август Цешковский) и антироссийское (Адам Мицкевич, Анджей Товянский, Казимир Бродзинский). Представители последнего считали, что главную роль в объединении славян должно играть польское государство, а залогом успешности таких планов — восстановление «Великой Польши» в прежних границах 1772 г.

Некоторые из чешско-словацких деятелей также надеялись объединить славян с опорой на австрийскую монархию и были противниками ориентации на Россию. Следуя этой логике, видный чешский деятель Франтишек Палацкий до 1867 г. выступал за сохранение Австрийской империи и за превращение ее в федерацию славян, австрийцев и венгров. В итоге австрославизм превратился в альтернативную идеологию западного и центрально-европейского славянства, противостоящую русофильским тенденциям.

Так или иначе, на фоне сложившейся в последней трети XIX в. внешнеполитической ситуации любое рассуждение славянского союза сразу же относилось к политическому панславизму, или панрусизму. При этом дебаты внутри панславистского движения продолжались. В 1848 г. в Праге состоялся первый международный славянский съезд. На съезде столкнулись русофильская и проавстрийская платформы. В результате был найден временный компромисс, призывающий к объединению славян. Съезд принял манифест к народам Европы. Однако образ «просвещенной Австрии» встал вскоре преобладающим в сознании панславистских деятелей.

Характерным в этой связи было то, что сам термин «славянская взаимность» широко вошел в историческую лексику после публикации в Австрийской империи в начале 1820-х гг. поэмы Яна Коллара «Дочь Славы». В 1830—1840-е гг. в связи с появлением работ П. Шафарика, Й. Юнгмана и других авторов инициатива формирования панславистских представлений переходит к представителям славянских национальных движений Австрийской империи [2].

Привлекшая внимание лидеров славянских движений Австрийская империя, унаследовавшая масштабные владения габсбургской династии, была создана в 1804 г. императором Францем II (I Австрийским) в ответ на провозглашение императором Наполеона I. Ее создание также было связано с упразднением Священной Римской империи, монархом которой традиционно был глава дома Габсбургов. Путь для

реализации австрийского имперского проекта оказался в итоге открытым.

Австрийская империя, монархия Габсбургов, изначально являлась многонациональным государством. Из 37 млн жителей империи в 1847 предреволюционном году 18 млн составляли славянские народы (чехи, словаки, поляки и др.), 7 млн — австрийские немцы, 5 млн — венгры (мадьяры). Около 7 млн пришлось на долю романских народов — итальянцев и румын.

Славянские народы Империи стремились добиться автономии в составе Австрии (позднее — Австро-Венгрии), под властью которой они находились.

При этом потенциал славянских народов Австрийской империи высоко оценивался далеко не всеми. В 1848 г. в статье «Борьба в Венгрии» Фридрих Энгельс высказывает пессимистический «прогноз» относительно будущей истории австрийских славян: «Народы, которые никогда не имели своей собственной истории, которые с момента достижения ими первой, самой низшей ступени цивилизации, уже подпали под чужеземную власть, были насильственно подняты на первую ступень цивилизации, не жизнеспособны и никогда не смогут обрести какую-либо самостоятельность. Именно такова судьба австрийских славян» [3, 181—182].

Как было отмечено выше, первоначально Австрийская империя была далеко не расположена к возможным проявлениям панславизма среди подвластных ей народов. Несмотря на противодействие, к середине XIX в. среди этих славянских народов сложилось немногочисленное, но творчески активные и плодотворные группы интеллектуалов в Вене, Праге, Будапеште и Анграме (Загребе). Из их среды вышли представители различных течений панславизма [4, 129]. В качестве своей ближайшей цели идеологи австрославизма определяли культурную автономию, а в качестве перспективы — федерацию равноправных западно- и южнославянских народов под эгидой обновленной австро-венгерской монархии. Этот проект описывали в своих трудах такие видные представители австрославизма, как А.Т. Линхарт, Й. Добровский, П.-И. Шафарик и др.

Наряду с деятелями чешского и словацкого возрождения, активно заявили о себе в этот период лояльные Империи представители хорватского национального движения. Главный идеолог и вдохновитель этого движения Людовит Гай (1809—1872) создал в Загребе (Аграме) панславистскую группу, которая декларировала свое намерение активно содействовать возрождению хорватской истории, языка и народности. Они обращались к истории существовавшего в раннем Средневековье Хорватского Королевства. Идеологией основанного

Л. Гаеи общества был так называемый *иллиризм*. Гай издавал на хорватском языке журнал, который в 1835 г. носил название «Хорватские новости», а с 1836 г. — «Иллирийские новости». Относительно малочисленное хорватское национальное движение заявляло о своей лояльности по отношению к Габсбургской монархии и в то же время демонстрировало враждебность к Венгрии. Здесь сказались память о негативной роли венгров в судьбе хорватской монархии в XI в., а также реакция на венгерские устремления и амбиции в составе Империи.

Особое значение для самоопределения идеологов австрославизма имели и события европейской «весны народов», распространившейся и на Австрию весной 1848 г. Именно в марте этого года был отправлен в отставку Меттерних, а император Фердинанд I бежал и отрекся от престола.

Фактически вся Австрийская империя оказалась в то время охваченной революционным движением, которое распалось на несколько национальных революций: в Австрии, Венгрии, Италии, а также в Чехии, Словакии, Галиции, Трансильвании, Хорватии, Воеводине, Истрии и Далмации.

Наиболее угрожающей для Империи была ситуация в Венгрии. Революция даровала населению этой страны демократические свободы, ликвидировала личную зависимость крестьян и феодальные повинности.

Молодой император Франц-Иосиф, занявший престол в декабре 1848 г., обратился в этой ситуации за поддержкой к царю Николаю I. 21 мая Австрийская империя подписала спасительный для себя Варшавский договор с Россией. В Венгрию была послана стотысячная армия под командованием И.Ф. Паскевича. Русская армия достигла территорий, где исконно проживали славянские народы Империи.

После короткой военной кампании, в которой вместе сражались австрийцы, русские и славянские народы Империи, 13 августа 1849 г. венгерская армия капитулировала после битвы под Виллагоушем. Австрийские власти сами вершили суд и наказание в отношении венгерских инсургентов. Во всех учебниках этот эпизод трактуется как проявление «реакционности» Николая I и его стремления стать «жандармом Европы». В то же время участие России в подавлении «венгерской революции» означало помощь славянам, которым владычество венгерских «революционных» национал-демократов не сулило ни равноправия, ни свободы.

Венгерское восстание 1848—1849 гг. поставило страну на грань катастрофы. Австро-венгерская держава была спасена славянами, жившими тогда в двух империях — подданными Габсбургов и Романовых.

Австрийские славяне составили в тот период основу имперской армии, а русские войска сокрушили в битвах основные силы венгров. При этом спасенная Австрия обманула ожидания России. В Крымскую войну (1853—1856) Габсбурги, вопреки взятым на себя обязательствам, заняли жесткую антирусскую позицию, что привело к трагическому поражению России.

Характерно, что идеологи австрославизма в период венгерской революции заявили о себе как о верноподданных патриотах Империи. Характерной в этом отношении была позиция, заявленная Ф. Палацким: «Цели и намерения... неизбежным образом ведут к тому, чтобы сделать Австрийскую монархию неизлечимо больной и недееспособной — то самое государство, сохранение, целостность и укрепление которого должно стать высокой и важной задачей ни одного только моего народа, но всей Европы, которая является и должна стать воплощением гуманизма и цивилизации» [5, 1157—1160].

Наряду с этим, в составленной Палацким резолюции-обращении Первого славянского Конгресса от июня 1848 г., в частности, говорилось: «Мы, славяне, не должны оставаться равнодушными наблюдателями происходящего в ситуации, которая ставит под вопрос само существование монархии... Мы, таким образом, предлагаем славянским народам Империи, действуя в качестве членов народного союза, заключить защитный и наступательный союз, и начать строить австрийскую монархию как союзное государство» [6, 595].

В итоге Славянский конгресс 1848 г., проводившийся на фоне разворачивающейся революции, показал значение славян в Австрии, а также их общность с неславянскими народами Империи, равно как и с другими народами Европы. Сторонники Бакунина хотели превратить конгресс в антицаристский революционный форум, но благодаря усилиям в том числе австрославистов это не удалось.

Однако от революции, как это ни парадоксально, выиграли только венгры, ставшие де-юре соучредителями дуалистической монархии. Наиболее пагубным для будущего государства стало положение в ней славянского большинства. Так, лояльные Империи хорваты и чехи не получили соответствующего статуса, почувствовав себя обделенными.

В результате славянские подданные Империи становились оппонентами самого Австрийского государства, которое они отныне подозревали в покровительстве славянофобскому мадыарскому шовинизму.

Тем не менее постепенно происходил поворот габсбургской монархии к интересам внутреннего славянства. Австрия, проигравшая Пруссии в результате войны 1866 г. и битвы при Садовой борьбу за право быть центром объединения немецких земель, стала строить собственную Империю, где «негерманский» и славянский элементы имели су-

щественный вес. Последнее предопределило относительно более мягкую политику Вены в отношении национальных меньшинств и в том числе славянства, что ощутимо контрастировало с подходами, восторжествовавшими в Пруссии и в будущем объединенном германском государстве.

Наибольшего интереса заслуживает опыт реформы государственного устройства Империи в направлении децентрализации, превращение ее в дуалистическую австро-венгерскую монархию. Последнее означало не только повышение статуса венгерской части Империи, но и предоставление автономии другим населяющим ее народам, в том числе славянам. В результате преобразования унитарной Австрийской империи в 1866 г. в федерацию Австро-Венгрии (официальное название — Королевство и земли, представленные в Рейхсрате, и земли венгерской короны Святого Иштвана) утвердилась следующая модель государственного устройства. Обновленное государство состояло из двух государственных образований — австрийского и венгерского (Цислейтании и Транслейтании). Первое представляло собой конгломерат королевств Богемия, Далмация, Галиция и Лодомерия, эрцгерцогств Нижняя и Верхняя Австрия, герцогств и пр., которыми правил император Австрии. Вторым было Венгерское королевство, в состав которого входило автономное королевство Хорватии и Славонии и город Фиуме. Им правил король Венгрии. Цислейтания и Транслейтания имели свои конституционные акты, законодательство, парламенты, правительства, суды, и прочее. Единство государства обеспечивалось, во-первых, совмещением австрийской и венгерской корон главой дома Габсбургов, во-вторых, «общими делами», руководство которыми обеспечивали три общих министерства — иностранных дел, военно-морское и финансов, подчиненные императору и королю, коронным советом, советом общих министров и делегациями (представительным собранием делегатов обоих парламентов) и др. В 1908 г. Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, ее не влили не в Цислейтанию, ни в Транслейтанию, она управлялась в особом порядке [7, 67—68].

Относительно комфортному существованию в составе Империи славянских народов способствовала политическая атмосфера, возобладавшая в австро-венгерском государстве. Католическая Австрия оказалась более либеральной и толерантной, нежели протестантская Пруссия, стоящая у истоков объединения Германии. Иронически точно характеризует специфику внутренней политической жизни австрийской «Какании» известный австрийский писатель Р. Музиль в своем знаменитом романе «Человек без свойств»: «Она (Австро-Вен-

грия. — *С.Б.*) была по своей конституции либеральна, но управлялась клерикально. Она управлялась клерикально, но жила в свободомыслии. Перед законом все граждане были равны, но гражданами-то были не все. Имелся парламент, который так широко пользовался своей свободой, что его обычно держали закрытым: но имелась и статья о чрезвычайном положении, с помощью которой обходились без парламента, и каждый раз, когда все уже радовались абсолютизму, следовало высочайшее указание вернуться к парламентарному правлению» [8, 116].

Неслучайно, что именно в условиях многонациональной и относительно толерантной в национальном вопросе Австрии возникло так называемое «чистое учение о праве» Ойгена Эрлиха (1862—1922), отразившее пестрое многообразие правовой жизни такого многонационального региона Империи, как Буковина [9].

В то же время не следует изображать межнациональные отношения в Австро-Венгрии последней трети XIX в. как образец безупречной гармонии. В частности, немецкое население Империи было не слишком довольным положением дел после введения дуализма. Будучи привилегированной национальной группой, немцы несли и основную тяжесть забот о поддержании мощи Австро-Венгрии [10, 27—43]. При этом, если славяне в результате неразумной политики Вены стали восприимчивы к панславистской пропаганде, то австрийские немцы не остались глухи к пропаганде пангерманизма. Последние достаточно легко пережили упразднение Империи в 1918 г., связывая свои надежды не столько с Австрийской республикой, сколько с восстановлением германского единства.

Так или иначе, создание дуалистической Австро-Венгрии и сохранявшееся напряжение в системе межнациональных отношений стимулировали славянскую мысль к разработке новых проектов переустройства Империи с учетом интересов ее славянских подданных.

Подобный проект обнаружил на рубеже веков цитированный нами Ф. Палацкий. Согласно его обнаруженному плану, преобразованная габсбургская монархия должна была представлять собой союзное государство, «одновременно немецкое и славянское, венгерское и румынское, но прежде всего — союз свободных и полностью равноправных народов». Последнее предполагало отмену существовавшего разделения Империи на Цислейтанию и Транслейтанию с последующим разделом на относительно гомогенные в этническом отношении в статусе автономии.

По мнению Палацкого, все эти «этно-географические единицы были бы гомогенны как немногие государства в Европе». Помимо автономизации, Палацкий полагал, что в Австрии следует «создать и

обеспечить для всех живущих в Империи наций все необходимые условия для их полноценного политико-национального и экономического развития. Мы все должны в действительности чувствовать себя в составе Австрийской державы лучше, чем в каком-либо другом государстве» [11, 86, 94].

Сходные по смыслу призывы к переустройству «дунайского пространства» Восточной, Средней и большей части Южной Европы прозвучали из уст лидера румынской национальной партии в Венгрии, публициста Аурела Поповичи. В 1906 г. В «Соединенных Штатах Великой Австрии. Политическом исследовании о разрешении национального вопроса и урегулировании государственно-правового кризиса в Австро-Венгрии», автор предложил для прекращения национальных конфликтов внедрить в Австрии федеративную систему и обособить национальности Империи в рамках традиционных областей их проживания [4, 132].

Однако столь желанных для многих реформ не последовало. Последние десятилетия существования Австро-Венгрии подданные Габсбургов с остроумием обреченных называли ее «веселым Апокалипсисом». К концу XIX в. национально-государственное устройство Австрии стало выглядеть сравнительно архаично на фоне других западноевропейских государств.

В то же время в случае реализации более разумной и взвешенной политической стратегии у Австрийской империи все же был шанс сохраниться в качестве влиятельного современного государства. Однако соединение социального и национального факторов в отсутствии консолидирующей наднациональной идеи вели страну к распаду, который был ускорен благодаря военному поражению 1918 г. В этой ситуации у народов распадающейся Империи существовал выбор между двумя возможными политическими стратегиями: социальной революцией и национализмом [12, 153].

После распада Австро-Венгрии и драматических реалий Второй мировой войны идеи австрославизма надолго ушли в тень. Их возрождение было связано с реакцией восточноевропейских стран на навязанное коммунистическое правление и эффект «железного занавеса». Ряд восточноевропейских интеллектуалов в период 1960—1980-х гг. ставили вопрос об общих культурных корнях и о необходимости возвращения стран ЦВЕ в «Большую Европу». Подобную проблематику популяризировали в своем творчестве такие видные представители восточноевропейской интеллектуальной и культурной элиты, как В. Гавел, М. Кундера, Ч. Милош, М. Янчо, И. Сабо и др. При этом они естественным образом обращались к общему культурному наследию

многих народов, сложившемуся в многонациональной и сравнительно толерантной Австро-Венгерской империи, развал которой, по словам М. Кундеры, «делает из Центральной Европы зеркало, отражающее возможное будущее всей Европы, лабораторию заката» [13].

Идеи «единого пространства» бывших стран и народов Империи неожиданным образом напоминают о себе и в современных условиях: будь то создание австрийскими авиакомпаниями сети маршрутов, охватывающих все ключевые города Империи (от Вены и Праги до Кракова, Черновцов и Львова). Или фильм культового венгерского режиссера Иштвана Сабо «Вкус солнечного цвета» («Зонненшайн»), где рассказывается о драматической судьбе нескольких поколений эмансипированной еврейской семьи из Будапешта. Здесь в качестве единственного позитивного правителя предстает император Франц-Иосиф, создавший либеральную Империю и проводивший в жизнь политику национальной терпимости. Отзвуки «австрийских влияний» проявляются сегодня и в Галичине, где ярко заявил о себе видный львовский общественный деятель и журналист, сторонник галичанской автономии и возрождения традиций «многонациональной и толерантной Галичины», оппонент brutального национализма Володимир Павлив [14]. Недавно Павлив вместе с группой других львовских интеллектуалов призвал львовян установить памятник австрийскому императору Францу-Иосифу как политическому деятелю, который сделал Галичину частью Европы и привил ей европейскую культуру [15]. Его призыв поддержал сторонник федерализации Украины, историк из Черновцов Олег Хавич, который, в свою очередь, призвал к возрождению традиций Королевства Галиции и Лодомерии, входившего в состав Австро-Венгрии [16]. В связи со стремлением Львова, Тернополя и Ивано-Франковска жить «по европейскому времени» подобные призывы представляются весьма актуальными.

В то же время политика австрославизма исторически связана с генезисом украинского национализма (в его галичанской версии), а также с подавлением движения и жестокими репрессиями против галицких москвофилов и русинов в ходе Первой мировой войны [17] — что, в частности, признают сегодня объективные австрийские историки.

Начало XX в. было отмечено нарастанием противостояния между русофильской интеллигенцией и украинофилами Восточной Галиции, которые пользовались существенными преференциями со стороны австрийских властей. Начало Первой мировой войны повлекло широкомасштабные репрессии австрийских властей против русинов-лемков, что стало одной из самых трагических страниц истории лемковского народа [18]. С сентября 1914 по весну 1915 г. русские войска

занимали большую часть территории австрийской Галиции, включая территорию Лемковины, где в отличие от Восточной Галиции русская армия встретила доброжелательное отношение местного населения. После ухода русской армии австрийские военные власти арестовали около пяти тысяч лемков, подозреваемых в шпионаже в пользу России, в основном представителей интеллигенции, которые были брошены в австрийский концлагерь Талергоф неподалеку от Граца. Значительная часть узников Талергофа погибли, не выдержав издевательств и нечеловеческих условий содержания. По сути, в Талергофе был ликвидирован цвет лемковской русофильской интеллигенции, а сам концлагерь вошел в историческую память лемков как символ мученичества за народность и веру [19]. Вакуум, возникший после подавления русинства, занял западно-украинский национализм, оплотом которого по сей день является Галичина.

Наряду с этим, как показывает, в частности, опыт деятельности В. Павлива и современных галицких либералов, именно наследие австрославизма при его плюралистическом истолковании может противостоять современному националистическому подъему, и в том числе в самой Галичине. При этом следует помнить, австрославистский проект в любой его версии является конкурентом идеи «Русского мира» и единства православных славянских народов. Тем более важным является сегодня изучение его идейных истоков, исторического опыта реализации, а также современного состояния и возможностей использования в политике.

Литература

1. *Хиненко К.* Панславизм: как все начиналось // Киевский телеграф. 2013. 2 апр.
2. *Ефремов А.* Уроки погибшей империи // Вопросы национализма. 2013. № 8.
3. *Энгельс Ф.* Борьба в Венгрии // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. VI.
4. *Geier W.* Europabilder. Begriffe, Ideen, Projekte aus 2500 Jahren. Wien, 2009.
5. Europäische Geschichte. Quellen und Materialien // *Schulze H., Paul I.* (Hrsg.) Muenchen: Bayerischer Schulbuch, 1994.
6. Europäische Dokumente aus fünf Jahrhunderten // *Geißler G.* (Hrsg.) Leipzig, 1939.
7. *Иванов Е. К* критике современной теории государства. М., 2008.

8. *Музиль Р.* Человек без свойств // Иностранная литература. 1983. № 9.
9. *Ehrlich E.* Fundamental Principles of the Sociology of Law. New Brunswick: Transaction Publishers, 2001.
10. *Яси О.* Распад Габсбургской монархии. М., 2011.
11. Das Nationalitätenproblem in Oesterreich. 1848—1918 // Lehmann H. (Hrsg). Goettingen, 1973.
12. *Hobsbawm E.* Nationen und Nationalismus: Mythos und Realität seit 1780. München, 1996.
13. *Кундера М.* Семьдесят три слова // Урал. 2001. № 5.
14. *Павлів В.* Рух відродження Галичини // http://zaxid.net/blogs/showBlog.do?ruh_vidrozhennya_galichini&objectId=1274461.
14. *Павлів В.* Збудуймо пам'ятник Францу Йосифу I у Львові // http://zaxid.net/blogs/showBlog.do?zbuduyto_pamyatnik_frantsu_yosifu_i_u_lvovi&objectId=1256954/.
15. *Чаленко А.* Возродится ли Галицко-Волынское королевство? // <http://blogs.pravda.com.ua/authors/chalenko/4cc353898df3c/>
16. *Каревин А.* Последователи Каина // Киевский телеграф. 2013. 15 апр.
17. *Шевченко К.* Карпатские русины и Великая Война // <http://rusmirzp.wordpress.com/2011/10/28>.
18. Талергофский альманах. Львов, 1930.

V

**РЕЦЕНЗИИ И
ОТКЛИКИ**

Н.И. ЗЛЫГОСТЕВА

**Берег с радостной пристанью
(деревня в контексте русской культуры)***

Аннотация. В статье рассматривается тема крестьянства в контексте русской литературы, философские и поэтические образы русской деревни.

Ключевые слова: деревня, крестьянство, русская литература.

Abstract. The article is devoted to the peasantry in a context of the Russian literature, philosophical and poetic images of the Russian village.

Keywords: village, peasantry, Russian literature.

Деревня, деревенское — последние десятилетия эти слова нередко произносятся с пренебрежительной интонацией. Многим слышится за ними нечто архаичное, давно изжившее себя — глухое, грязное и тяжело-беспросветное. Не удивительно, что и само слово «деревня» почти исчезло, вытесненное безликим — «поселение». Но бытие России без нее, без русского крестьянства невозможно. И есть какое-то таинство, недоступное холодному рассудочному анализу, в том, что выходцы из русских деревень, давно живущие в городе, состоявшиеся и успешные, вспоминают свои деревенские, часто очень нелегкие, детство и юность как лучшие мгновения прожитой жизни. И русская литература от веков минувших до века нынешнего тому подтверждение.

Мои собственные воспоминания о деревне фрагментарны и отрывочны, но именно они научили меня читать и чувствовать русское слово. Помню, как совсем маленькой привозили меня на родину отца, вернее, в деревушку, где после войны жила его сестра — моя тетя Мания. А их родовое гнездо было когда-то в уже исчезнувшей деревеньке с удивительным, чудесным названием — Иносветы.

Утро тети Мани начиналось, едва просыпалось солнышко. Я сквозь сон слышала стук ухватов о чугунок, которые ставились в печь, ласковый ее шепот, обращенный к корове, звук льющегося в крынки молока. А просыпалась я от запаха блинов, горкой лежавших на столе, от

* Размышления о русском крестьянстве, навеянные книгой: *Осинов Ю.М.* Обретение. Метафизика бытия и мысли. — М.: ТЕИС, 2011. — 591 с.

солнечных лучей, проникавших даже за ряднинный полог. И начался удивительный день, долгий и счастливый.

Шли уже 1960-е, а уклад деревенской жизни почти не изменился. На стене висело радио — примета произошедших перемен. Но главное место по-прежнему занимала русская печь с широкими полатями. Под окнами вдоль стены тянулись лавки, а в красном углу, вопреки всем гонениям, ютились иконки, часто простые, бумажные, но всегда обихожённые. На мосту был полог, скрывающий широкую деревянную кровать. Под ним в жаркие дни я часами читала. И в его таинственных сумерках, не в воображении, а в душе, рождалось то, чему я не могла найти названия. Там же стояла и большая деревянная бочка с квасом, всегда холодным и необыкновенно вкусным. С моста ступеньки вели вниз, в ограду. В ней были амбары, а в них настоящие, а не сказочные сусеки, хранившие в своих темных недрах муку. Здесь же находились хлебушки. Сначала мы с тетей Маней шли к корове. Тетя давала ей хлебушка с ладони, усаживалась на низенькую скамеечку, мыла вымя и неожиданно для меня из-под ее ловких рук в ведро тонкими тугими струйками начинало стучать молоко. А в это время за загородкой обиженно хрюкал поросенок Борька, блеяли барашки, и все они в короткое время становились моими друзьями.

А вот сеновала я боялась. Он манил своим таинственным полумраком, щемящими запахами трав. Но туда вела крутая лестница, и тетя Маня, опасаясь, что я сорвусь с нее, пугала меня живущим там Овиннушкой. Открытиям светлым и радостным не было конца. Они были везде — в глухом дремучем лесу, где глухо ухал филин, по веткам прыгала белка, а под деревьями прятались грибы; в поле с золотыми колосьями, почти скрывавшими меня, и чудесными лазоревыми васильками; на лугах с рассветным розовым туманом и пасущимися беленькими овечками.

Это была жизнь, прочная в своей неизменности и постоянстве, прекрасная в тех волшебных переменах, которыми создается человеческая душа.

Зимой был город. Здесь меня опекал любимый дедушка — мамин отец. Мои первые игрушки: плюшевый медведь и большая кукла — были подарены им. Мы вместе читали, сидя за круглым столом под большим оранжевым абажуром, вместе гуляли. В одну из таких прогулок я привела его в магазин игрушек. Очень приглянулась мне кукольная посуда. Но дед смотрел не на нее, а на большую коробку, в которой лежали лошадки, коровы, барашки, козы, поросята. Он разглядывал их долго-долго, а потом попросил меня: «Давай купим». Я растерялась и молчала. Из магазина мы вышли с двумя коробками. По возвращении домой я стала кормить свое игрушечное семейство из новой посуды. Дед в это время расставлял между оконными рамами стадо и

плакал. Я впервые увидела его тогда плачущим. Он мог смотреть на это стадо часами, уходя в свои воспоминания так глубоко, что нередко не отзывался, когда его звали. Душа его была не здесь, не с нами, а в той далекой-далекой неизвестной нам жизни. Позже, уже после смерти дедушки, мама рассказывала мне о нем. Она была совсем маленькой, когда их раскулачили и согнали со двора. Ей запомнилось, как плакали мать, старшие братья и сестра, а отец молчал. Молчал, когда разоряли дом, угоняли скот. И только когда выводили коня, и он рванулся к хозяину, дед обнял его и заплакал. В городе, так и оставшемся для него чужим, он всегда искал работу там, где были лошади. Эта живая земельная тяга, не объяснимая, с точки зрения здравого житейского смысла, всегда была основой крестьянского, русского мироощущения, определявшего отношение к Богу, к миру, к себе.

Гармония этого мирозерцания выразительно и полно отразилась в нашей литературе, взлелеянной и выпестованной русской деревней. Она вся оттуда, из дубрав и полей, от хороводов и песен, от серьезных мужицких разговоров, от мамушкиных и нянюшкиных сказок. Дворянская и крестьянская усадьбы, столь разные по внешнему укладу и образу жизни, жили в органичном единении, соединившем души, судьбы, жизни незримыми, но прочными нитями.

Неотделима жизнь обитателей помещичьего дома из бунинского «Суходола» от жизни их крестьян. Общие страдания, трагедии, утраченные иллюзии и единое ощущение обреченности и ухода из новой наступающей жизни, в которой ни для тех, ни для других уже нет места.

Но русская литература сохранила тихое и глубинное обаяние этого мира. Им наполнено творчество А. Пушкина, М. Лермонтова, И. Гончарова, И. Тургенева, М. Салтыкова-Щедрина. Они видели, конечно, и темные стороны крестьянской жизни и не скрывали их, но прозревали за ними сокровенную красоту народной души — открытой, чистой, ясной, боголюбивой. Она раскрывалась во всем и в немалой мере — в обычных крестьянских трудах, каждодневных, тяжелых, но всегда благодатных. Это очень остро чувствует маленький Сережа Багров — герой повести «Детские годы Багрова внука» С. Аксакова. Он, взятый отцом на крестьянские работы, наблюдает за ними с искренним детским восторгом. Стройность и ловкость движений, мерность и быстрота ударов при молотье вызывают у него восхищение. Именно в эти мгновения просыпаются в душе мальчика любовь и уважение к народу, открывающие в обыденных трудах их поэзию и красоту. «Я пришел в сильнейшее изумление и окончательно убедился,

что крестьяне и крестьянки гораздо нас искуснее и ловчее, потому что умеют то делать, чего мы не умеем» [1, т. 1, 454].

Поэзия крестьянского мира раскрывается ему и в дивных сказках ключницы Пелагеи, будивших его фантазию и воображение, увлекавших в неизведанное. В чудесных крестьянских игрищах, в которых все пело, играло, ликовало и завораживало. «Чудные голоса святочных песен, уцелевшие звуки глубокой древности, отголоски неведомого мира, еще хранили в себе живую и обаятельную силу и властвовали над сердцами неизмеримо далекого потомства» [1, т. 2, 70].

Эти странные и пленительные образы еще долго будут беречь и волновать сердце и сохранятся в той глубинной памяти, которой насыщается и наполняется слово.

Могут проходить века, но детская жажда таинственного, необъяснимого будет оставаться неизменной. Странные существа, живущие в наших сказках, легендах, преданиях, всегда обитали только в деревенской глуши: на мельницах, в риге, в овине. В полях и глухих лесах, окружавших деревни. И сейчас, приезжая в заповедные сохранившиеся уголки, городские ребятишки, погружаясь в прежде неведомый им мир народной фантазии, страшноватый и притягательный одновременно, ощущают его подлинность и реальность.

Об этом вспоминал в своей повести «Пугало» Н. Лесков. Маленьким мальчиком, привезенный в деревенскую усадьбу, он быстро сблизился и с крестьянами, и с их ребятишками. Но самой сильной его привязанностью стал дедушка Илья — старый мельник, близко знакомый и с водяными, и с кикиморой, и с домовым. Именно он открыл городскому мальчику полный таинственной прелести мир.

Этот мир сказочных существ совершенно необходим каждому человеку, и, если он не соприкоснулся с ним в детстве, то жизнь его лишается чего-то важного и значительного, открывающего потаенный смысл в привычных и обыденных вещах. Недаром русский мыслитель Иван Ильин всех людей делил на тех, кто вырос со сказкой, и на тех, кто вырос без нее.

Именно от этой сокровенной внутренней жизни, столь органичной для нашего народа, удивительное духовное богатство нашей культуры, образность и красота нашего языка. Без этих сказочных существ, созданных причудливой народной фантазией, осиротела бы и современная литература, и более всего поэзия. Прекрасный русский поэт Анатолий Гребнев, выросший в деревне, душевно и творчески выпестованный ею, в одном из своих стихотворений «Бабушка» сердечной памятью возвращается к тем сладостным детским воспоминаниям, к тому времени, в котором все и пугало, и манило своей таинственностью. В глухом темном лесу все становилось необычным, даже любимая и такая привычная бабушка.

Все страшно в лесу и волшебю —
Коренья, деревья и мхи.
В места забредем колдовские,
И тут уж без бабушки я
В зеленой дремучей стихии —
Не больше того муравья.
Отстанешь — и нет ее, нету!
Аукнешь — вон, за два шага.
И кажется временем — это
Не бабка, а Баба-Яга... [2, 70].

Герой русских сказок и преданий, особенно православных, это, чаще всего, крестьянский сын: сноровистый, смекалистый, бесконечно добрый и безропотно несущий крест, который другим не по силам.

А сила его от земельной тяги, от соединенности с той основой, на которой всегда держалась его жизнь. Ее тяготение не привязывало его только к сиюминутному, временному, а, напротив, и его взоры, и его душу устремляло ввысь, в то неведомое и невозможно Прекрасное, что «ни в сказке сказать, ни пером описать».

В этом гармоничном единении земного и небесного, временного и вечного жило русское крестьянство на протяжении многих веков.

Его вера в Бога была по-детски чистой и оттого совершенно естественной и органичной. Он не сомневался в том, что все в его жизни определяется Промыслом, и от того не роптал ни на что, смиренно принимая любые испытания, выпадавшие на его долю. К Богу он прибегал и в тяжелые, и радостные минуты, у него искал и находил утешение.

Никогда не отягощался русский крестьянин лукавым умствованием, столь свойственным нашей интеллигенции, смиренно понимая, что скудным человеческим разумом невозможно постичь Божие. Для него евангельские заповеди открывались в каждодневном течении его обыденной жизни. Совесть была определением и мерой всех поступков. Она раскрывалась и в отношении к земле, бывшей для крестьянской семьи и матушкой, и кормилицей, и относились к ней с любовью и заботой, по совести. Иное отношение оборачивалось бедой: обнищанием, бескормицей, голодом, и отношения с членами семьи и односельчанами тоже выстраивались по закону совести. Ею держался и жил крестьянский мир. Она была его стержнем. В деревне жизнь каждого была на виду, и скрыть что-то от людей было так же невозможно, как утаить что-то дурное от Бога.

Люди и тогда были разные, в одном были схожи — в страхе перед укорами совести, в потребности очищения ее через покаяние.

Внутреннее осознание своей греховности, нравственной нечистоты, замутившей ясность души, открывались в желании потрудиться Богу и упованием на то, что Он, видя их искреннее сокрушение, по своему бесконечному милосердию примет их покаяние и простит.

И даже в тяжкие времена безверия, когда душа, казалось бы, отошла от Бога, Он продолжал в ней жить в совестном чувстве и в потребности покаяния. И опять же у простых мужиков, сохранивших этот бесценный дар предков в своей сердечной глубине.

В облегчающей невыносимую боль исповеди, обращенной к умершей жене Катерине, Иван Африканович винится и в том, что, горячо любя ее, не берег, не жалел. «Вот и один теперь... как по огню ступаю, по тебе хожу, прости. Худо мне без тебя, вздоху нет, Катя. Уж так худо, думал, за тобой следом... Ты, Катя, где есть-то? Милая, светлая моя, мне-то... мне-то чего...» [3, 145—146].

В этом великом страдании, скрытом от посторонних глаз, освобождающая от отчаяния любовь, дающая силы жить дальше. Для покаяния шли в монастыри по всей Руси паломники, в подавляющем большинстве крестьяне, оставлявшие житейские труды и заботы ради душевной пользы. И как много среди них было женщин, простых деревенских баб, вечных молитвенниц за мужей, за детей, стремящихся через покаяние не только облегчить свою душу, но уберечь их от бед, защитить от своих грехов, отвести от них все дурное и нечистое.

Они и сегодня идут теми же дорогами, крестными ходами, прося у Бога прощения за свои прегрешения.

Они раскрываются перед нами в своей сердечной простоте в героинях повести В. Крупина «Великорецкий крестный ход». Эти старухи, перенесшие тяготы военного лихолетья, гонений на веру, изработавшиеся, больные, идут долгим и трудным путем, чтобы вымолить прощение. И они искренне радуются любому испытанию, посланному свыше, видя в них милосердие Божие. Хлестнула ли в лицо нечаянно кем-то отпущенная ветка: «Ой, меня, грешную, давно захвостать пора». Палит ли солнце, льют ли дожди — слава Богу, не забыл Господь.

В годы тяжелых испытаний, выпавших в прошлом веке нашему Отечеству, именно женщины стали хранительницами веры. Они сердцем чувствовали, что с ее утратой рухнут те скрепы, которыми всегда держалась семья. Русские крестьянки силою великой жертвенной любви спасали мужей, детей, Отечество. В лишениях и страданиях они забывали о себе, надрывались на работе, неся непосильный для женщины груз, но подымали детей, и не только телесно, но и душевно, находили для них в редкие минуты отдыха ласковые слова, согревали их сердца любовью. И мужья, нередко непутевые, по-житейски безрас-

судные, забывающие порой о самых близких, в их всепрощающей любви искали поддержку и опору.

Для Ивана Африкановича в жене Катерине — весь смысл его жизни. У нее находит он понимание и прощение, к ней лепится его душа в трудные минуты. И даже когда по безрассудству оставляет он и дом, и ее, и детей в самое тяжелое время, не винит она его, а скорбит о нем: как он там, неприкаянный, одинокий на чужой стороне. И в последние смертные минуты о нем и о детях, остающихся без ее материнского догляда и ласки, печалится ее душа.

Известный русский мыслитель Н.О. Лосский писал о том, что русская женщина всегда предстоит перед Богом. Об этом же говорил и Паисий Святогорец, утверждавший, что такого страдающего и любящего сердца, как у нее, нет больше ни у кого в мире. В любви, «всепрощающей, не ищущей своего, никогда не перестающей быть», видел русский крестьянин главный и бесценный дар Божий. Он принял Христа в свое сердце как «главного человеколюбца». Его доверие к Нему было безоговорочным и полным, потому все, посылаемое Им, принимал с благодарностью и смирением. В его мудром сердце, посвященном евангельскими заповедями, не было места недовольству жизнью, бессмысленным сетованиям на судьбу.

Это подлинное, идущее от сердца христианское смирение поразило еще в детские годы Сережу Багрова. Он вспоминал, как встреченный им в поле в неурожайный год крестьянин-жнец говорил его отцу: «Невесело, Алексей Степанович. Не глядел бы на такое поле: козлец да осот. Ходишь день-деньской по десятина, да собираешь по колоску». Отец возразил: «Как быть, воля Божья...». И суровый жнец ласково отвечал: «Вестимо так, батюшка!». «Впоследствии понял я высокий смысл этих простых слов, которые успокаивают всякое волнение, умирят всякий человеческий ропот, и под благодатною силою которых до сих пор живет православная Русь. Ясно и тихо становится на душе человека, с верою сказавшего и с верою услышавшего их» [1, т. 1, 441].

Смирение давало силы переносить непереносимое, не ожесточаясь, не падая духом, веруя, что Господь не оставит и пошлет утешение. Глубина его открылась мне впервые в отрочестве, когда я безутешно плакала, читая у Н. Некрасова стихотворение «Орина — мать солдатская». Боль и безмерные страдания матери, видящей угасание сына, загубленного солдатчиной, высвечивали и в ней, и в ее безропотном Ване душу тихую, мирную, незлобивую, никого не осуждающую. На

вопрос о том, что стубило сына милого, отвечает с христианской кротостью:

— Не любил, сударь, рассказывать
Он про жизнь свою военную,
Грех мирянам-то показывать
Душу — Богу обреченную!

Говорить — гневить Всевышнего,
Окаянных бесов радовать...
Чтоб не молвить слова лишнего,
На врагов не подосадовать,
Немота перед кончиною
Подобает христианину.
Знает Бог, какие тягости
Сокрушили силу Ванину!

Жизнь в Боге, жизнь с Богом, жизнь по Богу... Он и только Он — начало и конец всего. «Без Бога ни до порога» — в этой простой истине кроется истинный смысл крестьянской жизни, незримо освещавший его каждодневные труды и заботы, открывавший красоту окружающего мира.

Вся жизнь русского крестьянина была соединена с природой. Он ощущал себя ее частью, в ней чувствовал божественное дыхание, живую душу, ждущую, как и человек, любви, заботы, ласки. И оттого так трепетно и нежно принимал в свое сердце «и в поле каждую травинку, и в небе каждую звезду». Его сердце миловало всякую живую тварь и более всего животных, понимавших и чувствовавших «ровно, как и люди».

Москва, XIX в., Замоскворечье, дворики, поросшие травой, где в хлевах мычат коровы, в денниках стучат копытами лошади, а по большой луже важно плавают утки. Патриархальный крестьянский быт, перекочевавший в столицу и укоренившийся в ней. В таком дворике и живет семья мальчика Ванечки из повести И. Шмелева «Лето господне». Лошадки: Кривая, Чаленький, Кавказка — для него живые и близкие существа, чувствующие и Бога, и людей с их горем и радостью, вот только говорить не умеющие. И Господь, и Заступница — они и безгласный скот жалеют и оберегают. И когда встречают в их доме «Донскую» икону Божьей Матери, то несут ее не только в господские комнаты и рабочие спальни, но и к лошади, и к коровке «для молока», и над всеми она, милосердная, раскидывает свой покров, всех берет под свою защиту, о всех молится. Старенький плотник Горкин — главный Ванечкин духовный наставник — убежден в том, что

Москва держится святым Егорием — покровителем земледельцев. «С Москвы во всю Расею пошел, вот откуда Егорьев день. Его по всем селам-деревням празднуют» [4, 393].

В этом святом покровительстве видел крестьянин единственную защиту от всех бед и напастей. В природе, чистой и безгрешной, находила его душа утешение и радость. Самые чистые и светлые воспоминания в нашей литературе — веков прошлого и нынешнего — подарены ею. Для детского сердца природа открыта в самой сокровенной ее сути. Оно слышит ее голоса, вбирает в себя ее шепот, ее дыхание, ее мысли. Это тонко почувствовал, сохранил и передал в своих стихах поэт А. Гребнев:

Вон парнишка бежит босиком
Дальним полем, тропой луговой,
Он с былинкою каждой знаком,
Золотой весь от солнца и воли.
Это я — на заре бытия —
Мне понятны и глубины, и выси,
Птичий щебет и пенье ручья,
Трав и листьев зеленые мысли [2, 42].

Сколько же в сердцах простых деревенских мужиков и баб было любви и нежности ко всему живому: к земле, к лесному зверью, к домашней скотине. С каким пронзительно щемящим чувством пишет о корове Рогуле — кормилице большой семьи Ивана Африкановича Василий Белов. Дети радостно встречали ее у дома, хозяйка выносила пойло — была корова всеобщей любимицей. И когда пришла страшная минута — идти Рогуле под нож, то оплакала ее старуха Евстоля так же горько, как и дочь Катерину. И дети прощались с нею, как прощались с рано оставившей их матерью, с нею уходило тепло их дома. «Дети по очереди подходили к Рогуле и гладили ее большую звездчатую голову. В самую последнюю очередь к ней поднесли маленькую Марусю, девочка испуганно коснулась Рогулиной звездочки и сморщила бровки, и все тихо постояли с минуту» [3, 122].

В этом тихом и горестном прощании и была самая высокая правда, не выразимая в обыденном человеческом слове, открытая Богу, милующему и жалеющему, отирающему даже самую маленькую слезинку. Его живое присутствие более всего чувствовало детское сердце, безоглядно раввавшееся ввысь и в земном прозревая небесное. Небо, опустившееся на землю, с замирающим от сердца восторгом видит

маленький мальчик из прекрасного рассказа В. Крупина «Босиком по голубому небу». Цветущее льняное поле навсегда останется в его памяти дивным сном, чудесной сказкой, подаренной Богом и мамой.

И то же чувство переполняющей душу радости живет в мальчике, оказавшемся на колокольне разрушенного сельского храма из стихотворения А. Гребнева «Колокольня», когда она рванулась ввысь, чтобы слиться воедино с Неведомым и прекрасным. В ней нет страха, а только восторг и ликование:

С нее мы даль оглядывали жадно
И, не держась за узенький карниз,
Как ангелы, легко и безоглядно,
За горизонт неведомый рвались [2, 179].

Бог, живущий в природе, открывающийся человеку через нее, сохранял его душу даже тогда, когда человек отходил от Него, забывал о Нем. Во время тяжелейших испытаний и тягостных искушений только в ней находил он отраду и утешение. Вот и Иван Африканович чутко чувствует и видит все земное — это для него привычное крестьянское дело. И замерзшего воробья подберет и обогреет, и игольчатый писк синицы услышит, и увидит несмелую зелень, еще зыбкую, как дымок. А вот небо — нет для него никакого неба. «Есть только бескрайняя глубина, нет ей конца-краю, лучше не думать».

Трагедия русского крестьянства началась именно тогда, когда отшатнулась его душа от небесной глубины, от Бога, соединявшего и в его душе, и в его жизни земное и небесное. В самые трудные, переломные для Отечества исторические эпохи крестьянство было его главной и надежной опорой. Вопреки всему оно сохраняло всегда верность православию. В XVII в., когда разрушались духовные скрепы, соединявшие русское общество в единое целое, когда только что народившаяся интеллигенция потянулась к западным идеалам и ценностям, только крестьянство твердо берегло и охраняло отеческую веру. В его сердце не было границы между земной и небесной Родиной. Отсюда его глубинная почвенность, его великая ответственность за землю, данную ему Богом, на которой он Творцу соработник; перед предками, еще до него подымавшими и хранившими этот земной удел; перед потомками, которым его устроенным и обихоженым следовало передать.

Добросердечие, сострадательность, трудолюбие и совесть, свойственные только русскому крестьянину, органично вытекали из его по-детски чистой, открытой, искренней веры Богу. Именно так — веру Ему, а не только в Него. В самые страшные и тягостные минуты крестьянин никогда не сомневался в том, что Отец Небесный, любя-

щий и бесконечно милосердный, никогда не оставит его, «труждающегося и обремененного», и пошлет ему покой и утешение. Эта вера придавала смысл его бытию, внешне такому непритязательному и тягучему, но сохраняющему в своей глубинной первооснове то, что не заканчивается и не исчезает с временной земной жизнью, а переходит в Вечность.

Но когда, в какой момент замутился православный лик русского крестьянства, где крылись корни беды?

Глубокий и тонкий бытописатель русской деревни Ф. Абрамов справедливо полагал, что произошло это тогда, когда оторвался русский мужик от земли и ушел на отхожий промысел в город. Одна из главных и любимых его героинь, духовно мудрая Василиса Мелентьевна стремилась удержать мужиков на родной земле для того, чтобы сохранить и сберечь их души. Город, давая человеку большие возможности для благополучной, более легкой, чем в деревне, жизни, вместе с тем, полностью поработал и подминал его, отрывая от тех начал, на которых веками строилась и держалась его жизнь. Отрыв от земли, от деревни становился отрывом и от родовой избы, от семьи, которые без хозяина, рано или поздно, приходили в запустение.

Городские искушения и соблазны становились привычными и постепенно портили, разрушали душу. Духовное оскудение, которое чуткий Ф.М. Достоевский отмечал, прежде всего, в русской интеллигенции, все более проникало и в среду русского крестьянства. Этот процесс, идущий с начала прошлого века, усугубился последующими трагическими событиями нашей истории. Русскую деревню в это время власть стала разрушать сознательно и целенаправленно. В ней она видела и продолжает видеть оппозицию происходящим в обществе переменам, невидимую, неосязаемую, но оттого еще более для нее опасную и страшную. В городах, где люди в подавляющем своем большинстве становятся частицей общей социальной массы, потерявшей связи не только с землей, природой, но и друг с другом, ими легко управлять, манипулировать с помощью пороков, страстей, мифов, лжи. У этой человеческой массы нет прочного внутреннего стержня, нет опоры, нет ценностей, придающих ее существованию смысл.

Деревня по своему вековому духовному укладу, не утраченному полностью даже, казалось бы, во время ее полного уничтожения и распада, остается единственной силой, реально противостоящей обезличенной, бездушной цивилизации. Это мудро понимает один из лучших писателей нашего времени В. Распутин. Его повесть «Прощание с Матерой» — не реквием по русской деревне, а суровый и жестокий при-

говор миру, наступающему на нее и стремящемуся уничтожить. Он звучит из уст главной героини, старухи Дарьи, понимающей, что огромная сила, оказавшаяся в руках ее внука и его сверстников, которой они гордятся, их же и поборет. И оттого ей этих молодых бесконечно жаль, она духовно прозревает те страшные испытания и беды, которыми обернется для них собственная гордыня, заставившая забыть и о Боге, и о своем месте на земле.

С уходом Бога из человеческой души стало уходить из жизни то, что всегда казалось вечным и неизменным. И это особенно тревожно и болезненно ощутили русские женщины. Берегини, понимающие, что в привычной для них жизни, проходившей в постоянных трудах и заботах, но наполненной потаенным светом, и есть смысл всех, кто рождался, жил, умирал, передавал все накопленное и собранное в душе своим детям и внукам, а они в свой черед — своим.

Было поле, которое надо было обихаживать, скотина, о которой нужно было заботиться. Дом, который для нее — жены и матери — был живым. Она всегда глубже и тоньше, чем мужчина, ощущала неразделенность бытового и бытийственного. Бог, незримый и близкий, Матушка-заступница были хранителями ее домашнего очага. В избе главное место всегда занимал красный угол, даже и тогда, когда икон в нем уже не было. Но их незримым присутствием охранялся дом. Печка, возле которой она с раннего утра хлопотала, и на которой находили тепло и утешение ее дети. Кольцо в матице на котором всегда качалась и ее зыбка.

Все в стенах деревенской избы было овлено, согрето любовью и чистыми детскими воспоминаниями.

Осиротела без хозяйки Катерины изба Ивана Африкановича, потянулись из нее по нужде в город дети, пустым и холодным стал без ее живой души дом.

Вот и для старухи Дарьи ее изба, так бережно ею хранимая, опустела без детей и внуков. Но для нее она — родное существо с душой, памятью, и прощается Дарья с ней, так же оплакивая и обряжая, как когда-то оплакивала и обряжала, провожая в вечные обители своих сродников, покоящихся на деревенском погосте.

Кладбище — одна из знаковых тем в литературе последнего времени. Кресты на них всегда напоминали — помни о смерти. Современному человеку, постоянно спешащему в никуда, задумываться о ней некогда, и любых напоминаний о ней он старается избежать. Человек приближается к Богу в самые трагические минуты жизни, ощущая близость своей собственной кончины, и приоткрывается ему смысл его собственного земного бытия. Так случилось это с беловским Иваном Африкановичем, блуждавшим безнадежно в глухом лесу и вышедшим из него другим человеком.

Но на кладбище человек, как нигде, остро ощущает и другую истину — у Бога мертвых нет. И все они, ушедшие в иной мир, в который и мы когда-то придем, видят и слышат нас и молитвенно помнят. В поминальные дни по всей России тянутся к родным могилкам люди, чтобы поделиться с ушедшими своими радостями, заботами, попросить у них прощения и помощи.

В деревне погосты — место особое, это ее прямое продолжение, где у каждой семьи своя одворица, где уже присмотрено место и для себя, и куда приходят не только по праздникам. Это постоянная, живая память, напоминающая о временном и Вечном. Кладбище — неотделимая часть крестьянского бытия, соединяющая уже ушедшее и еще живущее, объединяющая в единое целое мир зримый, но временный, и незримый, но Вечный.

Именно об этом писал в одном из стихотворений поэт А. Гребнев:

А нынче я на кладбище гощу,
Поскольку в гости я к родным приехал.
Отрадно мне,
А если я грущу —
Осенний дождик мне в утеху.

...

Здесь невечерний свет родимых мест
Опять и воскрешает, и карает.
И ты поймешь в очередной приезд —
Минувшее
В душе
Не умирает [2, 82].

Уничтожение деревенских погостов, их распаивание стали едва ли не самым тягчайшим преступлением против русского крестьянства, да и всего народа. Более всего распутинская старуха Дарья страдает от того, что не доведется ей сохранить родные могилки, не придется ей лечь в ту же землю, и чувство неизбывной вины перед ушедшими не на минуту не уходит из ее сердца.

Замогильной виной мучается и призрак пьяного тракториста из повести В. Крупина «Повесть о том как». Он превращается в вечного скитальца, отвергнутого Богом, людьми и землею. Погост — место, куда стремится и самая заблудшая душа, где она среди ушедших чаще находит отраду и утешение, чем среди живущих, где острее ощущает

вину и потребность в покаянии и где чаще всего способна расслышать Бога, стучащегося в ее сердце.

Деревня — ее почти схоронили, лишив прошлого, настоящего и будущего. И если все же говорят о сельском хозяйстве, то уже в современном западном понимании: о фермерстве, об агропромышленных комплексах, т. е. об ориентированности, прежде всего, на экономическую прибыль, коммерческий расчет и утилитаризм. Но при этом забывая о том, что хозяйство и хозяйствование русского крестьянина всегда основывались на совершенно иных принципах — духовных, определивших стиль, уклад и образ его жизни, о чем в свое время блистательно писал русский священник, религиозный мыслитель и экономист Сергей Булгаков. Россия всегда была державой надмирной, и сейчас в ней, вопреки всему, пробуждается понимание того, что без возрождения основ крестьянской жизни, ее сокровенных основ и начал, невозможно подлинное возрождение России.

Литература

1. Аксаков С. Собр. соч.: В 4 т. М., 1955.
2. Гребнев А. Любовью воздам за любовь. Киров, 2011.
3. Белов В. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. М., 1983.
4. Шмелев И. Собр. соч. Т. 10. М., 2008.

В.Я. КУРБАТОВ

Во имя...*

Аннотация. Размышления о непростом сегодняшнем дне, о важности постижения истории и культуры для развития человеческой души.

Ключевые слова: история, культура, литература.

Abstract. The article is devoted to reflection about difficult nowadays, about importance of comprehension of history and culture for development of human soul.

Keywords: history, culture, literature.

Сначала две цитаты:

«С детства мы учились на отвратных примерах, на террористах, террористических романах, выискивали негативное в нормальных произведениях, мы учились без Бога, и нам было хорошо. И в душе у нас всегда жило сомнение, что люди могут быть бескорыстными, без-

* В параллель журнальным материалам.

заветно смелыми и преданными. Мы не можем нормально жить. Мы привыкли разрушать. А земное — жена, дети и добрые дела — нас почему-то не греет и кажется бессмысленным».

«Почти все старинные прекрасные дома перестроены и перекрашены. На лице города маска. Люди переоделись, но забыли сменить выражение лица и оно осталось, так сказать, невежливым. Зачем, зачем все они тут стоят, идут, сидят? Зачем они все здесь находятся в принципе, если все изобретения изобретены, все потребности удовлетворены, все деньги распределены? Зачем им земля, которую они загадили? Может быть, это предвестие Страшного Суда?»

Поверьте, это без всякого специального выискивания — просто из двух последних книг, что я прочитал как член жюри одной хорошей литературной премии. А мог взять другие книги, что прочел прежде (и, боюсь, не одной «моей» премии), — цитаты были бы похожи, потому что были написаны в разных концах земли, людьми разного возраста, но из одного «окна», выходящего на конец света. Наши окна давно не выходят в поля, на вечерние облака и рассветы. Литература дружно переехала в город. Что ей делать в опустевшей деревне на дичающей земле, которая, кажется, перестала быть наследием, достойным охраны или хотя бы разговора о ней.

Ну, и я не буду напоминать, что само слово «культура» — от земли, почвы (по Далю: «возделывание пашни»), а только, ухватившись за цитаты добрых современников, вздохну, что главное-то и более всех позабытое и нуждающееся сегодня в сохранении наследие — душа человеческая. А без нее ухватиться не за что — всяк под себя свою часть правды подгибает, выдавая ее за целое.

Вон вокруг Военторга и «Детского мира» в Москве сколько копий переломано, а Военторг-то все-таки погубили. Да и с «Детским миром» управятся. Там этажик прибавят, там окна расширят — время требует своего — и пожалуйста, памятник вроде и есть, а его нет. И ни с каким судом не подступишься — все бумаги в идеальном законном соответствии, а истории не узнать. Что деньгам до истории? Молодое время хочет по своей воле пожить, а прошедшее путается под ногами и напоминает не об ордерах и стилях, а о таких неудобных предметах, как традиция, душа, совесть. Архитектура-то она ведь не одна «застывшая музыка», а и «застывшая идеология». Поправишь Военторг новым фасадом, а вот уж от империи-то и ни следа — один безликий демократизм. Оставишь в каком-нибудь александровском особняке каждую колонну на месте, а поставил рядом начальнический «мерседес» — и только ампир-то и видали. Так что же — значит, лошадь да кучера заводи?

Да нет, ребята, у нас разговор-то оттого и не получается, что хранители и «посягатели» будто разным народам принадлежат, хотя к предмету спора могут и на одинаковых машинах подъехать (впрочем, скорее и тут «классовая принадлежность» скажется). То-то и беда, что одни в истории живут, а другие — в одном жадном сегодня, которое будущее время еще в уме держит, а прошедшее ему — кандалы. Проблема старая, заведшаяся чуть не с той поры, как история стала сознаваться историей — у нас хоть со старообрядческих бород и немецких кафтанов. Да и в Европе она завелась не вчера. Прогресс давно требует своего. У португальца Эсы де Кейроша в конце XIX в. с улыбкой прочтете: «Если человеку XIX века предложат на выбор для следования из Яффы в Иерусалим к царю Соломону с одной стороны караван царицы Савской, полный поэзии, с грузом благовоний и драгоценных камней в сопровождении глашатаев в венках из анемонов, а с другой — свистящий поезд, в котором можно проделать тот же путь со скоростью двадцать километров в час, то человек XIX века, будь он самым утонченным интеллектуалом и самым эрудированным эстетом, со всех ног побежит в вагон, где можно разуться и спать враспяжку».

Прогресс торопится весь мир перевести в офис с тонированными стеклами и переодеть историю в белые воротнички своих сторонников. Наследие уже нуждается не в любви, а в прямой защите, чтобы мир не потерял память, потому что память не тормоз самодовольного развития, а условие цветущей наследованной жизни. Древо познания Добра и Зла не зря соседствует в Господнем саду с Древом Жизни. Порознь они не растут.

Все мы о наследии-то будто не с того конца разговор начинаем. Зря что ли толстовский Пьер Безухов кричал в ночь: «И все это во мне! И все это я!», а уж потом и Бунин повторял этот урок в чудных стихах: «День вечереет, небо опустело. Гул молотилки слышен на гумне. Я вижу, слышу, счастлив — все во мне».

История не наука, а кровообращение, условие цельности души — Отец, Сын, Дух святой — Троица. Именно так по-земному и по-небесному — от отца к сыну через духовное единство. «Есть рублевская Троица — значит, есть Бог», как говорил отец Павел Флоренский. Да и Николай Константинович Рерих, которого мы чтим, чтим, которым гордились, гордились, да вдруг (вполне по-нашему) и отказали в духе и правде, тоже ведь в Пакте Мира — в великом своем движении, спасшем сотни великих памятников, не зря в сердце Знамени этого Пакта ту же Троицу помещал. И мы, было, услышали его идею и даже около десяти лет держали Знамя мира в Государственной Думе, напоминая себе о единстве религии, знания, искусства в кольце Культуры. Но только Николай Константинович уже в 1934 г., когда Знамя было еще только-только создано, уже знал, что общество ищет освобождения от обязанностей перед Культурой и с горечью писал, что все

слышнее в мире «к черту культуру — деньги на стол!» и «нельзя заниматься отвлеченностями». Вот и наша Дума услышала, что «хватит отвлеченности», и сняла Знамя. И вроде все в ее решениях и дельно, и с цифрами, а выходят отчего-то Военторг и «Детский мир», гибнет Архангельское, застраиваются Бородино и Куликово поле: «К черту культуру — деньги на стол!» А памятник начинается не с расчета, а именно с памяти, с Божьего единства, с единства Духа, Души и Тела, чем живет матушка-церковь, и оттого в памятники-то и попадает, что целое в нас бережет, к человеческому стволу прививает.

И когда мы с пути сбиваемся, памятник сам иногда выходит вперед и устыжает нас. Сколько лет я гляжу на Михайловское — не полстолетия ли? И уж каких только профессиональных реставраторских споров свидетелем не был! Что вот, де, у Пушкина и того не было, и этого и крестьян было всего-ничего. А сегодня работников в Заповеднике полтыщи, и ни тебе «калиток ветхих с обрушенным забором», ни «оставших обоев», о которых Александр Сергеевич доверчиво извещал читателей. А чудо и красота, свет и счастье, и каждая травинка — Пушкин, и каждый куст — поэзия! И ходишь, радуешься и думаешь: «Ах, пожил бы сегодня так хоть денек Александр Сергеевич! Никаким “порочным дворцом цирцей” было бы не выманить». И понимаю, что мы не переусердствовали в красоте, а только любяще отблагодарили! И еще благодарим — только не уезжай! Не оставляй нас! России не оставляй — вот тебе весна, черемуха, разлив Сороти, яблони, соловьи, вот лето, осень... Все приберем, хоть всем народом будем у тебя работать — только живи! И не так же ли в Тарханах, Ясной, Карабихе. И это, при внешних отступлениях от дословности — памятник и память, потому что любовь.

Все оправдано — было бы живо и памятно. И «мерседес» у александровского крыльца глядел бы породистой лошадей, когда бы хозяин, как Кристофер Муравьев-Апостол, приезжал и воскрешал усадьбу дедов (да хотя бы и не своих, не прямого деда, как Кристофер, а просто дедов — ибо по прошлому мы все родня) и слышал этих дедов в сердце, то и живи на здоровье — памятник примет в себя и сам оживет.

Только беда, что мы народом перестаем быть — всяк сам по себе. А как сказано в другой книге на соискание той же литературной премии: «Клетка, которая думает только о себе — раковая клетка». У памятников та особенность, что они — дети общей культуры. Они (и самые вроде заносчивые и норовящие стать на особицу) при разности эпох и стилей — дети истории и истории целой, которую по произволу меняющихся властей и идей не перешивают.

Не оттого ли мы и живем сегодня так «однодневно» и неуверенно и платим такую цену, что решили без ближней истории обойтись, без советского периода (будто его и не было), а памятники нашей хитрости не научились. Они хоть и мучились, а жили со страной единой жизнью. А коли начнут по нашему своеволию и беспамятству вычеркивать вчерашний день и притворяться *теми* (будто вчера родились), так и выйдет ложь, картинка, «лит-тература», как звал пустое нарядное слово Толстой.

Приведет судьба в Иркутск — поглядите на «130-й квартал». Он будет твердить о реставрации и воскрешении лучшей деревянной застройки, а мы увидим кукольную игру, гламурный театр. И уж не удивимся, что квартал окажется заселен пивными, ресторанами, сувенирными лавками и иными декоративностями для заезжего человека — «деньги на стол!». И мудрено ли, если строили (были подрядчиками) люди расчетливой мысли и рекламного миропонимания, поставившего на место традиции и души решительное «здесь и сейчас!», и дома, по внешности назначенные жить, как живали деды, внутренне — дети дня и рынка. Крестовоздвиженский храм с грустью поглядывает на ряженого в сибирского старика молодого соседа, догадываясь, что не скоро дождется его в свои прихожане. Пока здесь кланяются Гермесу. И так в ряженных кварталах Нижнего Новгорода, на «Золотой набережной» Пскова, на Ярославовом дворище Новгорода...

Опять вспоминаю рериховское Знамя — дух, душа, тело в кольце культуры; прошлое — настоящее — будущее в круге вечности. Да и с утра встанешь, перекрестишься в красный угол: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа». И живи, слушай это великое единство в себе, и не надо никаких обществ охраны памятников, потому что — от кого же их охранять? От своей памяти и любви, от своего сердца? Живи в истории дома, а не в гостях и любое здание, храм само выйдет навстречу и примет любую новость, потому что она рождена единством духа и уверенностью, что «все в тебе, и ты во всем». Может ли сын сознательно разрушать дело отца и деда?

«Ведь как просто», как торопил Толстой объединение добрых людей, раз злые едины. Но уже знал, что простое недосягаемо именно из-за простоты, потому что мир, к сожалению, предпочитает другое знамя — расчета и «успешности», триединство тела, тела и тела, «спать в растяжку в поезде, летящем со скоростью двадцать километров в час».

Ну что ж, значит, душа опять проиграла: «Ну, вяжи ее, ребята, снова наша не взяла». Значит, Обществу охраны памятников опять выходить на работу.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

Профессору И.Р. Бугаяну 70 лет

Илья Рубенович Бугаян — профессор, доктор экономических наук, академик-секретарь Ростовского отделения Академии философии хозяйства. Глубокий ученый и блестящий лектор, создатель теории доминантных факторов хозяйственного развития, российский патриот и верный гражданин. Умный, доброжелательный, товарищеский. Начиная инженером, продолжил карьеру экономистом-теоретиком, сейчас же полнокровный философ хозяйства. Прекрасный путь для русского мыслителя, не обременившего себя ложным честолюбием и не погрязшего в сладостной обыденности!

* * *

В сентябре 2013 г. по решению президиума Академии философии хозяйства за выдающийся вклад в российскую педагогическую культуру и высокое гражданское подвижничество генеральный директор ВДЦ «Орленок» **Александр Васильевич Джеус** награжден медалью С.Н. Булгакова «Свет Невечерний».

* * *

2 сентября 2013 г. в Государственном морском университете имени адмирала Ф.Ф. Ушакова (г. Новороссийск) состоялся методологический семинар по теме: «Феномен дирижизма в современной экономике: истоки, реальности, перспективы», организованный кафедрой экономической теории и мировой экономики.

С докладом на семинаре выступил директор ЦОН при МГУ, президент АФХ профессор Ю.М. Осипов. В прениях приняли участие начальник кафедры, действительный член АФХ, профессор В.В. Кашицын и профессор кафедры, действительный член АФХ В.И. Романченко.

* * *

19—20 сентября 2014 г. в г. Волжском на базе Волжского гуманитарного института (директор М.М. Гузев) под эгидой Волгоградского государственного университета (ректор О.В. Иншаков) с участием Центра общественных наук состоялась Международная научно-практическая конференция «Национальное богатство России в глобальных императивах», на которой директор ЦОН Ю.М. Осипов выступил с докладом «Понятие богатства в современных условиях и в новейших параметрах».

В рамках конференции под руководством Ю.М. Осипова состоялся круглый стол «Философско-хозяйственное осмысление богатства вообще и национального богатства в частности».

В конференции приняли участие действительные члены АФХ доктора наук М.М. Гузев (Волжский), С.В. Синяков (Киев, Украина), кандидаты наук И.П. Смирнов, В.В. Кашицын (Новороссийск), Е.С. Зотова, А.В. Андреева (Краснодар) и др.

Публикуем материал Ю.М. Осипова по теме конференции.

Ю.М. ОСИПОВ

Национальное богатство: феномен и трактовка

Аннотация. Что есть сегодня национальное богатство? Насколько богатство есть богатство и насколько оно сегодня национально?

Ключевые слова: богатство, национальное богатство, антибогатство, нация, экономика, глобализм, экономическая теория, философия хозяйства.

Abstract. What is a national wealth today? To what degree is wealth really wealth and how much is it national today?

Keywords: wealth, national wealth, anti-wealth, nation, economy, globalism, economic theory, philosophy of economy.

Политэкономия, а вслед за ней и экономическая теория (или научная экономия) любят говорить ничтоже сумняшеся о богатстве, благах, полезностях, напрочь забывая о таких вещах, как бесполезность, антиблаго («вредо»), и антибогатство («вредство»). Экономическая наука, далее, оказалась неспособной определить ни полезность, ни благо, ни богатство. Наркотики, к примеру — что это: полезность, благо, богатство? А мусор, ядовитые вещества, атомная бомба? И ежели деньги — полезность (несомненно!), благо (вроде бы тоже бесспорно) и богатство (кто бы сомневался?), то банки, деньгами ворочающие и люд трудо-предпринимательский обирающие, что это — полезность, благо, богатство? Так что неплохо бы со всем этим разобраться, но сделать это можно лишь за пределами лукавой теоретической экономии, включив такие критерии, как жизнь, мораль, позитив. Не все полезное — полезно, не все благовое — благово, не все богатственное — богатственно!

Опять же что включать в богатство, тем более национальное? Природные ресурсы, продукты, предметы потребления, орудия труда, сам труд, интеллект, знания, навыки? А работников, кормильцев, потреби-

телей, паразитов, бомжей — с ними как быть? А литературу, музыку, живопись, кино, ТВ — это-то все куда? А университеты, академии, школы, союзы писателей? В общем, богатство то вроде бы есть? и оно обширно, только вот из чего же оно состоит, если помимо материальных вещей оно включает вещи идеальные, помимо реальных — ирреальные, помимо действительных — мнимые, помимо полезных — бесполезные, помимо нужных — ненужные, помимо необходимых — излишние? Да и кто, какая нация, какая страна и в самом деле богаче, да и чем богаче? Разве аскет менее богат, чем гедонист, или рабочий по сравнению с фабрикантом, а-а?

Речь, видно, идет только об экономическом богатстве, а это, заметим, либо деньги (фикция!), либо однеженные (оцененные) вещи (что тоже фикция), что означает, что это никакое не богатство, — так что никакого экономического богатства просто нет!

И все-таки богатство есть, как и есть, по-видимому, национальное богатство! Да, есть, но как нечто *трансцендентное*, всеми вполне принимаемое как символ, знак, идея, но не как реальное собрание реального нечего. Тут нечего и ничто в теснейшем единении — *диалектической*! А потому богатство есть, но его и нет, а если и есть, то неизвестно какое, а ежели и известно какое, то условно, ограничено, неполно.

Теперь о национальности богатства. Да, нация вроде бы есть (как население государственно оформленной страны), и она, эта самая нация, вроде бы субъект странового (территориального) богатства. И тут возникает вопрос овладения богатством страны, его распоряжением. Всему ли богатству страны нация субъект — как собственник, распространитель, пользователь? А ежели половина хозяйства страны ведется иностранными агентами — собственниками, распорядителями, пользователями? А ежели половина нацдохода уходит за границу? А сам заграничный капитал в стране, что это — «наш-богатство» или «их-богатство»?

Да, трудолюбивая статистика выдает на гора данные по национальному богатству, которые есть не более чем «национальное богатство», то бишь нечто условное, ограниченное, неполное, но и в меру фиктивное, придуманное, лживое, в особенности, ежели в деньгах, которые сами суть первая фикция в экономике и есть (цены — вторая фикция, инфляция — третья, а за этими тремя и все остальные экономические параметры суть фикция).

Вывод: понятия богатства и национального богатства возможны, но лишь как понятия и только! Что же касается реального содержания самих феноменов богатства и национального богатства, то здесь человеку любознательному приходится довольствоваться не просто при-

близительными, а совершенно вольными ориентирами, параметрами и оценками, во всяком случае на агрегатном уровне.

* * *

26—30 сентября 2013 г. во Всероссийском детском центре «Орленок» (генеральный директор А.В. Джеус) в рамках Юбилейных Орленковских чтений—2013 состоялся симпозиум «Планетарный мир сегодня: большие перемены. Имперский вопрос: время и вечность (опыт просторной дискуссии — в двух темах)», организованный Центром общественных наук при участии экономического факультета МГУ, Кубанского государственного университета (Л.Н. Дробышевская, В.В. Чапля), ОАО «Приват-инвест» (генеральный директор Е.Г. Пономаренко, г. Краснодар) и Ивановского центра социальных исследований и просвещения имени С.Н. Булгакова (директор А.В. Петелин).

В чтениях приняли участие доктор наук Ю.М. Осипов, Л.Ю. Андреева (Ростов н/Д), И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), М.М. Гузев (Волжский), Л.Н. Дробышевская (Краснодар), Е.О. Миргородская (Ростов н/Д), С.С. Мишуков (Иваново), П.В. Павлов (Таганрог), В.Т. Рязанов (СПб.); кандидаты наук А.В. Андреева (Ростов н/Д), О.В. Доброчеев, Е.С. Зотова, А.А. Зубахин (Новомихайловский), В.В. Кашицын (Новороссийск), Е.Г. Пономаренко (Краснодар), В.И. Романченко (Новороссийск), И.П. Смирнов, Е.В. Шелкопляс (Иваново), В.В. Чапля (Краснодар), О.Д. Юнеева (Краснодар); научные сотрудники Т.С. Сухина, Т.Г. Трубицына.

Ведущий дискуссии — Ю.М. Осипов.

Программный комитет симпозиума:

Ю.М. Осипов, д.э.н., директор ЦОН при МГУ, профессор экономического факультета МГУ;

А.В. Джеус, к.психол.н., генеральный директор ВДЦ «Орленок»;

А.Ю. Архипов, д.э.н., профессор, директор Института экономики и внешнеэкономических связей ЮФУ (Ростов н/Д);

Л.Н. Дробышевская, д.э.н., профессор КубГУ (Краснодар);

В.Т. Рязанов, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономического факультета СПбГУ.

Оргкомитет симпозиума:

Е.С. Зотова, к.э.н., в.н.с. экономического факультета МГУ;

И.П. Смирнов, к.и.н., заместитель директора ЦОН;

В.В. Чапля, к.э.н., доцент КубГУ (Краснодар);

С.Г. Степанец, к.пед.н., начальник управления ВДЦ «Орленок»;

Т.С. Сухина, н.с. экономического факультета МГУ;

Т.Г. Трубицына, н.с. экономического факультета МГУ.

30 сентября 2013 г. Ю.М. Осипов принял участие в заседании администрации ВДЦ «Орленок» с сообщением о прошедшем симпозиуме и перспективах сотрудничества. Учитывая большой вклад ВДЦ «Орленок» и генерального директора ВДЦ А.В. Джеуса в проведение научных форумов с 2002 по 2013 г., а также его выдающийся личный вклад в российскую педагогическую культуру, Ю.М. Осипов, исполняя решение президиума Академии философии хозяйства, вручил А.В. Джеусу памятную медаль С.Н. Булгакова «Свет Невечерний».

В тот же день Ю.М. Осипов выступил перед собранием молодых депутатов Краснодарского края на тему: «Актуальное положение России».

Горьковатое послевкусие (послесловие к Орленку—2013)

На очередном (десятом по счету — юбилейном) орденковском симпозиуме были поставлены и обсуждались, скажем так, международные проблемы, но в их отношении к России, что то же самое — Россия в международном контексте. В центре внимания оказалась евразийская (постсоветская) межгосударственная интеграция (СНГ, Таможенный союз, ЕврАзЕс). Учитывались феномены общемировой глобализации, планетарной глокализации (партикуляризации, полицентровости, многополюсности), повсеместной имперIALности.

Дискуссия оказалась живой, полной заинтересованности, временами напряженной, а местами и весьма острой. Примечательно, что ораторы то и дело обращались к оценке внутренней ситуации в России, не очень-то, по их мнению, позволяющей проводить эффективную политику во внешней сфере. Какой-то из современной непроцветающей России может быть эффективный игрок на мировой арене, какой-то лидер-интегратор евразийского пространства? А если учесть еще и немалую нелюбовь, которую питают к России все или почти все постсоветские государства, как и ее никуда не девшуюся имперскость, весьма и грубую (Украина), то серьезных перспектив у России на международном поприще как-то на симпозиуме не увиделось.

Нет у ученого сообщества веры ни в Россию, ни в ее правительство, ни в первое в стране лицо! И оснований тут предостаточно: ни тебе полноценного развития, ни хотя бы заметненькой справедливости, ни сколько-нибудь эффективного руководства, ни вроде бы желанной неоиндустриализации, ни достаточно успешных международных отношений, ни потребной проективности, ни общей ладности. Не страна, а какой-то разоренный муравейник, чего-то лихорадочно ищущий, но ничего так в лихорадке и не находящий!

Тревожный симптом! Российский ученый мир не видит веских доводов в пользу конструктивной роли России на постсоветском пространстве, не питает сыновнего расположения к отчизне, не испытывает доверия к ее вкрадчивым «союзникам» и вынужденным горепопутчикам. Устал отечественный интеллект от неопределенностей, шараханий, фикций, лжи, очень устал! Даже позиция России по Сирии его не очень-то убеждает, и «содружество» с Белоруссией, и «дружба» с Казахстаном, и «братство» с Украиной, как и особые отношения с США и ЕС, как и пребывание России в перспективном вроде бы БРИКС.

Любопытный итог трехдневных дискуссионных бдений в державном «Орленке»!

Каким же на деле государством надо быть, чтобы вызывать во вполне патриотических умах столь «непатриотические» суждения, а-а?

Наблюдатель

* * *

12 октября 2013 г. в рамках VIII фестиваля науки МГУ по инициативе лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ состоялась коллективная публичная лекция профессоров Ю.М. Осипова, Л.А. Тутова и Н.Б. Шулевского на тему «Философия хозяйства как антикризисное мировоззренческое учение».

* * *

Анонсы

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли»

на тему:

Кризис в угоду человечеству: потери, перемены, обретения

Кризис бывает, чтобы человеку убедиться, понять, осознать, изменить и измениться, как и потерять и обрести. Так по преимуществу и случается, что вовсе не значит, что в необходимой мере и в нужном направлении. Ныне даже не кризис, а кризисное состояние всего бытия, если не вообще кризисное бытие. Кризис общепланетарен, он не во всем заметен, во многом скрыт, вялотекуч, хотя и неотвратимо упорен, раскатист, крайне затайлив, а потому особенно коварен, почти безысходен, всюю апокалиптичен. Контекстные причины и внутренние пружины кризиса. Что говорит человечеству нынешний кризис, что можно от него ожидать и на что рассчитывать человечеству? Если не на выход, то на какие последствия? Антикризисная функция философии хозяйства.

19 ноября 2013 г., в 15 часов

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ — VI МАЛЫЙ УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ФОРУМ

Международное воспроизводственное обустройство евразийского (постсоветского) пространства: экономика и политика

Современный планетарный мир — мир международного обустройства, региональной и мировой интеграции, тотальной глобализации. Всесторонне и плотно организованное хозяйственное пространство. Мир больших оргсистем. Мир-экономика, а наряду с ним и мир-политика. Евразия, постсоветское пространство, Россия и тяготеющие к взаимодействию евразийские и постсоветские субъекты-государства. Евразийская интеграционная концепция, ее отличие от европейской и любой имперской. Россия, Китай, Индия — основные устроительные игроки в Евразии, их возможное целостное взаимодействие. Не слияние и не союз, а договорный комплекс на основе и в рамках междуна-

*родной воспроизводственной солидарности. Проблемы, шансы, раз-
решения. Искомые плоды.*

Секции:

1. Евразия как пространство интеграционных возможностей.
2. Экономика больших целостных пространств и Евразия.
3. Евразийская стратегия: замыслы и реальности.

**Заявки с указанием темы и заполненную анкету просим пода-
вать (пересылать по электронной почте) до 20 ноября 2013 г.**

Тексты статей до 0,33 печатного листа принимаются в электронном и печатном виде (eszotova@mail.ru) до 15 января 2014 г. (требования к оформлению статей смотрите на сайте: МГУ, экономический факуль-тет, лаборатория философии хозяйства: <http://www.econ.msu.ru/cd/110/>).

Информация для иногородних: место в гостинице МГУ необхо-димо забронировать по e-mail: <eszotova@mail.ru> до 13 ноября 2013 г.
Контактный телефон: +7(495)9394183,

4—6 декабря 2013 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

**«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»**

на тему:

***Философия хозяйства и историософия
(философско-хозяйственный подход к историософии)***

История человечества есть история его хозяйства, понимаемого как реализация жизнеотправления человека. Вне хозяйства нет жизни, нет существования, нет бытия, нет и истории. Хозяйство — непрерывная бытийная реальность, а история — осознанная фикса-ция этой реальности во времени. Реальной истории нет, а потому история — та или иная трактовка. Учитывая хозяйство, можно «обреальить» историю — как историю хозяйства! Историческая фактология и историческая смыслология — не одно и то же. К по-следней ближе философия хозяйства с ее феноменом хозяйствующего человека, однако феномена столь же трансцендентного, сколь и им-манентного. Метафизика хозяйства на службе у метафизики исто-рии, если, конечно, признавать первичность первой над второй. Фило-софия хозяйства — величайшее подспорье для историософии, обре-тающей в связи с этим необходимую металогичность. Но, возможно,

*всё и не так — у философии хозяйства никакого тут приоритета.
Прекрасный повод для дискуссии!*

14 февраля 2014 г., вторник
МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

**«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»**

на тему:

***Советское хозяйство как феномен эпохи Модерна
(по случаю 60-летия со времени ухода из жизни И.В. Сталина)***

Советский период в истории России имеет как уникальное, так и великое значение. От драмы русской революции до трагедии советского (антисоветского) краха через перевороты, преобразования, репрессии, достижения, завоевания, победы, подъемы, застои, кризисы, маразмы, измены. Невероятный взлёт и немислимое падение. Непреходящая роль большевизма, И.В. Сталина и сталинизма. Некапиталистическая система. Тотальный этатизм. Подконтрольное экономическое начало. Прямой натурализм. Эксплуатация и производительно-творческий эффект. Советская цивилизация. Вершина и начало стагнации. Самоистребление и невозможность продуктивной самотрансформации. Остекленение. Завороженность. Непреклонное стремление к гибели. Внутренняя измена и внешнее разрушительное давление. Исчерпаемость и внезапный конец. Громадный и поучительный исторический урок. Что же это на самом деле было?

18 марта 2014 г., вторник
МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

Ломоносовские чтения — 2014

VII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

17—19 апреля

**Секция лаборатории философии хозяйства
*Инновационный дирижизм в современной
хозяйственной практике***

Научно-технический прогресс и инновационное развитие — процессы насколько самоприсходящие, настолько и централизованно

осознаваемые и в решающей мере субъективно из центров управляемые. Роль государств не переоценить!

Россия — страна государственническая. Отсюда особое значение государственного дирижизма в инновационной сфере, органично и эффективно сочетающегося с инициативами снизу. Дирижизм — не тотальное и директивное управление из центра, а настойчивая эффективная поддержка инновационных начинаний и побуждение к достижению чётко осознанных целей. Сегодня это неодирижизм, учитывающий неоиндустриальный характер хозяйства, его высокую технологичность, финансовый характер экономики, мирообусловленность научно-технического прогресса и инновационного развития.

Конструктивный государственный инновационный неодирижизм — ясный ответ на потребность времени и на острый вызов исторического момента.

Просим учесть, что публикация статей осуществляется до конференции! Пожалуйста, следите за сайтом экономического факультета, где будут указаны сроки и условия предоставления публикаций.

18 апреля 2014 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ

Философско-хозяйственная трактовка экономики

Философия хозяйства склонна не отождествлять «хозяйство» и «экономику», видя в последней лишь особенное по мотивам и организации хозяйство. Отсюда хозяйство не всегда экономика, хотя экономика, разумеется, всегда хозяйство.

Философия хозяйства дает свою интерпретацию экономики, видя в ней лишь один, пусть и универсальный, способ хозяйства, основанный на приоритетном использовании фундаментального метафизического феномена — феномена стоимости. Экономика — стоимостное хозяйство. Где стоимость, там и экономика, где экономика, там и стоимость. Стоимость — самое экономическое в экономике, это ядро экономики, ее «грааль». Экономика — это стоимость, ее движение, ее реализация, а стоимость в движении и реализации — экономика. В итоге иное понимание сути экономики, ее функциональной и исторической роли, места и значения в хозяйстве и в бытии человека.

16 июня 2014 г., четверг

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

ОРЛЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ—2014

**Кризис мира и мир кризиса
(эсхатологическая драма современности)**

Современный мир в кризисе, безусловно, в переходном, но в то же время и в апокалиптическом. Мир на краю, в борьбе миров, в сложной схватке Постмодерна (торжествующей ультрасовременности), Модерна (продолжающейся модернизации) и Премодерна (оставшей традиции). Постмодерн — не только не преодоление кризиса мира, но, наоборот, его генератор. Выход мира к Постмодерну — не выход мира из кризиса. Потребность преодоления Постмодерна через обращение к традиции, но не через нисхождение в Премодерн. Человечество не перед выбором, а внутри судьбы, уготованной ему исторической трансценденцией. Уж не сбываются ли библейские пророчества?

Сентябрь 2014 г.

**Пос. Новомихайловский, Краснодарский край
(по специальным приглашениям)**

* * *

VIII ФЕСТИВАЛЬ НАУКИ

**Лекция-дискуссия профессоров
Ю.М. Осипова, Л.А. Тутова и Н.Б. Шулевского**

на тему:

**Философия хозяйства в фундаментальной подготовке
экономистов**

Философия хозяйства сложилась в целостное знание, оставаясь открытой для новых суждений, смыслового и категориального обогащения, дальнейшего развития. Имеет место практика преподавания философии хозяйства в высшей школе, в МГУ. Ознакомление учащихся с основами философии хозяйства способствует расширению их профессионального кругозора, стимулирует творческие потенции. Пришло время более основательного внедрения философии хозяйства в образовательный процесс.

Октябрь 2014 г.

МГУ, экономический факультет

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»

на тему:

***Постмодерн: инфернализация гуманизма,
или От культуры к антикультуре***

Эпоха Премодерна — эпоха сакрализованной культуры. Эпоха Модерна — эпоха гуманизированной культуры. Постмодерн — эпоха инфернализированной антикультуры. От метафизики божественной (Премодерн, истоки) через метафизику человеческую (Модерн, классика) к метафизике античеловеческой (авангард). Сын Божий — сын природный — сын преисподний. Очеловечивание — человечение — расчеловечивание. Постмодерн как апокалиптический кризис человека, социума, культуры. Что дальше?

18 ноября 2014 г., вторник

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

***Российский антикризис: потребности, препятствия,
исходы (социум, государство, экономика, культура)***

Россия переживает затяжной системно-цивилизационный кризис, активно и глубоко обусловленный предпринятой с рубежа 1980—1990-х гг. тотальной и крайне рискованной трансформацией всего странового бытия, включая роспуск СССР и всестороннюю капитализацию Российской Федерации. Ныне Россия — совсем другая, чем была еще в 1980-е гг., страна — не вполне европейская, но зато вполне капиталистическая, хотя и с заметной феодально-самодержавной и монопольно-коррупционной спецификой. Страна со сложившимся в общих чертах строем, прошедшая в 2000-е гг. этап стабилизации, но не преодолевшая системно-цивилизационного кризиса, не вышедшая на беспорный подъем и не вступившая на путь несомненного — самостоятельного — развития. Антикризис, который вовсю просится в российскую актуальность, этой актуальностью вовсе не овладел. Он более в потенции и проекте, чем в реальности и деле. И, однако, будущее требует преодоления кризиса, что то же самое — торжества антикризиса. Здесь и вся историческая проблема: страна нуждается в антикризисе, а сложившийся строй, сам по себе качественно кризисный, антикризис отвергает. Отсюда потребность в целостном

перестроении, на которое правящий класс не решается. А жизнь требует решительных от него действий. Это ли не коллизия, тянущая к революционной ситуации?! Однако шансы у государственной власти есть: преодолевая кризис, преобразовать страну — преодолеть кризис. Трудно, затратно, невозможно, а надо! Есть, что обсудить в ходе научно-общественной дискуссии, предпринимаемой на пользу России и ее народа.

Секции:

1. Производительно-творческий антикризис, подъем и развитие России.
2. Государственный антикризис и национальное возрождение.
3. Культурный антикризис ради человека и общества.

Заявки с указанием темы и заполненную анкету просим подавать (пересылать по электронной почте) до 20 ноября 2014 г.

Тексты статей до 0,33 печатного листа принимаются в электронном и печатном виде (eszotova@mail.ru) до 15 января 2015 г. (требования к оформлению статей смотрите на сайте: МГУ, экономический факультет, лаборатория философии хозяйства: <http://www.econ.msu.ru/cd/110/>).

Информация для иногородних: место в гостинице МГУ необходимо забронировать по e-mail: <eszotova@mail.ru> до 13 ноября 2014 г. Контактный телефон: +7(495)9394183.

**3—5 декабря 2014 г., среда, четверг, пятница
МГУ, экономический факультет**

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

президент Академии философии хозяйства (АФХ), вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, председатель Философско-экономического ученого собрания; член Союза писателей России (*osipov.msu@mail.ru*).

ГИРЕНОК ФЕДОР ИВАНОВИЧ,

действительный член АФХ, действительный член АГН, д.ф.н., профессор, кафедра философской антропологии и комплексного изучения человека, философский факультет МГУ (*girenok@list.ru*).

КОРОЛЕВ ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра теории культуры, этики и эстетики, факультет философии и культурологии, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону) (*vkorolev@sfedu.ru*).

ШЕВЧЕНКО ИГОРЬ ГЕОРГИЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (*managerial@mail.ru*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра философии и методологии экономики, экономический факультет МГУ; заместитель директора, Центр общественных наук МГУ (*shylevsk@mail.ru*).

БУЗГАЛИН АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ,

д.э.н., профессор, кафедра политической экономики, экономический факультет МГУ (*buzgalin@mail.ru*).

РУМЯНЦЕВ МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ,

действительный член АФХ, к.э.н., доцент, кафедра экономической теории, Санкт-Петербургский государственный университет (*churila@yandex.ru*).

КУЗНЕЦОВ АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

д.э.н., ведущий научный сотрудник, отдел глобальных систем современной цивилизации, Институт мировой экономики и международ-

ных отношений НАН Украины (г. Киев, Украина)
(kuznetsov0572@mail.ru).

ИППОЛИТОВ ЛЕОНИД МИХАЙЛОВИЧ,

к.э.н., доцент, кафедра экономических и финансовых дисциплин,
Московский гуманитарный университет (ilm74@bk.ru).

ЭЛОЯН МАРИНА РИНАЛЬДОВНА,

действительный член АФХ, д.ф.н., доцент, профессор, Азовский
технологический институт Донского государственного технического
университета (marina.eloyan@mail.ru).

ДЯТЛОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ,

действительный член АФХ, РАЕН, д.э.н., д-р права, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет экономики и фи-
нансов (dyatlovsergal@yandex.ru).

СИЗОВ ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, ректор, Вятский
социально-экономический институт (г. Киров) (rektor@vsei.ru).

РАСКАЗОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЕВНА,

к.и.н., доцент, кафедра экономической теории, истории и политики,
Пензенский государственный университет (ras-nat@mail.ru).

ГОТНОГА АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ,

к.ф.н., доцент, кафедра философии и социально-политических
дисциплин, Амурский гуманитарно-педагогический государственный
университет (г. Комсомольск-на-Амуре) (gotnoga@list.ru).

ШИРОКАЛОВА ГАЛИНА СЕРГЕЕВНА,

д.соц.н., заведующая кафедрой философии, социологии и
политологии, Нижегородская государственная сельскохозяйственная
академия (shirokalova@list.ru).

ЗАЛЕТНЫЙ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ,

к.э.н., к.ф.н., старший научный сотрудник, лаборатория по изуче-
нию рыночной экономики, экономический факультет МГУ
(zaletny@hotmail.com).

КИЯНОВА ЛИЛИЯ ДМИТРИЕВНА,

к.э.н., доцент, руководитель Академии экономики и бизнеса, Ин-
ститут управления, бизнеса и права (г. Ростов-на-Дону)
(ailove@yandex.ru).

ФОРОСТ ЕКАТЕРИНА ВАЛЕРЬЕВНА,
аспирант, экономический факультет, Институт управления, бизнеса
и права (г. Ростов-на-Дону) (*ailove@yandex.ru*).

СИНЯКОВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,
действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра философии,
Национальный транспортный университет (г. Киев, Украина)
(*olga_zemtsova@ukr.net*).

КРАВЧЕНКО АЛЛА АНАТОЛЬЕВНА,
к.и.н., докторант, Национальный педагогический университет
им. М. Драгоманова (г. Киев, Украина) (*ilin_w@ukr.net*).

КАМАЛОВ ЭМИЛЬ АЛЬФРЕДОВИЧ,
аспирант, кафедра философии и социологии, филиал Казанского
федерального университета в г. Елабуга (*emil.pianist@mail.ru*).

НАЗАРОВ ИЛЬЯ ВЛАДИСЛАВОВИЧ,
действительный член АФХ, к.э.н., доцент, экономический факуль-
тет, Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко
(*krfo@rambler.ru*).

КРЕМЕНЬ ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА,
к.полит.н., докторант, философский факультет, Киевский нацио-
нальный университет имени Тараса Шевченко (*ilin_w@ukr.net*).

БИРЮКОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,
действительный член АФХ, д.полит.н., профессор, Кемеровский
государственный университет (*birs.07@mail.ru*).

ЗЛЫГОСТЕВА НАТАЛЬЯ ИЛЬИНИЧНА,
действительный член АФХ, к.ф.н., доцент, кафедра философии,
Вятский социально-экономический институт (г. Киров)
(*nauka@vsei.ru*).

КУРБАТОВ ВАЛЕНТИН ЯКОВЛЕВИЧ,
действительный член АФХ, член Общественной палаты России,
писатель (г. Псков) (*wk2909@mail.ru*).

Научно-образовательный журнал «Философия хозяйства»

Центр общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, экономический факультет МГУ продолжают в 2014 г. выпуск научно-образовательного журнала «Философия хозяйства», призванного отражать новейшие мировоззренческие и общетеоретические искания современной гуманитарной, экономической и философской, обществоведческой науки, нацеленные на комплексное и сущностное осмысление актуальных проблем, стоящих перед хозяйствующим человечеством, мировым экономическим и политическим сообществом, Россией. Философия хозяйства — особая сфера знания о человеке, его жизни и хозяйственной деятельности, для которой характерны проблемы и смыслы, сопряженные с феноменом человека вообще, началами и целями жизни, устремлениями человека хозяйствующего и творящего, историческими судьбами человека и мира.

Научное направление издания: исследования в области гуманитарных и общественных наук, развитие научного направления философии хозяйства и примыкающих к нему отраслей знаний, создание условий для свободного научного творчества, выражения различных мнений, дискуссий, способствующих развитию фундаментального и прикладного знания.

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом не более 12 страниц, т. е. не более 20 000 знаков (без пробелов).

К статье обязательно должны прилагаться: электронная версия (файл на дискете 3,5 или присланный по электронной почте на адрес: eszotova@mail.ru); сведения об авторах (имя и отчество полностью — без сокращений, научная степень, место работы, должность, контактный телефон, адрес, e-mail); аннотация и список ключевых слов (на русском и английском языках), а также название на английском языке. Прикрепленный файл — неархивированный. Формат doc.

Требования к электронной версии: текст статьи в формате Word for Windows шрифтом Times New Roman, размером 14 pt, через 1,5 интервала.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Источники представляются в порядке цитирования в тексте. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]).

Таблицы должны выполняться табличными ячейками Word. Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Графики должны быть построены с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные). Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word.

Редакция плату за публикацию не взимает, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 20 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331. Контактный тел. (495)939-4183. По вопросам распространения журнала обращаться к Ирине Анатольевне Ольховой (пн., чт., 14.00—18.00).

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам редакционно-издательского совета (РИСО).

2. Обязательному рецензированию подлежат тексты соискателей ученых степеней, а также присылаемые в редакцию статьи.

3. Не рецензируются по усмотрению редакции статьи:

- заказываемые приоритетным авторам редакцией журнала;
- подготовленные авторитетными в стране и за рубежом учеными и специалистами, а также высококвалифицированными авторами, регулярно публикующимися в журнале;
- авторами которых являются члены РИСО.

4. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

5. В отдельных случаях рецензирование проводится конфиденциально. Автору рецензируемой работы предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

6. Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то она направляется автору на доработку.

7. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором.

8. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и РИСО, сохраняются.